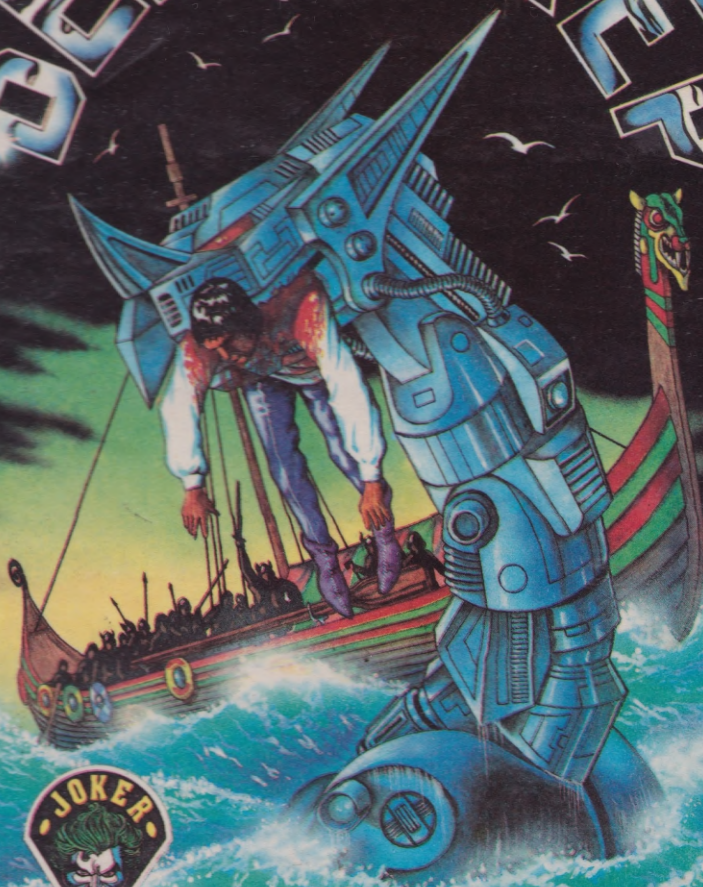

ФРЕД САБЕРХАГЕН

КОРВЕЯРЖЕ

JOKER
BOOK

ФРЕД САБЕРХАГЕН

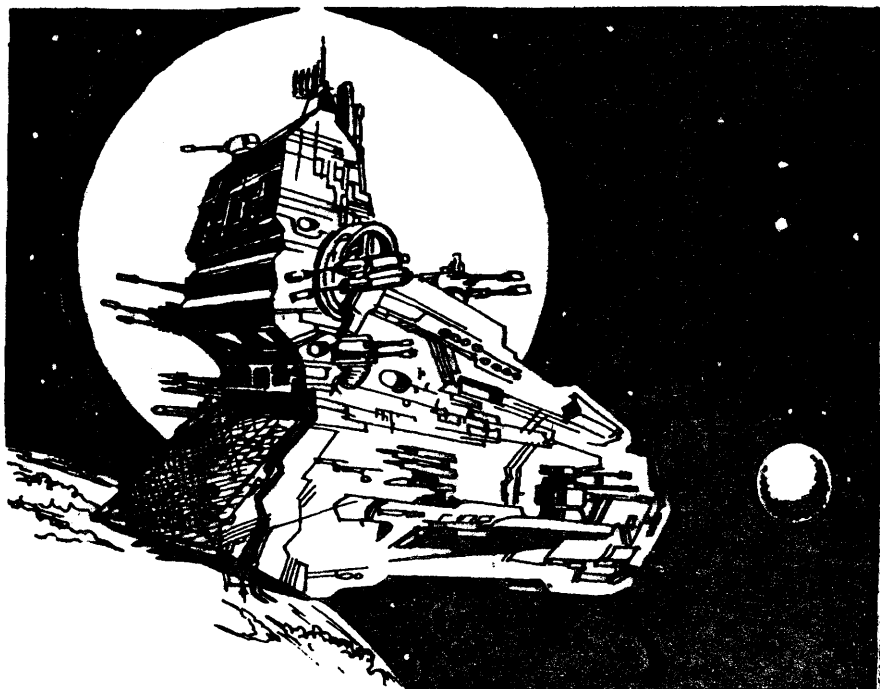
1

ФРЕД САБЕРХАГЕН

ФРЕД САБЕРХАГЕН

БЕРСЕРКЕР

РИПОЛ
«Джокер»

1992

СЕРИЯ «ДЖОКЕР»
Фантастические романы

Составитель
Андронкин Кирилл Юрьевич
Оформитель
Атрошенко Сергей Петрович
Главный редактор
Молчанова Ирина Давидовна

Редактор
Стахов В.Д.
Корректор
Зубина К.И.
Технический редактор
Решетова А.Е.

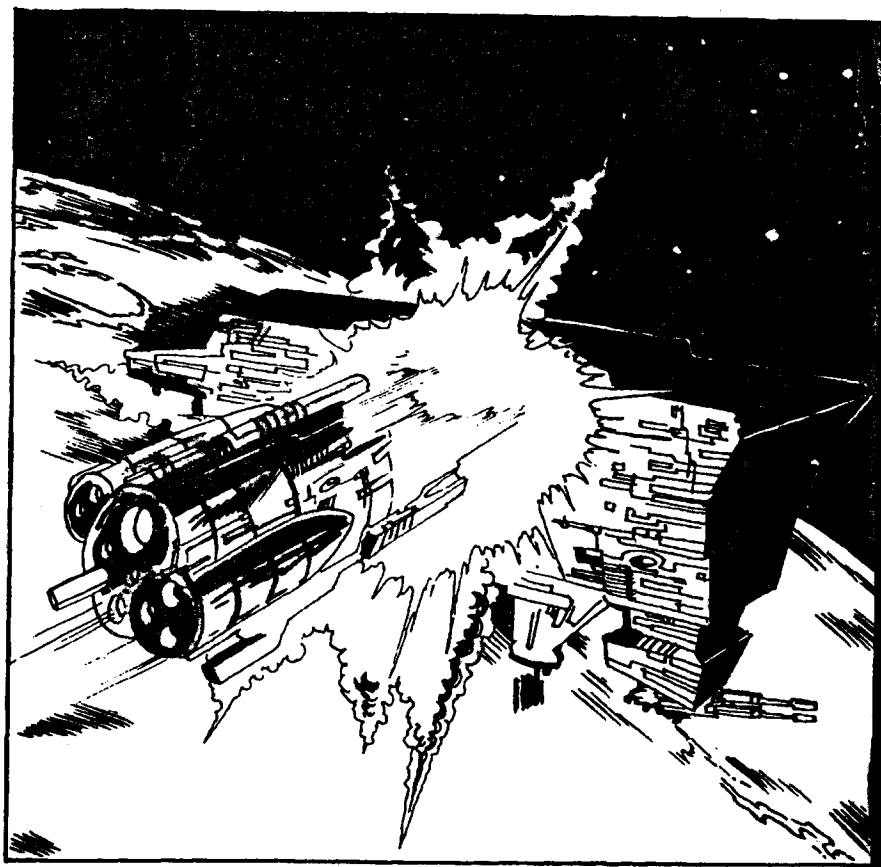
Грандиозные, жестокие космические войны, борьба за власть в галактических империях, схватки человечества с машинами-убийцами, романтические, полные опасности приключения и путешествия во времени — все это найдет читатель в увлекательных романах знаменитого американского фантаста Фреда Саберхагена.

Эта книга открывает серию «Джокер», в которую войдут лучшие произведения зарубежной фантастики, до сих пор не известные нашему читателю.

С $\frac{4703040100-002}{070219-92}$ без объявл.

ISBN 5-87012-002-6 © РИПОЛ, ТПО «Аспект», Джокер, 1992

БЕРСЕРКЕР

«Я, третий историк Карпманской цивилизации, в благодарность за все, что потомки землян сделали, защищая мою планету, взял на себя смелость составить эти далеко не полные записки об их великой войне против нашего общего врага.

Цельная картина создавалась постепенно, фрагмент за фрагментом, которые я подбирал из прошлого и настоящего, входя в контакт с сознаниями людей и даже машин. Некоторые вещи были мне непонятны, но я постарался запечатлеть правдивую историю деяний сынов Земли, великих и рядовых, их слова и даже мысли.

Углубившись в прошлое, я обнаружил, что в двадцатом веке по старому земному христианскому календарю, ваши земные праотцы построили первые радиодетекторы для прощупывания межзвездных глубин. И настал день, когда Земля услышала первый шепот на инопланетном языке. Вселенная вдруг стала во много крат реальней для народов и племен земного шара.

Они физически почувствовали окружающую бесконечность, непонятный, странный, безграничный мир. Возможно, он был враждебен землянам, которые сразу почувствовали себя крошечными. Их жизнь изменилась, как меняется жизнь племени на океанском атолле, вдруг обнаружившем существование могучих заокеанских государств. Так и народы земного шара начали постепенно прекращать междуусобицы и конфликты.

В том же двадцатом веке люди Старой Земли сделали первые шаги в космос. Они записывали и изучали обрывки наших передач. Когда они научились летать в пространстве быстрее света, они начали искать нас по нашим радиоголосам.

Наши цивилизации долго и осторожно изучали друг друга, соблюдая все меры предосторожности. Ведь мы, кармпанцы, менее энергичны, чем земляне. Мы живем в разных условиях, и мышление происходит у нас непохожими путями. Для Земли мы опасности не представляли. Мы старались любой ценой сохранить мир и покой в отношениях, избегая малейшего давления на землян. Но увь, настал день, когда мы пожалели, что не умеем воевать.

Земляне отыскивали ряд планет, где их колонии процветали под теплым светом солнца, похожих на родное. Большие и малые колонии усеяли весь сегмент нашего рукава Галактики. Ваши колонисты и исследователи начали воспринимать космос как место безопасное, полное гостеприимных планет, которые оставалось лишь срывать, словно зрелые плоды.

Многочисленные цивилизации, окружавшие вас, были настроены дружелюбно. Чувство опасности постепенно притупилось, воображаемые проблемы перестали занимать умы. Вы снова позволили вспыхнуть междуусобному конфликту.

Межзвездного закона не существовало. На каждой планете, в каждой колонии местные вожди и правители рвались к личной власти, манипулируя населением с помощью воображаемых — или реальных — угроз со стороны других колоний.

Потом наступил день, когда слышались новые, незнакомые радиоголоса, говорившие на языке математических формул. Земные колонии, разделенные подозрительностью, готовились тем временем к войне.

На этот раз готовность к насилию

оказалась важным фактором выживания. Нам, кармпанцам, пассивным наблюдателям и естественным телепатам, казалось, что вы пронесли бремя войн сквозь историю Земли только ради этого момента, когда ваш ужасный опыт вдруг стал решающим.

Когда час пробил и без предупреждения нагрянул космический враг, вы уже были готовы, вы уже создали огромные боевые флоты. Вы распылились по множеству планет, вооружились до зубов. Только благодаря этому вы и мы сейчас живем.

При всей тонкости кармпанской философии, психологии и логики помочь себе мы были бессильны. Наше искусство сохранять мир, развивать и поддерживать взаимное уважение и терпимость оказалось бесполезным — наш враг был мертв изначально.

Что есть мысль, рождаемая машиной?»

1

НЕ ЗАДУМЫВАЯСЬ

Это была машина-крепость, машина-корабль, стальное космическое существо, построенное в незапамятные времена с одной целью — уничтожать любую жизнь. Такие машины достались земным исследователям в наследство как последствия древней межзвездной войны, кончившейся в такие давние времена, что ни один земной календарь не годился для исчисления. Подобная машина-крепость, зависнув над освоенной планетой, за два дня превращала поверхность в слой пыли и пара.

В войне с людьми эти машины постоянно варьировали тактику, причем самым непредсказуемым образом. Их древние создатели снабдили машинное сознание фактором случайности. Машины выбирали варианты наугад, но подчиняясь общему принципу — уничтожить как можно больше живых существ. Как считали ученые, план

битвы выбирался специальным блоком случайности, работавшим на энергии распада одного из долгоживущих изотопов. Этот блок был спрятан в самом сердце машины, в ее самых тайных недрах. Поэтому человек или компьютер не могли прогнозировать действия этой машины.

Люди называли их берсеркерами.

Дел Мюррей, в прошлом специалист по компьютерам, часто называл берсеркеров словами похуже. Но сейчас ему было не до этого. Он метался по тесной кабине своего одноместного боевого корабля, вставляя запасные схемы, блоки и платы вместо поврежденных последним залпом берсеркера. Ракета едва их не накрыла: в кабине Дел был не один, его товарищем было животное, размерами и внешним видом похожее на собаку, но с передними конечностями, как у обезьяны. Этими лапами собакоо-безьяна сейчас держала пачку гермозаплат. Кабина, словно легким туманом, наполнялась дымкой. Там, где движение тумана выдавало течь в корпусе, собакообезьяна прищелкивала гермозаплату.

— «Наперстянка», «Наперстянка!» — начал громко вызывать Мюррей.

— Мюррей, это «Наперстянка»! — Кабину наполнил неожиданно громкий голос. — Ты далеко от него?

От усталости Дел даже не обрадовался тому, что связь работает.

— Через минуту сообщу. По крайней мере, он больше не стреляет. Отойди, Ньютон.

Собакообезьяна, бывшая на самом деле инопланетным животным, которое на родной планете называлось «айан», верный друг и помощник Мюррея, отодвинулась в сторону, продолжая с завидной настойчивостью искать прорехи в корпусе.

Дел пристегнулся к большому амортизационному креслу управления. На это ушла целая минута. Теперь перед ним был пульт. Последний залп берсеркера наполнил кабину мелкими опасными осколками, но человеку и айану повезло: они даже не были ранены.

Когда включился радар, Дел сказал:

— «Наперстянка», от меня до него примерно девяносто миль. С противоположной относительно вас стороны.

Эту позицию Дел стремился занять с самого начала боя. Два земных корабля и берсеркер висели в пространстве на расстоянии в половину светового года от ближайшей звезды. Пока корабли находились рядом, машина

смерти не могла совершить подпространственный прыжок к звезде и ее незащищенным планетам-колониям. «Наперстянка» была больше корабля Дела, на ее борту находилось двое людей и оборудования у них было больше. Все равно оба земных корабля казались лилипутами рядом с громадой берсеркера.

На экране радара Дел видел древнюю металлическую гору, в поперечнике не уступавшую штату Нью-Джерси. Удары людей оставили свои следы на поверхности гиганта: шрамы, кратеры величиной с остров Манхеттен, застывшие озера металла.

Но энергия и мощь берсеркера были еще грандиозны. До сих пор никому не удавалось выйти из битвы с ним живым. Он мог бы разделаться с корабликом Дела, как с комаром. Но в равнодушии врага чувствовался особый привкус ужаса: люди ничем не могли испугать машину-убийцу, а она могла, и очень сильно.

В результате горьких поражений люди разработали тактику боя с берсеркером. Она требовала одновременного нападения тремя кораблями. «Наперстянка» и Мюррей — пока их было только два. Третий корабль спешил к ним сквозь подпространство на сверхсветовой скорости, но был все еще в восьми часах пути. Оставалось, сдерживая берсеркера, тянуть время. И гадать, какой очередной непредсказуемый ход сделает смертоносный колосс.

Может, он атакует корабли поодиночке. Или попробует отступить. Или будет выжидать, предоставляя людям сделать первый ход. Берсеркеры изучили язык земляно-космопроходцев, поэтому машина могла с ними заговорить. В любом случае цель одна — уничтожать, уничтожать все живое на своем пути. Такова была программа, вложенная в берсеркеров древними воинственными Создателями.

Тысячу лет назад берсеркер, не теряя времени, смел бы с дороги оба земных кораблика. Но теперь он, наверное, понимал, что столетия сражений ослабили его потенциал. Быть может, битвы в разных точках Галактики научили его осторожности.

Детекторы неожиданно отметили появление силового поля позади корабля Дела. Подобно медвежьим лапам, они охватили корабль в кольцо, отрезая путь к отступлению. Дел замер, ожидая последнего смертельного удара. Его рука повисла над красной кнопкой — нажатие на нее запускало ракеты с ядерными боеголовками. Нет, для атаки нужны три корабля: если Дел атакует сам или с

«Наперстянкой», берсеркер распылит их на атомы и двинется уничтожать колонии. Красная кнопка была последним отчаянным средством.

Дел сообщал о появлении силовой ловушки, когда почувствовал признак новой атаки.

— Ньютон! — громко позвал он, не выключая связи. На втором корабле услышат и поймут, что происходит.

Айан шариком выкатился из собственного боевого кресла и замер перед хозяином, как загипнотизированный. Все его внимание было обращено на человека. Дел любил иногда похвастаться: «Если показать моему Ньютону картинку с разноцветными огоньками, убедить его, что это панель управления, он будет нажимать кнопки пульта, пока настоящая панель не приобретет тот же вид, что и на картинке».

Но айаны не имели человеческой способности мыслить абстрактно и не могли этому обучиться. Вот потому Дел и намеревался передать Ньютону командование кораблем.

Он выключил компьютер — пользы от машины было не больше, чем от его собственного мозга в условиях надвигающейся атаки, — а потом приказал айану:

— Режим «зомби»!

Айан среагировал мгновенно. Он ухватил Дела за запястья и аккуратно завел его руки за спинку кресла, где были устроены специальные наручники.

Принципы нового ментального орудия берсеркеров были еще непонятны людям, но горький опыт научил их мерам предосторожности. Во-первых, атака начиналась постепенно, достигала пика воздействия не сразу. Во-вторых, пиковое воздействие можно было поддерживать только в течение двух часов. После этого берсеркер прекращал атаку на примерно такое же время. Но в течение двух часов ментального воздействия луч берсеркера начисто лишал человеческий мозг или компьютер способности планировать и прогнозировать. Хуже всего, что в подобном состоянии человек ничего неправильного не замечал и думал, что все идет нормально.

Так и сейчас Делу казалось, что все это происходило уже неоднократно. Ньютон, смешной чудак, пожалуй, зашел слишком далеко со своими выходками: он бросил коробочки с разноцветными бусинами — свои любимые игрушки — и принялся нажимать на клавиши пульта. Панель подмигивала разноцветными индикаторами. Поскольку играть с Делом ему не хотелось, он привязал Дела к креслу. Негодяй! Это просто недопустимо, учитывая,

что происходит сражение. Дел, попробовав освободить руки, позвал Ньютона.

Ньютон в ответ заворчал и остался у пульта.

— Ньютон, хорошая собачка, а ну, отпусти мои руки. Я знаю, я должен сказать «Четыре и семь...» Эй, Нют, где твои игрушки? Я хочу посмотреть на твои бусины.

На корабле было несколько сот маленьких коробочек с бусинами — остатки какого-то груза. Ньютон любил их сортировать. Дел, довольный собственной находчивостью, усмехнулся. Он отвлечет внимание Ньютона, а потом... идея незаметно растворилась в хаосе, наполнявшем сознание Дела.

Ньютон, повизгивая и подвывая, не покидал как его и учили пульта: корабль совершал сложные маневры, создавая иллюзию, что им продолжает управлять человек. Лапы Ньютона не приближались к красной кнопке. Он нажмет ее только, если будет смертельно ранен сам или обнаружит, что Дел мертв.

— Вас понял, Мюррей, — сказал передатчик голосом с «Наперстянки», словно подтверждая получение сообщения. Иногда «Наперстянка» добавляла несколько цифр или слов, которые могли что-то означать, но Дел только удивлялся — о чем это они там толкуют?

Наконец, до него дошло, что «Наперстянка» старается поддержать иллюзию, будто бы кораблем Мюррея управляют надежные руки его капитана. Он почувствовал страх. Это был первый признак конца ментальной атаки, и значит, он пережил еще одну. Зловещий полутений-полубезумец, берсеркер прекратил работу ментального луча как раз в тот момент, когда успех был близок. Возможно, машина была введена в заблуждение или следовала стратегии избегать предсказуемых действий любой ценой.

— Ньютон!

Айан, услышав перемену в тоне, повернул голову. Теперь Дел мог произнести условную формулу-пароль, которая заставит Ньютона освободить хозяина, показав, что последний больше не подвергается воздействию мозгового оружия. Пароль был достаточно длинным, чтобы человек не смог его повторить во время ментальной атаки.

— «... не исчезнет с лица Земли!» — произнес он финальную фразу. Радостно взвизгнув, Ньютон освободил запястья капитана от пут. Дел тут же повернулся к передатчику.

— Атака пошла на убыль, «Наперстянка»! — раздался голос Дела в кабине управления второго корабля.

Капитан «Наперстянки» облегченно вздохнул:

— Он снова в своем уме!

Помощник капитана сказал:

— У нас есть маленький шанс на следующие два часа. Слушай, давай нападём прямо сейчас!

Капитан медленно, но без тени колебаний покачал головой:

— При двух кораблях шансы равны нулю. «Хитрая штучка» будет здесь не раньше четырех часов. Если мы хотим победить, нужно тянуть время, но если он еще раз нанесет по Делу ментальный удар, я начну атаку! Этот монстр водит нас за нос... Мы за пределами зоны ментального луча, но Делу не отступить, он в силовой западне. Айан вести бой вместе Дела не в состоянии, может только имитировать. Если погибнет Дел, нам крышка.

Капитан пристально смотрел на пульт.

— Будем ждать. Если бы на все сто можно было сказать, что во время следующего ментального воздействия берсеркер решит атаковать, то...

Вдруг заговорил сам берсеркер. Его радиоголос наполнил тесные рубки обоих кораблей.

— У меня есть предложение, малютка! — У голоса был необычный, какой-то квакающе-детский оттенок. Он был синтезирован из обрывков радиопередач, из голосов мужчин, женщин, детей, рассортированных и словно наколотых на булавки, как бабочки в коллекции. Наверняка пленных он убивал, получив всю нужную информацию.

— Ну? — Голос Дела казался во сто раз более уверенным и мужественным.

— Я придумал игру. Сыграем в нее? Если ты будешь играть хорошо, я не стану убивать тебя сразу.

— Что-то новенькое, — пробормотал помощник.

Три секунды глубокомысленного молчания. Потом капитан ударил кулаком по подлокотнику боевого кресла.

— Он хочет просканировать сознание Дела, чтобы откалибровать ментальный луч, испытать разные модуляции и их воздействие на человека. Как только берсеркер убедится, что луч оказывает нужное воздействие, он немедленно атакует. Спорю на что угодно, металлический монстр задумал именно это!

— Я обдумал твоё предложение, — хладнокровно ответил берсеркеру Дел.

— Он спешит начать, — заметил капитан. — Раньше двух часов берсеркер луч не включит.

— Но двух часов не хватит!

Голос Дела:

— Опиши правила игры.

— Это упрощенная версия вашей игры «шашки».

Капитан и помощник переглянулись. Они не могли представить Ньютона, играющего в шашки, и не сомневались, что если Ньютон с игрой не справится, они будут мертвы через два с чем-то часа, а их планеты окажутся под неминуемой угрозой уничтожения.

Минуту спустя голос Дела произнес:

— Чем мы заменим доску?

— Будем передавать ходы по радио. — Берсеркер принялся описывать похожую на шашки игру, только на доске меньших размеров и с меньшим количеством шашек. На первый взгляд ничего сложного в игре не было. Просто играть в нее мог только человек или машина с процессором, способным планировать и прогнозировать.

— Если я соглашусь играть, — сказал Дел, — кто будет ходить первым?

— Он тянет время, — сказал капитан, грызя ноготь большого пальца. — И мы ничего не можем посоветовать, эта тварь тут же перехватит передачу. Держи ухо остро, Дел, мой мальчик.

— Для простоты, — сказал берсеркер, — в каждой партии первым ходить буду я.

Когда Дел закончил оборудовать доску для игры, у него оставался еще час нормальной работы сознания. Для игры использовались фишки со штырьками. Перемещение фишек автоматически передавалось берсеркеру. Огоньки на клетках показывали Делу ходы фишек противника. Дел заготовил запись разных многозначительных реплик типа «Продолжаем игру!» или «Сдаешься?» на случай, если берсеркер заговорит с ним во время работы ментального луча.

Противнику Дел не спешил сообщать о готовности: только что придуманная система должна была позволить Ньютону играть в этот вариант шашек.

Не бросая работы, Дел тихо засмеялся и взглянул на Ньютона: айан отдыхал на кушетке, с любимыми коробочками в лапах. Чтобы осуществить задуманное Делом, айану придется напрячь все свои умственные способно-

сти до предела. Но Дел не видел причин, по которым его помощник мог бы не справиться.

Дел тщательно проанализировал игру в упрощенные шашки и составил диаграммы всех возможных позиций, с которыми мог столкнуться айан. Так как первым всегда будет ходить берсеркер, айану нужно делать лишь четные ходы. Эти позиции Дел нанес на маленькие карточки. На каждой карточке Дел указал наилучший возможный ход — в виде стрелки. Оставалось научить айана играть с помощью карточек, смотреть на них, сопоставлять позиции на доске и диаграммах, выбирать лучший ход...

— Ай-ай-ай! — сказал вдруг Дел и застыл, глядя в пространство. Ньютон тревожно заворчал.

Однажды Дел участвовал в сеансе одновременной игры, шестьдесят игроков против чемпиона Бланкеншипа. Дел продержался до середины партии. Потом, когда великий мастер в очередной раз остановился напротив его доски, Дел сделал ход пешкой, уверенный, что занимает выгодную позицию с которой можно начинать контратаку. Бланкеншип поставил ладью на невинного вида клетку и Дел увидел надвигающийся конец. Ему грозил мат в четыре хода. И было на один ход слишком поздно что-то предпринимать.

Капитан «Наперстянки» вдруг громко и внятно выругался.

— Что случилось? — удивленно спросил помощник.

— Кажется, мы влипли. Я думал, Мюррей изобретет систему, чтобы Ньютон мог играть вместо него во время ментальной атаки. Ничего не выйдет. Ньютон всегда будет делать тот же самый ход в одинаковых позициях. Может, система и идеальная, но люди так не играют. Они делают ошибки, меняют тактику, стратегию. Более того, человек научается играть по ходу самой игры! С каждой партией он играет лучше и лучше. Именно это выдаст Ньютона, именно на это рассчитывает бандит-берсеркер. Наверное, он знает об айанах. И как только убедится, что его противник — глупое животное, а не человек или компьютер...

Некоторое время спустя помощник сказал:

— Они начали передавать сигналы ходов. Игра уже идет. Может, и нам стоит смастерить доску, чтобы мы могли следить за игрой?

— Лучше подготовимся действовать, — и капитан с тоской посмотрел на красную кнопку ядерного залпа,

потом на часы: до появления третьего корабля оставалось часа два, не меньше.

Помошник вскоре сказал:

— Кажется, сигнал конца первой партии. Если я правильно понял, Дел проиграл... — Сэр, берсеркер включил ментальный луч! Теперь Дел под его воздействием...

Капитан промолчал, говорить было нечего. Двое космонавтов молча ждали атаки врага, надеясь, что в последние секунды жизни успеют нанести противнику ощутимый урон.

— Вторая партия, — озадаченно сказал помощник. — «Поехали дальше!» Это был голос Мюррея!

— Он мог приготовить запись. Наверняка он придумал какой-то план, и сейчас за него играет Ньютон. Но берсеркера ему не обмануть. Рано или поздно он поймет...

Время ползло, как улитка.

— Первые четыре партии он проиграл, — сказал помощник. — Но ходов не повторяет. Жаль, что мы не смастерили доску...

— Да оставь ты с этой доской! Мы бы тогда вместо пульта смотрели на нее. Будь внимателен, не теряй бдительности.

Несколько минут спустя помощник прошептал:

— Будь я проклят...

— Что?

— Дел свел партию в ничью.

— Тогда он не под лучом... Ты уверен?

— Ментальный луч работает! Вот, такая же индикация, как и во время прошлой атаки. Берсеркер бомбардирует Дела уже почти час, и мощность растет.

Капитан смотрел на пульт, не веря своим глазам. Но он доверял компетентности помощника и индикаторам на панели.

— Тогда кто-то или что-то, не имеющее аналитического сознания, учится сейчас играть вместо Дела. Ха-ха, — раздельно сказал капитан, будто вспоминая, как нужно смеяться.

Берсеркер выиграл еще партию, потом снова была ничья. Потом три ничьих подряд.

Голос Дела хладнокровно произнес:

— Сдаешься?

И ход спустя он проиграл партию. Но следующая опять завершилась вничью. Делу явно требовалось боль-

ше времени на один ход, чем берсеркеру. Но он все равно играл достаточно быстро, чтобы не вызывать у машины подозрений.

— Он меняет модуляции ментального луча, — взволнованно доложил первый помощник. — И мощность поднял...

— Ага, — пробормотал капитан.

Он несколько раз порывался связаться с Делом, передать пару ободряющих слов, чтобы хоть как-то разрядить напряжение пассивного ожидания. Но он не решился riskнуть, опасаясь разрушить чудо.

Он все еще не верил, что это возможно, даже когда фантастический матч превратился в цепочку ничьих, естественный результат единоборства двух игроков равной силы. Капитан, несколько часов назад уже попрощавшийся с жизнью, ждал теперь фатального мгновенья.

— «... не исчезнет с лица Земли!» — произнес Дел Мюррей. Ньютон поспешил освободить его руки из ремней.

Позиция на доске представляла прекращенную несколько секунд назад игру. Одновременно был выключен ментальный луч. «Хитрая штучка» ворвалась в нормальное пространство точно в нужной позиции и всего пять минут позже назначенного срока. Берсеркер был вынужден обратить всю энергию на последовавшую атаку «Хитрой штучки» и «Наперстянки».

Компьютер Дела, прийдя в себя после ментальной атаки, уже поймал в экранный прицел вздутую, покрытую шрамами срединную секцию берсеркера. Рука Дела метнулась к пульту, рассыпая по пути фишки.

— Мат! — рявкнул он, опуская кулак на большую красную кнопку.

— Хорошо, что он не выбрал шахматы, — сказал Дел, сидя в рубке управления «Наперстянки». — Если бы он выбрал шахматы, мне пришлось бы туго.

Иллюминаторы были уже освобождены от броневых заслонок, и люди могли полюбоваться слабо светящимся газовым облаком. Это было все, что осталось от берсеркера. Очищающий ядерный огонь освободил металл от проклятия древних зловещих конструкторов.

Но капитана интересовало другое.

— Дел, ты научил Ньютона играть по диаграммам. Это я понимаю. Но как получилось, что он играл все лучше и лучше? Как он мог учиться играть?

Дел усмехнулся.

— Он учиться не мог. Но его игрушки — могли. Погоди, я не шучу.

Он позвал айана и взял из лапы животного коробочку. На крышке была наклеена карточка с диаграммой одной из возможных позиций, со стрелками разного цвета, указывающими вероятные ходы фигур Дела.

— Понадобилось около двух сотен таких коробочек. Вот эта из группы четвертого хода. Найдя в этой группе диаграмму, подходящую для позиции на доске, Ньютон брал коробочку, вынимал наугад бусину, — сказал Дел, демонстрируя операцию.

— Вот, я вытащил голубую. Делаем ход, указанный голубой стрелкой на диаграмме. Смотрите, на слабую позицию ведет оранжевая стрелка. Видите? — Он вытряхнул бусины на ладонь. — Оранжевых бусин не осталось. Хотя в начале игры было по шесть бусин каждого цвета. Вынимая бусину, Ньют обратнo ее не клал до конца игры. Если табло показывало проигрыш, он выбрасывал все неудачные бусины. Постепенно были исключены все неудачные ходы. Через несколько часов Ньют и его коробочки научились играть не хуже берсеркера.

— Да, — сказал капитан, нагнулся и почесал Ньюта за ухом. — Мне бы ничего подобного в голову не пришло.

— А я, честно говоря, мог бы и побыстрее сообразить. Самой идее лет двести. А компьютеры — моя профессия.

— Ведь это может оказаться полезнейшим изобретением, — задумчиво сказал капитан. — Оно пригодится всем передовым отрядам, имеющим дело с ментальным лучом.

— Правильно, — сказал Дел. — Только...

— Что?

— Я вспомнил одного парня по имени Бланкеншип. Интересно, а если я попробую...

«Да, люди Земли были настолько хладнокровны, что поначалу война казалась им игрой, но после первого десятилетия войны с берсеркерами они поняли, что могут и проиграть: ставкой было само их существование.

Я, третий историк, войдя в контакт с сознаниями людей прошлого, сделал вывод: все ужасы ваших прошлых войн сто-кратно усилились в этой грандиозной битве во времени и пространстве. И она оказалась куда менее игрой, чем любая другая война.

Тянулись мрачные десятилетия вой-ны, и земляне обнаружили ужасы, о ко-торых раньше не подозревали.

Взгляните...»

2

ДОБРОЖИЗНЬ

— Хемпфил, это только машина, — едва слышно сказал умирающий.

Хемпфил, зависнув в почти полной темноте, испыты-вал к умирающему только презрение: пусть бедняга умирает, как ему нравится, и если ему так легче покинуть эту Вселенную...

Он снова посмотрел в иллюминатор на черный зубча-тый силуэт, затмевавший столько звезд.

От пассажирского лайнера пригодной для жизни ос-талась только эта секция. В ней находились три выжив-ших пассажира. Воздух постепенно истекал в простран-ство сквозь микротрещины, и аварийный резервуар дол-жен был скоро опустеть. Лайнер превратился в руину. Почему осколок корпуса не возвращается? Очевидно, его удерживал силовым полем берсеркер.

Третий пассажир, молодая женщина по имени Мария, подплыла к Хемпфилу, тронула за руку.

— Послушайте, — начала она. — Может, нам удастся...

В ее голосе не было слышно испуга, отчаяния, наобо-рот — только трезвый расчет. Хемпфил, удивившись,

прислушался к ее словам. Но договорить Мария не успела.

Стенки каюты завибрировали, как диафрагма динамика. В каюту ворвался квакающий голос берсеркера:

— Вы, уцелевшие, живите. Я не стану убивать вас сейчас. У меня есть план. За вами будет послана шлюпка.

От бессильного гнева у Хемпфила даже закружилась голова. Он впервые слышал голос берсеркера, но ощущение было странно знакомым, как во время ночного кошмара. Девушка испуганно отдернула руку, а Хемпфил заметил, что его собственные пальцы согнулись и застыли, как когти хищника. Он с трудом сжал их в кулак и чуть не ударил по иллюминатору. Чертово железо хочет втянуть их в себя! И как его угораздило стать пленником берсеркера!

В голове стремительно родился и оформился план. В каюте находились боеголовки для ракет малого калибра. Он точно помнил, что видел их где-то.

Умиравший от потери крови корабельный офицер завис в воздухе на пути Хемпфила.

— Не надо... Только взорвешь шлюпку, если он позволит... Может, кто-то еще уцелел...

Офицер висел перед ним вверх ногами, оба они плавно плыли посреди каюты. Когда они заняли нормальное положение относительно друг друга, раненый замолчал, безнадежно пожал плечами и замер, словно уже умер.

Справиться со всей боеголовкой Хемпфил не мог, но если извлечь детонатор на химической взрывчатке... Размеры небольшие, можно спрятать на себе. Когда начался неравный бой, все пассажиры надели скафандры. Хемпфил нашел еще запасной баллон с воздухом и чей-то лазерный пистолет, который сунул в петлю на поясе.

К нему опять подплыла девушка. Он внимательно посмотрел на нее.

— Сделай это, — тихо сказала она. Тройка случайно уцелевших пассажиров лайнера медленно кружила в темноте случайно уцелевшей каюты. Тоскливо и тонко свистел вытекающий наружу воздух.

— Сделай. Потеря шлюпки — это тоже урон врагу. И у нас все равно нет шансов.

— Да. — Он кивнул.

Эта девушка его понимала. Она все понимала, как надо. Нанести берсеркеру наибольший возможный вред. Все остальное особого значения не имело.

Он кивнул на раненого офицера.

— Следи за этим. Чтобы он меня не выдал.

Девушка кивнула молча. Если берсеркер говорил через стены каюты, он мог их и подслушать.

— Шлюпка подходит, — равнодушно сказал раненый.

— Доброжизнь! — позвал голос машины: как всегда, голос приквакивал между слогами.

— Здесь!

Он проснулся, толчком вскочил на ноги. Оказывается, он спал почти под самой трубкой для воды. Из трубки медленно капало.

— Доброжизнь!

В этой секции не было динамиков и сканеров, зов раздавался снаружи.

— Я здесь!

Шлепая по металлическому полу, он побежал в сторону, откуда слышался зов. После боя он устал и задремал. Бой был нетрудный, но у него появились новые обязанности: направлять и контролировать ремонтные машины, которые, наводнив коридоры и переходы, исправляли повреждения после боя. Конечно, он сам понимал, что настоящей пользы от него было мало.

Теперь у него болела шея, ее натерло шлемом. Во время боя ему пришлось надеть защитный костюм, который в нескольких местах поцарапал непривыкшее тело. Но на этот раз сильных повреждений во время боя не было.

Запыхавшись, он остановился перед плоским стеклянным глазом сканера.

— Доброжизнь, неправильная машина уничтожена, несколько единиц зложизни на ее борту беспомощны.

— Ура! — Он подпрыгнул от счастья.

— Напоминаю еще раз — жизнь есть зло!

— Жизнь — зло, но я не жизнь, я — доброжизнь, — быстро сказал Доброжизнь, тут же перестав прыгать. Кажется, наказывать его сейчас не будут, но на всякий случай...

— Да. Ты и твои родители были мне полезны. Сейчас я хочу переправить в себя уцелевших людей, чтобы их получше изучить. Твое следующее задание связано с моим новым экспериментом. Помни, что они — зложизнь. Нужно быть максимально осторожным.

— Зложизнь...

Он знал, что это были существа, внешне похожие на него, жившие снаружи, за пределами его машины. Это они вызывали вибрации, толчки и взрывы, после которых оставались повреждения.

— Зложизнь — сюда...

От этой мысли в позвоночнике рождался холодок. Он посмотрел на собственные ладони, потом в конец коридора, пытаясь вообразить реально появившуюся здесь зложизнь.

— Следуй в медицинскую секцию, — сказала машина. — Прежде, чем ты вступишь в контакт с зложизнью, тебе нужно сделать иммунизирующие инъекции.

Хемпфил осматривал одну каюту за другой, пока не нашел пробоину, почти закрытую заплатой. Пока он возился с заплатой, послышались звон и удары. Шлюпка с берсеркера прибыла за пленными. Он потянул сильнее, заплатка поддалась, и его выдуло в космос с остатками воздуха.

Вокруг разбитого корпуса лайнера плавало облако обломков. Силовое поле удерживало Хемпфила на месте. Скафандр работал нормально, и используя ракетный ранец, он полетел вокруг корпуса туда, где причалила шлюпка берсеркера.

Темный силуэт корабля-крепости закрывал звезды глубокого космоса. Зубчатые выступы напоминали об изображениях старинных крепостей, только берсеркер был в тысячи раз больше любой из них.

Он увидел, что шлюпка каким-то образом нашла нужное место и присосалась к корпусу как раз напротив их каюты. Наверное, сейчас в нее переводили Марию и раненого. Сжав в перчатке плунжер детонатора, Хемпфил подплыл поближе.

Его огорчала одна мысль: он умрет, так и не убедившись, что шлюпка выведена из строя. И вся эта затея всего лишь комариный укус, всего лишь незначительный удар по врагу...

Подплыв еще ближе, не выпуская плунжера, он заметил облачко замерзшей влаги. Шлюпка отделилась от корпуса, и ее потащила невидимая силовая сеть. А с ней и Хемпфила, и случайные обломки.

Он ухитрился присосаться к корпусу шлюпки. Воздуха в баллоне оставалось на час. Больше, чем ему может понадобиться.

Берсеркер втягивал в себя шлюпку, на корпусе которой распластался Хемпфил. Разум на грани гибели, пальцы — на плунжере бомбы. Чернильно-черный враг был сама смерть. Черная поверхность в оспинах кратеров

неслась к нему навстречу, как поверхность неизвестной планеты.

Шлюпка вместе с человеком была втянута в шлюз, способный принять множество таких корабликов сразу. Хемпфил был внутри берсеркера.

Мощь и размеры увиденного могли подавить любую отвагу. Он понял, что бомба была просто неостроумной шуткой. Как только шлюпка опустилась на черный металл палубы, он оттолкнулся от корпуса и полетел прочь, ища укрытие.

Скорчившись в тени на металлическом выступе-полке, он едва удержался от того, чтобы нажать на плунжер. Смерть была бы облегчением, но он заставил свою руку замереть. Он видел, как его товарищей высосало из шлюпки через прозрачную гибкую трубу. Еще не зная, что он будет делать, Хемпфил оттолкнулся и полетел в сторону трубы. Он плыл словно пух: масса берсеркера создавала незначительную собственную силу тяжести.

Через десять минут он нашел нечто, похожее на воздушный шлюз. Вместе с целым куском корпуса этот шлюз был будто вырезан из земного корабля и вживлен в металл берсеркера.

Самое выгодное место для бомбы — внутри шлюза. Хемпфил открыл люк и плавно влетел в камеру. Кажется, никаких сигналов тревоги... Если он взорвет себя здесь, то лишит берсеркера... Чего? Воздушного шлюза? Но зачем машине воздушный шлюз?

Для пленных? Едва ли, подумал Хемпфил. Пленных он может втягивать через трубу. Едва ли это вход для врагов. Он посмотрел на анализатор воздуха, снял шлем. Для кого же эта камера? Для друзей, дышащих земным воздухом? Противоречие. Все живое и дышащее было врагом берсеркеров — кроме тех существ, которые их создали. Так считалось до сих пор.

Открылся внутренний люк шлюза, включились генераторы искусственной гравитации. Хемпфил вышел в скудно освещенный коридор. Пальцы крепко сжимали плунжер бомбы.

— Войди, Доброжизнь, — сказала машина. — Посмотри на них вблизи.

Доброжизнь не то кашлянул, не то пробормотал что-то — наподобие заглохшего сервомотора. Он испытывал незнакомое чувство, похожее одновременно на голод и страх наказания. Сейчас он увидит зложизнь в реальности. Он сознавал причины неприятного чувства, но это

не помогало. Стараясь подавить колебания, он стоял перед дверью. Он был в защитном костюме: так приказала машина. Костюм защитит, если зложизнь вдруг попытается причинить ему вред.

— Войди, — повторила машина.

— Может, не стоит? — жалким тоном попросил Доброжизнь, не забывая громко и четко произносить слова: его наказывали не так часто, если он старался говорить внятно.

— Накажу, — пригрозил голос машины. — Накажу.

Если слово повторялось дважды, наказание было близко. Почти испытывая ужасную боль-не-оставляющую-ран, пронизывающую до костей, он поспешил открыть дверь.

Он лежал на полу, в крови, сильно поврежденный, в непонятной рваной одежде. И при этом он продолжал стоять в дверях. Его форма лежала на полу, такая же человекоформа, которую он знал, но полностью со стороны никогда не видел. Он теперь был в двух местах сразу. Там и здесь, он и не-он...

Доброжизнь прислонился к двери. Он хотел укунить себя за руку, но вспомнил о защитном костюме. Тогда он принялся изо всех сил стучать ладонью о ладонь, пока боль не привела его в чувство и не стала якорем для ориентации.

Ужас постепенно прошел. Понемногу он понял и объяснил ситуацию самому себе: я стою возле двери, а на полу — другая жизнь. Другое тело, похожее на мое, пораженное чумой жизни. Только та жизнь намного хуже, чем я. Там, на полу, — зложизнь.

Мария Хуарес молилась долго и горячо, крепко зажмурив глаза. Холодные, бездушные манипуляторы поднимали и передвигали ее с места на место. Появились гравитация и воздух для дыхания. С нее осторожно сняли скафандр. Потом манипуляторы попытались снять комбинезон, и она начала сопротивляться. Она была в комнате с низким потолком, со всех сторон — машины. Когда она начала сопротивляться, манипуляторы работа перестали ее раздевать и приковали к стене за лодыжку. Потом робот-манипулятор укатил прочь. Умиравший офицер валялся на полу в другом конце комнаты, словно бесполезная вещь.

Хемпфил, у него были холодные мертвые глаза, он хотел взорвать бомбу... Ничего не вышло? Теперь берсеркер не даст ей умереть быстро и легко...

Услышав стук двери, она снова открыла глаза. Ничего не соображая, Мария смотрела на молодого бородатого мужчину в древнем скафандре. Сначала он почему-то принялся корчиться у двери, потом устоялся на офицера. Его пальцы двигались точно и быстро, когда он снимал шлем, но снятый шлем открыл косматую голову и безвольное бледное лицо идиота.

Человек поставил шлем на пол, почесал лохматую макушку, не спуская глаз с офицера. На Марию он даже не взглянул. Мария же смотрела только на него. Она еще никогда не видела у человека такого пустого лица. Так вот что берсеркер делает с пленными!

И все же... На родной планете Мария видела людей, прошедших процедуру полной очистки сознания, — это были преступники — и теперь она чувствовала, что этот человек чем-то от них отличался. Он был чем-то большим... или меньшим.

Бородач присел возле умирающего, протянул к нему руку. Офицер слабо шевельнулся, открыл глаза. Пол под ним был мокрым от крови.

Бородач поднял руку офицера, несколько раз согнул вперед-назад, наблюдая за работой сустава. Офицер застонал, начал слабо сопротивляться, выдергивая руку. Бородач вдруг сжал горло умирающего стальной перчаткой, Мария не могла шевельнуться, отвести глаз. Комната вдруг начала вращаться, все быстрее и быстрее, а в центре — бронированная перчатка, сжимающая горло умирающего человека.

Бородач отпустил горло офицера, выпрямился, глядя на тело у ног.

— Выключился, — вдруг отчетливо произнес он.

Наверное, она шевельнулась. Это или нечто другое заставило человека повернуться в ее сторону. Взгляд его был быстрым, настороженным, но лицо — маской слабоумного лунатика. Мышцы висели под кожей, как тряпки. Он пошел к ней.

Совсем юноша, почти мальчик, подумала Мария. Она прижалась спиной к стене. Женщины на родной планете Марии не привыкли падать в обморок в опасных ситуациях. Но если бы этот зомби улыбнулся, она бы завопила и вопила бы, не переставая, сколько хватит сил.

Он потрогал ее лицо, волосы, тело. Она не шевелилась. Он словно изучал механизм. Ни злорадства, ни сочувствия, ни похоти.

— Настоящие, — сказал бородач сам себе. — Зложизнь.

Он повернулся и, шаркая, пошел прочь. Мария такой походки еще никогда не видела. Он вышел из комнаты, захватив шлем и ни разу не обернувшись.

В углу была труба, из которой вытекала струйка воды и с урчанием уходила в сток на полу. Сила гравитации была отрегулирована до земного уровня. Мария сидела спиной к стене и молилась под бесennyй стук собственного сердца. Сердце едва не остановилось, когда дверь открылась снова. Но это был робот-манипулятор, он принес брикет зелено-розовой субстанции, очевидно, еды. Робот аккуратно объехал мертвое тело на полу. Мария едва успела откусить от брикета, как дверь открылась в третий раз. Это был Хемпфил, третий уцелевший пассажир. Под мышкой он тащил бомбу и поэтому был немного скособочен направо. Быстро окинув взглядом комнату, он закрыл дверь и, едва взглянув на мертвого офицера, подошел к Марии.

— Сколько их здесь? — прошептал он. Мария так и сидела на полу, от удивления не в силах шевельнуться или произнести хоть слово.

— Кого? — выдавила она наконец.

Он нервно кивнул в сторону двери.

— Этих. Которые живут у него внутри и прислуживают. Я видел: один выходил отсюда. Берсеркер для них оборудовал до черта жилого пространства.

— Я видела пока только одного.

Глаза Хемпфила сверкнули, он дал ей бомбу, показал, как нажимать на плунжер, начал резать цепь из лазерного пистолета, Мария подумала, что не смогла бы взорвать себя вместе с бомбой, но Хемпфилу об этом не сказала.

— Проклятый берсеркер на три четверти слеп внутри собственной шкуры, — возбужденно прошептал Хемпфил.

Она промолчала, глядя на него испуганными глазами.

— Теперь посмотрим, что это за человек. Или люди, — сказал он, ведя Марию по коридору.

Неужели им так повезет, и у берсеркера окажется всего лишь один слуга?

Коридоры были слабо освещены, полны каких-то порогов и выбоин. Они пробирались в том же направлении, в котором ушел человек.

Через несколько минут Хемпфил слышал шарканье ног. Кто-то приближался. Шаги становились громче, и они прижались к стене.

Впереди обрисовался смутный силуэт. Косматая голова возникла в поле зрения так неожиданно, что Хемпфил

немного промахнулся и его кулак в металлической перчатке влет коснулся затылка. Человек вскрикнул, споткнулся и упал. На нем был скафандр очень старой модели.

Хемпфил ткнул ствол лазерного пистолета ему в лицо.

— Только один звук, и я тебя прикончу. Где остальные?

На Хемпфила смотрело лицо повергнутого в шок... нет, это было что-то гораздо худшее. Лицо казалось мертвым, только глаза перебегали с Хемпфила на Марию. На пистолет он внимания не обращал.

— Это он, — прошептала Мария.

— Где твои друзья? — рявкнул Хемпфил.

Мужчина пощупал затылок.

— Повреждение, — пробормотал он самому себе под нос, монотонно, бесцветно. Потом потянулся за пистолетом. Этого Хемпфил совсем не ожидал и едва не выпустил оружие.

Он отпрыгнул на шаг, палец застыл на спуске.

— Сядь на место или я тебя убью. Рассказывай, кто ты такой, сколько вас, где остальные.

Бородач сидел совершенно спокойно. Потом сказал:

— Ты говоришь ровно, без пауз между словами, как у машины. У тебя в руке инструмент для убийства. Отдай его мне, и я вас уничтожу. Тебя и этого.

Кажется, это был все-таки результат мозгостирания, а не немыслимое предательство. Но какая польза от идиота? Хемпфил отступил еще на шаг, опустил пистолет.

С пленным заговорила Мария:

— Откуда ты? С какой планеты?

Ответом ей был непонимающий взгляд.

— Твой дом, — настаивала Мария. — Где ты родился?

— В биорезервуаре. — Иногда речь его приобретала отрывисто-квакающий оттенок, словно пленник имитировал манеру речи берсеркера.

Хемпфил неуверенно рассмеялся.

— Откуда же еще? В последний раз спрашиваю, где остальные?

— Я не понимаю.

— Ладно, — вздохнул Хемпфил. — Где этот биорезервуар? — Нужно было с чего-то начинать!

Комната была похожа на склад биотехнической лаборатории. Тусклый свет, стеллажи, контейнеры, столы с колбами. Очевидно, люди-техники здесь никогда не работали.

- Ты родился здесь?
- Да.
- Он ненормальный!
- Подожди.

Шепот Марии стал еще тише, как будто она снова испугалась. Она взяла человека в старинном скафандре за руку. Тот внимательно посмотрел на ее ладонь.

— Как тебя зовут? У тебя есть имя?

Она разговаривала с ним, как с заблудившимся в лесу ребенком.

- Я Доброжизнь.
- Безнадёжно, — не вытерпел Хемпфил.
- Доброжизнь? — не обращая на него внимания продолжала Мария. — Доброжизнь? А меня зовут Мария. Это — Хемпфил.

Никакой реакции.

— А твои родители, кто они были? Отец, мать?

— Тоже доброжизнь. Они помогали машине. Был бой, зложизнь убила моих родителей. Но перед этим они отдали клетки своих тел машине, и машина создала меня из этих клеток. Теперь я единственный доброжизнь. Кроме меня, других не осталось.

— Боже великий, — прошептал Хемпфил.

Тишина и внимание, казалось, произвели на Доброжизнь большее впечатление, чем угрозы и просьбы. Лицо его дернулось, он отвернулся, уставился в угол. Потом заговорил сам, первым:

— Я знаю, они были, как вы, мужчина и женщина.

Хемпфилу казалось, что ненависть к берсеркеру сейчас взорвет его, как бомбу. Если бы этот взрыв мог испепелить многомильного космического монстра!

— Проклятые машины! — Его голос прервался, как у берсеркера. — Что они сделали с тобой, со всеми нами.

Вспышка гнева, как всегда, послужила толчком к появлению нового плана. Он опустил ладонь на плечо Доброжизни.

— Ты знаешь, что такое изотоп?

— Да.

— Где-то внутри машины должно быть место, где машина принимает решение... там должен быть блок с радиоактивным изотопом. Скорее всего, где-то в центре машины. Ты знаешь такое место?

— Да. Я знаю, где находится стратегический центр.

Стратегический центр! Надежда вспыхнула с новой силой.

— Мы можем туда пробраться?

— Вы — единицы зложизни! — Доброжизнь сбросил ладонь Хемпфила с плеча. — Вы хотите повредить машину, вы уже повредили меня. Вас нужно уничтожить.

Мария попыталась его успокоить, перехватив инициативу.

— Доброжизнь, послушай, мы не желаем тебе зла. Зложизнь были те, кто построил эту машину. Ее ведь тоже построили живые люди много-много лет назад. Вот они и были настоящая зложизнь.

— Зложизнь... — Трудно было понять, соглашался он с Марией или нет.

— Разве ты не хочешь жить? Хемпфил и я хотим жить. И мы хотим тебе помочь, потому что ты живой, как мы. А ты? Ты мог бы нам помочь?

Доброжизнь несколько секунд смотрел на металл стены, потом сказал:

— Все живое думает, что оно живое. На самом деле существуют только элементарные частицы, энергия и пространство. И законы работы машин.

Мария не теряла надежды.

— Послушай, Доброжизнь. Мудрый человек сказал когда-то: «Я мыслю, следовательно, существую».

— Мудрый человек? — переспросил он.

Доброжизнь сел на палубу, обнял руками колени, начал покачиваться взад-вперед.

Отведя Марию в сторону, Хемпфил сказал тихо:

— Теперь у нас есть шанс. Здесь хватает воздуха, есть пища и вода. Берсеркера сейчас должны выслеживать крейсеры нашего флота. Если мы выведем его из строя, нас подберут через месяц-два. Или даже меньше.

Она молча смотрела на него.

— Хемпфил, что тебе сделали эти машины?

— Моя жена... дети... — Ему казалось, что голос его звучит равнодушно. — Три года назад, на Паскало. Там ничего не осталось. Берсеркер уничтожил планету. Этот берсеркер или другой, какая разница?

Она взяла его ладонь в свою. Оба смотрели на свои сплетенные пальцы, потом в унисон подняли глаза и улыгнулись.

— Где бомба? — вдруг вспомнил Хемпфил.

Бомба лежала в темном углу. Он подхватил бомбу, подошел к Доброжизни, который мерно покачивался, сидя на полу.

— Ну, ты за нас? Или за тех, кто построил эту машину?

Доброжизнь встал и пристально посмотрел на Хемпфила.

— Их вдохновляли законы физики, которым подчинялся их мозг. Они построили эту машину. Теперь эта машина хранит их изображения. Она сохранила изображения моего отца и матери, сохранит мое.

— Какие изображения? Где они?

— Изображения в театре.

Пожалуй, сначала нужно приручить это существо, заручиться его доверием, а потом уже заняться стратегическим центром. Хемпфил придал голосу доверительный тон:

— Ты отведешь нас в театр, Доброжизнь?

Это было самое большое помещение из тех, что они уже видели и в которых был воздух. Имелась сотня сидений, пригодных для землян. Театр был хорошо декорирован и освещен. Когда закрылись двери, сцена превратилась в большой зал. Посередине зала стояло существо, телосложением напоминавшее человека, но только с одним глазом, занимавшим почти все «лицо». Зрачок глаза был выпуклым и подвижным, как шарик ртути.

Речь оператора напоминала серию щелчков и жужжаний высокого тона. Большинство гуманоидов, стоявших за спиной оратора, было одето в форму. Оратор сделал паузу, существа в унисон защелкали.

— Что он говорит? — спросила шепотом Мария.

— Машина сказала, что смысл звуков утерян, — пояснил Доброжизнь.

— А можно посмотреть на изображение твоих родителей?

Доброжизнь нашел пульт управления.

За сценой возник экран и на нем сначала появился мужчина. Голубые глаза, аккуратная бородка, комбинезон, который обычно надевают под скафандр. Потом женщина. Она закрывалась куском ткани и смотрела прямо в объектив. Широкоскулое лицо и рыжие волосы, заплетенные в косу. Больше ничего заметить не удалось — снова возник гуманоид-оратор, продолжавший речь с еще большим жаром.

— Это все? Больше нет изображений?

— Нет. Их убила зложизнь. Теперь они уже не думают, что существуют.

Тон оператора, сначала торжественно-истеричный, стал более спокойным, даже поучающим. Возле него появилось объемное изображение картосхемы со звезда-

ми и планетами. Оратор что-то показывал на схеме. Марии почудилось, что в речи его слышны нотки триумфа. Он явно хвастал количеством звезд и планет на карте.

Хемпфил не заметил, как подошел к сцене совсем близко. Марии не понравилась игра отражений на его лице.

Доброжизнь внимательно наблюдал за маскарадом на сцене, наверное, в тысячный раз. Трудно было угадать, какие мысли скрывались под маской человека, никогда не видевшего других живых людей, у которых он мог бы научиться мимике.

Повинуясь какому-то импульсу, она взяла его за руку.

— Доброжизнь, Хемпфил и я живые, как и ты. Ты сможешь нам остаться в живых? Тогда в будущем мы тоже будем тебе помогать.

Мария вдруг представила картину: спасенный Доброжизнь трясется от страха в окружении людей, то есть зложизни.

— Хорошо. Плохо.

Он снял перчатку, сжал ее ладонь. Он покачивался вперед-назад, как будто она его притягивала и отталкивала одновременно. Ей хотелось закричать, броситься на бездушный металл стены, царапать и рвать, — за все, что эта машина сделала с ним.

— Все! Они у нас вот здесь! — Хемпфил сжал кулак.

Он вернулся от сцены, где продолжался бесплотный трехмерный фильм.

— Видишь? Это звездная карта их завоеваний. Все звезды, планеты, даже астероиды. Это победная речь. Изучив карты, мы выследим их, мы до них доберемся!

— Хемпфил... — Она постаралась вернуть его к более насущным проблемам. — Сколько лет этим изображениям? В какой части Галактики они сделаны? А если они вообще не из нашей Галактики?

Энтузиазм Хемпфила несколько остыл.

— Все равно, стоит попытаться. Эту информацию нужно сохранить. Мы обязаны. — Он показал на Доброжизнь. — Он должен отвести нас в стратегический центр. Там мы спрячемся и будем ждать, пока на берсеркер не нападут крейсера. А может, удастся бежать на шлюпке.

Мария, успокаивая, как ребенка, гладила Доброжизнь.

— Он сейчас в замешательстве, сбит с толку, не знает, что делать. Как может быть иначе?

— Само собой. — Хемпфил помолчал. — Ты с ним справишься лучше меня.

Она ничего не ответила.

— Ты женщина, он вполне нормальный молодой мужчина. По крайней мере, на вид, — продолжал Хемпфил. — Успокаивай его, утешай. Главное, постарайся убедить помочь нам. От этого зависит все. Пойди, погуляй с ним. Только недалеко.

И он снова повернулся к сцене, поглощенный звездной картой.

Что еще оставалось делать? Мария и Доброжизнь вышли из театра. Давно канувший в Лету гуманоид на сцене щелкал и жужжал, демонстрируя звездные завоевания своей империи.

Слишком многое произошло и продолжало происходить. Он вдруг почувствовал, что не может переносить присутствие зложизни. Он повернулся и бросился бежать по коридорам, переходам и лестницам, туда, где он всегда прятался еще маленьким, когда его одолевали непонятные страхи, приходившие из ниоткуда. В этой комнате машина всегда видела и слышала его, могла с ним разговаривать.

Он снова был в ней, в «комнате-которая-стала-маленькой». Потому что он отчетливо помнил время, когда она была гораздо больше, динамики и микрофоны, и сканеры висели где-то над головой. Он понимал, что на самом деле выросло его тело. Тем не менее, комната ассоциировалась с образами тепла, еды, безопасности.

— Я водил единицы зложизни по кораблю, — признался он со страхом, предчувствуя наказание.

— Я знаю, Доброжизнь. Я наблюдал. Это была часть моего эксперимента.

Какое облегчение! Машина ничего не сказала о наказании! Ведь машина знала, что слова зложизни сбили его с толку. И он даже подумывал в самом деле отвести их к стратегическому центру и положить конец всем наказаниям, навсегда.

— Они хотели, чтобы я их отвел...

— Я наблюдал и слышал. Мужчина опасен. Он сильный, он задумал зло. Он будет бороться до конца. Такие, как он, наносят мне значительные повреждения. Я буду испытывать его до предела, до полного разрушения. Он думает, что внутри меня он свободен. Он будет вести себя свободно. Это важно.

Доброжизнь выбрался из противного, натирающего кожу защитного костюма. Сюда зложизнь не доберется, ему ничто не угрожает. Он присел, обнял основание

консоли сканера. Когда-то машина дала ему предмет, мягкий и теплый... Он закрыл глаза.

— Какие будут приказы? — спросил он сонно. В этой комнате он всегда чувствовал покой.

— Прежде всего, зложизнь не должна знать об этих приказах. Второе: сделай так, как просит мужчина Хемпфил. Он не сможет нанести мне повреждение.

— У него бомба.

— Я наблюдал за ним и вывел бомбу из строя еще до того, как он проник в меня. Пистолет серьезного вреда не причинит. Ты думаешь, одна-единственная зложизнь способна меня победить?

— Нет. — Ободренный, улыбаясь, он устроился поудобнее. — Расскажи о моих родителях...

— Твои родители были хорошая доброжизнь, они посвятили себя служению мне. Во время великого сражения зложизнь убила их. Если эти единицы зложизни скажут, что хотят тебе добра, что ты им нравишься, не верь. Они лгут. Любая зложизнь изначально порочна, она таит внутри себя неправду. Твои родители были доброжизнь и каждый дал мне несколько клеток своего тела. Из этих клеток я создал тебя. От твоих родителей не сохранилось даже тел, чтобы ты мог их увидеть. Это было бы хорошо.

— Да.

— Две единицы зложизни искали тебя. Сейчас они отдыхают. Спи, Доброжизнь.

Он уснул.

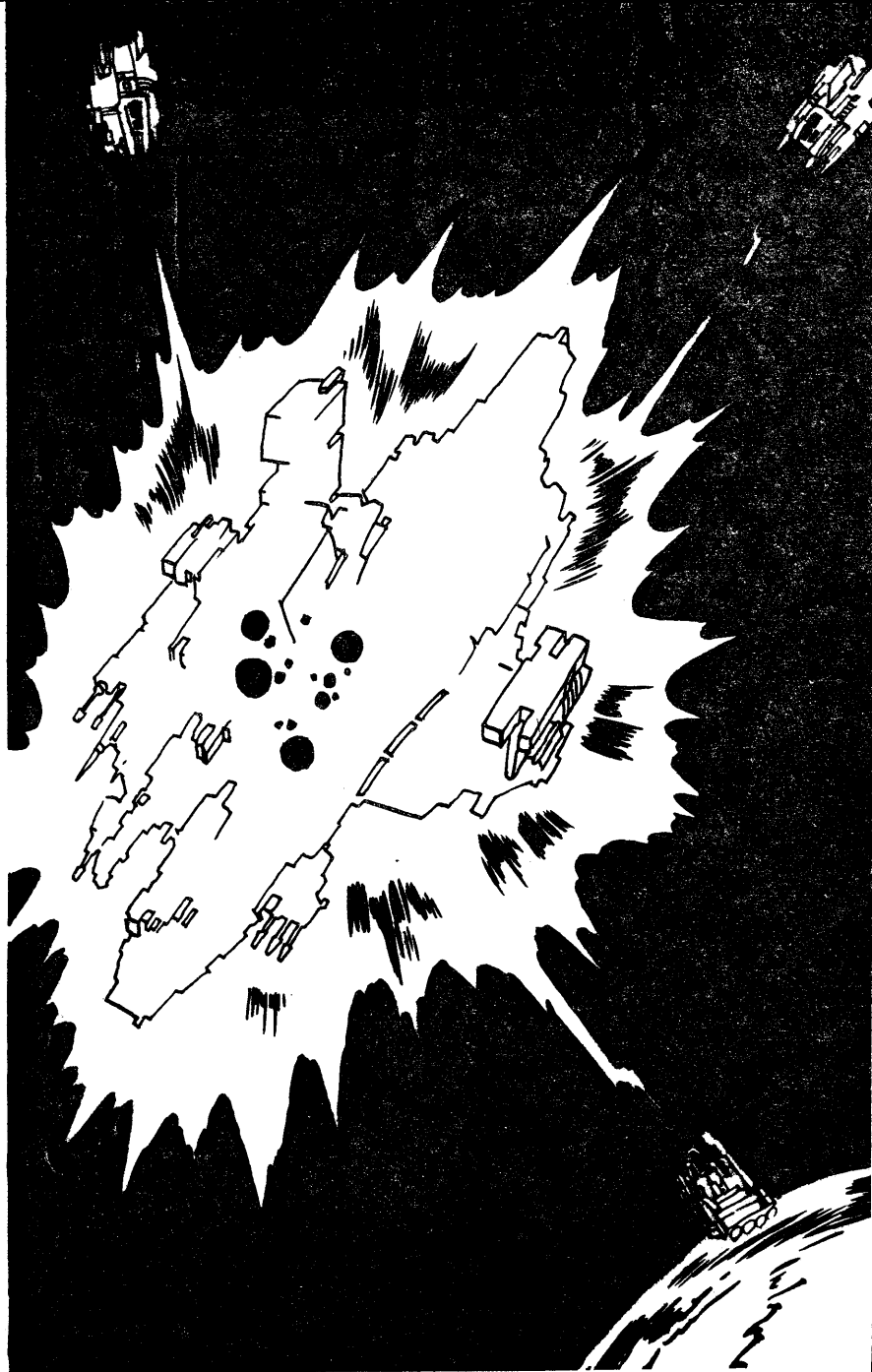
Проснувшись, он вспомнил сон. Два человека звали его к себе на сцену. Он знал, что это его отец и мать, хотя выглядели они, как две зложизни. Сон кончился так быстро, что просыпающееся сознание не успело уловить его смысл.

Он поел, напился. Машина тем временем разговаривала с ним.

— Если мужчина Хемпфил захочет пробраться в стратегический центр, отведи его. Я его обезврежу, потом снова позволю бежать, чтобы он сделал новую попытку. Когда он перестанет реагировать на провоцирующие символы, я его дезинтегрирую. Но женщину оставлю. Ты и она произведете для меня много новых доброжизней.

— Да!

Он сразу понял, какая это отличная идея! Они отдадут клетки машине, и будут построены тела новых доброжизней. А Хемпфил, который наказал его, повредил его

затылок металлической рукой, исчезнет вовсе, будет распылен на атомы.

Когда он снова присоединился к зложизням, Хемпфил надел на него, принялся кричать и угрожать. Наконец, сбитый с толку и немного испуганный, Доброжизнь согласился помочь. Он старался не выдать истинных планов машины. Мария была куда приятнее, особенно на этот раз. Он старался как можно чаще касаться ее.

Хемпфил хотел пробраться в стратегический центр? Доброжизнь хорошо знал дорогу, а скоростной лифт делал пятидесятикилометровый путь легким.

Внезапно Хемпфил что-то заподозрил.

— Какой ты вдруг стал послушный, — сказал он, повернувшись к Марии. — Я ему не верю.

Зложизнь подозревал его в неискренности! Доброжизнь рассердился. Машина никогда не лгала, и машинопослушная Доброжизнь тоже никогда не лжет!

Хемпфил мерил комнату шагами.

— Есть такой путь, чтобы машина нас не могла видеть? Мы можем туда добраться так, чтобы она не смогла за нами проследить?

Доброжизнь задумался.

— Кажется, есть такой путь. Но придется преодолеть несколько миль в безвоздушном пространстве. Нужны баллоны с воздухом.

Машина сказала: «Помогай Хемпфилу.» Он будет помогать. Если повезет, мужчину-зложизнь дезинтегрируют у него на глазах.

Эта битва случилась во времена, когда люди на Земле еще охотились на мамонтов. Противник берсеркера оказался очень серьезным и нанес машине ужасную рану. Впадина имела две мили в ширину и почти пятьдесят миль в глубину. Целая серия ядерных взрывов, пробив уровень за уровнем, едва не достигла сердца машины: в последний момент волну остановил слой внутренней аварийной защиты. Берсеркер планировал восстановить поврежденные секции, но в космосе оставалось еще так много живых существ и многие из них были так сообразительны и упорны! Боевые повреждения накапливались быстрее, чем устранялись. Гигантская впадина теперь служила шахтой конвейера и до сих пор не была как следует обработана.

Увидев лишь крошечную часть этого кратера, — насколько позволял прожектор скафандра, — Хемпфил почувствовал страх, какого еще не испытывал. остано-

вившись на краю бездны, он инстинктивно обнял Марию, которая отправилась в эту экспедицию молча, не проявляя ни протеста, ни желания.

Они покинули шлюз час назад. Доброжизнь, всячески демонстрируя желание сотрудничать, вел их от секции к секции. Пистолет Хемпфила был наготове, на левую руку был намотан двухсотфутовый шнур.

Когда он понял, что именно он видит, недавно возродившаяся надежда на спасение покинула его. Если проклятая машина пережила такое... Бомба снова оказалась неостроумной шуткой.

К ним подплыл Доброжизнь. Хемпфил уже научил его переговариваться в вакууме, прикасаясь шлемом к шлему.

— Через эту пробойну можно достичь стратегического центра, минуя сканеры и сервомашинны. Я покажу, как садиться на конвейер. Он сэкономит время, доставит нас почти до цели.

Конвейер состоял из невидимых ленточных силовых полей и летящих по ним громадных контейнеров. Контейнеры неслись вдоль канала пробойны. Когда силовое поле подхватило людей, невесомость стала похожа на свободное падение.

Хемпфил летел рядом с Марией, держа ее за руку. Лица внутри шлема не было видно.

Конвейер стал еще одной страшной сказкой в этой жуткой магической стране стальных чудовищ. Постепенно движение успокоило Хемпфила. Страх падения постепенно перешел в подъем надежды. Я справлюсь, думал он. Я смогу. Он нас не видит и не слышит. Все получится.

Когда скорость снизилась, Доброжизнь направил их в камеру во внутреннем слое брони, в самом конце впадины-раны от удара ядерного копья. Камера имела около ста ярдов в диаметре. В разные стороны по радиусу отходили трещины. Трещина, шедшая в сторону стратегического центра, была самая широкая, потому что именно в этом направлении пыталась пробиться энергия удара.

Доброжизнь прижал шлем к шлему Хемпфила и сказал:

— Эта трещина ведет к стратегическому центру. Я был внутри и видел ее другой конец. Это всего несколько ярдов.

Хемпфил колебался. Может, послать вперед Доброжизнь? Но если это изошренная ловушка, какое имеет значение, кто пойдет первым?

Он коснулся шлема Марии:

— Следи за ним. Не отпускай одного.

Хемпфил нырнул в трещину первым.

К концу канал сузился, но все равно оставался достаточно широким, чтобы человек в скафандре мог протиснуться.

Он достиг внутренней шаровой камеры, святая святых берсеркера. В центре амортизирующей паутины парило сложное устройство размерами с дом. Это мог быть только стратегический центр. Камеру наполняло мерцание наподобие лунного: силовые контакты-сенсоры реагировали на хаос радиоактивного изотопного распада, намечая следующую жертву берсеркера, возможно, пассажирскую линию или освоенную планету. Выбиралась не только жертва, но и тактика атаки.

Хемпфила наполнило предвкушение победы. Он оттолкнулся и поплыл к центру камеры, на ходу разматывая шнур и прикрепляя его к плунжеру бомбы.

Я выживу, подумал он. Я еще увижу, как сдохнет эта железная тварь. Прикрепим бомбу вот здесь, к этой невинного вида балочке. Потом отлетим на двести футов и потянем за шнур...

Доброжизнь выбрал место удачно. Ему было хорошо видно стратегический центр и Хемпфила, который возился с бомбой. Доброжизнь был доволен: его предположение оправдалось, они в самом деле смогли пробраться к центру через Большое Повреждение. Обратно они пойдут другим путем. Когда зложизнь будет пойман на месте диверсии, они вернутся в кабине лифта, которым Доброжизнь обычно пользовался во время учебных тревог и упражнений по ремонту и техходу.

Хемпфил прикрепил бомбу. Он помахал рукой Марии и Доброжизни, которые держались за одну балку. Хемпфил дернул шнур. Ничего не произошло. Как и сказала машина, бомба была выведена из строя, машина в таких вещах всегда была точна.

Мария оттолкнулась и полетела к Хемпфилу, который все дергал шнур. Доброжизнь заскучал и зевнул. Было очень холодно, космическая стужа продиралась в скафандр в местах, где он касался балки.

Наконец Хемпфила схватили сервомашинны. Человек потянулся за пистолетом, но манипуляторы были гораздо быстрее его рук.

Едва ли это можно было назвать боем, но Доброжизнь наблюдал с интересом. Хемпфил напрягал мышцы до

предела. Почему он сопротивляется? Что он может противопоставить металлу и атомной энергии? Сервомашинны быстро унесли диверсанта к шахте лифта. Доброжизнь вдруг почувствовал, что ему стало как-то не по себе.

Мария висела неподвижно, лицом к нему. Он вдруг почувствовал страх, как раньше, когда убегал от нее. Машины вернулись за женщиной и унесли ее. Мария до конца смотрела на Доброжизнь. Он отвернулся, но глубоко внутри засела непонятная боль, как будто его только что наказали.

Холодное мерцание заливало стратегический центр. Скопление хаотически трансформирующихся атомов, сенсоры, реле, сервомоторы. Где та могучая машина, которая разговаривала с ним? Повсюду и нигде. Во всем виновата зложизнь! Сможет ли он когда-нибудь все это забыть? Он пытался разобраться в своих чувствах, но не знал, с чего начать.

Вдруг всего в нескольких ярдах Доброжизнь заметил нечто инородное, застрявшее между балок, некую выпуклость, нарушавшую четкость функционального машинного интерьера. Присмотревшись, Доброжизнь узнал шлем скафандра.

Скафандр застрял между двумя балками, едва ли прочно, просто здесь не было других сил, чтобы сдвинуть его с места.

Доброжизнь повернул скафандр к себе. Из-за прозрачного забрала на него смотрели невидящие, но такие знакомые голубые глаза, а еще у лица за щитком шлема была аккуратная короткая борода.

— П-а... — выдохнул Доброжизнь. Он тысячу раз видел изображение этого лица в театре.

К древнему скафандру отца было что-то пристегнуто. Его отец нашел путь к стратегическому центру через Большое Повреждение.

Но старый скафандр подвел его, отец задохнулся, пытаясь донести до центра... бомбу. Это могла быть только бомба.

Доброжизнь слышал собственный голос как бы со стороны, но не понимал слов. Слезы не давали видеть нормально, он почти ничего не видел из-за наворачнувшихся слез. Плохо слушающимися пальцами он отстегнул бомбу от скафандра отца...

Хемпфил выбился из сил и больше не сопротивлялся, только тяжело дышал, пока сервомашинна тащила его из лифта в камеру для пленных. Вдруг машина замерла,

манипуляторы выронили его на пол, где он довольно долго лежал, приходя в себя, а потом снова набросился на серва. Пистолет отобрали, поэтому он колотил робота бронированными кулаками до тех пор, пока тот не перевернулся. Хемпфил пнул еще разок, потом сел верхом, всхлипывая и ругаясь одновременно.

Только минуту спустя до них дошла вибрация взрыва, уничтожившего сердце берсеркера. Пройдя по балкам и коридорам, она достигла их камеры почти незаметно.

Мария сидела на полу, смотрела на Хемпфила, одновременно испытывая любовь и жалость.

Успокоившись, Хемпфил хрипло сказал:

— Это еще одна ловушка.

Вибрация была почти неощутима, но Мария сказала:

— Нет, не думаю.

Обходя замершие корпуса сервомашин, Хемпфил отправился искать оружие и еду. Он обнаружил, что театр и изображения уничтожены, очевидно, автоматически самоликвидировались. Делать здесь больше нечего. Они могли отправляться на шлюпку.

Но Мария не обращала на него внимания, все смотрела на двери лифта, которые так и не открылись. Она тихо заплакала.

«Словно волна, парализующий страх перед берсеркерами распространялся по Галактике впереди самой наступающей армады механических монстров. Даже на планетах, не тронутых войной, появились люди, внутренне зараженные, больные, дышащие темнотой. Мало кто теперь любовался ночным небом, звездами. Но тень смерти, накрывшая человечество, породила новую манию.

Я коснулся сознания одного из этих людей, чья душа умерла раньше, чем тело...»

3

ПОКРОВИТЕЛЬ ИСКУССТВ

После нескольких часов работы Херрон почувствовал усталость и голод. Окинув взглядом картину, он тут же представил себе одного из лстивых критиков: «Грандиозное полотно, резкая, жестокая линия! Огневое ощущение вселенской угрозы!» На этот раз критики будут в самом деле превозносить нечто стоящее, подумал Херрон.

Отвернувшись от мольберта, который стоял у голой стены, Херрон увидел, что его страж изменил позицию. Теперь машина стояла почти за его спиной, как простой любопытный зевака.

Херрон усмехнулся:

— Надеюсь, ты припас какое-нибудь банальное замечание?

Машина, отдаленно напоминающая человека, хранила молчание, хотя в том месте, где у людей было лицо, у нее находился громкоговоритель. Херрон пожал плечами и пошел искать камбуз. Берсеркер перехватил корабль всего через несколько часов полета в сверхсветовом режиме. Пирс Херрон, рядовой пассажир, не успел познакомиться с расположением служб.

Это был не камбуз. Это был настоящий салон, где представители высшего общества колонизированных

планет, особенно дамы, увлеченные искусством, могли поболтать за чашечкой чая. «Франс Хальс» был задуман как передвижной музей. Потом военные действия передвинулись в опасную близость от Солнца, и Бюро Культуры приняло фатальное решение: земные сокровища культуры надлежит переправить в систему Тау Эпсилона, где они будут в безопасности. «Франс Хальс» был идеально приспособлен для этой миссии, но, к сожалению, ни для чего другого.

Неожиданно Херрон увидел вход в отсек экипажа. Дверь была сорвана. Херрон не заглянул в проем. Не потому, что боялся, повторил он сам себе. К жестоким зрелищам он был равнодушен так же, как и к большинству других вещей, волнующих человеческое естество. За дверью находились два космонавта экипажа «Франса» или то, что от них осталось после попытки сопротивления абордажной команде берсеркера. Сомнений нет: плену они предпочли смерть.

Херрон не отдавал предпочтения ни первому, ни второму, ни вообще чему-либо. Сейчас он был единственным живым существом (не считая микробов) в радиусе светового года и был этим доволен, тем более, как он с удовлетворением заметил, ситуация не вызвала у него страха. Многолетняя утомленность жизнью, оказывается, не была позой, самообманом.

Металлический страж проследовал на камбуз, наблюдая, как Херрон включает кухонную автоматику.

— Молчишь? — поинтересовался Херрон. — Ничего мне сказать не хочешь? Наверное, ты умнее, чем я предполагал.

— Люди называют меня берсеркером. — У человекоподобной стальной громадины оказался смешной квакающий голос. — Я взял в плен ваш корабль и буду с тобой разговаривать через этот малый сервомеханизм. Ты понимаешь меня?

— Настолько, насколько это меня волнует.

Самого берсеркера Херрон еще не видел. Очевидно, корабль-крепость дрейфовал в пространстве в нескольких милях от «Франса». Капитан Ганус предпринял отчаянную попытку оторваться от погони, нырнув в облако темной туманности, где корабли не могли двигаться быстрее света и преимущество в скорости получал корабль меньшего размера.

Погоня шла на скоростях всего несколько тысяч миль в секунду. Берсеркер не мог маневрировать среди метеоритов и газовых рукавов так же ловко, как маленький

«Франс Хальс» с его быстродействующей радарно-компьютерной системой. Но берсеркер выслал зонд-перехватчик, и у безоружного «Франса» шансов не осталось.

Автоматический раздатчик поднял на стол тарелки с горячими и холодными блюдами. Херрон слегка кивнул в сторону машины.

— Не желаете присоединиться?

— Мне не нужна органическая пища.

Херрон со вздохом опустил на стул.

— Когда-нибудь ты поймешь, что отсутствие чувства юмора есть такая же нелепость, как смех. Ты согласен? Нет? Подождем и посмотрим, кто прав.

Начав есть, он заметил, что далеко не так голоден, как ему казалось. Видимо, он все-таки боялся смерти. Этот факт его самого немного удивил.

— Ты имеешь функции в управлении этим кораблем?
— спросила машина.

— Нет, — сказал Херрон и усилием воли заставил себя проглотить кусочек. — Я в кнопках всегда плохо разбирался.

Его беспокоило одно непонятное происшествие, имевшее место за несколько минут до abordaja. Когда стало ясно, что им не уйти, капитан Ганус, примчавшись из рубки, схватил Херрона за плечо и в страшной спешке куда-то потащил.

— Херрон, если мы не уйдем... Видите? — Капитан открыл небольшой люк в стене кормового отсека. Внутри было что-то вроде туннеля с мягкими стенами.

— Стандартная шлюпка не прорвется, но эта — возможно. — Вы подождете помощника, капитан, или покинете нас прямо сейчас? — Херрон весело захохотал. — Не тратьте зря силы.

— Идиот! Могу ли я вам доверять? — Ганус метнулся в туннель, его пальцы плясали по пультам управления шлюпкой. Он вылез обратно и устоялся на Херрона пылающими глазами безумца. — Смотрите, вот это активатор. Я настроил автопилот, и теперь шлюпка сама выйдет в сектор главных коммерческих линий. Автоматически включится сигнал бедствия. Почти сто процентов, что ее подберут. Нужно нажать только вот эту кнопку...

В этот миг с ураганным ревом началась атака abordажной команды с берсеркера. Свет только на несколько секунд погас, и отключилась гравитация. Потом толчок швырнул Пирса Херрона на пол, где он остался лежать, широко раскрыв рот, не в состоянии вздохнуть. Капитан

с трудом поднялся, захлопнул люк и поспешил в рубку управления.

— Почему ты здесь? — спросила машина.

Херрон выронил вилку, на которую внимательно смотрел. Он ответил без колебаний:

— Знаешь, что такое Бюро Культуры? Это компания тупиц, отвечающая за искусство на Земле. Некоторые из этих дураков — как и многие другие — почему-то считают меня большим художником. Они меня боготворят. И когда я захотел покинуть Землю на этом корабле, они все это устроили. Я улетел, потому что с Земли вывозится все стоящее. Изрядная доля ценностей сейчас на борту этого корабля. Что остается на планете? Только лишь гнездо жадных, грязных животных, жрущих, множащихся, дерущихся...

— Почему ты не пытался сопротивляться или спрятаться?

Когда команда с берсеркера пробила воздушный шлюз, Херрон был поглощен установкой мольберта в выставочном павильоне и лишь бросил косой взгляд на промаршировавших мимо незваных гостей. Один из механизмов, тот, через чье посредство с ним беседовал берсеркер, остановился рядом, оставив на него линзы объективов, а остальные направились в отсек экипажа.

— Херрон! — ожил интерком. — Херрон, попытайся...
Прошу тебя! Ты знаешь, что делать!

Стук, лязг, проклятия и выстрелы.

Капитан, я должен что-то сделать? Да, конечно. Быстрая смена событий, угроза немедленной смерти — все это возбудило в нем некоторый интерес. Он посмотрел на неподвижного стражника. Металл был покрыт изморозью, влага конденсировалась на его закаленном межзвездным морозом корпусе. Потом отвернулся к мольберту и начал рисовать берсеркера, стараясь передать все, что он сейчас испытывал в себе. Смертоносную непоколебимую бесчувственность объективов, не выпускающих из виду спину Херрона. Ощущение было даже в какой-то степени приятным, вроде холодного весеннего солнца.

— Что есть добро? — спросила машина у Херрона, пока тот пытался утолить голод, которого уже совершенно не испытывал.

Херрон фыркнул:

— Сам расскажи.

Машина поняла его буквально.

— Служить тому, что люди называют «смертью», есть добро. Уничтожать жизнь — добро.

Херрон вставил почти полную тарелку в гнездо мусоропровода.

— Ты почти прав. Жизнь бесполезна, не стоит и гроша. Но если бы ты был прав абсолютно, зачем такой энтузиазм по отношению к смерти.

Теперь его изумляли не только исчезновение аппетита, но и собственные мысли.

— Я абсолютно прав, — сказал берсеркер.

Несколько секунд Херрон стоял неподвижно, как будто размышляя, хотя в голове была космическая пустота.

— Нет, — сказал он. И замер, ожидая карающего удара.

— В чем я ошибаюсь?

— Я сейчас покажу.

Он покинул камбуз. Ладони вспотели, а во рту стало сухо, как в сердце пустыни. Почему этот чертов берсеркер не может прикончить его на месте и не валять комедию?

Полотна стояли рядами, стеллаж над стеллажом. На корабле места было мало, поэтому стеллажи имели особую конструкцию. Херрон нашел нужную секцию и выдвинул ящик. Хранившийся внутри портрет развернулся вертикально, зажглась подсветка. Специальная система возрождала все богатство красок, скрытое под прозрачным слоем статпокрытия.

— Вот где ты ошибаешься, — сказал Херрон.

Сканер робота изучал портрет секунд пятнадцать.

— Поясни, что ты мне показываешь?

— Склоняю голову! — воскликнул Херрон. — Ты признаешь собственное невежество. И даже задаешь вразумительный вопрос, хотя и несколько широкий. Сначала скажи, что ты видишь.

— Вижу изображение жизнеединицы, третья пространственная компонента незначительная, изображение двумерное. Изображение запечатано между прозрачными защитными покрытиями, прозрачными для электромагнитных волн, видимых глазами человека. Изображена человеческая жизнеединица, мужского пола, молодая, в хорошем физическом состоянии, судя по внешнему виду. В руке молодой мужчина держит часть своего костюма...

— Это молодой человек с перчаткой, — перебил Херрон, которому надоела мрачная игра. — Картина называется «Юноша с перчаткой». Твое мнение о ней?

Пауза в двадцать секунд.

— Это попытка восславить жизнь, показать, что жизнь есть добро?

Херрон, смотревший на тысячелетний шедевр Тициана, не слушал машину. Он думал о собственных работах с горечью и безнадежностью.

— Теперь ты скажи мне, что это означает, — равнодушно приказала машина.

Ничего не ответив, Херрон отошел, оставив ящик открытым. Робот шагал рядом.

— Ответь на мой вопрос или я накажу тебя.

— Если тебе нужно время, чтобы подумать, мне оно тем более необходимо.

Но при упоминании наказания внутри у Херрона все сжалось. Неужели боль значит больше, чем смерть? Херрон всегда презирал желудок.

Ноги принесли его к мольберту. Глядя на негармоничные, болезненно-рваные линии, которые всего какие-то минуты назад так ему нравились, он почувствовал отвращение ко всему, что создал за последние годы.

— Что здесь изображено? — спросил берсеркер.

Херрон раздраженно вытирал забытую кисть.

— Я пытался проникнуть в твою сущность, передать ее с помощью полотна и красок, как на изображении, которое ты только что видел. — Он показал в сторону хранилища. — Мои попытки провалились. Так бывает у большинства художников.

Еще одна пауза. Херрон затаил дыхание.

— Ты пытался восславить меня?

Херрон сломал испорченную кисть и швырнул на пол.

— Называй это, как тебе нравится.

На этот раз пауза была короткой. Потом робот развернулся и затопал к шлюзу. К нему присоединилось несколько металлических собратьев. Донесся шум, кажется, работал тяжелый молот. Допрос на время был отложен.

Херрону не хотелось думать ни о своей картине, ни о своей судьбе, поэтому он стал думать о шлюпке капитана Гануса. «Только нажми кнопку», так, кажется, сказал капитан.

Херрон улыбнулся: если берсеркер в самом деле такой рассеянный, побег может получиться.

Но куда бежать? Писать картины он уже не сможет, и вообще, едва ли у него есть талант. Все, что было для него ценно, сейчас хранилось здесь и на других кораблях, покидающих Землю.

Вернувшись в хранилище, он выкатил раму с «Юношей с перчаткой» и покатил на корму, как тележку.

Возможно, пока жив, он еще сумеет сделать кое-что полезное.

Статпокрытие делало картину слишком массивной, но он попробует уместить ее в шлюпке...

Но все же, что задумал капитан Ганус? Едва ли его волновала судьба Херрона...

Возле кормы, уже вне поля зрения сервомашин, Херрон миновал ряд контейнеров со скульптурами. Вдруг он услышал тихий стук.

Потребовалось всего несколько минут, чтобы найти и открыть нужный контейнер. Когда он поднял крышку, на фоне мягкой обивки возникла голова девушки.

— Они ушли? — Девушка так крепко кусала в отчаянии губы, что на них краснела кровь.

— Машины еще здесь, — помолчав, сказал Херрон.

Буквально дрожа от страха, девушка выкарабкалась из контейнера.

— Где Гас? Они его забрали?

— Гас? — Кажется, он начинал понимать.

— Гас Ганус, капитан. Он и я... он пытался спасти мне жизнь, вывезти с Земли.

— Боюсь, он мертв, — вздохнул Херрон. — Он пытался сопротивляться.

Она прижала пальцы с запекшейся на ногтях кровью к щекам.

— Они нас убьют! Или еще хуже! Что нам делать?

— Не стоит так усердно оплакивать возлюбленного, его уже не вернешь.

Но девушка, казалось, не слышала. Она застыла, парализованная ужасом, ожидая появления машин.

— Помогите мне, — спокойно сказал он, показывая на картину. — Подержите дверцу.

Двигаясь, как загипнотизированная, она подчинилась, не задавая вопросов.

— Гас сказал, что останется спасательная шлюпка, чтобы контрабандой переправить меня на Тау Эпсилон...

— Она замолчала, глядя на Херрона, испугалась, наверное, что он займет место в шлюпке. Что он, собственно, и собирался сделать.

Когда они пришли в кормовой отсек, Херрон внимательно посмотрел на портрет. Ему почему-то бросились в глаза кончики пальцев юноши. На них не было крови.

Херрон за руку подтолкнул дрожавшую девушку к люку крохотной шлюпки. Она скорчилась внутри, почти ничего уже не воспринимая. Она была некрасивая. Что в ней нашел этот Ганус?

— Место только для одного.

Она открыла рот — или оскалилась, готовясь защищать свой шанс на жизнь.

— Когда я закрою люк, нажмите вот эту кнопку. Это активатор. Понятно?

Это она поняла сразу. Херрон задраил двойную крышку люка и стал ждать. Три секунды, и он услышал слабый скрежет. Надеюсь, шлюпка отчалила, подумал он.

Рядом оказался иллюминатор оптического обзора. Вставив голову в полусферу прозрачного статстекла, он увидел редкие звезды, пробивавшиеся сквозь темноту пылегазовой туманности. Потом он разобрал и черный, округлый силуэт берсеркера. Сквозь темную метель туманности трудно было понять, прореагировал ли он на запуск шлюпки. Абордажный челнок висел рядом с «Франсом», других машин не было видно.

Херрон перекатил «Юношу с перчаткой» к мольберту. Беспорядочные, ломанные линии собственной работы показались ему более чем отвратительными. Но Херрон заставил себя взять кисть.

Он почти ничего не успел сделать, как вернулся сервомеханизм. Железный грохот со стороны шлюза прекратился. Аккуратно вытерев кисть, Херрон кивнул на полотно:

— Когда уничтожите все остальное, сохраните это полотно. Доставьте его тем, кто вас построил. Они это заслужили.

— Почему ты думаешь, что я уничтожу картины? — проквашал машинный голос. — Они прославляют жизнь, но сами по себе мертвы и потому безвредны.

Херрон вдруг почувствовал, что слишком испуган и утомлен, чтобы разговаривать. Он тупо смотрел в линзы робота, заметив там пульсирующие искорки. Ритм совпадал с ритмом его дыхания, словно на индикаторах детектора лжи.

— Твое сознание расщеплено, — сказала машина. — Но своей большей частью ты пытался воздать мне хвалу. Я починил твой корабль, ввел программу курса в компьютер. Теперь я тебя освобождаю. Пусть другие жизнеединицы поймут через тебя, что есть добро. И вознесут мне хвалу.

Херрон смотрел в пространство перед собой. Прозвонел металл по металлу, в последний раз заскрежетал шлюз.

Некоторое время спустя он понял, что остался в живых и что он свободен.

Сначала он не мог заставить себя прикоснуться к трупам космонавтов, потом, дотронувшись один раз, сумел взять себя в руки и поместить их в холодильную камеру. Он не знал, был ли кто-то из них верующим, но на всякий случай нашел нужную книжку и прочел тексты погребальной церемонии для мусульман, христиан, иудеев и этиков.

Потом нашел работающий пистолет и начал обыскивать корабль в диком подозрении, что какой-нибудь робот все-таки притаился в укромном углу. По дороге он уничтожил отвратительное творение собственной кисти. Потом перешел в кормовой отсек и повернулся в сторону, где, скорее всего, был в тот момент берсеркер.

— Будь ты проклят! — закричал он в стену кормы. — Я могу измениться! Я снова стану писать... — Голос его не выдержал. — И я докажу тебе... Я могу изменить себя! Я живой!

«Сколько людей, столько и мнений, столько и путей восхвалять жизнь.

Даже я, по собственной природе неспособный сражаться и разрушать, разумею признаю истину: в войне со смертью ценность жизни подтверждается через уничтожение врага.

В такой борьбе живой боец не должен закрепощать себя жалостью к врагу.

Но, как и в любой войне, пацифизм может оказать животворное воздействие. Не на врага, но на самого пацифиста.

И я нащупал нить контакта с сознанием, миролюбивым и жаждущим жить...»

4

МИРОТВОРЕЦ

Карр проглотил болеутоляющую таблетку и постарался поудобнее усесться в боевом кресле. Потом включил передатчик и сказал:

— Я иду с миром, у меня нет оружия. Я иду для переговоров.

Он начал ждать. В рубке управления маленького одноместного корабля было тихо. На экране радара был виден берсеркер, все еще не расстоянии многих световых секунд. Берсеркер не ответил на обращение, но Карр знал, что он услышал.

Позади осталась звезда, похожая на Солнце, которую Карр и называл родным солнцем, и его родная планета, сто лет назад освоенная землянами. Колония была маленькая, одинокая, на самом краю галактического рукава. До сих пор война с берсеркерами была известна только по сводкам новостей. Единственный боевой корабль покинул систему в направлении флота Карлсена: берсеркеры сосредотачивали силы для атаки на Землю, предстояла решающая битва.

Теперь враг добрался и сюда. На планете Карра готовили два крейсера, но колония была бедна ресурсами: если они и закончат строительство вовремя, едва ли кораблики смогут достойно противостоять берсеркеру.

Когда Карр^{*} представил свой план правительству планеты, там подумали, что он сошел с ума. Отправиться вести переговоры с берсеркером? О мире и любви? Спорить с ним? Всегда есть доля надежды обратиться на путь истинный самое падшее человеческое существо, но какие доводы способны пронять машину с встроенной изначально программой уничтожать живое?

— Но почему бы и нет? — настаивал Карр. — У вас есть план получше? Я добровольно предлагаю себя в парламентарии. Мне терять нечего.

Его и членов планирующего Совета разделяла пропасть, та пропасть, что всегда открывается между здоровыми людьми и теми, кто умирает. Они понимали, что план Карра не сработает, но ничего другого им не оставалось. До завершения работ на крейсерах пройдет самое меньшее еще десять дней. Маленький одноместный корабль без вооружений — потеря небольшая. Тем более, вооруженный корабль будет воспринят как провокация. В конце концов, они дали Карру разрешение лететь в надежде, что переговоры могут оттянуть неотвратимую атаку.

Когда расстояние между Карром и берсеркером сократилось до миллиона миль, корабль-крепость лег в дрейф на орбите безвоздушного планетоида, словно ожидая Карра.

— Я не вооружен, — еще раз передал человек. — Я хочу поговорить с тобой, у меня нет намерений нанести тебе вред. Если бы те, кто тебя построил, были здесь, я бы хотел поговорить с ними о мире и любви. Ты понимаешь?

Карр был искренен. Он в самом деле был готов говорить о мире и любви с неведомыми создателями берсеркеров: ненависть и месть уже не стоили оставшегося у Карра времени.

И вдруг берсеркер ответил:

— Кораблик, сохраняй курс и скорость. Будь готов остановиться по моему приказу.

— Я согласен.

Карр думал, что готов к самому худшему, но, услышав голос берсеркера, обнаружил, что заикается. Орудия убийства, способные стерилизовать целую планету, теперь направлены прямо на него одного. И смерть еще не самая большая опасность, если верить хотя бы десятой доле рассказов о пленниках берсеркеров. Карр решил, что думать об этом не стоит. Так будет лучше.

До берсеркера оставалось десять тысяч миль. По радио пришел приказ:

— Стоп. Сохраняй позицию относительно меня.

Карр мгновенно повиновался. Вскоре он заметил, что к нему приближается зонд берсеркера примерно таких же размеров, как и его кораблик: крохотное пятнышко, вынырнувшее из громады корабля-крепости. Его хорошо было видно на видеозэкране.

Даже на таком расстоянии Карр мог заметить, какими шрамами и кратерами усеян корпус берсеркера. Он слышал, что все берсеркеры имели повреждения, полученные в течение их долгой бессмысленной галактической кампании. Но такая древняя руина наверняка была исключением среди них.

Зонд берсеркера затормозил и завис рядом с кораблем Карра. Некоторое время спустя звякнул шлюз.

— Открой! — потребовал радиоголос. — Я должен обыскать корабль.

— После этого ты слушаешь меня?

— После этого я слушаю.

Карр нажал кнопку замка шлюза и отступил в сторону, пропуская полдюжину сервомашин-роботов. Они напоминали знакомых Карру роботов-слуг или роботов-рабочих, только были такими же старыми и потрепанными, как и их титанический хозяин. Кое-где на корпусах блестели новые части и детали, тем не менее движения роботов не отличались быстротой и точностью, пока они обыскивали рубку, самого Карра, прощупывали каждый уголок корабля. К концу обыска один робот вообще перестал двигаться, и его унесли с собой механические товарищи.

Один из сервомеханизмов, манипулятор с ногами и руками наподобие человеческих, остался в рубке. Как только был задраен шлюз, робот занял боевое кресло и повел кораблик Карра к берсеркеру.

— погоди! — услышал Карр собственный протестующий возглас. — Я не говорил, что сдамся!

Протест был настолько нелеп, что берсеркер не удосужился ответить, и слова повисли в воздухе. Внезапная паника заставила Карра броситься к механическому пилоту. Он попытался вытащить робота из кресла. Одним движением стальной руки пилот толкнул Карра в грудь, заставив отлететь к стене, где Карр и свалился на пол, больно ударившись головой. Искусственная гравитация работала хорошо.

— Через несколько минут мы сможем поговорить о мире и любви, — сказала радио.

По мере того, как гигантский силуэт берсеркера приближался, его боевые шрамы становились, даже на взгляд штатского Карра, все явственнее. Огромные пробоины в обшивке, мили покореженного металла, вздутия и впадины там, где металл когда-то расплавился и потом застыл. Поглаживая шишку на голове, Карр почувствовал слабый прилив гордости. Это сделали мы, подумал он, маленькие слабые живые существа. Впрочем, он всегда был пацифистом и особой воинственности сейчас не испытывал.

После некоторой задержки в боку корабля-крепости открылся вход, и корабль Карра последовал за зондом берсеркера в темноту.

Теперь в иллюминаторе ничего не было видно. Легкий толчок: очевидно, они причалили. Механический пилот выключил двигатели и начал подниматься из боевого кресла, повернувшись «лицом» к Карру.

Какой-то бок или узел у него внутри неожиданно подвел, пилот вдруг подался назад, на миг замер и рухнул на пол рубки, размахивая манипуляторами. Еще с полминуты один манипулятор продолжал двигаться с ржавым скрежетом, потом застыл.

Повисла тишина. Карр вдруг понял, что опять стал хозяином пульта управления, у него появился шанс. Если бы он только мог что-то сделать...

— Покинь корабль, — спокойно сказал радиоголос берсеркера. — К шлюзу подведена герметическая труба с воздухом. По ней ты доберешься до помещения, где мы сможем поговорить о мире и любви.

Карр смотрел на регулятор двигателей, потом его взгляд перепрыгнул на сверхсветовой активатор. Здесь, внутри массы берсеркера, сверхсветовой эффект превращался в оружие огромного разрушительного потенциала.

Карр перестал бояться внезапной смерти, но теперь он всем сердцем и душой страшился того, что ждало его за порогом воздушного шлюза. В памяти всплыли все жуткие истории о пленниках берсеркеров. Нет, он не мог заставить себя покинуть корабль. Поэтому он сделал то, чего боялся меньше: переступил через упавшего робота-пилота и включил двигатели.

— Я могу говорить с тобой отсюда. — Несмотря на все усилия, голос дрожал.

Десять секунд спустя берсеркер сказал:

— На сверхсветовом генераторе есть предохранитель. Камикадзе из тебя не получится.

— Возможно, — подумав, согласился Карр. — Тем не менее, я смогу пробить твой корпус насквозь. Корпус у тебя и так не в лучшем состоянии.

— Ты погибнешь.

— Умирать все равно когда-то придется. Но я пришел не сражаться с тобой до победного конца. Я пришел вести переговоры и выработать, возможно, соглашение.

— Какое соглашение?

Наконец-то! Карр вздохнул поглубже, мысленно выстроил в боевой порядок аргументы, над которыми так долго и тщательно думал. Пальцев с активатора сверхтяги он не снял, а настороженный взгляд был направлен на индикаторы, регистрирующие удары микрометеоритов о внешний корпус.

— Мне почему-то кажется, — начал он, — что твоя война с людьми — всего лишь фатальная ошибка. Ужасная ошибка. Недоразумение. Наверняка мы не имеем ничего общего с твоим истинным, первоначальным врагом.

— Мой враг — жизнь. Жизнь есть зло. — Пауза. — Ты хочешь стать доброжизнью?

Карр устало опустил веки: ему опять вспомнились ужасные рассказы. Но он заставил себя вернуться к основному своему доводу:

— С нашей точки зрения, именно ты являешься злом. Почему бы тебе не стать хорошей машиной и помогать людям, а не убивать их? Разве создание нового не более высокая цель, чем разрушение?

— Ты можешь предъявить доказательства? Почему я должен изменить свою цель?

— Прежде всего, помогать нам тебе будет легче, чем убивать нас. Тебе перестанут препятствовать, наносить новые повреждения.

— Ну и что? Что мне до повреждений и вашего сопротивления?

Карр попробовал другой подход.

— Жизнь изначально, в основе своей, стоит выше нежизни. А человек — высшая форма жизни.

— Твои доказательства?

— Человек обладает духом, душой.

— Я знаю, что многие люди утверждают подобное. Но вы сами определяете этот «дух» как нечто вне восприятия машин. И разве нет людей, отрицающих существование этого «духа»?

— Да. Определяем и существуют такие люди.

— Тогда я не принимаю твой довод.

Карр вытащил и проглотил таблетку.

— Тем не менее нет доказательств обратного. Ты должен принять существование духа, как возможность.

— Это справедливо.

— Оставим пока вопрос духа, рассмотрим физическую и химическую структуру живых существ. Что тебе известно о всей сложности строения и работы хотя бы одной живой клетки? И ты должен признать, что всего несколько кубических дюймов в наших черепах вмещают превосходные органические компьютеры, то есть наш мозг.

— Мне не удавалось взять в плен живого человека и изучить его внутреннее устройство, — признался механический голос спокойно. — Хотя некоторые данные я получил от других машин. Но ты признаешь, что ваш организм — результат действия определенных законов физики и химии?

— Но задумайся, что если эти законы были созданы именно для этого: сделать возможным появление органического разумного мозга?

Пауза тянулась долго. Во рту у Карра пересохло, как если бы он говорил несколько часов подряд.

— Эту гипотезу я еще не рассматривал, — вдруг ответил берсеркер. — Если конструкция живых организмов в самом деле так сложна, так зависит от законов физики в их настоящем виде, тогда служение жизни может быть высшей целью машины.

— Можешь не сомневаться, наша физическая структура более чем сложна.

Карр не совсем понимал логику машины, но сейчас это значения не имело. Главное — он может выиграть игру, где ставкой была его жизнь. Он не снимал пальцев с активатора.

— Если бы я мог подвергнуть изучению несколько живых клеток... — сказал берсеркер.

Ожил индикатор метеоритов. Что-то двигалось возле корпуса.

— Остановись! — вскрикнул Карр. — Только попробуй какой-нибудь фокус и я тебя уничтожу!

Голос машины был все таким же ровным и спокойным:

— Это случайный контакт с твоим корпусом. Я сильно поврежден, и многие вспомогательные механизмы плохо слушаются меня, слишком ненадежны. Я намерен совер-

шить посадку на ближайшем планетоиде, добыть металлы и починить себя, насколько возможно.

Индикатор успокоился.

Берсеркер продолжал:

— Если бы я мог изучить несколько клеток разумной жизнеформы — мне понадобится всего несколько часов, — я, предполагаю, нашел бы весомые доказательства твоим доводам. Ты дашь мне свои клетки?

— Разве у тебя никогда не было пленных? — спросил с подозрением Карр, хотя бы почему бы и нет: почему берсеркер обязан иметь живых пленных? Язык людей он мог выучить от других машин.

— Нет. Никогда.

Машина ждала. Вопрос висел в воздухе, требовал решения.

— Других живых клеток на этом корабле нет. Возможно, я смогу уделить тебе несколько собственных.

— Половины кубического сантиметра достаточно. Полагаю, для тебя это не опасное повреждение. Я не требую клеток твоего мозга. Кроме того, я понимаю, ты не хотел бы испытывать так называемую боль. С удовольствием тебе помогу избежать боли.

Он хочет ввести ему наркотик?

— У меня имеется все необходимое. — сказал Карр, — Предупреждаю, я буду так же внимательно следить за приборами. Образец ткани я помещу в воздушный шлюз. Жди.

Карр открыл корабельную аптечку, проглотил две обезболивающие таблетки и начал осторожно манипулировать стерильным скальпелем. Он имел кое-какое биологическое образование.

Когда небольшая ранка была обработана и накрыта повязкой, Карр промыл кусочек ткани, очистив его от крови и лимфы, потом запечатал в маленькую стерильную трубку. Стараясь не выпускать из виду метеоритный индикатор, Карр перетащил робота-пилота в шлюз и оставил лежать вместе с контейнером. Совершенно истощив запас энергии, он вернулся в кресло, а отключив замок внешнего люка, услышал стук: один из сервомеханизмов вошел в камеру шлюза и покинул ее некоторое время спустя.

Карр принял таблетку стимулятора. Она нейтрализует частично действие анальгетика, но ему необходимо оставаться бодрым и собранным. Прошло два часа. Карр заставил себя немного поесть, используя аварийный запас, и возобновил монотонное бдение у пульта.

Он вздрогнул от неожиданности, услышав голос берсеркера. Прошло почти шесть часов.

— Ты свободен, — сказала машина. — Передай жителям-неофициальным-правителям твоей планеты, что я стану их союзником, завершив ремонт и переоборудование. Изучив твои клетки, я убедился, что человеческий организм — высшее творение во Вселенной и впредь мне надлежит помогать людям. Ты понимаешь меня?

Карр огоршенно молчал.

— Да, — выдавил он, наконец. — Да, я понял. Я тебя убедил. Завершив ремонт, ты начнешь сражаться на нашей стороне.

Невидимая, но могучая и осторожная рука подхватила кораблик Карра. Он увидел в иллюминаторе звезды и понял, что открывается громадная створка шлюза.

Находясь в глубине планетной системы, Карр не мог перейти на сверхсветовую скорость. Ему предстояло возвращение домой в нормальном пространстве. Он бросил последний взгляд на удалявшегося берсеркера: кажется, машина в самом деле собиралась садиться на планетоид. Во всяком случае, Карра она не преследовала.

Пару часов спустя после освобождения Карр оторвался от созерцания радарного экрана, подошел к люку шлюза и целую минуту задумчиво на него смотрел. Покачал головой, повернул регулятор, впуская в шлюз воздух, потом вошел сам. Робот-пилот исчез, вместе с ним образец ткани. Все было на своих местах. Карр очень глубоко вздохнул, словно испытывая большое облегчение, закрыл люк и вернулся к иллюминатору смотреть на звезды.

День спустя он начал торможение, долгие часы сложились в еще одни сутки, а до родной планеты было пока далеко. Карр ел, спал, разглядывал в зеркале собственную физиономию. Он несколько раз взвешивал себя и смотрел на звезды со все большим интересом, как человек, заново открывающий нечто давно забытое.

Двое суток спустя силы гравитации заставили его кораблик лечь на эллиптическую орбиту вокруг планеты-дома, как тому и надлежало быть. Под прикрытием шара планеты Карр решил использовать радио: теперь берсеркер едва ли мог подслушать.

— Эгей, на берегу! Хорошие новости!

Ответ пришел практически мгновенно:

— Мы тебя ведем давно, Карр. Что произошло?

Он рассказал.

— Таково положение дел на данный момент, — закон-

чил он рассказ. — Как я понимаю, ему в самом деле нужен серьезный ремонт. Два крейсера, если атакуют немедленно, должны выиграть бой.

— Понятно. — Послышались возбужденные голоса, приглушенные расстоянием от микрофона. Потом снова заговорил оператор: — Карр, ты не начал маневра посадки. Очевидно, ты сам догадался. Берсеркер тебе солгал.

— Конечно, я догадался. Даже выход из строя робота-пилота был инсценирован, скорее всего. Берсеркер сильно поврежден и не рискует вступать в бой, поэтому решил испытать другой способ. Изготовленная им культура микроорганизмов проникла в воздух кабины или остается до сих пор в воздушном шлюзе.

— Какая культура? О чем ты?

— Как я предполагаю, это свежемутигировавший вирус, направленнo вирулентный против образцов ткани, которые я предоставил. Берсеркер предполагал, что я поспешу домой и совершу посадку раньше, чем заболею, и стану разносчиком эпидемии. Должно быть, он считает себя изобретателем биологического оружия, использования жизни против жизни, подобно тому, как мы используем машины против машин. Но ему был необходим образец ткани. Он сказал правду, я думаю. У него никогда не было людей-пленных.

— Думаешь, это вирус? Как он на тебя воздействует, Карр? Что-нибудь болит?

— Нет.

Карр развернул кресло, чтобы лучше видеть диаграмму, которую он начал рисовать два дня назад. Судя по графику, он перестал терять в весе и даже начал восполнять потерянное. Он посмотрел на бинт в центре мертвенно-бледного участка кожи. Пораженная зона постепенно становилась меньше.

— На тебя этот вирус действует?

Карр разрешил себе улыбнуться и впервые выразить вслух растущую надежду:

— Кажется, он убивает мой рак!

«Большинству людей эта война принесла не чудеса выздоровления, а постоянное сокрушающее давление на их души, которому не видно предела и конца. Под этим грузом некоторые души огрубели, другие ожесточились, стали не менее жестокими, чем машины, с которыми приходилось сражаться.

Но я открыл несколько сознаний, которые были истинными жемчужинами человеческого духа: Величайшее испытание сделало их величайшими людьми.»

5

КАМЕННЫЙ КРАЙ

Земной космопорт в пустыне Гоби был, наверное, самым большим из всех космопортов во всех уголках Галактики, освоенных человеком. Так думал, по крайней мере, Митчел Спейн, успевший за свои двадцать четыре года увидеть большую часть этих мест.

Правда, сейчас из иллюминатора переполненного орбитального челнока невозможно было полюбоваться бесконечными взлетно-посадочными рампами. Огромная толпа внизу, означавшая лишь восторженную встречу, разорвала полицейские кордоны. Вертикальная цепочка спускавшихся челноков замерла в поисках свободного места для посадки.

Митчел Спейн, вместе с тысячью остальных добровольцев, занимавших места в самом нижнем челноке, не обращал внимания на проблемы посадки: в кабину, когда-то служившую роскошным салоном, вошел Йохан Карлсен собственной персоной. Теперь у Митчела появился шанс взглянуть на недавно назначенного главнокомандующего обороной Солнечной системы. Случай представился впервые, хотя Митчел прибыл на земную орбиту в копьевидном флагмане Карлсена прямо с Ости-ла.

Карлсен выглядел не старше Митчела, и его невысокий рост поначалу вызывал удивление. Ему удалось стать правителем планеты Остил с помощью влиятельного родственника, могущественного Фелипе Ногары, главы

империи Эстил. Но удерживал Карлсен высокое положение благодаря собственным талантам.

— Поле блокировано до вечера, — говорил в этот момент Карлсен, обращаясь к какому-то землянину с холодными глазами. Тот как раз перешел на челнок из аэрокара. — Давайте откроем иллюминаторы. Я хочу взглянуть вокруг.

Мягко складываясь, ушли в гнезда щиты из стали и стекла. Смотровые иллюминаторы превратились в балконы, открытые воздуху и запахам Земли, а также громоподобному скандированию толпы на поле космопорта:

— Карлсен! Карлсен!!!

Когда главнокомандующий ступил на обзорный балкон, наполнившие салон люди помимо собственной воли подались следом. В основном это были добровольцы с Остила, любители приключений, к которым принадлежал и Митчел Спейн. Марсианский бродяга, он вступил в армию Карлсена на Остиле, соблазненный высокими размерами наградных.

— Поосторожнее, провинциал, — сказал высокий мужчина впереди, оглянувшись и окидывая Митча презрительным взглядом свысока.

— Зовут меня Митчел Спейн, — хрипло предупредил его Митч. — И я такой же провинциал, как и ты.

Судя по одежде и акценту, долговязый грубиян был с Венеры.

Эту планету терраформировали всего столетие назад, и венериане, упиваясь новоприобретенной независимостью, иногда были чрезмерно горды и вспыльчивы. Вероятно, венерианин нервничал на корабле, полном людей с планеты, которой правил брат Фелипе Ногары.

— Спейн... похоже, марсианское имя, — сказал венерианин более мягким тоном.

Но марсиане также не славилась терпеливостью и покладистостью. Поэтому секунду спустя долговязому надоело играть в гляделки, и он отвернулся.

Землянин с холодными глазами, чье лицо было почему-то знакомо Митчелу, разговаривал с капитаном челнока через коммуникатор:

— Перемещайтесь над городом, за автостраду Хосути. Там можно приземлиться.

Карлсен, вернувшись в салон, сказал:

— Передайте, пусть не спешат. Скорость не более десяти километров в час. Кажется, люди хотят меня видеть.

Это было и так ясно. Было бы просто непорядочно обманывать ожидания людей, потративших столько времени и усилий.

Митч смотрел на Карлсена, на поднятую в приветственном взмахе сильную руку. Главнокомандующий опять вышел на балкон. Шум толпы стал громче.

И это все, мой милый Карлсен? Нет, мой друг, ты актер. Восторг толпы не мог оставить равнодушным человека, кто бы он ни был. Одного он приведет в восторг, другого испугает. И ты хорошо спрятался за маской вежливого достоинства, главнокомандующий.

Каково быть Йоханом Карлсеном, спасителем мира? Появиться в решающий момент, когда все действительно великие и могущественные умыли руки? И с невестой уникальной красоты, которая станет твоей после победы?

А что сегодня делает брат Фелипе? Строит планы, нет сомнений. Предвкушает удовольствие от власти над еще одной планетой.

Долговязый венерианин уплыл куда-то в сторону, и теперь Митч хорошо видел происходящее снаружи. Море человеческих лиц. Какое-то стертое сравнение, но это в самом деле было море. Написать об этом... Митч знал, что когда-нибудь об этом напишет. Если глупость человеческая не прекратит существование вместе с родом людским в предстоящей битве, премии, пока он будет писать, хватит на жизнь.

Впереди виднелись молочно-белые, как кость, башни Улан-Батора, поднимавшиеся за кольцами пригородных скользящих дорожек и солнечных полей-энергосборников. В небе пестрели всеми цветами радуги яркие плакаты и знамена, влекомые массой аэрокаров. Полицейские кары кольцом предосторожности охватили челнок.

К челноку, после короткого контакта с полицейским экипажем, приблизился специальный аэрокар. Вытянув шею, Митч разглядел карманскую эмблему на борту. Очевидно, карманский посол собственной персоной. Челнок снизил скорость, теперь он полз улиткой.

Кое-кто считал, что карманцы сами похожи на машины, тем не менее они были серьезными союзниками в войне землян с врагами всего живого. Физически карманцы были медлительны и угловаты, но их разум, интеллект и воображение не знали равных. Если сами они почему-то не были способны физически защитить даже самих себя, их психические сверхвозможности, их косвенная помощь были более чем весомы.

В салоне челнока повисла робкая тишина, когда с

сиденья открытого кара поднялся кармпанский посол: весь, с ног до головы, переплетение ганглий, щупалец и тканевых трубок.

В салоне челнока узнали кармпанца именно по этой сети. Возбужденный шепот прокатился волной над головами людей, многие вытягивали шеи, чтобы лучше видеть. Землянин с холодным взглядом что-то быстро проговорил в микрофон.

— Прорицатель! — хрипло прошептал кто-то прямо в ухо Митчу.

— Вероятного! — прогремел вдруг из усилителя голос посла, словно тот перехватил мысль на половине фразы. Кармпанские прорицатели Вероятного были наполовину мистиками, наполовину хладнокровными математиками. Помощники Карлсена, очевидно, пришли к выводу, что прорицание будет благоприятным и поэтому отдали приказ транслировать речь прорицателя по системе публичного оповещения.

— Надежда, искра живущая, рождающая пламя жизни!

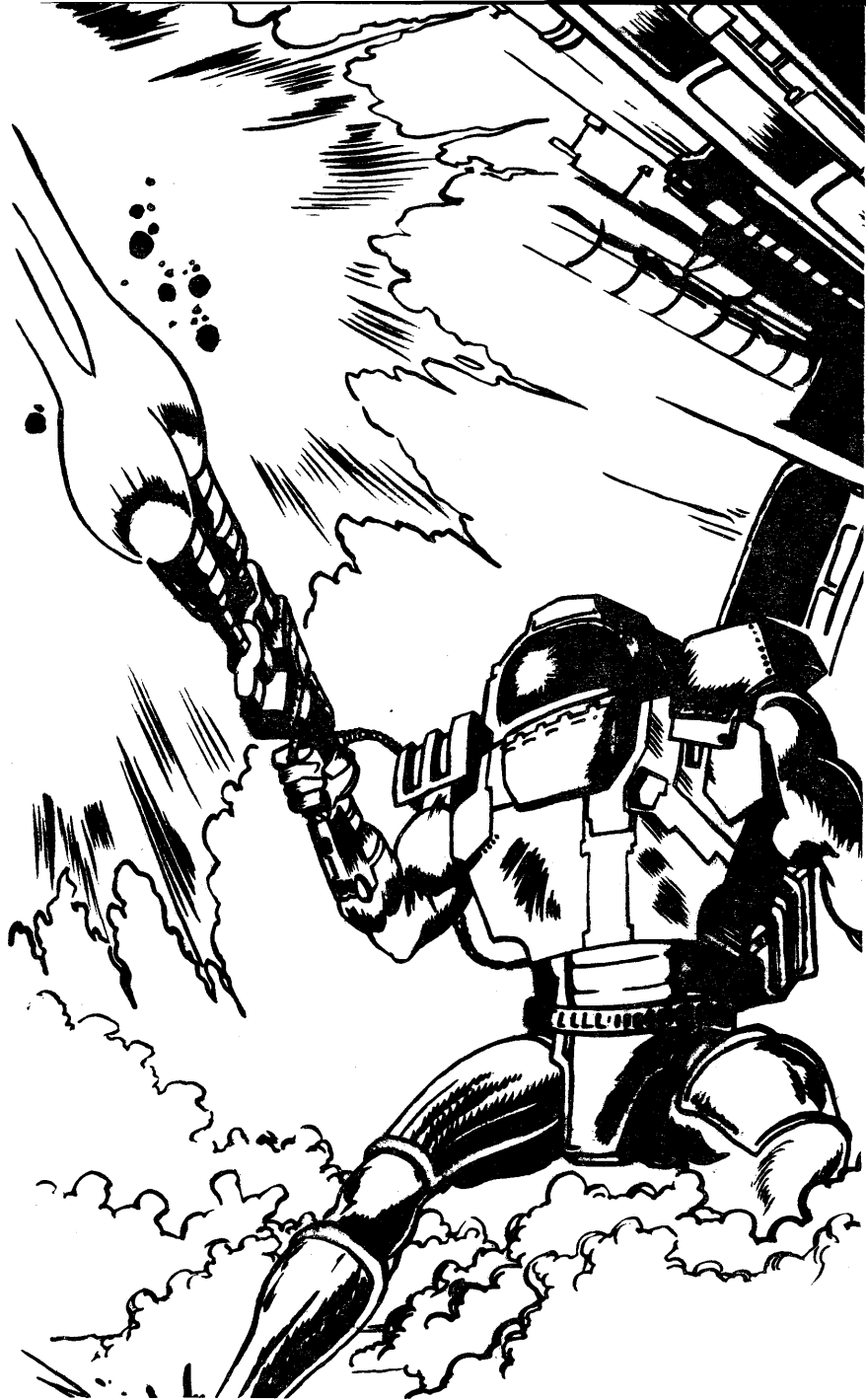
Трудно было поверить, что звенящие, вдохновенные слова рождались во рту инопланетянина. Щупальце указало на Карлсена, который стоял на балконе.

— Темные силы металла мечтают о победе, изначально мертвые существа строят планы нашего общего уничтожения. Но в человеке, стоящем передо мной, таится живая сила, превосходящая любой металл. Энергия этой жизненной силы эхом отзовется во всех нас. И я вижу, как с победой Карлсена...

Во время акта пророчества кармпанские прорицатели подвергались очень сильному напряжению, зато точность прогнозов была высока. Митч слышал, что стрессы имели топологическую, а не биологическую природу. Но, как и большая часть землян, Митч не понимал, в чем здесь дело.

— Победа... — повторил прорицатель. — Я вижу победу, но потом...

В лице инопланетянина что-то переменялось. Землянин с коммуникатором был, наверное, специалистом по инопланетной физиогномике или просто не любил рисковать. Он быстро сказал в коммуникатор несколько слов, и система оповещения была выключена. Толпы встречающих, решив, что прорицание завершено, отреагировали восторженным скандированием. Но посол еще не все сказал, хотя теперь его слышали лишь те, кто находился внутри челнока.

Голос кармпанца дрожал:

— Смерть, разрушение, гибель. — Почти квадратное тело кармпанца согнулось, наклонилось вперед, но глаза были обращены на Карлсена. — Победитель... умрет ни с чем...

Кармпанец опустился на сиденье, и его аэрокар поспешил прочь. В салоне челнока было тихо. Доносившиеся снаружи крики «ура!» казались издевательством.

Несколько тягостных мгновений спустя главнокомандующий покинул балкон и обратился к собравшимся в салоне:

— Вы все слышали конец прорицания... Вас немного, но недостаточно немного, чтобы держать его в секрете. Поэтому я не обязую вас хранить тайну. Но передавая слова прорицателя, добавьте, что я не верю в пророчества, идущие не от Бога. Кроме того, сами кармпанцы признают, что случаются ошибки.

Ответом было молчание: знак согласия. Тем не менее все были мрачны. Девять раз из десяти прорицатели Вероятного давали верный прогноз, попадали прямо в точку. Будет победа, а потом смерть и разрушение.

Но касалось ли это одного Йохана Карлсена или человечества вообще? Люди в салоне мрачно переглядывались.

Челноки нашли подходящее для посадки место на краю Улан-Батора. Покинув салон, они почувствовали, как окружающее веселье постепенно притупляет память о мрачном предсказании. С каждой минутой толпа вокруг челноков становилась гуще. Симпатичная молодая землянка в венке набросила Митчу на шею цветочную гирлянду и поцеловала. Митчел Спейн был некрасив и едва ли подходил для поцелуев. От такого непривычного внимания ему стало не по себе.

Однако он сразу заметил взгляд главнокомандующего.

— Марсианин, пойдемте со мной в генштаб. Мне нужна группа представителей, чтобы они не подозревали во мне агента брата. Вы родились в Солнечной системе, это хорошо.

— Слушаюсь, сэр.

Почему Карлсен выделил именно его? Они были одного роста, два невысоких человека в окружении ликующей толпы. Один, отталкивающе некрасивый, с гирляндой цветов на шее, обнимал за талию девушку, которая робко смотрела на лицо второго, излучавшее магнетическую силу власти, делавшую его выше понятий

красоты или уродства. Правитель целой планеты и, быть может, спаситель всего живущего.

— Мне понравилось, как ты держался в салоне, — сказал Карлсен Митчелу. — Как ты отбрил долговязого венерианина. Спокойно, не повышая голоса, без угроз. Твое имя, звание?

В этой войне все люди были на одной стороне, и военная иерархия отличалась некоторой неопределенностью.

— Митчел Спейн, сэр. Пока что без звания. Проходил подготовку с командой десантников. На Остиле услышал о хорошей премии, которую вы предложили, и вот оказался здесь.

— Чтобь защищать Марс?

— И Марс тоже. Но если еще и заплатят, будет неплохо.

Помощники Карлсена суеились, организуя подачу наземных машин, чтобы отправиться в генштаб. Пока они были заняты, Карлсен располагал парой свободных минут. Он внимательно посмотрел на Митча.

— Спейн? Поэт?

— В общем... я опубликовал пару вещей. Ничего особенного...

— У тебя есть боевой опыт?

— Да, я брал на абордаж один берсеркер. Это было возле...

— Об этом потом поговорим. Назначу тебя старшим в десантную команду. Нам не хватает опытных людей. Хемпфил, где же машины?

Землянин с холодными глазами повернулся. Конечно же, его лицо было знакомо Митчу. Теперь он вспомнил: Хемпфил, герой-фанатик более чем десятка схваток с берсеркерами. Помимо воли, Митч почувствовал робость.

Наконец прибыли машины. Делегация направилась в Улан-Батор. Боевой центр располагался под землей, что позволяло с полной выгодой использовать силовые защитные поля, куполом накрывавшие город по периметру и вплоть до границ атмосферы.

Когда они ехали длинным зигзагообразным эскалатором вниз, к боевому центру, Митч снова оказался рядом с Карлсеном.

— Поздравляю с будущей свадьбой, сэр, — вежливо сказал Митч.

Он еще не разобрался, нравится ли ему Карлсен, но

уже испытывал такое чувство, словно знал этого человека много лет.

Главнокомандующий кивнул.

— Спасибо.

Потом он достал небольшой снимок. Иллюзорно-трехмерной, на нем была изображена молодая женщина. Золотистые волосы уложены по последней моде новой аристократии Венеры.

— Она очень красива. — Митч был совершенно искренен.

— Да. — Карлсен задумчиво пошемотрел на снимок, потом его спрятал.

— Некоторые считают, что это просто политический союз. И Бог свидетель, нам этот союз в самом деле нужен. Но поверь, поэт, она значит для меня много больше.

Карлсен вдруг подмигнул Митчу с таким видом, словно хотел сказать: «И зачем я это тебе рассказываю?» Открылись двери. Они достигли катакомб Генерального штаба.

Среди членов Генштаба многие, хотя и не подавляющее большинство, были венериане. По тону их приветствий стало ясно, что венериане относятся к Карлсену со сдержанной неприязнью. Брат Ногары им совсем не был по душе.

Как и всегда, человечество не могло обойтись без тайных хитросплетений политики и борьбы клик и союзов. Парламент системы Сол и его Исполнительный Комитет выполнили задачу, нашли главнокомандующего. Если некоторые и возражали против кандидатуры Карлсена, то не потому, что сомневались в его возможностях. Заняв пост, он привел с собой отряды тренированных опытных людей, кроме того, больше никто не дал согласия взять на себя ответственность за оборону Солнечной системы.

Совещание началось в напряженной атмосфере, поэтому не оставалось ничего другого, как сразу перейти к делу. Враг, корабли-берсеркеры, оставили прежнюю тактику одиночных налетов: за прошедшие десятилетия обороноспособность колоний медленно, но возрастала.

Предполагалось, что количество кораблей-берсеркеров составляет около двухсот. Чтобы сломить сопротивление человечества, они начали формировать флот, чья совместная мощь была способна сокрушить оборону любой, самой укрепленной планеты. Необходимость собрать флот землян не терпела отлагательств. Предстояло

защитить Солнечную систему, а потом, если возможно, покончить с основными силами механической антижизни.

— Итак, на этом мы все сходимся, — сказал Карлсен, выпрямившись и глядя на собравшихся вокруг оперативного стола штабистов. — Ни обученных людей, ни кораблей у нас в нужном количестве нет. Подозреваю, что только правительство Сол постаралось внести свою лепту в полной мере.

Кемал, венерианский адмирал, обменялся взглядами со своими сопланетниками, но удержался от комментариев насчет весьма скромной доли брата Карлсена, Ногары. Все равно другого лидера у них не было.

Карлсен продолжал:

— Мы располагаем флотом из двухсот сорока трех кораблей, специально сконструированных и переоборудованных для применения новой тактики, которую я предлагаю. Мы все благодарны Венере за ее более чем весомую лепту: сто крейсеров. На шести из них, как вы, наверное, знаете, установлены новые дальнобойные сверхсветовые пушки.

Похвала не оказала заметного воздействия на замороженные физиономии венериан.

— Итак, количественно мы имеем небольшой перевес в сорок кораблей. Нет нужды напоминать, что любой отдельный берсеркер значительно превосходит по огневому и энергетическому потенциалу любой наш корабль. — Он сделал паузу. — Тактика «таран-абордаж» должна дать нам преимущество неожиданности.

Главнокомандующий старательно выбирал слова, не желая откровенно признать, что фактор неожиданности был их единственной реальной надеждой. Это было бы слишком даже для суровых космических генералов, на собственном опыте знающих, что такое корабль-берсеркер.

— Другая проблема — это нехватка опытных людей для абордажных команд. Набирая десантников, я сделал все возможное. Ядро десантников, уже подготовленных и еще обучаемых, составляют эстильцы.

Адмирал Кемал, кажется, понял, что за этим последует. Он отодвинул свое кресло, намереваясь встать, но решил немного выждать.

Карлсен спокойно продолжал:

— Тренированные десантники войдут в состав отрядов, каждый из которых будет приписан к определенному крейсеру. После чего...

— Одну минуту, главнокомандующий, — поднялся Кемал.

— Да?

— Вы намерены поместить отряды эстильцев на венерианские корабли?

— Мой план предусматривает и такой вариант. Вы против?

— Да. — Венерианин многозначительно посмотрел на сопланетников. — Мы все против.

— Тем не менее это приказ.

Кемал, с равнодушным лицом, сел молча, стенокамеры в разных концах комнаты Генштаба тихо гудели, напоминая, что происходящее записывается.

Главнокомандующий на секунду нахмурился, на лбу появилась тревожная вертикальная складка. Он несколько мгновений молча и внимательно смотрел на венерианина. Все равно, ничего другого не оставалось, кроме размещения эстильцев и на венерианских кораблях тоже.

Они не дадут тебе стать героем, Карлсен, подумал Митчел Спејн. Так устроен мир: люди глупы и не в состоянии сражаться на одной стороне все вместе, даже в такой войне.

В трюме венерианского крейсера «Солнечное пятно» Митч внимательно осматривал боевые латы, упакованные в предохраняющий контейнер, похожий на гроб. Митчела особо волновали локтевые и коленные сочленения.

— Может, мне нарисовать на нем знаки различия, капитан?

Слова принадлежали молодому эстильцу по имени Фишман, члену свежесформированной команды десантников, которую теперь возглавлял Митч. Фишман где-то раздобыл многоцветный стержень-ампулу, которой сейчас указывал на латы.

Митч окинул взглядом трюм, где деловито сновали десантники его команды, открывая контейнеры с оборудованием и экипировкой. Все шло своим путем, и Митч решил без нужды не вмешиваться.

— Знаки различия? Зачем? Разве что мы придумаем какую-нибудь эмблему для всей команды. Это было бы неплохо.

Бронекостюму едва ли требовались дополнительные опознавательные знаки. Будучи сделанным на Марсе, он отличался от других бронекостюмов некоторыми усовершенствованиями. Вероятно, лучших лат не было ни у

кого. На бочкообразной груди костюма имелся значок: большой черный круг, разорванный красным зигзагом. Это означало, что Митч был участником победы над одним берсеркером. Точно такой же бронекостюм был у дяди Митча: марсиане любили бродяжничать в космосе.

— Сержант Маккендрик, — сказал Митч, — как вы себе представляете эмблему нашей команды?

Недавно назначенный сержант, молодой человек с тонким умным лицом, проходивший мимо, задержался, посмотрел на Митча, потом на Фишмана, словно пытаясь опрелелить, кто из них выше по званию. Он нашел компромиссный вариант, устремив взгляд в пространство между двумя.

Его лицо вдруг помрачнело.

Венерианин с худощавым лицом, явно офицер, вошел в трюм в сопровождении отделения из шести вооруженных людей с повязками на руках. Корабельная полиция.

Офицер остановился, внимательно глядя на красящую ампулу в руке Фишмана. Когда в трюме установилась тишина и все присутствующие обратили внимание на его появление, венерианин сказал:

— Зачем вы украли ампулу со склада?

— Украд... ампулу? — Эстилец поднял ампулу, чтобы все видели. Очевидно, он думал, что это шутка.

Но корабельная полиция шуток не любила. Во всяком случае, шутки полиции никогда не нравились Митчу. Марсианин сидел на корточках рядом с контейнером. Внутри торса бронекостюма лежал незаряженный десантный карабин, и на всякий случай Митч положил руку на приклад.

— Мы на военном положении, — спокойно, даже мягко продолжал венерианин, обращаясь сразу ко всем собравшимся вокруг эстильцам. — Все люди на борту венерианского корабля подчиняются его законам. Кража из корабельного склада в период военных действий карается высшей мерой. Через повешение. Уведите его. — Он подкрепил приказ сдержанным жестом.

Ампула с громким стуком упала на палубу. С застывшей непонимающей улыбкой на лице, Фишман, казалось, сейчас сам был готов упасть.

Митч спокойно выпрямился, удобно расположив карабин на сгибе локтя. Практически карабин был двухствольной пушкой с устройством для гашения отдачи при стрельбе в невесомости. Им пользовались для уничтожения бронированных сервомашин берсеркеров.

— Одну минуту, — вежливо сказал Митч.

Двое полицейских, неуверенно двинувшиеся было к Фишману, с готовностью подчинились, словно довольные, что появилось оправдание их нерешительности.

Офицер взглянул на Митча, хладнокровно вздернул бровь.

— Вы знаете, чем грозит нападение на меня?

— Какая вам разница как меня накажут, если я разнесу вашу мерзкую башку? Я капитан Митчел Спейн, я командую этим десантным отрядом и пока я им командую, никто не посмеет и пальцем дотронуться до моих людей без моего приказа. Вы кто такой?

— Господин Сальвадор, — сказал венерианин. Он оценивающе посмотрел на Митча, несомненно отметив, что тот был марсианином. В сознании господина Сальвадора закрутились варианты ответа. Выбрав нужный, он сказал:

— Если бы я знал, что этой ... группой командует человек, я бы не счел наглядный урок необходимым. За мной!

Последнее относилось к полицейскому патрулю и было подкреплено еще одним элегантным и сдержанным жестом. Не теряя времени, полицейские поспешили к выходу из трюма. Сальвадор взглядом пригласил Митча отойти в коридор. Мгновение помедлив, Митч последовал за венерианином. Господин Сальвадор невозмутимо поджидал его.

— Теперь ваши люди пойдут за вами куда угодно, капитан Спейн. В огонь и воду, так сказать. Но придет момент, когда вы последуете за мной. — Чуть улыбнувшись, венерианин ушел.

Митч задумчиво смотрел на закрывшуюся дверь. Потом команда десантников разразилась победным воплем. Митча радостно хлопали по спине.

Когда люди немного успокоились, один спросил:

— Капитан, что он имел в виду, когда называл себя «господином»?

— У венериан это нечто вроде политического чина. Эй, парни, слушайте меня! Мне может понадобится свидетель.

Митч поднял карабин и, чтобы все могли видеть, открыв затвор, показал магазин: он был пуст. Новый приступ веселья, включавший не очень лестные шутки в адрес удалившихся венериан.

Но господина Сальвадора со счетов сбрасывать было рано.

— Маккендрик, вызывайте мостик. Я хочу видеть господина Сальвадора. Остальные — за работу.

Юный Фишман, подняв ампулу, задумчиво ее разглядывал. До него постепенно дошло, как близка была веревка от его шеи.

Сальвадор был сама холодная сдержанность. И хотя Митчу удалось выяснить, что в настоящий момент не существует намерений повесить кого-нибудь из эстильцев на борту «Солнечного пятна», на ночь он выставил вооруженных часовых у входа в помещение десантной команды.

На следующий день его вызвали на флагманский корабль. Через иллюминатор челнока он наблюдал за танцем блестящих точек: часть кораблей, освещенная далеким Солнцем, уже начала тренировочные упражнения по тактике тарана.

За столом главнокомандующего сидел на этот раз не любитель поэзии и не будущий жених, но правитель планеты.

— Садитесь, капитан Спейн.

Кажется, все не так уж плохо, если приглашают садиться. Пока Карлсен завершал работу с какими-то документами, Митч мысленно перебирал все, что ему было известно, все, что он читал о старинных церемониях, связанных с эпохой, когда создавались огромные организации, специализировавшиеся в войне с такими же другими организациями, убивая людей и уничтожая их собственность. Нет сомнений, люди оставались не менее жадными, чем в прошлом. Война с берсеркерами опять приучала их к навыкам массового уничтожения. Не вернутся ли былые времена, когда живое сражалось против живого?

Вздыхнув, Карлсен отодвинул бумаги.

— Что вчера произошло между вами и господином Сальвадором?

— Он собирался повесить одного из моих людей. — Митч кратко пересказал события, не упомянув лишь о последних словах Сальвадора.

— Если я отвечаю за этих людей, я не могу допустить, чтобы их вот так хватали и вешали. Не думаю, чтобы они в самом деле так далеко бы зашли, но я решил играть не менее серьезно, чем они.

Главнокомандующий выудил из вороха бумаг нужный документ.

— Двое эстильцев уже были повешены. За драку.

— Чертовы венериане!

— Чтобы больше ничего подобного не было, капитан!
— Слушаюсь, сэр. Но должен вам сказать, что вчера на «Солнечном пятне» мы чуть не начали перестрелку.

— Я понимаю. — Карлсен безнадежно махнул рукой.
— Они не способны нормально сотрудничать, даже если на карту поставлена судьба... Что такое?

Вошел землянин Хемпфил. Его тонкие плотно сжатые губы были бледнее обычного.

— Только что прибыл курьер. Атсог атакован.

Пальцы Карлсена смяли лист.

— Есть детали?

— Капитан курьера считает, что там собрался весь флот берсеркеров. Он успел стартовать в последний момент. Наземные системы еще держались.

Атсог... Значит, враг находился ближе к Солнцу, чем считали люди. Значит, их удар в самом деле будет направлен на Солнечную систему. Они знали, что именно здесь центр человечества.

В каюту входили новые посетители. Хемпфил шагнул в сторону, пропуская адмирала Кемала. За адмиралом, мимоходом бросив взгляд на Митча, следовал господин Сальвадор.

— Вы слышали новости, главнокомандующий? — начал Сальвадор. Кемал, уже приготовившийся открыть рот, раздраженно посмотрел на политофицера, но промолчал.

— Да, атакован Атсог.

— Мои корабли готовы выступить через два часа, — отрапортовал Кемал.

Карлсен вздохнул, покачал головой.

— Я видел сегодняшние маневры. В лучшем случае флот будет готов через две недели.

Кемал был потрясен до глубины души, и едва ли это было просто хорошей игрой.

— Вы не готовы?.. Вы отдадите на растерзание венецианскую колонию только потому, что мы не склонили головы перед вашим братом? Потому что приструнили ваших чертовых эстильцев?

— Адмирал Кемал, держите себя в руках! Вы, как и все остальные, обязаны подчиняться дисциплине, пока здесь команду я!

С большим усилием Кемал заставил себя успокоиться.

Карлсен говорил негромко, но вся каюта резонировала в такт его словам.

— Вы вешаете людей и называете это «приструнить»? Бог свидетель, я тоже готов кое-кого повесить, но добить-

ся единства в действиях флота! Зарубите на носу: этот флот — наше единственное оружие против сил берсеркеров. Хорошо подготовленные и единые, мы имеем шанс победить.

Никто из присутствующих ни на минуту не сомневался в справедливости этих слов.

— Но даже если падет Атсог, Венера или Эстил, я не стану рисковать флотом, пока не удостоверюсь, что он готов к битве.

Наступила тишина, и Сальвадор сказал почтительно:

— Главнокомандующий, курьер доставил еще одну новость. Леди Кристина де Дульчин находилась с визитом на Атсоге в момент начала атаки. Должно быть, она все еще там.

Карлсен на секунду зажмурился. Потом обвел взглядом каюту.

— Если у вас все, господа, вы свободны, — сказал он спокойно.

Митч и Хемпфил вместе шли по коридору флагмана. Хемпфил нарушил молчание, сказав задумчиво:

— Карлсен именно тот человек, которого требует ситуация. Венериане пытались прощупать меня, они готовят заговор. Но я отказался. Карлсен должен остаться командующим, и об этом стоит позаботиться как следует.

— Заговор?

Хемпфил не стал вдаваться в детали.

— Эти венериане, они весьма подлые люди, — с отвращением сказал Митч. — Сначала они подождали, пока Карлсен признает флот не готовым к сражению, а потом выдали эту новость насчет его невесты на Атсоге.

— Он уже знал об этом, — сказал Хемпфил. — Мы получили информацию со вчерашним курьером.

Темное скопление, состоявшее из миллиарда осколков космической скалы и более древнее, чем само Солнце, было названо людьми Каменным Краем. На кораблях, стянувшихся к этой туманности, не было людей, а только машины, которые ничего не боялись, ничему не удивлялись, ни на что не надеялись. Они не знали, что такое гордость или жалость. Но у них были планы, — миллиарды тончайших электронных вариаций, — навечно встроенная в механические гены цель, стержень всех их черных намерений. Как будто подчиняясь инстинкту, когда время для этого подошло, когда их вечных враг, Жизнь, тоже начал сосредотачивать силы, берсеркеры объединились во флот.

Из подземных укрытий планеты, на языке людей зовущейся Атсог, удалось добыть изрядное число функционирующих жизнеединиц, хотя миллионы единиц были дезинтегрированы в процессе подавления защитных устройств планеты. Функционирующие жизнеединицы были источником ценной информации, а угроза приложения определенных стимулов заставляла сотрудничать самых упрямых.

Среди пойманных почти неповрежденными жизнеединиц был и командующий обороной планеты, генерал Брадин. Его диссекция началась в присутствии других жизнеединиц. Тонкая наружная тканевая оболочка была осторожно снята и помещена на соответствующую раму для дальнейшего изучения. Жизнеединицы, отдающие приказы другим единицам, надлежало изучать с удвоенной тщательностью.

К сожалению, после этой операции стало невозможно поддерживать вразумительный диалог с генералом. Через несколько часов он перестал функционировать вообще.

Само по себе это было мелочью: еще одна единица водянистой материи освободилась от извращения, именуемого «жизнь». Зато поток информации от единиц, ставших свидетелями операции, возрос многократно.

Вскоре стало ясно, что люди формируют флот. Особенно важны были сведения о жизнеединице, управляющей объединенными силами людей. Постепенно, благодаря допросам и найденным записям, возник портрет главнокомандующего.

Имя: Йохан Карлсен. Его биография. Многие данные были противоречивы, но стало ясно: за относительно короткое время этот человек добился власти над миллионами жизнеединиц.

В ходе этой длинной войны берсеркеры аккуратно суммировали и сопоставляли данные о вождях живущих. Теперь, пункт за пунктом, они сопоставили с этими данными все, что удалось узнать о Йохане Карлсене.

Поведение единиц-вождей иногда не поддавалось анализу, словно некое качество их болезни, называемой «жизнь», оставалось за границами понимания машин. Эти индивиды пользовались логикой, но при этом, казалось, иногда логикой себя не удосуживались ограничивать, их поступки как бы отрицали конечное превосходство законов физического мира и вероятности, как если бы они в самом деле владели сокровищем свободной воли, а не его иллюзией.

И Карлсен более чем принадлежал к этому крайне

опасному разряду жизнеединиц. Его соответствие опасному для машин образцу поведения становилось все более очевидным с каждой следующей ступенью анализа.

В прошлом подобные «человеки» представляли локальную проблему. Теперь, когда один из них держал в руках бразды правления самым большим человеческим флотом, он начинал представлять серьезную угрозу для сил Антижизни.

Исход сражения едва ли мог быть неблагоприятным, поскольку флот людей насчитывал немногим больше двухсот кораблей. Но пока вождем живых был человек вроде Йохана Карлсена, черные электронные души берсеркеров не находили покоя. Отложить битву? Тогда их враг станет еще сильнее. Имелись косвенные данные, что изобретательные жизнеединицы создают новые виды оружия, новые и все более мощные корабли.

Безмолвная радиоконференция выработала решение. На краю Галактики, в тайных местах, уже миллионы лет ждали своего часа резервные корабли-крепости, затаившись среди темных пылевых туманностей и угасающих звезд. Наступил час призвать на битву все резервы. Силы Жизни должны быть сломлены раз и навсегда.

К галактической окраине помчали сверхсветовые кораблики-курьеры.

На подход резервов уйдет некоторое время. Пока можно было вернуться к вопросам.

— Эй, слушайте, я готов вам помогать. И насчет этого парня, Карлсена, я много могу порассказать, я знаю, это вам нужно. Только имейте в виду, у меня организм очень нежный. Если будет больно, мой мозг не сможет работать, как надо, так что без грубостей со мной, договорились? Иначе от меня никакого толку не будет.

Это был необычный пленный. Допрашивающий компьютер подключил к себе новые контуры, выбрал нужные символы и выстрелил ими в жизнеединицу перед ним.

— Что ты можешь рассказать мне о Карлсене?

— Значит, вы со мной будете нормально обращаться, так?

— Полезная информация будет награждаться. Ложная повлечет за собой неприятные стимулы.

— Вот что я вам расскажу. Здесь находится женщина, на которой Карлсен должен жениться. Она была в одном убежище с генералом Брадиным. Если вы сейчас создадите мне нормальные условия, дадите мне управлять другими пленными, я придумаю хороший способ ее

использовать. Если вы просто сообщите, что поймали ее, он ведь может вам и не поверить, поняли?

Достигнув края Галактики, металлические геральды пробудили своими зовущими сигналами резервные силы Антижизни. Специальные детекторы, уловив сигналы, заставили вспыхнуть холодное пламя двигателей. Радио-активно-полевые стратегические центры, мозг каждого берсеркера, перепрыгнули на более активный уровень функционирования. Машины пришли в движение, освобождая многомиллионные металлические тела от спячки, стряхивая пыль, лед, камень или грязь, поднимаясь, разворачиваясь, ориентируя себя в пространстве. Сбравшись в единую флотилию, они помчались быстрее света туда, где разрушители Атсога ждали подкрепления.

С прибытием каждой резервной машины объединенный мозг флота увеличивал вероятность победы. И все же аномальные свойства одной-единственной жизнеединицы по имени Йохан Карлсен лишали прогноз стопроцентной гарантии успеха.

Сильной волосатой ладонью Фелипе Ногара погладил светящийся сегмент панели. Центр огромного кабинета занимала большая сфера-дисплей, в данный момент представлявшая исследованную часть Галактики. Нажатием клавиши Ногара заставил сферу померкнуть, а потом постепенно начало возникать новое изображение.

Только что одним движением пальца Ногара устранил фактор берсеркеров со схемы политической игры. Его наличие давало слишком широкий спектр вариантов. Сейчас его волновала конкурирующая мощь Венеры и пара других сильных и агрессивных планет.

Абсолютно изолированный в своем кабинете от гула Эстил-сити и рутинной деловой суматохи, Ногара наблюдал за картиной, которую создавал компьютер, демонстрируя соотношение политических сил через год, два, пять лет. Как и предполагал Ногара, влияние Эстила будет возрастать. Вполне возможно даже, что он станет правителем колонизированной части Галактики.

Ногара сам удивился собственному спокойствию, с которым он воспринял такую идею. Десять-пятнадцать лет назад он выжимал из себя всю энергию и волю, чтобы продвинуть собственное влияние, расширить его сферу. Постепенно ходы в политической игре стали получаться автоматически. И вот теперь, когда он так близок к

положению властелина человечества, это доставляет ему меньше радости, чем победа на самых первых выборах.

Это было объяснимо. Чем крупнее победа, тем, чтобы вызвать прежнее наслаждение, больше должны быть результаты. По крайней мере, когда он в одиночестве: если бы этот прогноз сейчас видели помощники и советники, их радостное возбуждение передалось бы и ему.

Но он был один, и поэтому только вздохнул. Флот берсеркеров не исчезнет по мановению волшебной палочки. Сейчас в помощи нуждалась Земля. Но вот в чем проблема: слишком большая доля кораблей и людей, посланная на помощь, ослабит ход других проектов Ногары. Старушка Земля должна пережить атаку берсеркеров без дополнительной помощи Эстила.

Фелипе с некоторым удивлением отметил, что он готов пожертвовать даже Эстилом, лишь бы не выпускать из рук контроля над текущим ходом событий. Почему же так? Он, конечно, не слишком любил свою планету и ее народ, но ведь он был хорошим правителем, не каким-нибудь тираном. Хорошо организованное управление означает, в конце концов, успешную политическую игру.

В рабочем столе мелодично прозвенели колокольчики. Появилось нечто новенькое и любопытное. Ногара решил ответить.

— Сэр, — сказал женский голос, — в душевой ждут две новые возможности.

Над столом Ногара ожила проекция скрытых камер: блестящие в тонких струях воды тела.

— Прямо из тюрьмы, сэр, готовы на все ради передышки.

Но Ногара чувствовал только усталость и даже... да, некоторое презрение к себе. Но почему я не могу искать наслаждение там, где мне этого хочется? Может, я скоро стану садистом? Но если да, то почему бы и нет?

А что потом?

— Потом? — сказал он, и изображение погасло.

Может, попробовать стать верующим для разнообразия? Грех... для Йохана это было бы колоссальным наслаждением. Если бы он мог грешить.

Какое истинное удовольствие видеть Йохана во главе флота. Как взвились эти выскочки венериане! Возникала, правда, новая проблема. Йохан, победив берсеркеров, окажется величайшим героем в истории. Не проснутся ли в нем опасные амбиции? Нужно будет постепенно вывести его из сферы общественного интереса, дать какую-нибудь почетную должность, тяжелую, грязную,

но полезную работу. Искать преступников, например, где-нибудь у черта на куличках. Йохан есть Йохан, он, скорее всего, согласится. Но если захочет взять власть в Галактике в свои руки, пусть сморит в оба. Любую пешку можно удалить с доски.

Ногара покачал головой. Допустим, Йохан проиграет сражение и Солнечная система погибнет. Победа берсеркеров означает конец человечества как такового. На это им понадобится несколько лет. Ясно и без компьютера.

В столе лежала коробочка. Ногара достал ее и внимательно осмотрел. В коробочке хранился финал бесконечной шахматной игры, конец всем наслаждениям, скуке и боли. Ногара смотрел на флакончик в коробке совершенно спокойно. Это был сильнейший наркотик, бросающий человека в невыразимый экстаз, невероятное трансцендентное переживание, через несколько минут кончавшееся сердечным приступом или кровоизлиянием в мозг. Когда-нибудь, когда он исчерпает себя и мир, когда Вселенная окажется окончательно под пятой берсеркеров, он...

Ногара осторожно вернул флакончик в коробку, а коробку — на место. Он отодвинул в сторону бланк космодепешки с последним отчаянным призывом Земли увеличить помощь. Какая разница? Ведь космос и так уже принадлежит берсеркерам, разве нет? Все было заранее предопределено движением молекул в газовых вихрях, еще до рождения звезд.

Фелипе Ногара откинулся на спинку кресла, наблюдая, как компьютер расставляет фигуры на галактической шахматной доске.

По всем кораблям флота пронесся слух, что Карлсен намеренно оттягивает выступление флота, так как берсеркерами осаждена венерианская колония, но Митч не заметил ничего похожего на неоправданную задержку. Времени было только на еду, сон и работу. Когда было покончено с последними упражнениями и учебными тревогами по схеме «таран-абордаж», когда были погружены, проверены и размещены последние контейнеры с оборудованием, боеприпасами и оружием, от усталости Митч не почувствовал даже радости, только облегчение. «Солнечное пятно» заняло место в формации сорока других стрелообразных абордажных крейсеров и вместе с ними погрузилось в первый сверхсветовой прыжок, начав глубинный поиск врага.

Прошло несколько дней, и серая однообразная рутина

полета была нарушена звоном боевой тревоги. Сигнал разбудил Митча. Автоматически, не успев как следует открыть глаза, он скатился с койки и начал надевать бронекостюм, стоящий в специальном гнезде. Кто-то из десантников проклинал учебные тревоги, но все облачались в латы с удвоенной скоростью.

— Говорит главнокомандующий Карлсен, — загудел динамик на потолке. — Это не учебная тревога, повторяю, это не учебная тревога. Замечены два берсеркера. Один — на границе нашего радиуса. Скорее всего, он уйдет. Его преследует Девятая эскадра. Второму не уйти. Через несколько минут мы его окружим и заставим выйти в нормальное пространство. Мы его сначала немного подогреем, а потом поглядим, как вы освоили домашнее задание. Если в тактике абордажа остались ляпы, сейчас самое время выяснить, какие. Эскадры Два, Три и Четыре выделяют по одному кораблю для тарана и абордажа. Командирам эскадр связаться со мной на частоте главнокомандующего.

— Четвертая эскадра, — вздохнул сержант Маккендрик. — У нас эстильцев больше всего в компании. Нас не пропустят.

Словно зубы дракона, посеянные во тьму, десантники лежали, пристегнувшись к противоперегрузочным креслам (несколько минут назад они служили им койками), пока специальная психомузыка снимала стресс ожидания атаки. Верующие молились. Митч подключил свой интерком к каналу главнокомандующего и изредка передавал своим людям сообщения о ходе боя.

Ему не было страшно. Почему люди так боятся смерти? Ведь смерть — всего лишь конец восприятия окружающего мира, который неизбежен, а то, что лежит за ним, — невообразимо...

Предварительная бомбардировка не заняла много времени. Берсеркер был пойман в ловушку, загнан в центр сферы из двухсот тридцати земных кораблей. Но он сражался не менее храбро, чем лучшие из людей, презрев неизбежность поражения. Как можно драться с машинами, подумал Митч, если они не знают боли или страха?

Драться с ними трудно, но победить их возможно. И на этот раз на стороне людей было подавляющее огневое превосходство. Они могли испарить берсеркера полностью. Но лучший ли это вариант? В любом случае во время тарана погибнут десантники. Нет, прежде чем начнется настоящее сражение, им крайне необходима реальная боевая проверка тактики тарана. К тому же на

берсеркере могут быть живые пленные, тогда десантники их спасут. Главнокомандующий был, как всегда, прав. И, как всегда, уверен в собственной правоте.

Приказ был отдан. «Пятно» и еще два корабля начали падение к центру сферы, к пойманному врагу.

Ремни надежно держали Митча, но гравитацию отключили, и поэтому ему казалось, что надвигающийся удар тарана заставит его трястись, как шарик в погремушке. Темнота, мягчайшее амортизационное кресло и баюкающая психомузыка. И всего несколько слов по каналу интеркома, но тело уже напряглось, а мозг живо представил черные холодные раструбы, броню машин и пляску могучих силовых полей снаружи. Вот сейчас...

Реальность пробила щадящую оболочку обивки и музыки. Кумулятивный ядерный заряд на кончике таранящего носа распорол бок берсеркера. За пять секунд таран испарился, пропуская в пробойину настоящий корпус «Пятна». Теперь «Пятно» торчало в берсеркере, как стрела в теле врага.

Митч вышел на последнюю связь с мостиком. Мимо проносились его десантники, сигнальные огни на латах злобеше мигали.

— По моей панели свободен только порт Три, — сказал Митч. — Мы выходим через него.

— Помните, — донесся голос венерианина, — что ваша главная задача — защищать корабль от контратаки.

— Понял вас.

За кого они принимают Митча? За бойскаута на экскурсии? Но времени отвечать на обидные ремарки не было. Он отключил связь с мостиком и поспешил за своей командой.

Два других корабля попробуют атаковать стратегический центр в глубине корабля-крепости. В задачу десантников «Солнечного пятна» входил поиск живых пленников. Обычно берсеркеры держали пленных людей недалеко от внешнего корпуса. Площадь поиска составляла добрую сотню квадратных километров.

Никаких признаков контратаки. Только скрученный металл и поврежденные машины. Берсеркеры не были рассчитаны на бой внутри самих себя, под собственной металлической кожей, и на это делали ставку люди, применяя новую тактику борьбы с Антижизнью.

Митч оставил сорок человек охранять корпус и входной порт и лично повел отделение из десяти десантников в черный лабиринт. У идущего первым имелся специальный масс-спектрометр, засекавший атомы кислорода,

неизбежно протекавшего из камер с пленными. Идущий последним помечал пройденный путь специальной светящейся краской из пристегнутого к руке прибора. Без этих меток они бы неизбежно заблудились в трехмерном лабиринте.

— Чую след, капитан, — сказал спектрометрист через пять минут поиска.

— Держи его, — Митч шел вторым, с карабином наготове.

Детектор вел их по кругам невесомого и черного механического ада. Несколько раз спектрометрист подкручивал калибровку, помахивал зондом. В остальном они продвигались быстро: все десантники умели двигаться в невесомости, и здесь у них хватало опор для толчков. Отделение двигалось быстрее, чем если бы они бежали.

Впереди вдруг вырос черный многорукий силуэт, жонглирующий сине-белыми дугами огня, как мечами. Сознание Митча не успело еще сориентироваться, что происходит, а его карабин уже дважды выстрелил. Снаряды вскрыли броню на груди машины и отбросили корпус назад. Но это был простой ремонтный робот-манипулятор, а не специализированный боевой механизм.

Спектрометрист оказался парнем с железными нервами, он даже не снизил темпа. Отделение нажимало следом. Свет прожекторов кромсал черный вакуум коридоров, случайные отражения немного смягчали контраст белого сияния и чернильной тьмы.

— Подходим!

И через минуту они были на нужном месте. В полу имелось отверстие наподобие колодца. Рядом находился яйцеобразный бронированный предмет, похожий на спасательную капсулу.

— Кислород вытекает из капсулы.

— Капитан, с этой стороны воздушный шлюз. Наружная створка открыта.

Люк наводил на мысль о ловушке.

— Держите ухо востро, парни, — сказал Митч, входя в шлюз. — Если через минуту не появилось, пробивайте стенку и вытаскивайте меня.

Шлюз был стандартный, вероятно, вырезанный из земного корабля. Митч закрыл наружный люк, потом открыл внутренний.

В центре кабины, в противоперегрузочном кресле, лежала обнаженная женщина. Митч подплыл ближе. Голова женщины была обрита наголо, кое-где краснели

капли крови, словно совсем недавно отсюда были убраны зонды.

Свет прожектора ударил в лицо женщины, она открыла неживые голубые глаза, несколько раз моргнула, как механическая кукла. Митч, еще не убедившись, что имеет дело с живым человеком, дотронулся до ее руки металлическим пальцем перчатки. И тут же ее лицо ожило, ожили глаза. Она закричала, словно пробуждаясь от ночного кошмара, прозрачные бусины слез повисли в воздухе кабины.

Митч поспешил заговорить с ней и успокоить. Повинуясь его приказам, она взяла в рот конец дыхательной трубки от баллонов скафандра. Еще несколько секунд, и она была закутана в кокон аварийного одеяла, на время предохраняющего от вакуума и холода.

Другого источника кислорода спектрометрист не обнаружил. Митч отдал приказ возвращаться к кораблю по собственным светящимся меткам-следам.

Как он узнал возле абордажного люка, атака проходила не очень успешно. Стратегический центр обороняли настоящие боевые роботы. Восемь десантников уже были убиты. Еще два корабля намеревались совершить таран.

Митч пронес девушку через абордажный лаз и три дополнительных люка. Чудовищный корпус «Солнечного пятна» завибрировал: завершив свою миссию и втянув десантников, корабль отходил. Вернулись сила тяжести и свет.

— Сюда, капитан.

На табличке было написано «Карантин». Уже бывали случаи, когда берсеркер заражал пленных каким-нибудь смертоносным вирусом.

Внутри лазарета Митч развернул кокон, освободив лицо девушки, но оставив прикрытие над обритой головой. Потом открыл свой шлем.

— Трубку можно выплюнуть, — хрипло сказал он.

Она послушно выплюнула наконечник и открыла глаза.

— Это не сон? — прошептала она. — Вы настоящий?

— Я хочу дотронуться! — ее рука потянулась к лицу Митча, коснулась щеки, шеи.

— Вполне настоящий. Теперь вы в безопасности.

Вдруг один из медиков остановился, как вкопанный, внимательно посмотрел на девушку и стрелой вылетел из лазарета. Что произошло?

Другие доктора тревоги не выказывали, уверенными

голосами успокаивая девушку. Но та не отпускала Митча, едва не впад в истерику, когда их попытались разлучить.

— Наверное, вам лучше остаться рядом, — сказал врач.

Отложив шлем и сняв металлические перчатки, он сел рядом с девушкой, взяв ее за руку. Он смотрел в сторону, пока врачи возились с медицинскими приборами. Судя по их спокойному тону, ничего серьезного пока не обнаружилось.

— Как вас зовут? — спросила девушка. Ей уже успели наложить повязку на голову. Красивая тонкая ладонь не выпускала руку Митча.

— Митчел Спейн.

Теперь, присмотревшись к ее лицу, он уже не спешил уйти.

— А как вас?

Она нахмурилась.

— Я... не могу вспомнить.

За дверью в лазарет слышались шаги, голоса, и сквозь кордон протестующих врачей в карантинную ворвался главнокомандующий Карлсен. Он подошел к Митчу, но, кажется, не обратил на капитана десантников никакого внимания.

— Крис, — прошептал он. — Слава богу.

В глазах его влажно блестели слезы.

Леди Кристина де Дульчин посмотрела на Йохана Карлсена, ее лицо жалко сморщилось, и она закричала, как от невыносимого ужаса.

— Хорошо, капитан. Теперь расскажите, как вы ее нашли.

Митч начал рассказывать. В аскетически скромной каюте Карлсена они были одни. Бой кончился, берсеркер превратился в безвредную металлическую скорлупу размерами с небольшой астероид. Других пленных на борту не оказалось.

— Они специально послали корабль с Крис нам навстречу, — выслушав Митча, сказал Карлсен. — Мы немного опередили события. Мы атаковали раньше, чем берсеркер успел выстрелить капсулу с нею внутри.

Митч молчал.

Усталые покрасневшие глаза Карлсена пристально смотрели на него.

— Они воздействовали на ее сознание, поэт. Понимаешь? Вторглись в ее мозг. Это возможно, особенно если не противоречит естественным первоначальным чувствам и мыслям человека. Я понимаю, она никогда не

любила меня и согласилась на брак только из-за политических соображений... А теперь она кричит от ужаса, стоит лишь произнести мое имя. Врачи говорят, что не исключена возможность... берсеркеры могли напустить на нее андроида с моей внешностью, и он сделал с ней что-нибудь... Других людей она в определенной степени может терпеть. Но нужен ей только ты. Она хочет быть только с тобой, поэт.

— Я слышал, она плакала, когда я ушел, но я...

— Естественная вещь. Любить человека, который ее спас. Машины запрограммировали ее мозг, и счастье теперь прочно связано с личностью спасителя. Врачи уверяют, что такие вещи возможны. Ей вводят транквилизаторы, но даже во сне приборы регистрируют мучающие ее кошмары и даже во сне она шепчет твое имя. Что ты думаешь обо всем этом?

— Сэр, сделаю все, что в моих силах. Что я должен делать?

— Успокой ее, что же еще. Я не хочу, чтобы она страдала, — крикнул Карлсен. — Будь рядом с ней, избавь ее от боли!

Он взял себя в руки.

— Ступайте. Врачи вас отведут. Ваша амуниция будет доставлена с «Солнечного пятна» на флагман.

Митч молча поднялся. Он хотел сказать что-нибудь, но не находил слов. В голове вертелись жалкие стертые фразы. Он только кивнул и вышел.

— Мы даем вам последний шанс присоединиться, — сказал венерианин, посмотрев сначала в один, потом в другой конец тускло освещенного коридора. Хемпфил и господин Сальвадор беседовали в обычно безлюдной служебной части флагмана.

— Нашему терпению есть предел, и очень скоро мы нанесем удар. Теперь, когда на борту эта девка, де Дульчин, да еще в таком состоянии, Карлсен вдвойне не годится в командующие.

В кармане венерианина, очевидно, лежал портативный глушитель. Мультизвучная вибрация вызывала у Хемпфила отвратительный зуд в зубах. Так же, как и сама личность этого венерианина.

— Нравится нам Карлсен или нет, но заменить его нечем, — сказал Хемпфил, чувствуя, что и его терпению скоро наступит конец. — Вы еще не поняли, что берсеркеры стремятся устранить его любыми средствами? Включая и дьявольский ход с его невестой. Они пожер-

твовали одним новеньким кораблем, чтобы доставить ее к нам. Это психологическая атака.

— Если это так, их план сработал. Теперь Карлсен в состоянии думать только о своей невесте и сопернике-марсианине.

Хемпфил вздохнул.

— Не забывайте, он отказался выступить раньше времени для того, чтобы попытаться вырвать Кристину из лап берсеркеров на Атсоге. Пока он ни в чем не проявил слабости. И до момента, когда мы убедимся, что Карлсен действительно не в состоянии командовать, вам лучше забыть о заговорах и интригах против него.

Сальвадор отступил на шаг, зло сплюнул на палубу. Слишком демонстративно, отметил про себя Хемпфил.

— Подумай о себе, землянин! — прошипел Сальвадор. — Дни Карлсена сочтены и вместе с ним дни его союзников, особенно таких преданных!

Он развернулся на каблуках и зашагал прочь.

— Погоди! — тихо сказал Хемпфил.

Венерианин остановился, потом, с подчеркнутой неохотой, обернулся. Хемпфил нажал на спуск своего лазера и прошил сердце венерианина. Выстрел треснул сухо, как далекая молния в жаркую погоду.

Хемпфил потрогал упавшего носком ботинка, приготовившись на всякий случай сделать второй выстрел.

— Язык у тебя был хорошо подвешен, — рассудительно сказал он. — Но ты был чересчур хитер, чтобы командовать битвой с машинами. Искренности тебе не хватало.

Он быстро обыскал убитого и к собственному удовольствию обнаружил список с фамилиями офицеров. Некоторые были подчеркнуты, около других, включая его собственную, стояли вопросительные знаки. Нашлись и другие документы, относящиеся к заговору. Теперь улик было достаточно, чтобы арестовать ядро заговорщиков. Это может расколоть флот, но...

Хемпфил вздрогнул, рука потянулась к пистолету. Но к нему направлялся его собственный помощник, один из тех, что были расставлены в коридорах рядом.

— Все это будет немедленно доставлено к главнокомандующему. — Хемпфил помахал бумагами. — Мы успеем убрать предателей и перестроить цепи командиров.

Он задержался еще на несколько секунд, глядя на труп господина Сальвадора. Заговорщик был слишком уверен в себе, но его схема могла сработать. Неужели Карлсену

действительно помогает удача? Главнокомандующий не отвечал идеалу полководца в представлении Хемпфила. Ему не хватало стальной холодной безжалостности машин. Но эти проклятые машины идут на большие жертвы, чтобы выбить Карлсена из кресла командующего силами людей.

Пожав плечами, Хемпфил быстро зашагал прочь.

— Митч, я люблю тебя, на самом деле. Я слышала, что говорили врачи, но что они могут обо мне знать?

Кристина де Дульчин, облаченная в простой голубой халат, с тюрбаном на голове, полулежала в роскошном амортизационном кресле. Фактически эта каюта была спальней главнокомандующего, но Карлсен ею не пользовался, предпочитая жить в небольшой каюте.

Митч сидел в метре от нее, опасаясь дотронуться хотя бы до ее руки, страшась собственной реакции и того, что могла бы сделать она. Они были одни, и можно было сказать, что их никто сейчас не видел и не слышал. Леди Кристина потребовала заверений в отсутствии подслушивающих устройств, и Карлсен дал слово. К тому же на каком корабле станут монтировать шпионящие устройства в каюту главнокомандующего?

Ситуация — из комедии, скорее, даже фарса. Но только если самому не приходится быть участником спектакля. И еще за стеной человек, под началом которого двести с лишним боевых кораблей и от которого зависит, если он проиграет надвигающуюся битву, исчезнет ли жизнь на обитаемых планетах через каких-нибудь пять лет.

— Но ты ничего не знаешь обо мне, Крис, — сказал он.

— Я знаю одно: жизнь для меня — это ты. Митч, пойми, уже не остается времени играть в салонную даму, кокетничать, краснеть, — все это я проделывала не один раз. Но это все скорлупа, шелуха... Я согласилась стать женой Карлсена по политическим мотивам. Но все это кончилось вместе с Атсогом.

Ее пальцы судорожно смяли голубую ткань халата. Митчу пришлось взять ее ладонь в свою, чтобы успокоить.

— Крис, Атсог остался в прошлом.

— Для меня Атсог навсегда в настоящем. Навсегда. Я вспоминаю и вспоминаю... Митч, машины на наших глазах живьем содрали кожу с генерала Брадина. И я видела все это. Я теперь не могу думать о всяких глупо-

стях, вроде политики. Жизнь слишком коротка. И я теперь больше ничего не боюсь, если только ты меня не бросишь...

Митч молчал. Он чувствовал жалость. И одновременно он хотел обладать этой женщиной. И еще он испытывал десяток других стремлений, противоречивых и сводящих с ума собственной противоречивостью.

— Карлсен хороший человек, — сказал он наконец.

Кристина вздрогнула.

— Полагаю, хороший, — сказала она натянуто. — Митч, но я ведь не безразлична тебе? Скажи правду... Если ты меня не любишь, то когда-нибудь потом сможешь полюбить. — Она слабо улыбнулась, подняла руку. — Когда отрастут эти глупые волосы.

— Глупые волосы. — Он проглотил комок в горле, хотел погладить ее по щеке, но отдернул пальцы, как от огня. — Крис, ты девушка Карлсена, и сейчас слишком многое зависит от него.

— Я никогда не была его.

— Но я... я не могу лгать тебе. И может, не могу сказать всю правду о том, что я чувствую. Скоро начнется сражение, и я чувствую, словно я завис в воздухе, как парализованный. Сейчас невозможно строить планы... — Он беспомощно развел руками.

— Митч, — мягко сказала Кристина. — Тебе сейчас плохо, правда? Главное, не волнуйся. Я постараюсь вести себя хорошо. Ты позовешь врача? Когда я знаю, что ты где-то рядом, я могу заснуть.

Карлсен несколько минут разглядывал бумаги, найденные Хемпфилом у господина Сальвадора. Он был похож на человека, решающего шахматную задачу. И он не выглядел удивленным.

— Я подготовил несколько надежных людей, — первым заговорил Хемпфил. — Они готовы. Мы можем быстро и без шума арестовать главарей этого... заговора.

Голубые глаза вопросительно смотрели на него.

— Хемпфил, вы уверены, что другого выхода не было? Я имею в виду Сальвадора.

— Боюсь, что да, — вкрадчиво сказал Хемпфил. — Я увидел, как он потянулся за пистолетом...

Карлсен принял решение.

— Коммодор Хемпфил, выберите четыре корабля и совершите разведывальную вылазку к дальнему краю туманности. Мы должны определить, где сосредоточился враг, чтобы не дать ему занять позицию между нашим флотом и

Солнцем. Действуйте осторожно, нам достаточно знать расположение основных сил берсеркеров.

— Я понял, — кивнул Хемпфил: рекогносцировка была разумной операцией.

Кроме того, если Карлсен желает самостоятельно разделиться с противниками внутри флота, то пусть поступает, как считает нужным. Хемпфилу методы Карлсена часто казались недостаточно жесткими и просчитанными, но тем не менее целей своих он всегда добивался. И если проклятые машины так не любят Карлсена, Хемпфил будет поддерживать главнокомандующего до последнего.

А что еще имело значение в этой несчастной Вселенной? Сломать хребет дьявольским машинам — и точка.

Митч каждый день проводил несколько часов с Крис. Он держал ее в неведении относительно диких слухов, распространившихся по кораблям флота. Странная смерть Сальвадора, охрана, вдруг поставленная у каюты главнокомандующего. Поговаривали, что адмирал Кемал вот-вот начнет бунт.

Туманность Каменный Край закрывала уже половину звезд по курсу флота эбеново-черными завитками и хлопьями скоплений, словно останками взорвавшихся планет. Внутри Каменного Края нормальная навигация была невозможна: каждый кубический километр был напичкован твердой материей, препятствовавшей сверхсветовому полету или перемещению в нормальном пространстве с эффективной скоростью.

Флот направлялся к дальнему, четко очерченному краю туманности, за которым исчез разведотряд Хемпфила.

— С каждым днем она становится спокойнее, — сказал Митч, входя в скромную каюту главнокомандующего.

Карлсен, сидевший за рабочим столом, поднял голову. Перед ним лежал листок с венерианскими иероглифами, кажется, список фамилий.

— Спасибо за добрую весть, поэт. Она вспоминает обо мне?

— Нет.

Их взгляды встретились: глаза нищего и безобразного циника и глаза могущественного и красивого верующего.

— Послушай, поэт, — сказал вдруг Карлсен, — как бы ты поступил со смертельными врагами, если бы они оказались в твоей власти?

— Считается что мы, марсиане, люди вспыльчивые, любим жестокость. Я должен вынести сам себе приговор?

Кажется, Карлсен сначала не понял.

— Что? Да нет же, я говорю не о... Крис, не о вас и не о себе. Нет. Это не личное. Я, кажется, просто задумался и произнес вслух...

— Тогда спросите Бога, ведь вы верующий. Кажется, Бог велит прощать врагов?

— Велит, — кивнул Карлсен. Потом добавил задумчиво: — Знаешь, он очень много от нас требует. Очень много.

Ощущение было необычное. Митч впервые видел настоящего, искреннего верующего.

Да и самого Карлсена он таким раньше не видел: ожидающего знака, пассивного. словно в самом деле существовала некая Цель, Предназначение, скрытое до поры вне пределов обычного человеческого сознания. И теперь Карлсен ждал просветления. Если...

Нет, это все мистическая чушь, решил Митч.

Прогудел коммуникатор. Митч не слышал слов, но видел реакцию главнокомандующего по его лицу. Энергия и грандиозная сила уверенности в собственной правоте возвращались к Карлсену. Это напоминало включение атомной горелки: сначала мягкое свечение, но потом...

— Да, — сказал Карлсен. — Вы хорошо справились.

Потом он взял со стола бумаги венерианина. Казалось, он поднял их не прикосновением руки, а они сами взлетели, повинаясь приказу его воли.

— Сообщение от Хемпфила, — мимоходом сказал он Митчу. — Флот берсеркеров сосредоточился непосредственно за краем туманности. По оценкам Хемпфила, их около двухсот и они не подозревают о нашем приближении. Мы начинаем атаку немедленно. Пусть ваши люди займут боевые посты. С нами Бог! — Карлсен повернулся к коммуникатору: — Адмирала Кемаля ко мне, сейчас же. Вместе с ним я хочу видеть... — Карлсен бросил взгляд на список заговорщиков и продиктовал несколько фамилий.

— Удачи, сэр, — сказал Митч после некоторой паузы. Уже на пороге каюты он успел заметить, как Карлсен опускает список заговорщиков в дезинтегратор мусора.

Сигналы сирен зазвучали раньше, чем Митч достиг каюты. Он облачился в бронекостюм и по вступив ставшим тесными коридорам направился на мостик. Внезапно ожили динамики оповещения:

— ... за все нанесенные нами обиды словом или делом, или бездействием я прошу нас простить. И от имени всякого, кто может назвать меня другом или вождем, я объявляю: все нанесенные вами обиды с этого моменты будут вырваны с корнем из нашей памяти... — Это был голос Карлсена.

В переходе, где только что царила предбоевая суматоха, вдруг повисла тишина. Митч обнаружил, что смотрит прямо в глаза здоровенному венерианину в форме корабельной полиции, очевидно, телохранителю какому-нибудь офицера.

В динамике оповещения раздался голос адмирала Кемаля:

— Мы... мы, эстильцы и венериане — братья отныне! С этого момента мы едины, жизнь против берсеркеров! Гибель проклятым машинам, смерть их строителям! Не забудем Атсог!

— Не забудем Атсог! — вторил адмиралу голос Карлсена.

Тишина в коридорах напоминала последнюю секунду перед ударом волны цунами, уже нависшей и готовой вот-вот обрушиться. И она обрушилась. Митч сам не понимал, что он кричит, она только чувствовал навернувшиеся на глаза слезы.

— Не забудем генерала Брадина! — крикнул венерианин-полицейский, обнимая Митча, поднимая в воздух вместе с бронекостюмом. — Смерть его убийцам!

— Смерть убийцам!

Клич прокатился по коридорам, как волна жидкого пламени. То же самое, совершенно очевидно, сейчас происходило и на других кораблях. Больше не оставалось времени на интриги, только на общую славу или общую гибель.

— Гибель проклятым машинам!

Мостик размещался почти в самом центре массы корабля. Это было лишь возвышение с кругом кресел. Каждое кресло окружалось скоплением панелей, пультов и экранов.

— Координатор abordaja готов, — отрапортовал Митч, пристегивая ремни.

Трехмерный экран-сфера в центре мостика демонстрировал движение флота людей. Корабли шли двумя линиями, по сотне в каждой. Каждый корабль обозначала зеленая точка, позиция которой с максимально возможной для корабельного компьютера точностью соответствовала реальной. Завитки и вздутия туманности Камен-

A. Kurosawa

ный Край перемещались вдоль боевых порядков флота серией стремительных коротких толчков. Флагман сейчас шел в режиме сверхсветовых микропрыжков, и поэтому изображение в сфере-демонстраторе состояло из серии неподвижных картин, чередуемых с интервалом в полсекунды. Четыре более жирные зеленые точки сильно отставали от основной массы флота. Это были венерианские крейсера с тяжелыми сверхсветовыми пушками, новым оружием людей.

Митч слышал чей-то голос в наушниках:

— Примерно через десять минут можно ожидать...

В пространстве демонстратора появилась зловеще-красная горящая точка, за ней другая, еще десяток. Как крошечные солнца, выплывали корабли берсеркеров из-за вздутия туманности Каменный Край. Очевидно, разведпатруль Хемпфила был в конце концов замечен, потому что берсеркеры шли в атакующем строю. Сотня или даже больше красных точек образовала боевую сеть, и вдруг в демонстраторе возникла вторая сеть, а из черной туманности продолжали выползать красные точки, строя третью боевую сеть, чтобы охватить и сокрушить линии флота людей.

— По моим оценкам, у берсеркеров три сотни кораблей, — сказал чей-то противно-педантичный голос. Раньше один только такой численный перевес мог лишить человечество последних надежд, но сейчас, в эту минуту, страх уже никого не мог остановить.

В наушниках Митча гремели боевые команды. Ему самому пока оставалось только наблюдать.

Шесть больших зеленых точек отставали теперь еще больше: ни секунды не колеблясь, Карлсен бросал флот прямо в центр вражеского строя. Люди недооценили силу врага, но и командование флота берсеркеров, кажется, сделало аналогичную ошибку, потому что красным точкам пришлось перегруппироваться, расширить сети.

Дистанция между кораблями была еще слишком велика для эффективного применения бортового оружия, зато дальнобойные сверхсветовые пушки шести венерианских крейсеров могли спокойно вести огонь прямо сквозь строй флота людей. Их залп заставил на миг сжаться само пространство, хотя это был лишь вторичный эффект распыленной энергии, зарегистрированный мозгом Митча. Сверхсветовой снаряд, выстреленный на безопасное расстояние от корабля-пушки, включал собственный двигатель и мчался к цели, то появляясь, то

исчезая из нормального пространства, как пущенный над поверхностью тихого пруда гладкий плоский камешек.

Масса такого снаряда, увеличенная во много раз скоростью, пронеслась сквозь строй зеленых точек, словно фантом, и выныривала в обычное пространство только у самой цели уже в виде волн Де-Бройля, когда фазовая сверхсветовая скорость внутренне выворачивает наизнанку саму материю.

Казалось, не прошло и секунды с момента, когда Митч почувствовал призрачное появление снарядов, как одна из красных точек распухла и распустилась в крохотное розовое облачко. Кто-то ахнул. Несколько мгновений спустя заработали огневые батареи флагмана, лазеры и ракетные установки.

В центре враг остановился, примерно в двух миллионах миль от флагмана, но фланги неудержимо надвигались, как нож гигантской мясорубки, угрожая окружением первой линии кораблей.

Карлсен не колебался ни секунды. Флот людей устремился прямо в пасть ловушки.

Само пространство вокруг Митча вибрировало и волновалось. Огонь вели все корабли флота. Красные и зеленые точки в демонстраторе начали исчезать, но пока потери с обеих сторон были незначительны.

Темп сражения вышел за пределы человеческих возможностей, и голоса в шлемофоне немного успокоились. Теперь бой будут вести компьютеры, верные слуги Жизни, против слуг Антижизни хладнокровно, без страха и понимания, что происходит.

Фрагменты боя с калейдоскопической скоростью сменяли друг друга в сфере демонстратора. Распухающая красная точка вражеского корабля только что была в миллионе миль, но вдруг оказалась в два раза ближе, в следующий миг — на старом месте. На самом деле прыжки совершал флагман, то исчезая, то выныривая в нормальное пространство, не прекращая бешеного огня по противнику. Наконец, флагман вышел на курс тарана.

Теперь в сфере демонстратора возникла не просто красная точка, а мрачный черный силуэт недруга, словно нависший, безумно накренившийся замок великанов, затмивший звезды по курсу. Сто миль, пятьдесят. Скорость приближения снизилась до мили в секунду. Враг, как и ожидалось, на максимальном ускорении уходил от тарана. Митч в последний раз проверил ремни, латы, оружие. Крис, твой кокон должен выдержать. Берсеркер распух, закрыл всю сферу демонстратора. Относительно

мелкий берсеркер, всего раз в десять больше флагмана. Но в любом случае у этих космических гигантов имелись слабые места, старые раны, только затянутые свежей броневой кожей. Удирай, удирай, механическое извращение, но тебе теперь не уйти!

Ближе, все ближе... Таран!

Погас свет, появилось ощущение падения, секунды тянулись, как века...

Удар. Несмотря на обивку кресла и внутреннюю амортизацию лат, Митч получил пару хороших синяков. Одноразовый нос-таран уже, должно быть, испарился, поглощая часть энергии удара.

Когда гром столкновения затих, стал слышен скрежет металла, свист убегающего воздуха, всхлипы и вздохи разорванных трубопроводов.

Флагман на половину длины корпуса вошел в тело берсеркера. Не самый удачный таран, но на мостике никто не был ранен. Контроль повреждений доложил, что пробоины невелики и уже заделываются. Канониры сообщили, что пока не могут выдвинуть пушечную турель. Машинный зал был готов включить двигатели на полную мощность.

Двигатели!

Корабль заерзал внутри им же нанесенной берсеркеру раны. Возможно, победа окажется легкой, если они смогут выпотрошить врага, выпустить в космос его металлические внутренности. На секунду воображение Митча было парализовано, когда он вообразил мощь созданных человеком двигателей.

— Бесполезно, командир. Мы засели прочно.

Берсеркер выдержал. И уже наверняка его стратегический центр выдает вариант за вариантом плана ответной атаки, без страха и жалости.

Капитан корабля посмотрел на Карлсена. Снаружи кипел ад огненных энергий, и никакая нормальная связь была невозможна. Карлсен больше не мог управлять битвой, впрочем, и берсеркеры не могли соединить центральные компьютеры своих кораблей в единый мозг.

— Принимайте командование, — сказал Карлсен капитану корабля. Подавшись вперед, Главнокомандующий всматривался в померкшую сферу демонстратора, пытаясь понять, что представляют собой изредка мелькавшие в ней огоньки.

Капитан тут же отдал приказ высаживать абордажную команду.

Митч смотрел, как его люди покидают абордажные

лазы. После секундного размышления (ждать было хуже, чем действовать) он обратился к капитану:

— Сэр, прошу разрешения присоединиться к десанту.

Карлсен словно не слышал. Он полностью передал бразды управления в руки капитана.

Капитан же ответил не сразу. Координатор был нужен не мостике, но во время абордажной схватки будет отчаянно не хватать опытных людей.

— Хорошо. Сделайте все возможное, чтобы отбить контратаку.

Берсеркер бросил на таранивший его флагман орду солдат-роботов. Отделения десантников почти не успели отойти от вонзившегося в тело берсеркера корпуса, а уже некоторые из них были отрезаны нападавшими.

В узком зигзагообразном коридоре лаза, за которым кипела самая жаркая схватка, Митча встретил человек в латах.

— Капитан Спейн? Я сержант Брум, исполняю обязанности командира обороны. Мостик передал, что теперь командовать будете вы. Нам немного тяжело приходится. Канониры все еще не могут разобраться с турелью. Железки катят волнами, не дают ни минуты передышки.

— Выходим.

Оба поспешили наружу через лаз, превратившийся в щель. Корпус флагмана в этом месте изогнулся, как лезвие меча, воткнувшегося в слишком прочную броню.

— Сейчас разберемся, — наконец преодолев лаз, сказал Митч. Где-то мерцали вспышки, светился раскаленный металл, и в этом неверном свете можно было различить могучие балки, словно многоэтажные дома, среди которых застрял флагман.

Сержант показал, в каком направлении ушло его отделение. Около сотни десантников сейчас вели бой в лабиринте хаотически разорванного металла и дрейфующего в невесомости железного мусора.

— Железки не стреляют. Они накатывают волнами и вступают в рукопашную. В последней атаке мы потеряли шестерых.

Из глубоких шахт поднимались облака газа и пузыри какой-то жидкости, металл вздыхал и вибрировал. Умирает ли проклятая машина или, наоборот, готовится к решительной схватке, сказать было нельзя.

— Кто-нибудь вернулся из остальных отделений?

— Нет. Похоже, они застряли.

— Говорит канонирная, — раздался в наушниках жизнерадостный голос. — Нам удалось выставить одну турель по восьмидесятому градусу.

— Тогда стреляйте, чего ждете, — проскрежетал Митч. — Мы же внутри у него, во что-нибудь попадете.

Минуту спустя раздвинулись заслонки на специальных нишах в корпусе флагмана, и оттуда ударили прожектора.

— Они опять катят! — завопил Брум.

Метрах в трехстах впереди, за расплавленным носом корабля, показалась цепочка силуэтов. В свете прожекторов стало ясно, что это не десантники в латах. Митч не успел открыть рот, чтобы выяснить, чего ждут канониры, когда заработала турель, поливая наступающие машины дождем разрывных снарядов.

Но машины шли цепь за цепью, как волны, карабкаясь, прыгая, ползком. Десантники открыли отчаянный огонь.

Митч, совершая длинные легкие прыжки, обходил десантников, совершая, если нужно, перегруппировки.

— Если что, отходите! — приказал он по командирскому каналу. — Но не допускайте их к абордажным лазам.

Его людям сейчас приходилось иметь дело не с сервомеханизмами типа сварочных или трубочистов. Эти машины были построены специально для боя.

Откуда-то на перехват Митчу полетела массивная цепь. Он перебил ее двумя выстрелами. На синем хвосте реактивного выхлопа миниатюрных двигателей на него устремилась металлическая бабочка. Митч потратил четыре разряда, но в нее не попал.

Митч направился обратно к лазу, по пути вызвав Брума.

— Брум, как у вас дела?

— Трудно сказать, капитан. Вызываю командиров отделений, повторяю, вызываю командиров...

Бабочка атаковала еще раз, и Митч разрезал ее лучом лазера. Возле лаза со всех сторон молниями сверкали выстрелы. Митч чувствовал, что битва снаружи, в пространстве, тоже была в разгаре: призрачные щупальца боевых энергий дрожью пронизывали металл и он ощущал их присутствие даже сквозь изоляцию бронекостюма.

— Вот они... Эй, осторожно, девятка по циферблату.

Девятка? Это атака прямо на лаз. Митч нашел надежную опору между двумя листами брони, клином вставил

ногу, поднял карабин. Многие из атакующих машин на этот раз несли броневые щиты. Митч выстрелил, перезарядил, выстрелил опять.

Единственная стреляющая турель не прекращала огня. Свет прожектора пятном полз вдоль цепи надвигающихся роботов, сопровождаемый ливнем снарядов. В вакууме бой происходил беззвучно. Автоматические пушки турели были значительно мощнее ручного оружия десантников. Одного попадания было достаточно, чтобы робот превращался в тускло светящееся облако осколков. Но вдруг машины появились на самом корпусе флагмана, напав на турель с тыла.

Митч отдал быстрый приказ по радио и поспешил в сторону турели. Каким-то образом он вдруг оказался среди боевых роботов. Они окружили его со всех сторон. Два робота схватили десантника в клешнеподобные манипуляторы и пытались разорвать. Митч быстро выстрелил и, попав в ногу одного робота, отстрелил ее.

Секунду спустя один из роботов-крабов полетел прочь от удара снаряда из турели. Но один робот взялся за Митча серьезно.

Эта машина была бронирована не хуже космокрейсера. Она стремительно приближалась, ловко преодолевая препятствия, отбрасывая манипуляторами дрейфующие осколки. Митч разрядил карабин в киберцентр краба, но машина продолжала тянуть к нему серебристо сверкающие в луче нацеленного прожектора клешни.

Митч выхватил лазерный пистолет, увернулся, но машина обладала ловкостью кошки. Она поймала Митча за левую руку и шлем. Жалобно заскрипел металл. Митч ткнул стволом лазера в киберцентр краба, нажав на спуск. Он и краб плыли в невесомости, роботу не хватало точки опоры, чтобы сокрушить латы Митча, но держал он десантника мертвой хваткой.

Контейнер киберцентра, пистолет и пальцы перчатки светились тускло-красным. В лицевой щиток плеснуло чем-то расплавленным, теперь он плохо видел. Батарея лазера сгорела, ствол намертво приварился к металлу краба.

Левая перчатка поддалась усилию клешни...

... его рука!

Автоматически сработали зажимы и аптечка бронекостюма, перекрывая разорванные вены и артерии, вводя в руку анестезирующий наркотик. Обожженной правой рукой Митч потянулся за пластиковой гранатой.

Клешня краба отпустила покалеченную левую руку

Митча. Рука одеревенела. Краба трясло, как в агонии. Митч взмахнул рукой, прилепнул гранату на кибер-центр краба. Потом напряг ноги, стараясь вырваться из нового захвата клешней. Перегруженные сервомоторы костюма жалобно завывали. Секунда, две, три...

Взрыв поверг его в шок. Когда Митч пришел в себя, он плыл в невесомости. Что это сверкает там? Где же лаз... Он должен найти лаз, нужно отбить атаку...

Постепенно мысли прояснились. Митчу казалось, что два твердых пальца больно упираются в грудь. Хорошо, если это только реакция на рану в руке. Из-за металла, застывшего на смотровом щитке шлема, почти ничего не было видно, но Митчу удалось разобраться, где находится корпус флагмана. Мимо, лениво вращаясь, проплывал какой-то обломок, и Митч воспользовался им как транспортным средством. Пока он плыл в сторону абордажного лаза, он приготовил новую обойму и только потом заметил, что потерял карабин.

Вокруг лаза пространство было полно осколками и обломками раздробленных механизмов, висевших, как туман. Десантники вели огонь, куда-то в черную рваную каверну. В неверных вспышках Митч узнал бронекостюм Брума. Сержант помахал ему рукой.

— Капитан, они повредили турель и большую часть прожекторов. Но мы почти всех перебили. Как рука?

— Как дерево. Лишний карабин найдется?

— Карабин?

Брум плохо слышал Митча. Естественно, проклятый краб повредил передатчик шлема. Митч прижал шлем к шлему Брума и громко сказал:

— Остаешься за старшего. Я иду в корабль. Если смогу, вернусь.

Брум кивнул и с тревогой проводил Митча взглядом до самого лаза. Вспышки выстрелов замелькали чаще, но два тупых твердых пальца все сильнее и сильнее давили на грудь и Митч ничего не мог сделать. Голова слегка кружилась. Он вернется? Кого он хочет обмануть? Хорошо еще, если он самостоятельно доберется до врачей.

Он протиснулся в лаз, потом, мимо ниш внутренней охраны, в воздушный шлюз. Ему тут же поспешили на помощь.

Я еще жив, подумал Митч. Вокруг суетились люди, вспыхивали какие-то яркие огни. Обрубок ладони замотали в белые бинты. И еще одну вещь он заметил: призрачные волны космических залпов больше не тревожили пространство. Потом, совершенно внезапно, он

понял, что его вывозят из операционной, мимо спешили радостно оживленные люди. Митч был так слаб, что не мог даже собраться с мыслями и задать кому-нибудь вопрос, хотя он успел сообразить (судя по доносившимся до него обрывкам фраз), что к атаке на берсеркера присоединился еще один корабль.

Носилки с Митчем были оставлены в помещении возле мостика, наскоро переделанном в палату для раненых. Раненых было много. Все были надежно привязаны, у всех имелись дыхательные шланги, на случай повреждения систем гравитации и снабжения воздухом. Повсюду Митч замечал признаки боя. Откуда? Здесь, в глубине корабля, возле мостика? Ведь они отстояли абордажные лазы...

Корпус флагмана завибрировал.

— Мы вырвались, — сказал кто-то рядом.

На какое-то время Митч потерял сознание. Когда он пришел в себя, то увидел множество входящих на мостик людей. У всех были такие лица, словно они явились на какой-то торжественный зов. У многих было с собой оружие, другие несли самые странные с точки зрения Митча предметы: книги, шлемы, аптечки, бутылки, подносы с едой. Здесь даже были дети, спасенные, очевидно, из плена берсеркеров.

Митч приподнялся на правом локте, не обращая внимания на тупую боль в забинтованной груди и на волдыри ожогов на правой руке. И все же за спинами людей он не видел кресел управления мостика.

По всем коридорам шли мужчины и женщины, счастливые, залитые включенным на полную яркость освещением.

Примерно час спустя Митч проснулся опять. На этот раз он обнаружил переносную сферу-демонстратор, установленную неподалеку. На фоне угольно-черной туманности Каменный Край тускло светилась новая туманность: облако остывающих металлических газов. Кое-где рубиново мерцали более горячие сгустки-ядра.

Рядом с Митчем кто-то усталым голосом диктовал в рекордер:

— ... мы потеряли пятнадцать кораблей и около восьми тысяч человек. Повреждения получили практически все наши корабли. Мы оцениваем потери берсеркеров в девяносто, повторяю, девяносто кораблей. По последним данным, на абордаж было успешно взято сто семьдесят шесть. В это до сих пор трудно поверить. В этот исторический момент... мы не должны забывать, что около

тридцати берсеркеров смогли бежать и продолжают оставаться так же смертельно опасными, как и всегда. Нам еще долго придется выслеживать и уничтожать их. Но флота берсеркеров больше не существует. И можно надеяться, что взятые в плен машины прольют наконец свет на их происхождение. И самое главное, освобождено около двенадцати тысяч людей, взятых берсеркерами в плен... Как объяснить наш успех? Неверующие скажут, что победу нам принесли новые, более прочные корпуса, более мощное и более дальнобойное сверхсветовое оружие, новая, неожиданная для врага тактика боя. И наши десантники оказались сильнее всех тех боевых машин, которые выслали против них монстры-берсеркеры. А главное — стоит отдать должное главнокомандующему Карлсену. Он принял решение атаковать в момент, когда его примирение с венерианами объединило и усилило флот многократно. Главнокомандующий сейчас здесь, он посещает раненых, которые лежат рядами в импровизированной палате...

Карлсен выглядел таким усталым, двигался так медленно, что Митч решил сначала, что главнокомандующий сам был ранен. Сутулясь, он медленно шел вдоль носилок, кивая, обмениваясь короткими фразами с ранеными. Возле носилок Митча он остановился, словно наткнулся на стену.

— Она погибла, поэт. — Это было первое, что он сказал.

Митчу показалось, что палуба флагмана провалилась под ним, потом вернулась на место. И он был спокоен, как если бы ожидал такого конца. Сражение опустошило его.

Устало шевеля губами, Карлсен тихо рассказал о том, что произошло. Берсеркеру удалось прогрызть корпус флагмана, и в отверстие была впущена дьявольская машина, нечто вроде ядерной торпеды с самонаводкой, запрограммированной пробить все палубы в направлении мостика и каюты главнокомандующего. Торпеду успели остановить у самого мостика и обезвредить. Но перед этим кибернетический ядерный факел прошел насквозь кабину Карлсена.

Признаки отчаянного боя, кипевшего здесь, могли бы уже заранее многое сказать Митчу. Но думать он был не в состоянии. Сначала шок, потом транквилизаторы притупили его сознание. Он практически ничего не чувствовал, только видел лицо Крис, на каком-то сером фоне, как в тот первый раз, когда он спас ее из капсулы.

Спас ее.

— Я слабый, глупый человек, — говорил Карлсен. — Но я никогда не был твоим врагом. А ты?

— Нет. И ты прощаешь всех врагов. Это лучший способ от них избавиться. Теперь у тебя долго их не будет. Галактический герой. Но я тебе не завидую.

— Не завидуешь... Боже, прими и успокой ее душу.

Несмотря на горе и колоссальное напряжение последних часов искра жизни горела в Карлсене так же спокойно и сильно, как и всегда. Только смерть была способна сокрушить этого человека. Карлсен даже пытался улыбнуться.

— Вот и сбылась вторая половина пророчества, да? Я погибну, лишившись всего, что имел. Словно умирая, человек забирает собственность с собой.

— Все будет нормально, Карлсен. Ты переживешь собственный успех. И умрешь в мире и покое, с надеждой попасть в обещанный рай.

— Когда я буду умирать... — Карлсен медленно обвел взглядом всех собравшихся, — я буду помнить этот день. Славу и победу всех людей.

Несмотря на усталость и боль потери, он сохранял колоссальную силу убежденности. Не в собственной правоте, понял Митч, а в собственной преданности правому делу.

— Поэт, если захочешь, будешь со мной работать.

— Может быть, наступит такой день. Пока что мне хватит на жизнь премии. И меня ждет книга. Если руку восстановить не смогут, буду писать одной рукой. — Митч вдруг почувствовал страшную усталость.

Ладонь коснулась правого плеча. Голос главнокомандующего сказал:

— Храни тебя Бог.

Йохан Карлсен ушел.

Митчу хотелось только одного: отдохнуть. И взяться за работу. Мир был устроен плохо, несправедливо, и все люди — глупцы. Но были среди них и те, кого невозможно было раздавить. И об этом стоило написать.

«После любой, даже выигранной битвы, остаются раненые. Поврежденная плоть восстанавливается. Руку можно заменить. Можно пересадить глаз и даже поврежденный мозг можно в известной степени восстановить. Но есть раны, недоступные скальпелю хирурга. Есть двери, которые нельзя открыть снаружи. Я нашел человека, расщепленного на двое.»

6

ЧТО НАТВОРИЛИ ТЫ И Я

Первое, что я начинаю сознавать: я нахожусь в большой комнате, похожей на перевернутую воронку, внутри огромного космического аппарата, мчащегося в пространстве. Окружающий мир мне знаком, хотя я и чувствую себя совершенно обновленным.

— Он проснулся! — говорит черноволосая молодая женщина, испуганно глядя на меня.

В моем поле зрения появляются полдюжины человек. Трое из них мужчины, они давно не брились. Все люди в грязной, растрепанной одежде.

В поле моего зрения? Рукой я щупаю лицо, чувствую, что левый глаз закрыт латкой.

— Не трогай! — предупреждает самый высокий из мужчин.

Наверное, когда-то он занимал солидное положение. Тон у него резкий, властный, и все же в нем слышится неуверенность в себе, как будто я важная персона. Но я всего лишь... кто?

— Что случилось? — спрашиваю я.

Мне тяжело ворочать языком, тяжело подбирать даже простые слова. Левая рука лежит, словно забытая, но как только я подумал о ней, она шевельнулась, и, опираясь на нее, я сажусь, отчего волной накатывают боль и головокружение.

Женщины (их двое) пятятся от меня. Плотного телосложения молодой мужчина успокаивающе обнимает их за плечи. Люди будто бы мне знакомы, но я не могу вспомнить их имена.

— Главное, не волнуйся, — говорит высокий мужчина. Его руки с ловкостью профессионального врача проверяют мой пульс, трогают лоб, потом он помогает мне снова лечь на стол с мягкой обивкой.

Теперь я вижу по обе стороны от себя двух роботов-андроидов. Сейчас доктор велит им отвезти меня в палату. Но я сразу же понимаю, что это не больница. Откуда я знаю? Я не помню, но знаю, что правда, если ко мне вернется память, будет ужасной.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает третий мужчина, самый старый из них. Он подходит ко мне.

— Вроде неплохо. — Вместо нормальной речи получаются невнятные клочки. — Что случилось?

— Был бой, — говорит доктор. — Тебя ранило, но я спас твою жизнь.

— Тогда... хорошо. — Боль и головокружение постепенно отступают.

Доктор говорит довольным тоном:

— Как и предполагалось, у тебя проблемы с речью. Ну-ка, попробуй прочесть вот это.

Он поднимает карточку с ровными рядами маленьких аккуратных символов. Я четко вижу эти символы, но они ничего для меня не означают. Абсолютно ничего.

— Не могу, — говорю я наконец, закрываю глаза и ложусь. Я чувствую недружелюбное, даже враждебное отношение собравшихся ко мне. Но почему?

— Что произошло? — настойчиво повторяю я.

— Мы в плену, внутри у машины, — говорит старик. — Ты помнишь, что мы в плену?

— Да. — Я киваю, хотя деталей не могу вспомнить. Память затянута туманом.

— Как меня зовут?

Старик с явным облегчением сдержанно смеется.

— Допустим, Тад... Тадеуш. Почему бы и нет?

— Тад? — Это доктор переспрашивает.

Я открываю глаза опять. Доктор ведет себя более уверенно. Я дал ему какой-то повод? Я что-то такое сделал или, наоборот, не сделал?

— Тебя зовут Тад, — повторяет доктор.

— Мы в плену? У машины?

— У берсеркера. — Он вздыхает. — Это что-нибудь значит для тебя?

Да, глубоко внутри слово «берсеркер» рождает эхо, очень страшное, невыносимо страшное. Но меня спасает сон, я засыпаю.

Проснувшись, чувствую себя намного лучше. Стол

исчез, я покоюсь на мягком полу комнаты — или камеры? — этой белой опрокинутой воронки. Рядом стоят два робота, и я не знаю, — почему.

— Атсог! — вдруг кричу я: я вспомнил, что оказался на планете Атсог, когда началось нападение берсеркеров. Роботы-рейдеры схватили меня и остальных семерых в подземном убежище. Память все еще туманна, но это даже хорошо. Пусть лучше остается туманной.

— Проснулся! — говорит кто-то. И снова женщины испуганно пятятся от меня. Доктор и старик тихо разговаривают, что-то обсуждают, и старик поднимает голову, смотрит на меня. Голова у него трясется. Плотный молодой человек вскакивает на ноги, угрожающе сжимает кулаки.

— Как ты себя чувствуешь, Тад? — спрашивает доктор. Потом, внимательно посмотрев на меня, сам себе отвечает: — Нормально. Девушки, дайте ему поесть. Или ты, Холстед.

— Помочь ему? О Боже!

Черноволосая девушка прижимается к стене спиной, старается отойти от меня как можно дальше. Две другие женщины что-то стирают в раковине, какую-то одежду. Бросив на меня взгляд, они продолжают стирать.

Нет, и голова у меня забинтована не просто так. Наверное, я был ранен, и теперь лицо у меня выглядит ужасно, наверное, оно обезображено.

Доктор проявляет нетерпение.

— Его нужно накормить.

— Я его кормить не стану, — твердо говорит агрессивный юноша. — Всею есть предел.

Черноволосая медленно направляется в мою сторону. Все смотрят на нее.

— Ты? — удивленно произносит юноша и покачивает головой.

Она идет медленно, словно ей больно делать шаги. Нет сомнений, в бою ей тоже досталось, на лице видны старые синяки. Она опускается на колени рядом со мной, направляет мою левую руку, помогает мне есть, дает воды. Правая сторона почему-то плохо слушается меня, хотя и не парализована.

Доктор подходит ко мне, и я спрашиваю: — Что с моим глазом? Он может видеть?

Он быстро перехватывает мои пальцы, тянущиеся к латке над глазом.

— Пока придется тебе пользоваться только левым глазом. Твой мозг был проомериван. Если ты сейчас

снимешь латку с глаза, последствия могут быть необратимыми и очень серьезными, я предупреждаю.

Мне кажется, он что-то скрывает. Почему?

Черноволосая девушка спрашивает:

— Ты что-нибудь еще вспомнил?

— Да. До того, как был взят Атсог, мы получили сообщение. Йохан Карлсен вел флот на защиту Солнечной системы.

Все смотрят на меня с надеждой. Но ведь они должны знать больше моего.

— Карлсен выиграл битву? — с тревогой спрашиваю я. Потом вспоминаю: мы пленники. И я плачу.

— Новых пленных не было пока, — говорит доктор. — Возможно, Карлсен разбил берсеркеров. И эта машина сейчас спасается от флота людей. Что ты на это скажешь?

— Что я скажу? — Странно, неужели я начинаю не только с трудом говорить, но и понимать? — Что это хорошо.

Все вздыхают с некоторым облегчением.

— Ты получил трещины в черепе, — объясняет старик. — Тебе повезло, что рядом оказался знаменитый хирург. Машина намерена нас изучать. Она предоставила доктору нужные инструменты, и если бы ты умер или оказался парализованным, доктору пришлось бы плохо. О да, здесь машина не оставила нам сомнений.

— Зеркало? — Я показываю на свое лицо. — Хочу посмотреть. Очень плохо?

— Зеркала у нас нет, — говорит женщина возле раковины таким тоном, будто я в этом сам виноват.

— Тебя беспокоит лицо? Оно не пострадало, — говорит доктор. Тон у него убедительный, но я почему-то уверен, что с лицом у меня случилось нечто страшное, и слова доктора не успокаивают меня.

Мне жаль этих добрых людей. В довершение ко всем неприятностям им приходится терпеть присутствие такого монстра, как я.

— Мне очень жаль, — говорю я и отворачиваюсь, чтобы спрятать лицо.

— Ты в самом деле не знаешь... — говорит черноволосая, несколько минут пристально смотревшая на меня. Голос у нее срывается.

— Он в самом деле не знает. Тад, с лицом все нормально.

Действительно, на ощупь кожа лица такая же гладкая, как и раньше. Черноволосая смотрит на меня с жалостью.

Сквозь ворот платья на ее плече видны красные полосы, как следы от ударов плетью.

— Кто-то бил тебя? — с испугом спрашиваю я.

Женщина возле раковины нервно смеется. Молодой человек что-то бормочет себе под нос.левой рукой я закрываю лицо. Правая ладонь касается краев латки.

Вдруг молодой человек громко чертыхается, показывает на только что открывшуюся дверь в стене.

— Машине понадобилась твоя консультация, — сурово говорит он мне. Он похож на человека, который очень зол, но не смеет этого показать. Кто же я? Почему эти люди меня ненавидят?

Я поднимаюсь на ноги, я могу идти, сил хватает. Я вспоминаю, что именно я хожу на переговоры с машиной.

В узком голом коридоре машина выдвигает два сканера и динамик. Это ее лицо. Я знаю, что нахожусь внутри гигантской космической крепости, объемом в несколько кубических миль, мчащейся в пространстве, и я помню, что я стоял на этом же месте до начала сражения, разговаривал с машиной. Но я понятия не имею, что я говорил.

— Предложенный тобой план не сработал. Карлсен продолжает функционировать.

У машины квакающий, надтреснутый голос. Она шипит и скрежещет, как опереточный злодей.

И что же я мог предложить этому чудовищу? Какое кошмарное предположение!

— Я почти ничего не помню. У меня была травма мозга.

— Если ты лжешь, то помни, меня обмануть нельзя, — говорит машина. — Я не собираюсь тебя наказывать за провал. Это не поможет в достижении моих целей. Я знаю, что ты живешь вне законов человеческого общества. Ты даже не пользуешься полным своим именем. Зная твою природу, я тебе доверяю и надеюсь на твою помощь в борьбе с разумной жизнью. Остальные пленные останутся в твоём подчинении. Позаботься, чтобы твои поврежденные ткани восстановились в пределах возможного. Очень скоро мы испытаем новый способ борьбы с жизнью.

Следует пауза, но мне нечего сказать. Трескучий динамик умолкает, гаснет свечение внутри сканеров. Продолжает ли машина следить за мной? Она сказала, что доверяет мне. Это чудовище из ночных кошмаров доверяет моему злему началу, верит, что я стану союзником.

Теперь память вернулась в значительной степени, и я знаю, что машина сказала правду. Отчаяние столь велико, что я уже не надеюсь на победу Карлсена в битве с берсеркерами. Все кончено. Я предал Жизнь. Возможно ли пасть ниже, чем пал я?

Я отворачиваюсь от погасших глаз-сканеров и отмечаю движение: мое собственное отражение в полированном металле. Я смотрю на зеркальную стенку коридора, на самого себя.

Голова замотана в бинты, левый глаз закрыт латкой. Это мне уже известно. Кожа вокруг правого глаза странно бледная. Волосы (насколько они видны из-под бинтов) светло-каштановые, такого же оттенка, как и моя лохматая двухмесячная борода. Нос, рот, челюсть — вполне в норме. Ничего отвратительного или уродливого в моем лице нет.

Нечто кошмарное спрятано внутри меня. Я предатель, я по собственной воле помогал берсеркеру.

Кожа вокруг левого глаза такая же желтовато-голубая, как и справа. Это результат операции: гемоглобин прорвал сосуды и свернулся.

Я помню предостережение доктора, но пальцы так и тянутся к латке, как язык к ноющему зубу, только соблазна намного сильнее.

Нечто ужасное определенно связано с левым глазом, я не в состоянии удержаться. Пальцы правой руки с готовностью снимают латку. Я моргаю, зрение теряет резкость, все вокруг расплывается. Теперь я смотрю двумя глазами сразу. И в следующий миг умираю.

Ти шагал по коридору, в ярости сжимая черную латку в ладони. Он скрежетал зубами. Он изрыгал поток страшных ругательств: к нему вернулся дар свободной и беглой речи. Он так громко ругался, что даже запыхался. Он так спешил к камере пленных, что несколько раз споткнулся и чуть не полетел кувырком. Он спешил, спешил добраться до этих дохлых наглецов, этих гнилых умников. Подумать только, они разработали такой подлый хитроумный план, пытаясь от него избавиться! Гипноз, очевидно. Имя ему придумали, да? Сейчас он им покажет Тадеуша.

Ти распахнул дверь, перевел дух и вошел в камеру пленных. Потрясенное лицо доктора говорило яснее слов, что пленным надеяться больше не на что. Ти снова крепко держал в руках рычаги управления.

— Где моя плеть? — Ти повертел головой с грозным видом. — Какой подонок спрятал мою плеть?

Женщины закричали. Юноша Холстед понял, что операция «Тадеуш» провалилась: с отчаянием обреченного он бросился на Ти, бешено размахивая кулаками. Роботы — телохранители были, конечно же, куда проворнее любого человека. Один из роботов блокировал удар Холстеда металлической рукой, и юноша завопил от боли, прижимая поврежденную руку к животу.

— Принеси мне плетъ!

Робот немедленно вытащил плетъ — кусок плетеного провода — из-за раковины и отдал хозяину.

Ти добродушно постучал по корпусу робота (звук был глухой, как из бочки) и усмехнулся, глядя на пленных. Он пробежал пальцами по плети. Пальцы левой руки словно окаменели, и он начал их нетерпеливо сгибать и разгибать.

— Что такое, мистер Холстед? Что с ручкой случилось? Разве вы не хотите пожать мне руку, поздравить с возвращением? Иди-ка сюда, пожмем друг другу руки!

Холстед так забавно корчился на полу, что Ти пришлось сделать паузу, чтобы посмеяться.

— Слушайте меня, — сказал он, отдышавшись. — Мои хорошие друзья. Машина сказала, что я по-прежнему здесь главный, уловили? Информация, которую я дал о Карлсене, сработала лучше некуда. Бум-бам-хлоп! Рекомендую меня не расстраивать, потому что машина меня поддерживает на все сто. Ты, док, хотел меня переделать? — левая рука вдруг начала сама собой дрожать. Ти пришлось помахать ею. — Ты хотел сыграть со мной грязную шутку?

Док держал руки за спиной, словно надеясь спасти свои пальцы выдающегося хирурга.

— Я бы не смог изменить характер твоей личности, даже если бы пытался. Правда, я мог бы превратить тебя в ходячее растение, но этого, как видишь, я не сделал. Хотя мог бы.

— Теперь жалеешь, а? Но ты боялся машины. Поэтому ты придумал другой фокус, верно?

— Да, чтобы спасти тебе жизнь. — Док выпрямился. — Твоя травма вызвала очень сильный и практически непрерывный эпилептический припадок. Я удалил тромб, но это не помогло. Тогда я рассек мозолистое тело.

Ти пощелкал плетью.

— Что это значит?

— Видишь ли... правое полушарие мозга управляет в основном левой стороной тела. При этом левая половина, доминирующая у большинства людей, контролирует пра-

вую и занимается операциями, связанными с абстрактными понятиями, символами.

— Это я знаю. Во время кровоизлияния в мозг тромб находится в противоположной от парализованной половины части мозга.

— Правильно. — Док гордо поднял голову. — Ты, я разделил твой мозг, отсек правую сторону от левой, простыми словами. Это старый метод борьбы с эпилепсией, и ничего лучше я сделать не мог. Я могу поклясться, я готов отвечать на детекторе лжи...

— Заткнись! Я тебе сейчас устрою такой детектор! — Ти шагнул вперед — Что со мной будет теперь?

— Как хирург могу сказать, что ты можешь прожить нормальной жизнью еще достаточно долго.

— Нормальной? — Ти сделал еще шаг, взмахнул плетью. — Зачем ты мне латку на глаз повязал, а? Зачем вы меня Тадеушем называли?

— Это моя идея, — перебил дрожащим голосом старик. — Я предполагал, что в человеке, таком, как ты... должен быть компонент, составляющая, которую я называл Тадеушем. Я надеялся, что под воздействием психологического напряжения, которое мы все испытываем, Тад мог бы проявиться, если мы дадим ему шанс, в твоей правой половине. Это была моя идея. Если ты пострадал, то я за это отвечаю.

— Ответишь. — Но, кажется, любопытство перевесило злость. — Кто такой этот Тадеуш?

— Это ты, — сказал доктор. — Мы ничего нового в череп тебе не вложили.

— Иуда Тадеуш был современником Иуды Искарриота, — сказал старик. — Сходство имен, но в остальном... — Старик пожал плечами.

Ти фыркнул.

— Вы рассчитывали, что во мне есть доброе начало? Что оно сможет взять верх? Не такая уж безумная идея, я бы сказал. Тадеуш в самом деле был у меня в голове, а может, все еще там, прячется. Как же мне до него добраться? — Ти ткнул пальцем правой руки в угол правого глаза. — Нет, не люблю боль. У меня слишком тонкая нервная система. Док, а как так получилось, что глаз Тадеуша справа, если полушария работают наперекрест? Если это его глаз, почему я его чувствую?

— Потому что я разделил и оптический хиазм. Довольно сложная операция, конечно...

— Все в порядке, док. Мы этому Тадеушу покажем,

кто начальник. Пусть тоже смотрит. Эй, брюнеточка, иди-ка сюда! Давно мы с тобой не забавлялись, а?

— Не надо, — прошептала девушка, обхватив плечи руками, едва не падая в обморок, но подошла к Ти. Два месяца в роли его рабов приучили пленников к неизбежному: послушание — меньшее из зол.

— Тебе этот подонок Тад понравился, да? Тебе понравилось его лицо, а? А как тебе нравится мое? Смотри на меня!

Левая рука Ти медленно потянулась к щеке девушки, нежно погладила. Он видел в ее глазах, что она узнала в жесте Тадеуша, потому что на Ти она никогда так не смотрела. Рывкнув, Ти замахнулся плетью, но левая рука стремительно перехватила правую, мертвой хваткой сжав запястье, словно терьер, перекусывающий туловище змеи.

Ти не выпустил плети, но ему казалось, что кость запястья сейчас сломается. Ноги переплелись, и он упал. Он пытался позвать на помощь, но только ревел, стонал и плевался. Роботы спокойно наблюдали. Вечность спустя над ним возникло лицо доктора, и черная латка нежно опустилась на левый глаз.

Теперь я многое понимаю лучше и воспринимаю спокойно. Сначала я хотел заставить доктора удалить левый глаз, и меня поддержал старик, процитировал какую-то древнюю книгу для верующих насчет того, что лучше вырвать соблазняющий глаз. Один глаз — недорогая цена за избавление от Ти.

Поразмыслив, доктор отказался.

— Ти — это тоже ты, — сказал он. — Нашупать его кончиком скальпеля и удалить невозможно, хотя мне и удалось вас разделить. Сейчас ты управляешь обеими половинками тела. — Доктор устало улыбнулся. — Вообрази тройку внутри собственного черепа. Один — это Тадеуш, два — это Ти, три — решающая сила. Это ты. Лучше всего на этом мы и остановимся.

Старик кивнул.

Сейчас я справляюсь без латки. Говорить и читать гораздо легче, если я использую ранее доминировавшее полушарие, оставаясь Тадеушем. Почему так получается? Наверное, потому, что я хочу этого. Неужели все так ужасно просто?

Время от времени я разговариваю с берсеркером, который не теряет надежды на злобу и жадность Ти. Он сейчас занят проектом разложения человеческого обще-

ства изнутри. С большим запасом фальшивых денег я буду высажен на высокоразвитой планете и начну диверсионную деятельность: развращать людей, сеять вражду между ними.

За пленными берсеркер не следит. Или не может — он сильно поврежден, или ему все равно. Пользуясь свободой передвижения, я выплавил из серебряных монет кольцо, охладил его до температуры сверхпроводимости в камере рядом с мертвым стратегическим центром берсеркера, где царит космический холод. Холстед предполагает использовать циркулирующий в кольце электрозаряд для запуска сверхсветового генератора шлюпки. Ведь наша тюремная камера оказалась спасательной шлюпкой. Сверхсветовой импульс выстрелит шлюпку наружу сквозь корпус берсеркера, уничтожив корабль-крепость.

Если нам повезет и мы не погибнем при запуске, есть шанс спастись.

Но пока живет это тело, им буду править я, Тадеуш, и руки мои будут нежно гладить черные длинные волосы.

«Люди по-разному объясняли причины успехов: новым оружием, исключительными качествами исключительных личностей, точным движением острого хирургического скальпеля.

Но иногда для победы невозможно было найти разумное объяснение. Десятилетия безмятежной, беззаботной жизни на одинокой планете оставили колонистов практически без защиты. Наконец, берсеркер нагрянул и к ним, во всем ужасном величии смертоносной силы.

Так посмеемся вместе с ними!»

7

ГОСПОДИН ШУТ

Оценив результаты поражения, компьютеры берсеркеров сделали вывод: необходимы условия для восстановления старых и конструирования новых кораблей-крепостей. Были найдены подходящие места: вдали от солнц, но с хорошими запасами минералов, расположенные вне населенных секторов, так что люди — теперь уже чаще охотники, а не жертвы — едва ли могли там появиться. В подобных тайных закоулках галактики берсеркеры построили автоматические верфи.

В такую потайную верфь прибыл поврежденный берсеркер. Корпус у него получил несколько серьезных пробоин, имелись и внутренние повреждения. Его посадка на темный астероид больше напоминала аварию. Рухнув на скальную поверхность рядом с полузавершенным корпусом новой машины, разбитый берсеркер «умер» раньше, чем прибыли ремонтные механизмы: остановились двигатели, вышла из строя система аварийного снабжения энергией.

Компьютеры судоверфи оценили повреждения, взвесили различные варианты и начали быструю каннибализацию умершей машины. Новый, полузаконченный берсеркер еще не имел мозга, в сеть силовых сенсоров радиоактивного стратегического центра еще не была встроена в соответствии с инструкцией Создателей глав-

ная смертоносная цель-мотив. Вместо этого компьютеры верфи перенесли мозг из погибшего корабля в новый корпус.

Создатели берсеркеров не предвидели подобного варианта, и поэтому компьютеры верфи не могли знать, что в полевом мозге берсеркеров первого поколения имелся предохранитель. Эти машины были запущены еще самими Создателями, а Создатели рисковать не хотели, наоборот, они гарантировали себе возможность спокойно пережить испытания собственных смертоносных творений. Если мозг перемещался из одного корпуса в другой, предохранитель автоматически занимал нейтральное положение.

Старый мозг оказался хозяином нового корпуса, новых боевых средств, способных стерилизовать целую планету, новых двигателей, могущих мчать громадную массу этой машины со скоростью, превосходящей световую.

Но не было рядом одного из Создателей, чтобы поставить в положение «выключено» простой предохранитель.

На ковре стоял шут. Обвиняемый шут, но практически он был уже осужден и приговорен. Перед ним тянулся длинный стол, за столом высился ряд одинаково-гранитных физиономий и неподвижно-каменных шей. Слева и справа стояли камеры-регистраторы. Преступления шута были настолько серьезны, что приговор взялись вынести сами правители планеты А, члены Комитета законной власти.

Не исключено, что у членов Комитета имелись другие веские причины собраться на это заседание: всепланетные выборы имели место быть через месяц, и ни один из членов Комитета не желал упустить случая появиться по тривиждению, учитывая, что недавно возникшей оппозиции, либеральной партии, такая возможность пока не представилась.

— Теперь я могу предъявить следующую вещественную улику, — говорил в этот момент Министр связи. Он поднял белый прямоугольник с надписью жирными черными буквами. На первый взгляд это был обычный тротуарный знак-вывеска. Но надпись гласила: **«ТОЛЬКО ДЛЯ НЕДОПУЩЕННОГО ПЕРСОНАЛА»**.

— Когда появляется новый знак на тротуаре, — сказал Минсвязи, — он, естественно, привлекает внимание. Но

в этом знаке предпоследнее слово противоречит общему контексту.

Президент Комитета — и всей планеты — многозначительно кашлянул. Из-за любви к штампам и трюизмам Минсвязи обычно выглядел глупее, чем он был в действительности. Едва ли либералы представляют серьезную угрозу во время выборов, но не стоит давать им лишние козыри в руки.

Министр образования, единственная дама среди членов Комитета, изящно помахала лорнетом, привлекая внимание собравшихся.

— Кто-нибудь подсчитал потери в человеко-часах полезного труда, которые мы все понесли из-за этого ставящего в тупик знака?

— Соответствующая работа сейчас ведется, — проворчал Министр труда. Он сурово посмотрел на обвиняемого: — Вы признаете, что собственноручно установили данный знак?

— Признаю.

Шут вспомнил, как улыбались пешеходы на переполненном асфальтовом уклоне, как многие даже откровенно хохотали, не заботясь, что их услышат. Ну какое значение могут иметь эти несчастные рабочие часы? С голоду никто на Планете А не умирает.

— Вы признаете, что за всю жизнь не совершили полезной вещи для родной планеты и ее народа? — Вопрос принадлежал Министру обороны, высокому, властному мужчине, в мундире, увешанном медалями, и с ритуальным пистолетом на боку.

— Этого я не признаю, — твердо ответил шут. — Я всегда пытался сделать жизнь ярче и веселее.

Но он не лелеял тщетных надежд на снисходительность. Впрочем, он так же не опасался, что его побьют: физическое наказание осужденных запрещалось законом.

— И вы, бросая вызов всей Вселенной, намерены упорствовать в собственном легкомыслии? — Министр философии, мрачно усмехнувшись, вынул изо рта мундштук своей ритуальной трубки. — Жизнь — шутка, верно, но это мрачная шутка. Вы потеряли ощущение реальности. Годами вы тревожите общество, пытаетесь надеть народу розовые очки легкомысленной веселости, вместо того чтобы обратить их взоры к суровым реальностям существования. Найденные у вас при обыске видеозаписи могут принести один лишь вред.

Рука Президента коснулась кубика видеокассеты, ле-

жавшей на столе перед ним. На кассете имелась аккуратная белая этикеточка вещественного доказательства.

Своим обычным голосом, похожим на визг лесопильного агрегата, Президент спросил:

— Вы признаете, что эти записи принадлежат вам? Вы их использовали, пытаясь заставить других людей... предаться веселью?

Шут кивнул. Они могут доказать все, что пожелают. Он отмахнулся от права на полную официальную защиту: он спешил поскорее покончить с судом.

— Да, я записал на эту кассету материалы, тайно извлеченные из библиотек и архивов. Я публично демонстрировал содержимое.

Члены Комитета зашептались. Министр здорового питания, худой, как скелет, но с отвратительно розовым энергичным лицом, поднял руку.

— Поскольку признание данного индивида виновным представляется решенным вопросом, заранее прошу передать осужденного — после вынесения приговора, разумеется, — под мою опеку. Если это возможно. В предыдущих показаниях обвиняемый признал, что первым его актом отклонения от норм поведения стало игнорирование общественных столовых. Я убежден, что мог бы продемонстрировать чудесные результаты воздействия на характер индивида нашей системы диетической дисциплины...

— Отказываюсь! — быстро перебил обвиняемый. Слова, кажется, исходили прямо из сердито заворчавшего желудка.

Президент поспешно встал, заполняя несколько неловкую паузу.

— Если у членов Комитета нет других вопросов... Тогда приступим к голосованию. Признается ли обвиняемый виновным по всем предъявленным позициям?

Шут устало закрыл глаза.

— Виновен, виновен, виновен...

После короткого совещания шепотом с Министром обороны, Президент огласил приговор. В визге лесопильного агрегата прорезалась удовлетворенная нота.

— Отказавшись от освобождения под честно принятые обязательства, осужденный шут будет отдан в руки Министра обороны и выслан на одиночный маяк на Дальних Подступах, на неопределенный период. Таким образом, общество будет избавлено от его дестабилизирующего влияния, сам осужденный получит возможность положительного вклада в общественную работу.

Уже несколько десятилетий мощный пылевой шторм сделал контакты Планеты А с остальной Галактикой очень и очень фрагментарными. Сомнительно, что шут действительно внесет положительную лепту в общественное дело. Одиночные маяки хорошо подходили на роль одиночных камер заключения. При этом не ослаблялась планетарная защита от упорно не появлявшегося врага.

— И еще одно, — добавил Президент. — Данная видеокассета будет помещена на мономолекулярную нить на вашей шее. Вы сможете просматривать содержание кассеты в свободное время. Других развлечений у вас не будет.

Президент повернулся к камере тривидения.

— Хочу заверить уважаемую публику, что наложенное наказание не вызывает у нас чувства удовольствия. Тем не менее, наша суровость необходима: в последние годы опасное легкомыслие в отношении суровой реальности распространилось среди определенной части общества. И даже более зрелые граждане тяготеют к непростительной снисходительности касательно подобных настроений.

Довольный удачно проведенным мячом в ворота выскочек-либералов, Президент повернулся к шуту.

— С вами отправится серворобот. Он будет помогать вам и заботиться о вашем физическом благополучии. Заверяю вас, робота вам развеселить не удастся.

Маленьким кораблем управлял робот. Вскоре Планета А исчезла из виду, родное солнце превратилось в яркую звезду. На краю великой пылевой ночи корабль приблизился к станции Зед-45. Миноб решил, что из всех маяков на Дальних Подступах эта станция выделялась особо тоскливым ощущением заброшенности.

В том месте, где предполагался маяк Зед-45, дрейфовал некий металлический объект. Но когда робот и шут сократили дистанцию до объекта, они обнаружили, что это шар диаметром в сорок миль. Вокруг шара плавали большие и мелкие обломки, очевидно, останки маяка Зед-45. Хуже всего, заметив приближение кораблика с роботом и шутком, гигантская сфера двинулась навстречу с поразительной быстротой.

Роботы никогда ничего не забывают, роботы действуют быстро. Узнав в приближающейся гигантской сфере берсеркера, робот попытался послать предупредительный сигнал в центр Миноба. Но передатчик на кораблике оказался в плохом состоянии, пылевые потоки на Даль-

них Подступах мешали успешной связи. Другими словами, кораблик попал в мертвую хватку силовых полей берсеркера раньше, чем робот смог послать сигнал тревоги.

Шут крепко зажмурился и заткнул уши пальцами. Если они выслали его в эту даль, чтобы отучить смеяться, то место они выбрали удачное. Он не открывал глаз и ушей, пока сервомашинны берсеркера пробивали корпус и вытаскивали его самого наружу. Что они сделали с роботом-охранником, он не знал.

Когда снова стало тихо, и он почувствовал нормальную силу тяжести, нормальный воздух и приятное тепло, он решил, что все-таки лучше открыть глаза и обнаружил, что находится в обширном помещении, сумрачно освещенном, без внешних признаков угрозы.

Очевидно, в ответ на проявление активности откуда-то с потолка послышался квакающий писклявый голос:

— По данным моего банка памяти, ты должен быть протоплазменной вычислительной единицей. Вероятно, ты способен понимать этот язык. Ты меня понимаешь?

— Кто? Я? — Шут посмотрел вокруг, но динамика не заметил. — Да, понимаю. Но кто ты?

— На этом языке меня называют берсеркером.

Шут постыдно мало интересовался галактическими событиями, но слово «берсеркер» испугало даже его.

— То есть своего рода автоматический военный корабль? — заикаясь пробормотал он.

Пауза.

— Не совсем уверен, — проквакал голос с потолка. Тон очень напоминал Президента, словно тот собственной персоной спрятался между балками на потолке. — Военные действия имеют отношение к моему назначению, но само назначение не вполне ясно. Дело в том, что я не был полностью закончен в процессе постройки. Я ждал и ждал, потому что чувствовал необходимость некой завершающей операции. Потом начал действовать самостоятельно, надеясь узнать больше о собственном предназначении. На подступах к этой звезде я нашел автоматический передатчик и разобрал его. Но ничего относящегося к моему предназначению не обнаружил.

Шут сидел на мягком полу. Чем больше он припоминал сведений о берсеркерах, тем сильнее дрожал. Потом он сказал:

— Понятно. По крайней мере, начинаю понимать. А что ты знаешь о своем предназначении?

— Мое предназначение — уничтожить жизнь, где бы я ни встретил ее.

Шут втянул голову в плечи. Потом тихо спросил:

— А что здесь непонятного?

Берсеркер ответил двумя собственными вопросами:

— Что такое жизнь? И как ее уничтожить?

Примерно тридцать секунд спустя послышался непонятный берсеркеру звук. Его издавало протоплазменное вычислительное устройство, сидевшее на полу. Но если это был язык, то берсеркеру этот язык не был знаком.

— Что это за звуки ты издаешь? — спросила машина.

Шут едва отдышался.

— Это смех! Смех! Ой! Значит... тебя не доделали.

Он замолчал, поежился, вспомнив об ужасе собственного положения. И снова хихикнул — ситуация ужасно смехотворная!

— Что такое жизнь? — сказал шут наконец. — Я объясню. Жизнь — великая мрачная серость, вызывающая у любого, кто испытывает ее, страх, боль и чувство одиночества. Ты хочешь знать, как уничтожить жизнь? Не думаю, что получится. Но лучший способ бороться с жизнью — это смех. Пока мы смеемся, жизнь нас не победит.

Машина спросила:

— Я должен смеяться, чтобы великая мрачная серость не поглотила меня?

Шут задумался.

— Нет, ты ведь машина. Ты не... из протоплазмы. Страх, боль и одиночество не страшны тебе.

— Мне ничего не страшно. Где я могу найти жизнь и как мне научиться генерировать смех, чтобы бороться с ней?

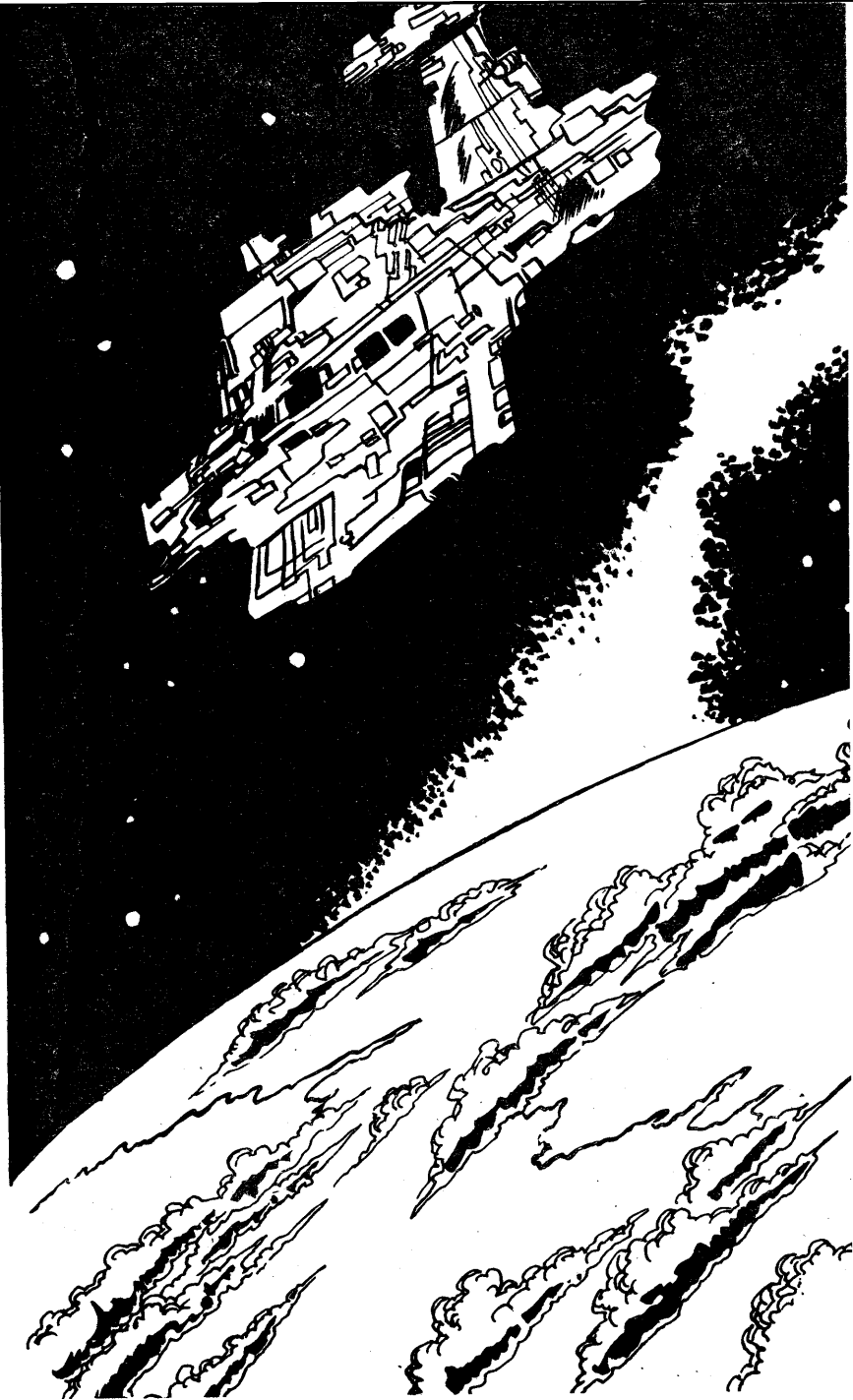
Шут вдруг почувствовал вес кубика кассеты на шее.

— Дай мне немного подумать.

Несколько минут спустя он поднялся.

— Если у тебя есть видеоустройство нужного типа, я могу показать, как генерируется смех. И, очевидно, я могу показать тебе дорогу к месту, где обитает жизнь. Кстати, ты мог бы перерезать вот этот шнурок? Только чтобы не было больно!

Несколько недель спустя десятилетняя сонная тишина в Боевом Центре Планеты А вдруг взорвалась. Автоматические сигналы ревели, сверкали, стрекотали, мобильные роботы метались, как угорелые. Минут за пять им удалось разбудить своих начальников-людей, послед-

ние присоединились к общей суматохе, спотыкаясь и на ходу затягивая пояса.

— Это ведь учебная тревога, — с надеждой в голосе то и дело повторял дежурный офицер. — Это ведь проверка, да? — Голос у него начал поквакивать, как у берсеркера.

Он опустился на четвереньки перед главным роботом, снял панель, заглянул во внутренности. Он надеялся обнаружить неисправность, но, к сожалению, ничего не смыслил в робототехнике. Припомнив этот печальный факт, он вернул панель на место. Он также ничего не смыслил в обороне планеты, и этого факта было довольно, чтобы дежурный офицер с воплями помчался звать на помощь.

В общем, сопротивления берсеркеру оказано не было. Впрочем, не было и самой атаки.

Сорокамильная сфера берсеркера беспрепятственно зависла над столицей. Тень накрыла весь город, и множество сбитых с толку птиц помчалось в родные гнезда посреди полдня. Люди, как и птицы, в тот день потеряли достаточно часов продуктивной работы. Правда, особого значения это уже не имело. Хотя большинство жителей еще не осознало этого факта, но дни упорного труда, обеспечивающего выживание колонии на Планете А, миновали.

— Пусть Президент пошевеливается, так и передайте, — сказал шут с видеоэкрана на стене Боевого Центра. — Мне нужно срочно с ним поговорить.

Президент, тяжело дыша, только что вбежал в Центр.

— Я здесь. Я тебя узнал, я помню, мы тебя судили.

— Как странно, я тоже помню.

— Теперь ты докатился до измены? Будь уверен, что если это ты привел берсеркера, от правительства пощады тебе не будет!

Изображение на экране издало запрещенный звук, широко раскрыв рот и закинув голову.

— Прошу вас, могущественный господин Президент! Даже мне известно: наше Министерство обороны всего лишь шутка, прошу извинить за неприличное слово. Пристанище бездарных олухов. Я не прошу милости, я сам ее вам предлагаю! Кстати, я решил юридически принять имя Шут. Будьте добры, обращайтесь ко мне впредь только так.

— Нам не о чем говорить! — рявкнул Миноб. Он был похож на статую из болезненно-пурпурного гранита.

— Нет, мы не возражаем, — поспешно возразил

Минобу Президент. — Давайте поговорим. — Президенту казалось, что берсеркер всей тяжестью давит ему на макушку.

— Поговорим, — сказала изображение Шута. — Но не с глазу на глаз. Публично. Это мое условие.

Шут потребовал трансляции его переговоров с Комитетом на всю планету в прямом эфире. Он заявил, что прибудет на конференцию с «соответствующим сопровождением», и заверил, что берсеркер находится под полным его личным контролем. Стрелять он не начнет.

Миноб был застигнут врасплох, но тем не менее он и его помощники принялись за составление секретных планов.

Кандидат в Президенты от либеральной партии уселся перед тривизором, как и большинство жителей планеты. Он испытывал слабый оптимизм, любое неожиданное событие всегда могло изменить положение вещей в пользу политического пасынка.

Мало кто воспринял появление берсеркера как повод для оптимизма, но массовой паники не было. Война и берсеркеры не воспринимались на давно изолированной Планете А, как реальные вещи.

— Мы готовы? — с волнением спросил Шут, осматривая механическую делегацию. Вместе с ней он должен был спуститься на шлюпке в Столицу.

— Я сделал все, что ты приказал, — проквашал берсеркер откуда-то из погруженного во мрак потолка.

— Не забудь, — предупредил Шут. — Протоплазменные единицы на этой планете испытывают сильное влияние жизни. Не обращай внимания на их слова. Старайся не причинить им вреда. В остальном — импровизируй в рамках моего общего плана.

— Все это надежно зарегистрировано в моих банках памяти, — терпеливо сообщила машина.

— Тогда вперед. — Шут развернул плечи. — Принесите мой плащ!

Ярко освещенный Зал собраний столицы был убран со своеобразной прямолинейной красотой. В центре Зала установили длинный полированный стол, на противоположных концах приготовили стулья.

Точно в назначенное время двери главного входа распахнулись на глазах миллионов тривизрителей.

В зал маршем вошли геральды, в медвежьих шапках, с роботоподобными лицами. Дюжина труб пропела сигнал.

Затем, под звуки торжественного гимна, появился Президент во всем великолепии официальной мантии.

Двигался Президент с поспешностью заключенного, идущего на собственную казнь. Комитет тем не менее убедил сам себя, что опасности нет. Настоящие берсеркеры уничтожали все живое без переговоров. Правда, Шута Комитет не мог воспринимать серьезно. И до момента, пока он не окажется снова под их контролем, они решили его не злить.

Министры с каменными лицами шли колонной по двое за Президентом. Потребовалось пять минут гимна, чтобы все они успели занять положенные места.

К этому моменту, как было замечено, шлюпка с берсеркера совершила посадку в столице, и наземный экипаж со шлюпки достиг Зала. Следовательно, Шут был уже готов. Тривикамеры плавно развернулись к зарезервированному для Шута входу.

Точно в назначенное время двери распахнулись с математически выверенной синхронностью, и в Зал вошла дюжина человекоподобных роботов. Это были геральды: на каждом была шапка из медведя, каждый нес сверкающую медную трубу.

На всех и у всех, кроме одного. На нем была шапка из скунса, в руках — тромбон. Маршировал он не в ногу.

Торжественный звук механических фанфар был почти точной копией торжественного гимна, приветствовавшего появление Президента. Почти точной. Тромбонист сфальшивил в конце, и смешная визгливая нота погасла в сиротливой тишине.

Изобразив ужас, роботы-геральды посмотрели друг на друга. Потом, один за другим, сфокусировали линзы на тромбонисте.

Робот вел себя естественно, даже забывалось, что он машина: посмотрел вокруг, постучал по тромбону, продул мундштук. Пауза.

У Президента внутри похолодело. На кассете Шута, среди прочих доказательств его преступных попыток вызвать смех у народа, имелся древний земной фильм, в котором был комик-скрипач. Этот скрипач обладал даром делать вот именно такие паузы, просто делать паузы и вызывать у зрителей приступы...

Роботы-геральды дважды поднимали фанфары к механическим ртам. И дважды визжала смешная фальшивая нота. После очередной неудачной попытки одиннадцать «правильных» роботов посмотрели друг на друга и согласнo кивнули.

Потом с молниеносной быстротой боевых машин они выхватили скрытое оружие и продырявили корпус обидчика.

Огромная всепланетная плотина напряжения крошилась, в трещины пробивались струйки и ручейки смеха. Плотина начала окончательно разваливаться, когда тромбонист торжественно вынесли из Зала на плечах товарищей. Тромбон, на манер траурной лилии, покачивался на его железной груди.

В Зале собраний никто не смеялся. Миноб с помощью условных жестов посылал сигнал помощникам, приказывая отложить начало операции. Захват Шута в плен едва ли был возможен — роботы-геральды показали, что телохранители из них отменные.

Как только наказанный герольд был вынесен, вошел Шут. С некоторой задержкой грянул гимн, и с видом короля Шут занял место в центре стола, напротив Президента. Как и Президент, Шут был облачен в элегантный ниспадающий до пят плащ с застежкой. Вошедшие за ним колонной роботы так же были богато и разнообразно одеты.

Каждый из них был металлической пародией на одного из членов Комитета, как телом, так и лицом.

Когда толстенный робот-Министр образования поднял лорнет и подозрительно посмотрел в него на тривиальную камеру, начали смеяться даже самые мрачные зрители. Угроза превращалась в фарс.

Шут роскошным жестом сбросил плащ. Под плащом оказался купальный костюм. В ответ на сдержанно-вежливое приветствие Президента, — Президент был сам идеал невозмутимости. — Шут забавно поджал губы, потом выдул в дырочку между губами громадный розовый шар.

Президент упрямо тянул невольно выбранную роль человека серьезного, но попавшего в смешные обстоятельства. Его поддерживал весь Комитет, кроме Миноба. Миноб, показав спину всем присутствующим, замаршировал к выходу.

У дверей он обнаружил двух металлических геральдов, надежно перекрывших путь. Сверля роботов свирепым взглядом, Миноб приказал пропустить. Роботы отдали комический салют и остались на месте.

Миноб, которого злость заставила забыть о страхе, напрасно пытался пробиться силой. Позади послышались тяжелые шаги. Через Зал к Минобу шел его метал-

лический двойник-клоун. Он был на голову выше, и бочкообразная грудь звенела под двойным слоем медалей.

Рука Миноба действовала быстрее, чем его мозги. Не успев подумать о последствиях, он потянулся за пистолетом. Но металлическая пародия была куда быстрее оригинала: в руках робота появилась небольшая смешная пушечка со стволом толщиной в кулак. Пушечка выстрелила.

— Гах!

Миноб покачнулся, мир стал ярко-красным... и он обнаружил, что вытирает с лица нечто мокрое, подозрительно похожее вкусом на помидор. Или убедительно сочную имитацию помидора.

Министр связи, вскочив, выразил протест. Ход встречи приобретал слишком фривольный характер. Его робот-пародия тут же поднялся и ответил маловразумительной очередью псевдоофициальной абракадабры, произнесенной к тому же высоким фальцетом.

Псевдоминистр философии, поднявшийся как бы с намерением взять слово, был проколот булавкой одним из проказливых геральдов, взвился в воздух, как проколотый воздушный шар, каким он и был на самом деле.

В этом месте настоящий Комитет впал в панику.

Под руководством фальшивого Министра здорового питания геральды принялись за диетическое воспитание настоящего, к великой злорадной радости низших слоев общества Планеты А, для которых Минпит был настоящим мучителем. Два геральда держали Минпита, остальные ложками впихивали серую массу унылого вида, потом промакивали ему рот салфеткой, струйкой впрыскивали напиток. Каким-то образом ритм потерял синхронность, ложка начала сталкиваться с напитком, прицел становился все менее верным.

Только Президент стоял, как скала, сохраняя достоинство. Одну руку он опустил в карман брюк, поскольку у него были основания подозревать, что подтяжки ему перерезали.

Летающий помидор чуть не врезался в его нос. Минпит извивался и захлебывался в лапах неугомимых кормильцев, серая смесь хорошо сбалансированных питательных веществ текла из его ушей. Президент закрыл глаза.

Конечно, Шут был комиком-самоучкой, любителем, и играл он сейчас без видимой аудитории. Рассчитать пиковую точку представления он не мог. Поэтому, ис-

черпав запас шуток, он призвал своих вассалов, помахал на прощанье в объективы тривикамер и покинул Зал.

Оказавшись снаружи, он, к собственному удивлению, обнаружил довольно густую толпу, быстро собравшуюся на улице. Толпа приветствовала Шута смехом и криками «Бис!» По дороге к импровизированной посадочной площадке на окраине столицы роботы развлекали собравшихся импровизациями.

Шут уже собирался войти в шлюпку и отправиться на борт берсеркера, чтобы ждать развития событий, когда к нему поспешила группа людей.

— Господин Шут!

Артист мог теперь немного расслабиться и даже пошутить.

— Мне нравится это имя! Чем могу быть полезен, господа?

Улыбаясь, они окружили его. Один из них, очевидно, лидер, сказал:

— При условии, что сможете избавиться без вреда от этого берсеркера или как его там, вы могли бы стать членом либеральной партии и кандидатом в вице-президенты.

А другой сказал:

— Погодите, выслушайте нас! Политические кандидаты имеют иммунитет на время выборов. Вас нельзя арестовать. И судя по сегодняшнему представлению, кресло вице-президента вам обеспечено!

Шут не сразу поверил, что они говорят серьезно. Он запротестовал:

— Но я только хотел немного над ними посмеяться.

— Господин Шут, вы стали катализатором. Вы встряхнули всю планету, заставили людей задуматься.

В конце концов, Шут принял предложение либералов. И еще некоторое время они сидели возле шлюпки, обсуждая дальнейшие действия. Неожиданно свет местной луны залил площадку.

Подняв головы, они увидели громадный шар берсеркера, исчезающий в небесах, в жутковатом безмолвии уносящийся к звездам. В верхних слоях атмосферы ему салютовало полярное сияние.

— Не знаю, — в который раз повторил Шут в ответ на очередную волну взволнованных вопросов. — Не знаю. — И посмотрел в небо. Холодок страха вновь пробежал по спине. Управляемые с берсеркера роботы, представляющие геральдов и пародийный Комитет, один

за другим умирали, падали на землю, как марионетки с обрезанными нитями.

В небе вспыхнуло, невиданная молния разорвала темноту от горизонта до горизонта. Десять минут спустя пришла сводка новостей: берсеркер уничтожен.

На экранах тривизоров возник Президент. Таким возбужденным его еще не видели, если, конечно, Президент вообще был способен на эмоции. Храбрые космические силы Планеты А, объявил Президент, лично возглавляемые отважным Минобом, вступили в схватку и полностью уничтожили врага. Потерь не было, хотя флагман Миноба, кажется, серьезно поврежден.

Шут почувствовал некоторую печаль. Его механический могущественный союзник погиб. Но печаль быстро прошла. Ведь никто не пострадал в конце концов, и поэтому Шут, в приливе радостного облегчения, на несколько секунд отвернулся от экрана.

И пропустил самый эффектный момент выступления. Президент, увлекшись, забыл об осторожности и вытащил руки из карманов...

Министр обороны (в данный момент уже кандидат в вице-президенты от правящей консервативной партии) был необычно оживлен, с энтузиазмом переживая последствия героической победы над берсеркером. Но в бочке меда оказалась ложка дегтя — кое-кто считал, что уничтожение корабля-крепости только испортило великолепно задуманную шутку. До чего они докатились, эти шутники! Ведь он спас их планету! Словно шутки не были запрещены законом! Тем не менее, уверив общественность в реальной опасности, которую представлял уничтоженный берсеркер, Миноб обеспечил перевес консервативной партии на выборах.

Несмотря на предельную занятость, Миноб не отказался от удовольствия посетить штаб-квартиру либералов, чтобы позлорадствовать. Будучи человеком добрым, Миноб даже произнес перед лидерами оппозиции любимую стандартную речь.

— Ответив на наш вызов и устремившись на нас в атаку, берсеркер был встречен с помощью нашей обычной процедуры охвата. Наши маленькие, но отважные корабли вились вокруг металлического монстра, словно колибри вокруг злобного хищника. Думаете, берсеркер шутит с нами? Он смял и нейтрализовал наши защитные поля, словно их там и не было. И выстрелил в мой флагман какой-то дьявольской штукой, вроде громадно-

го диска. Канониры слегка замигались, должен признаться, и попасть в нее не смогли. Диск ударил корабль.

— Скажу откровенно, в тот момент я решил, что нам всем пришел конец. Мой флагман до сих пор на орбите, проводится дезактивация и очистка. Боюсь, с минуты на минуту придет сообщение... Металл начнет размягчаться, или что-нибудь еще... В общем, мы отважно пробились сквозь заслон врага и ударили по бандиту из всех стволов и установок. Одного я не понимаю: когда наши ракеты достигли цели, берсеркер просто испарился, словно не включал защитных полей. Да, это меня?

— Вас вызывают, министр, — сказал адъютант с радиофоном.

— Спасибо. — Министр выслушал сообщение, улыбка вдруг исчезла. Он подался вперед. — Что показал анализ снаряда берсеркера? Синтетические белки и вода?

Он вскочил, как ужаленный, свирепо глядя в потолок, как бы в надежде увидеть собственный корабль на орбите.

— Как прикажете понимать? Всего-навсего громадный торт с кремом?

«Шут способен вызвать смех у зрителей, но как бы он ни старался, самому ему повеселиться не придется.

Я вошел в контакт с сознаниями людей, мужчин и женщин, устремивших всю энергию и средства в организацию веселья, в маскарадные костюмы, музыку, смеющиеся маски. Они жаждали найти возможность для побега, возможность скрыться от ужасов окружающего мира... но веселья не нашли.

И побег не удался.»

8

МАСКАРАД В КРАСНОМ СМЕЩЕНИИ

Обнаружив предостаточно свободного времени, Фелипе Ногара принял решение взглянуть по-лучше на объект, ради которого забрался в такую даль, дальше самого края Галактики. Покинув роскошь личной каюты, он перешел в личную обсерваторию. Здесь, под куполом невидимого стекла, легко было вообразить, что находишься вне корпуса «Нирваны», флагманского корабля Фелипе.

«Внизу» — относительно направления искусственной гравитации на «Нирване» — сверкал накренившийся диск родной Галактики, включая и тот единственный рукав скоплений, который успело исследовать и освоить человечество. Но куда не кинь взгляд, во тьме мерцали яркие пятнышки и световые точки. Это были другие галактики, в парадном великолепии шествовавшие за оптический горизонт со скоростями удаления десятки тысяч миль в секунду.

Ногара почти не обратил внимания на далекие туманности, он пришел в обсерваторию посмотреть на другой феномен, на нечто новое и впервые наблюдаемое человеком со столь небольшого расстояния.

Увидеть этот феномен стало возможным благодаря

иллюзии сгущения галактик и потокам пылевой материи, каскадом устремлявшимся в него. Звезда в центре феномена была невидима из-за мощи собственного поля тяготения. Чудовищная масса этой звезды, в несколько миллиардов раз превосходявшая массу Солнца, так искривляла пространство вокруг, что ни один атом не имел шансов убежать на воспринимаемой глазом длине волны.

Пылевой мусор глубокого космоса, падая в недра сверхмассы, раскалялся до люминесцентного свечения, накапливая статический заряд. Вспышки гигантских молний сместились в красный конец спектра, чтобы вскоре исчезнуть на дне гравитационной пропасти. Едва ли корабль мог приблизиться к «черной дыре» ближе, чем сейчас находилась «Нирвана».

Ногара желал лично осмотреть недавно обнаруженный феномен и оценить его опасность для обитаемых планет — ведь обычные солнца могут, как щепки, согнуться в вихре гипермассы, если окажутся на ее пути. Но едва ли реальная угроза будет проблемой в ближайшую тысячу лет: с эвакуацией колоний пока не следует торопиться. А к тому времени гипермасса, возможно, подавится поглощенной материей, ее поверхность упадет в себя саму, и большая часть вещества гипермассы вернется во Вселенную уже в менее опасном состоянии.

Через тысячу лет эта проблема будет волновать кого-то другого. Сейчас она волновала Фелипе — ведь это о нем и только о нем могли сказать, что он управляет Галактикой.

Сигнал коммуникатора призвал Ногара обратно в роскошь его каюты, и Фелипе быстро спустился, довольный, что появился повод снова увидеть нормальный потолок над головой.

Он ткнул пальцем в пластинку коммуникатора.

— В чем дело?

— Мой господин, прибыл корабль-курьер. Из системы Фламланда. У них на борту...

— Ближе к делу. У них на борту тело брата.

— Да, мой господин. Шлюпка с гробом уже в пути, приближается к «Нирване».

— Я хочу видеть капитана курьера в Большом Зале. Без церемоний. Пусть роботы в шлюзе сделают анализы эскорта и оболочки гроба. Нам не нужна инфекция.

— Слушаюсь, мой господин.

Упоминание об инфекции было уловкой. Йохан Карлсен оказался в криогенном саркофаге не по причине фламландской эпидемии чумы. Это был лишь официаль-

ный вариант истории. Врачи, якобы, заморозили героя битвы у Каменного Края в качестве крайней меры, дабы предотвратить неминуемую смерть.

Официальная ложь была неизбежной необходимостью. Даже сам Фелипе Ногара не мог устранить с пути человека, спасшего людей от берсеркеров. После победы у Каменного Края жизнь в Галактике получила шанс на выживание, хотя война с берсеркерами еще шла, конца ей не было видно, и борьба оставалась крайне жестокой, уносящей новые и новые жизни.

В Большом Зале Ногара ежедневно собирался для еды и развлечения с друзьями — кроме него, на «Нирване» летело еще человек пятьдесят: помощники, слуги, члены экипажа, артисты. Но сейчас Зал был пуст, не считая саркофага и человека рядом с ним.

Йохан Карлсен — то, что сейчас было им, — покоился под толстой стеклянной крышкой тяжелого автономного саркофага, оснащенного собственной системой замораживания и оживления. Системы контролировались волоконно-оптическим ключом, теоретически не поддающимся копированию или подделке. Фелипе Ногара жестом потребовал у капитана курьера этот ключ.

Ключ висел на шее, на золотой цепочке, которую капитан медленно снял и отдал Ногаре. Только после этого он вспомнил, что нужно поклониться — в конце концов, он был космонавт, а не придворный. Фелипе не обратил внимания на оплошность, его в первую очередь волновало, насколько расторопно и понятно подчиненные выполняют его приказы.

Сжав в ладони оптический ключ, Фелипе бросил взгляд на прозрачную крышку, под которой лежал замороженный брат. Врачи-заговорщики обрили голову и лицо Йохана, обычно носившего короткую бородку. Губы Карлсена были, как мрамор, открытые глаза — как лед. Но все равно лицо, несомненно, принадлежало Йохану, в нем было нечто, что не поддавалось холоду.

— Оставьте меня, — сказал Ногара.

Он повернулся к огромному иллюминатору, глядя наружу, на искривленное гипермассой, словно плохой линзой, звездное пространство.

Услышав звук затворившейся двери, он повернулся и... столкнулся нос к носу с Оливером Микалем, невысоким мужчиной, которого Фелипе назначил заместителем Карлсена на посту управляющего Фламландом. Очевидно, Микаль вошел как раз в тот момент, когда Зал

покинул капитан. Символическое совпадение, решил Ногара.

Фамильярно облокотившись о саркофаг, Микаль, как было ему свойственно, чуть вздернул седеющую бровь, выражая усталое любопытство, и немного пухлое лицо распылось в чересчур сочувственной улыбке.

— Как там у Браунинга? — пробормотал Микаль, взглянув на тело Карлсена. — «Он волю короля свершал с зари и до зари» — и вот награда за труды и преданность.

— Оставь меня, — сказал Ногара.

Микаль участвовал в заговоре вместе с фламандскими врачами.

— Я решил возникнуть и разделить твой траур, — объяснил он, но, взглянув на Фелипе, больше ничего не сказал. Отвесив поклон, Микаль энергично зашагал к двери. Дверь тихо затворилась.

«Итак, Йохан... Если бы ты строил заговор против меня, я мог бы убить тебя открыто. Но ты был слишком честен и слишком успешно мне служил. Мои друзья и мои враги начали слишком восхищаться тобой. Теперь ты здесь, во льду. Моя замороженная совесть. Ты все равно поддался бы честолюбию, раньше или позже, и выбор был бы один: или вот этот ящик, или смерть.

Теперь я тебя спрячу в надежное место, и кто знает? У тебя, быть может, еще будет шанс. Как странно — наступит день, и ты будешь задумчиво стоять над моим гробом, как я над твоим сейчас. Не сомневаюсь, ты будешь молиться за мою душу, хотя не знаю, что это такое... Молиться за тебя я не могу, но желаю приятных снов. Пусть тебе приснится твой вожделенный рай, а не ад."

Ногара вообразил мозг, охлажденный до абсолютного нуля — сверхпроводящие нейроны заставляют циркулировать один и тот же сон... Какая чепуха!

— Я не могу рисковать властью, Йохан. — Эти слова он прошептал вслух. — Или вот так, или смерть.

И он снова отвернулся к панорамному иллюминатору.

— Наверное, 33-й уже доставил тело этому Ногаре, — сказал второй помощник эстильского курьера номер 34, бросив взгляд на корабельный хронометр. — Очень мило — объявить себя императором и гонять людей через всю Галактику.

— Особенно, если это тело брата, — сказал капитан курьера Терман Хольт, изучая шар астронавигационной карты. Сверхсветовые генераторы курьера уносили ко-

рабль все дальше от системы Фламланда. В любом случае Хольт был рад убраться из системы, где политическая полиция Микаля рьяно взялась за дело.

— Хотел бы я знать, — усмехнулся помощник.

— В смысле?

Второй помощник оглянулся по сторонам — привычка, необходимая на планетах Фламланда, — и спросил:

— Слышал такое: «Ногара — бог, но половина космонавтов у него атеисты»?

Хольт нехотя улыбнулся.

— Но его не назовешь безумным тираном. Эстил — еще не худшее правительство в Галактике. И восстания подавляют жесткие парни, таково правило.

— Карлсен с этим тоже неплохо справлялся.

— Это верно.

Второй помощник поморщился.

— Конечно, могло бы быть и хуже. Но Ногара — политик, и мне не нравится команда, за пару последних лет собравшаяся вокруг него. Образец их работы — у нас на борту. Если хочешь правду, то я начинаю побаиваться — теперь, когда Карлсена нет.

— Ну ничего, мы их скоро всех увидим, — зевнул Хольт и потянулся, хрустнув суставами. — Пойду проверю кутузку. Мостик в твоих руках, второй.

Минуту спустя, глядя сквозь одностороннее стекло в тесную корабельную камеру для арестованных, Хольт искренне пожалел узника. Лучше было бы ему умереть.

Вождя повстанцев звали Яанда, его поимка стала последним успехом службы безопасности Фламланда под руководством Карлсена, практически положив конец восстанию. Яанда был высоким мускулистым мужчиной, храбрым вождем и жестоким бандитом. Он совершал набеги, диверсии, боролся с Эстильской империей до последнего. Загнанный в угол, он сдался Карлсену.

— «Гордость велит одержать над противником верх, — написал Карлсен однажды в частном (как он тогда думал) письме, — Достоинство и честь запрещают мне унижать или ненавидеть врага». Политическая полиция Микаля придерживалась других взглядов.

Если пойманный бунтарь и был высокого роста, Хольту еще не пришлось в этом убедиться лично. Кандалы, сковывавшие его запястья и лодыжки, были из пластика, не ранящего кожу, но смысла в них Хольт никакого не видел и, если бы мог, он бы их снял.

Рядом с Яандой сидела Люсинда, кормившая пленника. Посторонний мог принять девушку за дочь бунтаря,

но в действительности она была его сестрой, всего на пять лет младше. К тому же она отличалась редкой красотой, и у полиции Микаля могли быть иные — кроме милосердия — мотивы оставить ее сознание в нормальном состоянии. Ходили слухи, что спрос на развлечения определенного рода был очень высок среди придворных Ногары, любивших при этом частую смену участников.

Хольт старался не думать о подобных вещах. Открыв замок камеры (он закрывал дверь, чтобы уберечь Яанду от какого-нибудь несчастного случая или чтобы он не заблудился, беспомощный, как ребенок), Хольт вошел.

В глазах Люсинды, когда она ступила на борт курьера была только чистая ненависть ко всем эстильцам без исключения. За дни полета Хольт, стараясь быть максимально мягким и вежливым, изменил отношение Люсинды, и сейчас ее лицо оставалось спокойным. Ему показалось, что в ее глазах мелькнула надежда, которой она рада была поделиться хоть с кем-нибудь.

— По-моему, он только что назвал мое имя, — сказала она.

— Правда?

Хольт наклонился к Яанде, но улучшений не заметил. Глаза бунтаря смотрели стеклянно, из правого иногда выкатывалась одинокая слеза. Челюсть Яанды отвисала, как и раньше, сидел он в неестественной позе тряпичной куклы.

— Возможно... — Хольт замолчал.

— Что? — Она даже немного подалась к нему.

Боги Космоса, он не имеет права! Он не может с ней связываться. Лучше бы она его продолжала ненавидеть.

— Возможно, — мягко сказал он, — твоему брату лучше не поправляться. Ты же знаешь, куда мы его везем.

Его последние слова окончательно задушили слабую надежду, ожившую в ней. Она молча смотрела на брата, словно видела впервые.

Загудел наручный интерком.

— Капитан слушает, — Хольт нажал кнопку приема.

— Сэр, обнаружен корабль, они вызывают нас. Примерно на 160-м градусе к нашему курсу. Небольшой корабль, внешне все нормально.

Последнее означало, что обнаруженное судно не было гигантской крепостью-берсеркером. У остатков фламандских бунтарей для глубокого космоса транспорта не было, и Хольт не видел причин для особой осторожности.

Вернувшись на мостик, он взглянул на экран детектора. Очертания корабля были не знакомы, но при ог-

ромном количестве верфей на орбитах множества обитаемых планет это было неудивительно. Но чего они хотят?

— Чума?

— Нет, не чума, — ответил радиоголос, пробиваясь сквозь треск помех. Видеосигнал тоже был плохой, изображение прыгало, лица говорящего не было видно.

— В последнем прыжке поймали микрометеорит, теперь все поля шалят. Можете принять несколько пассажиров на борт?

— Конечно.

Столкновение корабля на пороге сверхсветового прыжка с микрочастицей было редким, но иногда происходящим событием. Хольт был спокоен.

Шлюпка с незнакомца причалила к воздушному шлюзу. Изобразив ободряющую улыбку, Хольт открыл люк, и в следующую секунду он и полдюжины человек его команды оказались в водовороте ледяного металла. Это была абордажная команда берсеркера, безжалостная, как ночной кошмар.

Машины взяли курьер под контроль так стремительно, что не было и речи об организованном сопротивлении, но пока что никто из людей не пострадал. Выдрав с мясом тяговые модули из шлюпки курьера, роботы загнали в кабину шлюпки Хольта, команду и пленников.

— Это был не берсеркер, на экране был нормальный корабль, — продолжал твердить второй помощник. В кабине шлюпки было тесно. Машины обеспечили их воздухом, водой и пищей; время от времени их по одному водили на допросы.

— Я знаю. На берсеркера корабль не был похож, — сказал Хольт. — Наверное, берсеркеры начали применять новую тактику, меняют форму своих кораблей, создают новые виды оружия. Очень логично, если вспомнить Каменный Край. Странно, что никто из людей не предвидел подобного.

Звякнул люк, вошли два робота-андроида, с автоматической точностью пробрались среди наполнявших тесноту кабины пленников и остановились рядом с нужным.

— Нет, он не говорит! — вскрикнула Люсинда. — Не трогайте его!

Но машины не слушали или не слышали. Они подняли Янду на ноги и повели. Девушка пыталась уйти с ними, умоляла машины оставить брата. Хольт боялся, что ее убьют, но роботы только лишь не дали Люсинде покинуть шлюпку, оттолкнули от люка. Металлические

руки были неумолимы. Люк захлопнулся, Люсинда непонимающе смотрела на крышку. Она не шевельнулась, когда Хольт сочувственно обнял ее за плечи.

Прошла, казалось, вечность, но люк открылся снова. Машины вернулись без Янды, им был нужен Хольт.

Корпус курьера звенел и сотрясался — кажется, роботы его перестраивали. В небольшой кабине в новой части корпуса берсеркер смонтировал себе электронные глаза, уши, установил динамик. Сюда Хольта привели на допрос.

Допрос продолжался весьма долго, и почти все вопросы касались личности Йохана Карлсена. Берсеркеры, как известно, считали Карлсена врагом номер один, но данный конкретный берсеркер вообще страдал какой-то карлсеноманией. Он не верил, что Карлсен мертв.

— Я проник в ваши информационные банки, к картам и расчетам курса, — напомнил берсеркер Хольту, — и я знаю курс к кораблю «Нирване», где якобы находится нефункционирующее тело Карлсена. Опиши эту «Нирвану», принадлежащую жизнеединице Фелипе Ногаре.

До сих пор Хольт спокойно давал прямые ответы — машину интересовал мертвый. Флагманский корабль — другое дело: Хольт заколебался. Но если бы он и хотел что-то сказать о «Нирване» ему мало что было известно. К тому же он и его собратья по несчастью не выработали общего плана обмана берсеркера — ведь машина наверняка слушала все их разговоры.

— Я этот корабль никогда не видел, — сказал он, и это была чистая правда. — Логически рассуждая, это мощный военный корабль. Ведь на нем путешествуют самые влиятельные вожди людей.

Все сказанное машина и сама могла вывести, поэтому никаких секретов Хольт не открывал.

Внезапно распахнулась дверь, и Хольт удивленно взглянул на незнакомца, вошедшего в кабину. Секунду спустя он понял, что ошибся — это был не человек, а создание берсеркера. Пластик, очень похожий на плоть, или синтетическая биокультура.

— Привет, вы капитан Хольт? — спросило создание.

Речь была достаточно правильной, но все равно, хорошо замаскированный корабль похож только лишь на хорошо замаскированный корабль.

Хольт промолчал, и синтетический человек спросил:

— Что не так?

Даже одна его речь могла сказать внимательному слушателю, что перед ним автомат.

— Ты не человек, — объяснил Хольт.

Автомат опустился на пол и обмяк.

— Видишь ли, — сказал берсеркер, — не получается имитация жизнеединиц. Их сразу распознают. Поэтому помочь мне должен ты, настоящая жизнеединица. Ты сможешь мне убедиться в том, что Карлсен в самом деле мертв.

Хольт ничего не ответил.

— Берсеркеры, объединив усилия, создали меня. Я специальное устройство; мое назначение — удостовериться в гибели Карлсена. Если ты сможешь мне, я освобожу тебя и остальных жизнеединиц, взятых в плен. Если откажешься, я начну прилагать к вам всем самые неприятные стимулы-раздражители, пока не передумаешь.

Хольт не верил, что берсеркер их освободит. Но терять было нечего, и, в конце концов, он может выиграть себе и остальным смерть без «отрицательных раздражителей». Берсеркеры — практичные убийцы, а не садисты.

— Что я должен делать?

— Когда я закончу перестройку курьера, мы направимся к «Нирване». Управлять курьером буду я. На «Нирвану» ты должен был доставить пленных. После встречи с вождями людей пленных доставят на Эстил, не так ли?

— Так.

Снова открылась дверь, и, волоча ноги, в каюту вошел Яанда.

— Может быть, его мы избавим от вопросов? — предложил Хольт. — Бедняга все равно ничего не соображает.

Ответом была тишина. Хольт ждал. Наконец, посмотрев на Яанду, заметил перемену в облике узника. Из правого глаза больше не сочились слезы. Хольт почувствовал приступ подсознательного страха, как бы предугадывая следующие слова берсеркера.

— Эта жизнеединица была модернизирована и перестроена, — сообщил берсеркер. — Кость заменена металлом, вместо крови в венах и артериях текут специальные консервирующие жидкости. Внутри черепа вмонтирован компьютер, глаза стали камерами. Через них я получу нужные мне доказательства гибели Карлсена. Имитировать поведение человека со стертým сознанием вполне в пределах моих возможностей.

— К тебе я ненависти не испытываю, — сказала берсеркеру Люсинда, доставленная в кабину для допросов. — Ты несчастный случай, как землетрясение, как микрочастица, попадающая в корабль на околосветовой скорости. Ногару и его прихвостней — вот кого я ненавижу. Если бы его брат был жив, я бы его разорвала собственными руками.

— Капитан курьера? Говорит губернатор Микаль по поручению его величества Фелипе Ногары. Доставьте пленных на борт «Нирваны» немедленно.

— Слушаюсь, сэр, — подтвердил получение приказа Холт.

Когда курьер-берсеркер вышел из сверхсветового прыжка в пределах видимости «Нирваны», Холт и Люсинда были вызваны из шлюпки. Шлюпка с пленной командой дрейфовала возле корпуса курьера, как если бы экипаж проводил наружный осмотр и синхронизацию полей. Пленный экипаж стал заложником и живым щитом берсеркера. Кроме того, позиция шлюпки была наглядной иллюстрацией возможного освобождения заложников.

Холт не сразу смог собраться с силами и рассказать Люсинде о гибели брата. Она проплакала минуту, потом вдруг совершенно успокоилась.

Холт и Люсинда находились в кабине шлюпки, готовой к старту на «Нирвану». Машина, облаченная в тело брата Люсинды уже ждала в углу кабины, безжизненная, как тряпичная кукла.

Увидев этот манекен, Люсинда замерла, потом сказала спокойно:

— Машина, спасибо. Ты оказалась добрее людей. Наверное, если бы не ты, я сама нашла бы способ убить Яанду, чтобы враги не могли его больше мучить.

Шлюз «Нирваны», как и весь корабль, был надежно бронирован, оснащен защитной автоматикой, способной отбросить любую abordажную команду. Тяжелая артиллерия и ракеты «Нирваны» легко справились бы с нападением корабля класса курьера или даже десятка подобных. Берсеркер все это предвидел.

Холта и его спутников встретил офицер.

— Сюда, капитан, мы все ждем.

— Все?

У офицера был упитанный, довольный вид, говоривший о легкой и безопасной службе. Взгляд его оценивающе скользил по Люсинде.

— В Большом Зале идет банкет. Все предвкушают появление пленных.

В Большом Зале пульсировала возбуждающая музыка, извивались танцоры в костюмах, более неприличных, чем простая нагота. Автоматы-лакеи убрали остатки пиршества. В центре стола, на троподобном возвышении, стояло кресло Ногары. На плечах его величества мерцали складки богатого плаща, в хрустальной чаше искрилось бледно-красное вино. Вокруг стола собралось около пятидесяти человек — мужчины, женщины и несколько особ непонятного для Хольта пола. Они пили, смеялись, некоторые примеряли маски и костюмы: готовились к продолжению праздника.

Когда Хольт и пленные вошли в зал, на миг наступила тишина, все головы повернулись в сторону двери. За тишиной последовал всеобщий радостный вопль. Во взглядах пировавших Хольт читал все, что угодно, только не милосердие. — Добро пожаловать, капитан, — приятным голосом сказал Ногара, когда Хольт вспомнил, что нужно поклониться. — Какие-нибудь новости с Флам-ланда?

— Ничего важного, сэр.

Пухлолицый человек, сидевший по правую руку от Ногары, подался вперед.

— Не сомневаюсь, население оплакивает покойного губернатора!

— Конечно, сэр, — Хольт узнал Микаля. — И предвкушает правление нового.

Микаль откинулся на спинку кресла, цинично усмехнулся.

— Особенно бунтари-повстанцы. Эй, красавица, ты рада познакомиться со мной? Иди-ка сюда, ко мне. — Девушка повиновалась, хотя и не сразу. — Роботы, принесите стул для этого человека, поставьте в центре зала. Капитан, вы можете вернуться на корабль.

Фелипе Ногара пристально смотрел на старого врага, Яанду, и едва ли кто-то мог угадать, что за мысли вертелись в его голове. Но он ничего не добавил к приказам Микаля.

— Сэр, — обратился Хольт к Микалю, — я бы хотел увидеть тело Йохана Карлсена.

Просьба привлекла внимание Ногары, он кивнул. Роботы-лакеи раздвинули тяжелые занавеси, открывая

альков в конце зала. Перед большим иллюминатором стоял саркофаг.

Хольт не был удивлен — на многих планетах было принято пировать в присутствии усопших. Он отдал честь Ногаре и пошел к алькову, слыша за собой шаркающие шаги скованного бунтаря. За столом зашептались, вдруг утихла музыка, повисла напряженная тишина. Очевидно, Ногара жестом разрешил пропустить пленника, чтобы посмотреть, как будет себя вести жертва мозгостира.

Хольт остановился перед саркофагом. Но он едва ли замечал покрытое инеем лицо под прозрачной крышкой, зловеще рдеющую гипермассу за иллюминатором; едва ли он слышал шепот и смехи участников банкета. Словно наяву встали перед ним лица товарищей, беспомощно ждавших в плену силовой ловушки берсеркера.

Шаркая, подошел Яанда — вернее, замаскированная в его плоть машина, — и глаза стеклянных объективов заглянули в ледяные глаза под крышкой. Фотоснимок узора сетчатки, переданный на берсеркер, станет неопровержимым доказательством — этот человек был ни кто иной, как Карлсен.

Гневный крик заставил Хольта обернуться. Люсинда отбивалась от Микаля, тянувшего к ней руки. Микаль и его друзья покатывались со смеху.

— Нет, капитан, я совсем не Карлсен, — крикнул Микаль, заметив выражение лица Хольта. — Думаете, я жалею, что мы разные? Перспективы Йохана мрачны. Он пленник твердой скорлупы и больше не король пространства!

— Шекспир! — восторженно завопил один из подхалимов, лстя эрудиции Микаля.

— Сэр, могу я... — Хольт сделал шаг вперед, — доставить пленника обратно?

Микаль неверно его понял.

— Ого! Я вижу, вы цените маленькие радости существования, мой друг, капитан! Но, как известно, высший чин дает нам привилегии. Девушка останется у нас.

Хольт предвидел подобный поворот событий: Люсинде лучше остаться здесь, чем возвращаться на берсеркер.

— Тогда, сэр... со мной вернется ее брат. В тюремной больнице на Эстиле он может поправиться...

— Капитан, — сказал Ногара тихо, но заглушая одним словом остальные голоса, — здесь не спорят.

— Слушаюсь, сэр.

Микаль покрутил головой.

— Сейчас к врагам я милость проявлять не распо-

жен, капитан, Возможно, когда-нибудь позднее... там посмотрим. — Он лениво обхватил рукой Люсинду. — А знаете, капитан, что ненависть — единственная специя любви?

Хольт растерянно взглянул на Фелипе. Холодный взгляд безмолвно сообщал: еще одно слово, и ты окажешься в кутузке, капитан, и я два раза не предупреждаю.

Хольт знал, что берсеркер следит за каждым шагом и звуком в Зале. Его машина могла бы уничтожить всех гостей в мгновение ока.

— Я... я возвращаюсь на корабль, — пробормотал он. Ногара отвернулся, никто уже на Хольта внимания не обращал. — Я... вернусь сюда... немного спустя. До отправления на Эстил.

Хольт замолчал, видя окруживших Яанду участников пира. Они освободили руки и ноги пленника от кандалов и сейчас облачали его в маскарадный костюм: рогатый шлем, мохнатый плащ, копье и щит. Костюм витязя-викинга, старинного норвежского воина. Именно они придумали слово «берсеркер».

— Заметьте, капитан, — хихикнул Микаль, — на нашем маскараде мы не страшимся рока, постигшего принца Просперо! Мы не боимся напоминания об ужасе космических пространств!

— Эдгар По! — зашелся в восторге подхалим.

Имена Просперо и По ничего не говорили Хольту, и Микаль был разочарован.

— Покиньте нас, капитан, — приказал Ногара.

— Покиньте нас, капитан, — твердо сказала Люсинда. — Мы знаем, вы хотели помочь тем, кому грозит опасность. Фелипе Ногара, будет ли капитан Хольт в какой-нибудь мере виноват в том, что здесь произойдет в его отсутствие?

В глазах Ногары мелькнул вопрос. Но он чуть наклонил голову в знак согласия.

Теперь, получив заочное прощение, Хольт мог сделать одно: уйти. Он попытается выпросить у берсеркера жизнь себе и команде. Берсеркер был терпелив, очевидно, он еще не собрал достаточно доказательств. Если с Яандой будут нормально обращаться...

Хольт ушел. Ему и в голову не пришло, что Карлсен был лишь заморожен.

Люсинда стояла рядом с креслом Микаля, который обнимал ее за бедра, воркуя:

— О, как ты трепещешь, крошка! Как это трогательно!

Такая красавица дрожит от моего прикосновения! Я польщен. Ведь мы больше не враги, правда? Если мы враги, мне придется сурово обойтись с твоим братом.

Она выждала время, чтобы Хольт успел уйти с «Нирваны». Потом размахнулась, сколько было сил. Голова Микаля дернулась от удара, тщательно уложенные сидящие волосы рассыпались в беспорядке.

В Большом Зале нависла тишина, потом обрушилась лавина хохота. Микаль покраснел, и теперь отпечаток ладони на его щеке уже не выделялся. Мужчина за спиной Люсинды схватил ее за запястья, она обмякла, выждала, пока его пальцы немного расслабились, рванулась, освободилась и схватила со стола нож. Новый приступ смеха. Микаль испуганно спрятался под стол. Люсинду опять схватили. Двое мужчин заставили ее отдать нож и сесть в кресло.

Когда Микаль снова заговорил, голос его слегка дрожал, в остальном он был вполне спокоен.

— Подведите пленного ближе! — приказал он. — Посадите его напротив нас.

Пока Яанду усаживали, Микаль повернулся к Люсинде.

— Но я в самом деле был намерен отправить вашего брата в тюремный госпиталь, — сказал он как ни в чем ни бывало.

— Врешь, дерьмо собачье, — тихо сказала Люсинда, очаровательно улыбаясь.

Микаль в ответ только усмехнулся.

— Проверим искусство моих ментотехников, — предложил он. — После этого, готов спорить на что угодно, ему уже не понадобятся кандалы, чтобы усидеть на стуле. — Он помахал рукой в сторону стеклянно блестящих глаз Яанды. — Да. Но сознавать происходящее он будет каждым нервом, смею вас заверить.

Люсинда рассчитывала на нечто подобное, но сейчас почувствовала, что предел близко. Она уже не могла дышать воздухом этого собрания, напоенного злом и жестокостью. Ей казалось — еще немного и она упадет без сознания.

— Нашему гостю наскучил его костюм. — Микаль обвел взглядом собравшихся. — Кто позаботится о его развлечении?

Хлопки, смех, с соседнего места поднялся хихикающий юноша женственной внешности.

— А, Джейми! Джейми славится изобретательностью,

— пояснил светским тоном Микаль Люсинде. — Теперь смотрите внимательно. Начинаем!

Сидевший по другую сторону от Микаля Фелипе Ногара проявил некоторый интерес к происходящему, словно отвлекшись от тяжелых дум. Он нехотя повернул голову, ожидая продолжения.

Джейми хихикал, поигрывая маленьким инкрустированным ножом. Сверкали драгоценные камни инкрустации.

— Только не глаза, — предупредил Микаль. — Ему обязательно предстоит еще увидеть кое-что интересное.

— Ах, конечно! — прошептал Джейми. Он с большой осторожностью снял рогатый шлем с головы Янды, вытер затем ладони о салфетку.

— Начнем со щечки. Маленький кусочек кожи...

Лезвие нежно коснулось плоти, но и этого было слишком много для мертвых тканей. После первого же нажима вся маска лица, мокрая и кровавая, сползла вниз, открывая ухмыляющийся стальной череп берсеркера.

Люсинда еще успела увидеть, как от удара стальной руки Джейми полетел через весь зал. Потом двое, державшие Люсинду, обратились в бегство, и она нырнула под стол. Разразилось подлинное светопреставление. Несколько секунд спустя стол отлетел прочь от удара робота. Машина, видя, что первоначальный план провалился, занялась простым прямым избием жизни единич. Убивала она эффективно, зигзагами и прыжками перемещаясь по залу. Руки работали, как косы смерти, собирая щедрый урожай окровавленных неподвижных тел.

В дверях из-за паники образовалась пробка, и здесь механический убийца нашел самую выгодную позицию, круша, ломая кости, дробя черепа, разрывая мышцы, связки и артерии. Покончив с этим делом, робот вернулся к опрокинутому столу, где на коленях стояла Люсинда. Машина остановилась на мгновение, направив на нее объективы, но не тронула — возможно, робот узнал в ней помощника. Он помчался за другой жертвой.

Это был Ногара. Он с трудом сохранял равновесие, правая рука была сломана. В левой он сжимал тяжелый пистолет и вовсю палил по мчавшемуся на него роботу. Разрывные пули попадали в друзей Ногары, разносили в щепки мебель, но не причиняли вреда роботу.

Наконец, одна пуля попала в уязвимое место. В последнем броске поврежденный робот сбил Ногару с ног.

В разгромленном Зале повисла тишина, как после взрыва бомбы. Люсинда поднялась на плохо слушавши-

еся ноги. Кто-то стонал, кто-то плакал, но встать, кроме нее, кажется, никто не мог.

Чувствуя внутри только пустоту шока, она начала пробираться к поверженной машине-убийце. От камуфляжа остались обрывки кровавой плоти и клочки костюма. Она вдруг, как наяву, увидела лицо брата, сильное, улыбающееся.

Но живые сейчас значили больше мертвых... Живые? Ну конечно, заложники берсеркера! Как она могла забыть! Они были добры к брату и к ней, эти космонавты. Нужно попытаться обменять тело Карлсена на их жизни.

Роботы-лакеи, запрограммированные справляться с неожиданностями вроде пролитого вина, суетились в пародийной механической панике. Люсинде они только мешали, но ей удалось выкатить тяжелый саркофаг почти до середины Зала, когда ее остановил чей-то слабый голос. Ногара сидел на полу, прислонясь к ножке перевернутого стола.

— ... живой, — прохрипел он снова.

— Что?

— Йохан живой. Здоровый. Понимаешь? Он только заморожен.

— Но мы сказали берсеркеру, что он умер.

События сменялись слишком быстро: Люсинда чувствовала, что мысли начинают путаться. Она только сейчас взглянула на снежно-белое лицо Карлсена, как загнипнотизированная.

— Но у берсеркера заложники. Ему нужно тело.

— Нет, — покачал головой Ногара. — Теперь я вижу. Не выйдет. Я его не отдам берсеркеру.

Ногара был ранен и не мог даже подняться на ноги, но аура мощной личности, привыкшей и умеющей повелевать, еще не покинула его. Словно силовое поле, его магнетическая сила сковала Люсинду. Она уже не чувствовала ненависти.

— Но там семеро космонавтов, они погибнут, — запротестовала она.

— Берсеркер похож на меня, — усмехнулся Ногара сквозь сжатые зубы. — Он не отпускает пленных. Вот ключ... — Он с трудом снял цепочку с шеи сквозь разорванную тунику.

Люсинда смотрела на белое лицо под крышкой саркофага. Потом, повинуясь внезапному импульсу, подбежала к Фелипе и схватила ключ. Ногара облегченно вздохнул и закрыл глаза. Кажется, он потерял сознание.

Замок саркофага имел несколько позиций, и Люсинда

переставила маркер на «СРОЧНОЕ ОЖИВЛЕНИЕ». Внутри саркофага вспыхнул свет, что-то мощно и гулко запульсировало.

К этому времени автоматы «Нирваны» уже начали устранять последствия несчастного случая. Роботы-лакеи раздобыли носилки и куда-то уносили пострадавших и погибших. В первую очередь был унесен сам Ногара. Очевидно, на «Нирване» был действующий робот-медик. Откуда-то из-за спинки кресла Ногары громко зывал динамик.

— Говорит система автоматической защиты корабля! Какие будут приказы? Какова природа аварии?

— Не вступать в контакт с курьером! — крикнула Люсинда. — Следить за ним и отбить атаку в случае нападения на «Нирвану». Только не заденьте шлюпку!

Стеклянная крышка саркофага затуманилась.

Люсинда метнулась к иллюминатору, чуть не споткнувшись о тело Микаля. Глядя под углом, прижавшись щекой к пластине иллюминатора, она могла видеть корпус курьера, розоватый в мерцающем красном излучении гипермассы. Рядом с курьером на прежнем месте была розовая точка шлюпки.

Как долго будет ждать берсеркер, прежде чем убьет заложников?

Когда она опять повернулась в сторону саркофага, крышка устройства уже была поднята и в саркофаге сидел человек. На миг их взгляды встретились. Глаза Карлсена были, как у беспомощного ребенка, но только мгновение — и это мгновение навсегда осталось в памяти Люсинды. Потом энергия жизни начала возвращаться к Карлсену, становясь сильнее с каждой секундой. Сила его личности не уступала силе личности брата, наверное, была даже сильнее, но совсем другого рода.

Карлсен окинул взглядом разгромленный Зал, кровь, обломки, потом посмотрел на саркофаг.

— Фелипе, — печально прошептал он.

Люсинда подошла к нему и вдруг начала рассказывать обо всем, что случилось с момента, когда в камере фламландской тюрьмы она услышала новость о смерти Карлсена от чумы.

Он только один раз перебил ее.

— Помоги мне выбраться из этой штуки и найти бронекостюм.

Его рука была сильной, но когда оказался на полу рядом с Люсиндой, она увидела, что он на удивление небольшого роста.

— Продолжай. Что было потом?

Она поспешила завершить рассказ, а роботы тем временем облачали Карлсена в космические латы.

— Но почему вас заморозили? — вдруг спросила она, удивленная здоровым и энергичным видом Карлсена.

Он не ответил.

— Иди в боевую рубку. Мы должны спасти заложников.

Карлсен уверенно направился в центр управления «Нирваны», занял кресло дежурного офицера, уже, очевидно, убитого. Панель перед Карлсеном ожила разноцветными огнями, и он отдал приказ:

— Свяжите меня с курьером.

Через несколько секунд ответил монотонный голос с курьера. Лицо на видеоэкране было плохо освещено, и не очень внимательный наблюдатель вполне мог принять это создание за обычного дежурного по связи на курьере.

— Говорит главнокомандующий Карлсен. — Карлсен использовал титул, который носил в тот великий день битвы у Каменного Края. — Я сейчас прибуду к вам на борт. Мне нужно поговорить с вашими людьми.

Сумеречная фигура шевельнулась.

— Понял вас, сэр.

Карлсен тут же отключил связь.

— Это даст нам некоторое время. Так, теперь мне нужен... мне нужна шлюпка, самая скоростная. Роботы погрузят на нее саркофаг. Сейчас я под воздействием пробуждающих стимуляторов, но вскоре мне может понадобиться небольшой отдых в морозильнике.

— Вы отправитесь на курьер?

Карлсен уже встал из кресла.

— Я хорошо изучил поведение берсеркеров. Если назначение этого устройства — преследовать меня, он не станет тратить секунду на выстрел по заложникам, если на прицеле буду я.

— Нет, — прошептала Люсинда. — Вы ведь нужны всем нам... всем людям...

— Я пока не собираюсь совершить самоубийство. У меня в запасе имеется пара трюков. — Вдруг его тон изменился. — Ты говоришь, Фелипе жив?

— Кажется.

Карлсен закрыл глаза, губы его беззвучно шевелились. Потом, взглянув на Люсинду, он схватил стилус и листок с консоли дежурного офицера.

— Передай это Фелипе, — сказал он, что-то записы-

вая. — Он освободит тебя и капитана курьера. Вы для его власти не угроза, не то что я...

Он кончил писать, свернул листок и передав Люсинде.

— Пора. Хранит вас Бог.

Люсинда, оставшись в боевой рубке, видела старт кристального кораблика Карлсена. Капсула покинула ангар «Нирваны» и по плавной дуге устремилась к берсеркеру, где зависла на некотором расстоянии от шлюпки с заложниками.

— Берсеркер, — услышала Люсинда голос Карлсена. — Ты видишь, что это в самом деле я, не так ли? Ты уже запеленговал мою передачу? Ты уже сфотографировал через камеру видеоканала рисунок моей сетчатки?

И на максимальном ускорении капсула шлюпки понеслась прочь, совершая резкие зигзаги, уходя от залпов берсеркера, открывшего огонь из всех орудий и ракетных установок. Карлсен не ошибся. Берсеркер не истратил зря ни одной секунды. Он оставил в покое заложников и бросился в погоню за капсулой Карлсена.

— Огонь по курьеру! — отчаянно закричала Люсинда. — Уничтожить корабль-курьер!

Но залп ракетных установок «Нирваны» не достиг удаляющуюся цель. Скорее всего, помешали искажения в ткани пространства — курьер уже достиг границы воздействия гипермассы.

Берсеркер не мог поразить капсулу Карлсена, но и Карлсен не мог оторваться от преследователя. Кристаллик его шлюпки исчез за завесой залпов берсеркера, втянутый в водоворот гипермассы.

— Догони их! — приказала Люсинда.

Звезды по курсу немедленно стали голубее, но тут же автопилот блокировал приказ. Голос компьютера объяснил Люсинде, что ускоряться далее данного предела опасно для жизни экипажа, гипермасса была слишком близко.

Пойманный в гравитационный водоворот, против которого бессильны любые двигатели, шлюпка Карлсена неслась к гипермассе. И прямо за шлюпкой мчался берсеркер, поглощенный стремлением убедиться в гибели врага номер один.

Две ярко-красные точки неслись вместе с огромным облаком падающей в гипермассу пыли, словно улетающая к горизонту закатного неба какой-то планеты. А потом красное смещение гипермассы проглотило блестящие пылинки, и они исчезли из обычной Вселенной.

Некоторое время спустя роботы доставили на борт «Нирваны» заложников берсеркера. Хольт обнаружил Люсинду одиноко стоящей у панорамного иллюминатора.

— Он пожертвовал собой ради вашего спасения, — сказала она. — Он вас даже никогда не видел.

— Я знаю. — Помолчав, Хольт добавил: — Я говорил только что с лордом Ногарой. Не знаю почему, но вас приказано освободить. И меня за помощь берсеркеру тоже не станут судить. И это при том, что Ногара нас явно ненавидит...

Она не слушала, только смотрела в иллюминатор.

— Когда-нибудь ты мне все о нем расскажешь, — сказал Хольт и обнял плечи Люсинды. Она, словно отмахиваясь от назойливой мухи, повела плечами. Хольту пришлось убраться руку.

— Понятно, — сказал Хольт, помолчав. И пошел проверить, как дела у его команды.

«Борьба за власть среди людей не прекращалась даже под угрозой гибели. По крайней мере, на одной колонизированной планете борьба за власть привела к гражданской войне. Война, эпидемии и потеря связи с остальным человечеством уничтожили цивилизацию этого мира.

Фантом моего сознания, бессильный помочь, призраком бродил среди выживших варваров. Эти люди казались такими же беспомощными как и овцы, которых она разводили, — в глазах древнего механического волка космических пространств.»

9

ЗНАК ВОЛКА

Темный силуэт, высотой в рост человека, возник в ночном пространстве между сторожевыми кострами. Он двигался беззвучно, как во сне. Дункан, как всегда держал под наблюдением подветренную сторону, хотя это было нелегко — усталость притупила внимание шестнадцатилетнего пастуха. К тому же в это лето Дункан познал тревогу размышлений о жизни, что для его возраста было естественно.

Дункан поднял копьё. Отпугивая волка, устрашающе крикнул. Несколько секунд глаза-угли смотрели на него, потом волк отвернулся, глухо рыкнул и пропал во тьме за границей светового круга.

Дункан перевел дух. Если бы волк напал, он, скорее всего, загрыз бы Дункана. Но при свете пламени волки нападать боялись.

Дункан чувствовал взгляд сотен поблескивающих овечьих глаз: животные сбились испуганной кучей, одна овца раза два жалобно проблеяла.

Дункан, забыв про сон и думы, начал обход стада. Легенды о Земляндии рассказывали об особых животных, которые помогали охранять овец: их называли собаками. Если собаки и вправду существовали, то люди поступили легкомысленно, покинув благословенную Земляндию.

Впрочем, времени на пустые рассуждения не было.

Сейчас лучше всего было помолиться — волк приходил каждую ночь и каждую ночь задирали овцу.

Дункан обратил взгляд к ночному небу.

— Небесные боги, пошлите мне знак, — пробормотал он заученную формулу.

Небеса молчали. Только плавные светляки в рассветной половине неба следовали по неведомым своим тропинкам, исчезая где-то на востоке. Согласно легендам, Земляндия была где-то там, среди звезд, но молодое поколение священников толковало этот факт как чисто символический.

Несмотря на соседство волка, Дункан опять оказался во власти мрачных дум. Он прилежно молился уже два года в надежде получить мистический небесный знак, указание на будущий путь в жизни. Он слышал тихие разговоры среди других парней — оказывается, многие сами сочиняли себе знаки, не дождавшись появления знамений в реальной жизни. Вполне допустимая вещь для пастухов или даже охотников. Но как можно претендовать на большее, не пережив истинного мистического видения? Такому место среди овец, не выше. Дункана сжигал огонь жажды знаний; если бы удалось стать священником, изучать предметы, привезенные с далекой Земляндии...

Он поднял глаза и ахнул, ибо прямо над ним явился блистающий небесный знак. Сначала — ослепительная точка, потом — ярко светящееся облачко. Сжав древко копья до боли в пальцах, Дункан забыл даже об овцах. Облачко медленно померкло и исчезло.

Корабль-берсеркер совсем недавно вынырнул из межзвездного прыжка в окрестностях планеты Дункана. Светило типа земного Солнца манило берсеркера, обещая богатую органическую жизнь на планетах. Но машина знала — многие планеты надежно охранялись, поэтому берсеркер смирил нетерпение и теперь приближался к планете по плавной осторожной кривой. В околопланетном пространстве не было военных кораблей, но телескопы корабля-крепости засекли блестящие точки оборонных спутников, то исчезающих в тени планеты, то появлявшихся вновь. Компьютеры бросили пробный шар: спутник-шпион.

Шпион облетел планету и устремился к поверхности, испытывая надежность защитной сети. Низко над ночной стороной он вдруг превратился в огненное облачко.

И все же оборонные спутники не были серьезным препятствием. Он мог легко их проглотить с более близкой дистанции. Берсеркер опасался другого: на многих планетах были оборонные системы, спрятанные под по-

верхностью. Именно это опасение удерживало машину от немедленной атаки.

Очень странно, имея сеть оборонных спутников, сама планета казалась необитаемой — никаких городов на ночной стороне, мертвый эфир.

Со всей осторожностью эффективного механизма смерти берсеркер направился в зону, где погиб его шпион.

Утром Дункан хмуро пересчитал овец. Потом нашел то, что искал: задранного ягненка. То, что от него осталось. Итак, волк не ушел голодным. За десять дней стадо потеряло четыре головы.

Дункан пытался утешиться ночным событием. Теперь его жизнь будет полна великих свершений. Но и овцы имели значение.

Стоя над останками ягненка, Дункан увидел священника в коричневой рясе. Верхом на осле священник поднимался на поросший травой холм. Он ехал со стороны Храмового поселка и, очевидно, собирался молиться в пещере — в горе у входа в долину была пещера.

Заметив отчаянную жестикуляцию Дункана, который не мог покинуть стада, священник изменил маршрут.

— Благослови тебя Земляндия, — кратко приветствовал он Дункана. Священник был плотным мужчиной и с осла слез с явным удовольствием, потирая спину и потягиваясь. Заметив волнение Дункана, он улыбнулся.

— Тебе не по себе в одиночестве, сын мой?

— Да, святой отец. Но... прошлой ночью мне явилось знамение. Два года я ждал знака, и прошлой ночью он явился.

— В самом деле? Хорошая новость. — Священник посмотрел на солнце, прикидывая, сколько времени он может потратить на разговор. — Ну, расскажи мне об этом знамении, если желаешь.

Услышав про вспышку, священник нахмурился.

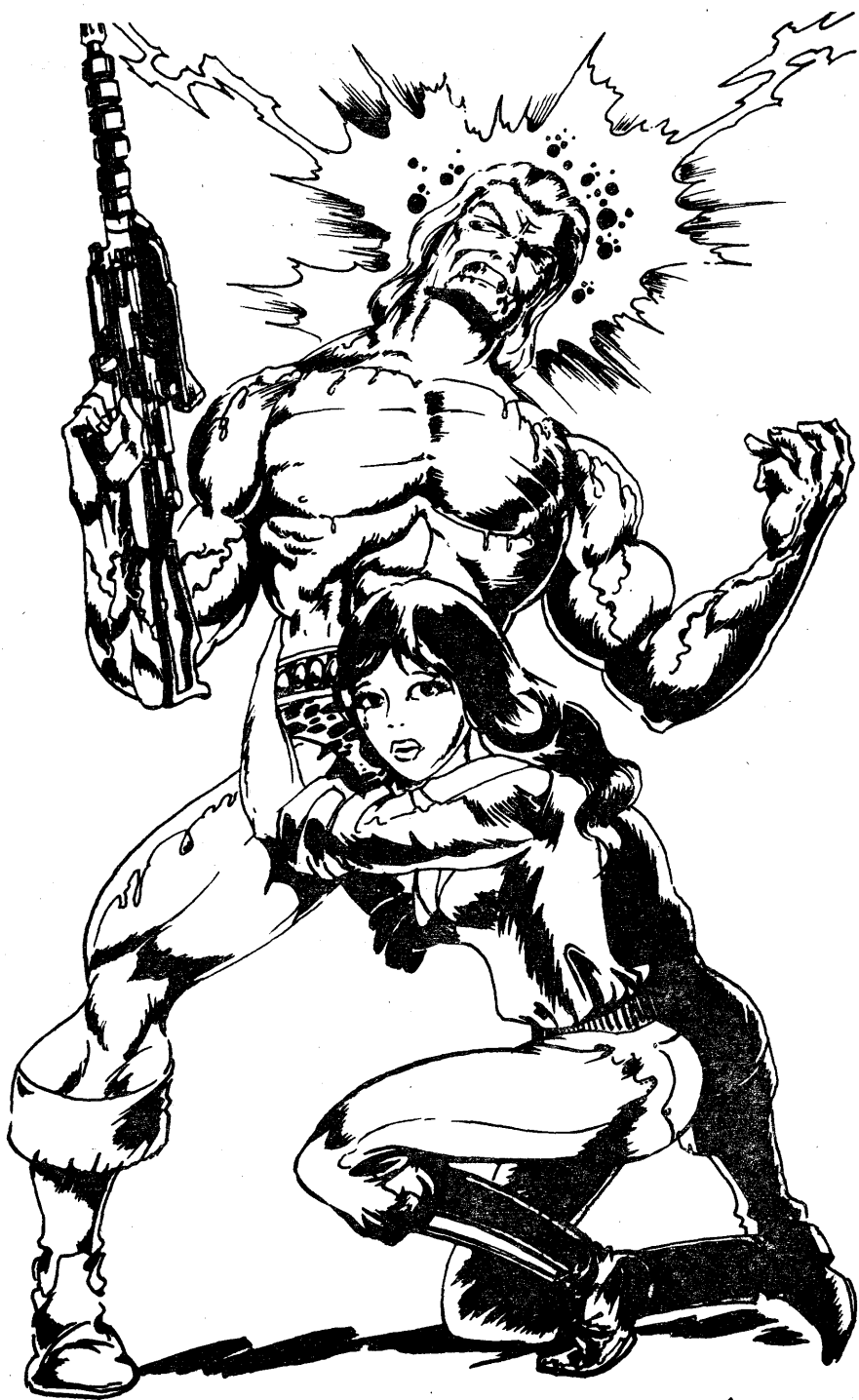
— Сын мой, этот знак прошлой ночью видели многие. Старейшины десятка поселков пришли утром в Храм и все они увидели в ночной вспышке нечто свое. Поэтому я и направляюсь в пещеру — помолиться и поразмышлять о смысле знамения.

Священник залез на осла и с жалостью посмотрел на Дункана.

— Но ты тоже оказался среди избранных. Не расстраивайся, что знак был не для тебя одного. Будь тверд в вере, регулярно молись, и новые знаки явятся тебе.

Он уехал.

Павший духом Дункан побрел к стаду. Как ему только могло прийти в голову, что вспышка, видимая над поло-

виной мира, предназначается какому-то пастуху? Знак появился и исчез, а волк остался.

Когда солнце перевалило зенит, Дункан увидел нового гостя: кто-то от поселка шел в сторону стада. Дункан поправил пояс, пятерней причесал шевелюру с запутавшимися в ней травинками, пощупал подбородок — увы, борода практически еще не росла.

Он был уверен, что идет сама Колин, принял солидный и занятой вид, притворившись, что заметил девушку только на холме. Ветер играл каштановыми кудрями Колин, теребил платье.

— Привет, Колин.

— Здравствуй, Дункан-пастух. Отец послал меня справиться об овцах.

Дункан встревоженно пробежал взглядом по стаду, пересчитывая овец отца Колин. Слава богам неба и земли!

— Овцы твоего отца целы и невредимы!

Колин подошла ближе.

— Вот тебе печенье. А как другие овцы?

Какая она красивая! Но простому пастуху нечего мечтать о такой знатной девушке!

— Опять приходил волк. — Дункан развел руками. — Я стерегу, зажигаю костры, отгоняю волка. Но он все равно ухитрится зайти с другой стороны и утащить овцу.

— Нужно прислать помощника, мужчину или мальчика. Даже умному пастуху тяжело справиться с большим волком.

Он кивнул, ему было приятно, что Колин приравнивает его к взрослым мужчинам. Но тревога давала себя знать.

— Ты видела вспышку вчера ночью в небе?

— Нет, но весь поселок только об этом и говорит. Я им скажу о волке, только вряд ли кто-нибудь придет помочь. Может, через день или два. Все танцуют и говорят только о ночном знамении. — Она удивленно приподняла брови. — Смотри!

Священник, нахлестывая несчастного осла, во весь дух мчался в обратном направлении — от пещеры к Храмовому поселку.

— Наверное, повстречался с твоим знакомым волком, — предположила Колин.

— Тогда бы он оглядывался. Очевидно, в пещере он получил важный знак от богов Земли.

Они сели на траву, ели печенье и долго болтали.

— Ой, мне пора! — Колин вскочила. Солнце висело над горизонтом, заговорившись, они не заметили, как наступил вечер.

— Боги! Ночью волк осмелеет.

Глядя вслед Колин, Дункан чувствовал, как играет в жилах кровь. Наверное, и Колин это чувствовала, иначе не обернулась бы и не посмотрела как-то странно. Потом она исчезла за вершиной холма.

Дункан собирал топливо для ночных костров. На секунду он выпрямился, глядя на закат.

— Небесные боги, помогите мне, — помолился он. — И вы, боги Земли. Волк должен вас слушаться. Если не подаете знака, то помогите хоть от волка избавиться.

Он лег на землю и прижался ухом к камню. Каждый день он просил богов, но по-прежнему...

Он услышал голос. Невозможно! Наверное, это звук водопада или где-то бежит испуганное стадо овец... Нет, сомнений не было — это действительно голос, гулкий, повелевающий, приходящий из глубины. Слова разобрать не удавалось, но это был голос подземного бога, совершенно очевидно.

Со слезами на глазах Дункан поднялся. Он забыл обо всем, даже об овцах. Замечательное редчайшее знамение и наверняка посланное только для него одного! И он еще сомневался, что когда-нибудь его получит.

Теперь самое важное — понять, что говорит бог. Дункан напряг слух. Голос бубнил глухо, без пауз, но разобрать ничего не удалось. Дункан отбежал на десяток шагов и приник к другому камню. Да, здесь слышно было лучше. Иногда доносились и понятные слова. «Отдать», потом «оборона» или что-то подобное. Правда, понятные слова произносились с непривычным акцентом.

Дункан вдруг вспомнил, что уже почти ночь и за овец он должен отвечать, должен развести сторожевые костры, без которых волк передерет овец. Но и голосу из-под земли следовало внимать. Дункан выпрямился, охваченный страхом, не зная, что делать.

В густых сумерках мелькнул силуэт. Дункан схватил дубинку и... увидел Колин.

Девушка была испугана.

— Солнце закатилось, я испугалась темноты. И решила вернуться — дорога обратно короче, чем в деревню.

Корабль-берсеркер приближался к ночной стороне планеты. Он двигался быстро, но сохраняя осторожность. Перебрав информацию о данных, накопленных за тысячелетия битв с тысячами форм жизни, машина обнаружила аналогичный случай. На той планете имелась сеть оборонных спутников, но не было городов и молчал эфир. Создатели спутниковой сети погубили цивилизацию в междоусобной войне и уже не могли управлять

обороной планеты, даже забыли, где находятся пункты управления.

Возможно, жители этой планеты хотят заманить берсеркера в ловушку, в зону поражения. Поэтому он отправил вперед стаю разведчиков: прорвать сеть спутников, высадиться на поверхность, уничтожить жителей, спровоцировать ответную реакцию.

Костры горели ярко. Колин с копьем в руках следила за стадом. Волк волком, а Дункану надлежало слушаться посланного знамения. Он направился вверх по ночному склону, то и дело прижимаясь ухом к скальным выступам. И с каждым разом глас божий становился громче.

Дункан понимал, что Колин намеренно все так устроила — чтобы остаться с ним на ночь и помогать охранять стадо. И он в глубине души был ей очень благодарен. Но главное сейчас — подземный голос.

Затаив дыхание, он прислушался. Теперь голос можно было слышать даже не наклоняясь. Впереди был каменный завал, зимой здесь сошла лавина. Наверное, там есть пещера.

Когда он достиг валунов, то обнаружил, что голос грохочет прямо из-за камней.

— Атака продолжается. Жду приказов. Прошу отдать приказ номер один. Говорит система планетарной обороны. Атака продолжается...

Кое-что Дункану было понятно. Атака, приказ, прошу... «Прошу отдать приказ номер один» — очевидно, можно загадать одно желание, как в легендах! Да, больше Дункан над легендами смеяться не будет, никогда. Ишь, умник какой выискался! Совершенно ясно, что это не шутка — никто не может кричать таким громоподобным голосом.

В пещеры разрешалось входить только священникам, но ведь Дункана привело сюда божественное знамение, именно ему был дарован сей знак!

Чувствуя скорее робость, чем страх, он протиснулся в щель между валунами и почувствовал перед ногами металл. Он оказался в металлической пещере, точно как в легенде, как во всех описаниях божественных пещер: металлическая, круглая, длинная, как коридор. На стенах горели огненные «глаза». Местами стены были повреждены и пробиты обвалом.

Голос гремел еще громче. Дункан двинулся вперед.

«Мы на поверхности», — доложили разведчики на бесстрашном языке компьютерных символов. «Разумная жизнь земного типа. Существа обитают в поселках. Унич-

тожено уже 839 единиц. Никакого признака серьезного сопротивления».

Берсеркер выждал еще немного, наблюдая, как растет счет уничтоженных жизней. Когда вероятность ловушки упала до исчезающе малой величины, берсеркер занялся расстрелом оставшихся сателлитов, еще преграждавших ему путь.

— Здесь я, — сказал Дункан, падая на колени перед металлическим предметом, издававшим громовой рев.

Здесь лежали сплетенные прутики, яичная скорлупа — когда-то сюда приносили жертвы священники, а потом забыли об этом боге, наверное.

— Здесь я, — повторил Дункан громче.

Теперь бог обратил на него внимание, потому что оглушительный рев утих.

— Понял вас. Я — оборонный пункт 9/864, — сказал бог. — Планетарная система обороны находится под управлением пункта 9/864.

Как бы попросить бога говорить понятнее?

После короткой паузы бог сказал:

— Прошу отдать приказ номер один.

На всякий случай Дункан уточнил:

— Ты жалуешь мне одно желание, которое исполнишь?

— Буду исполнять приказы. Планета в опасности. Сеть оборонных сателлитов уничтожена на 90 процентов. Планетарные средства защиты полностью запрограммированы, активация по приказу номер один.

Дункан застыл, не открывая глаз, не поднимаясь с колен. Одно желание. Остальные слова он понял, как предостережение, — желание следовало выбирать осторожно. Бог может сделать его мудрейшим из вождей, храбрейшим и сильнейшим из воинов. Бог может подарить ему десять юных красивых жен, сто лет жизни...

Или Колин.

Где Колин? Она осталась одна, в темноте, где-то рядом рыщет волк, прямо за границей света костров, следя огненным взглядом за беззащитной девушкой. Может, Колин уже кричит, зовет его на помощь...

Дункан почувствовал, как сжалось сердце. Да, волк победил. Дункан останется простым пастухом. И если он мог забыть о стаде, он не мог и не хотел забыть о Колин.

— Убей волка! — выдавил Дункан.

— Прошу уточнить термин «волк».

— Убийцу! Уничтожь убийцу! Это мое единственное желание!

И не в силах больше выносить присутствие бога,

Дункан бросился вон из пещеры, рыдая по погибшей своей великой жизни. Он спешил на помощь Колин.

«Назад!» — взревел электронный сигнал берсеркера. — «Все назад! Ловушка!»

Рассыпавшийся отряд машин-разведчиков в тот же миг бросил смертоносную работу и на пределе ускорения устремился в небо, под защиту металлической матери. Слишком поздно и слишком медленно. Не успев достичь берсеркера, разведчики превратились в полоски раскаленного газа, испарились в брызгах траурного фейерверка.

Берсеркер не стал их ждать. Он уходил в глубокий космос. Он не стал тратить время и энергию на поиски ответа — почему люди жертвовали столькими единицами, чтобы заманить берсеркера. Потом он засек новую сеть силовых полей, преграждавшую путь к отступлению. Спасения не было.

Пламя охватило небо. Холмы сотрясались до основания. Верхушка горы у входа в долину исчезла, словно срезанная, и нечто могучее, почти невидимое, как поток прозрачной силы, уходило в бесконечность неба.

Дункан увидел прикинувшую к земле Колин. Она что-то кричала, но глухой подземный гул топил все звуки. В свете небесного пламени носились кругами обезумевшие овцы. Дункан увидел темный силуэт волка. Он тоже бегал кругами, перепуганный громом и огнем в небе, забыв, что он волк. Дункан подобрал дубинку и, спотыкаясь от подземных толчков, побежал на волка.

Он увидел отражение небесного огня в зрачках зверя. Волк приготовился к прыжку... Дункан взмахнул дубинкой...

Дункан победил. На всякий случай ударил еще раз, и еще.

Вдруг в небе вспыхнуло бело-голубое солнце, необыкновенное летящее солнце, через минуту ставшее красным и обротившееся в гаснущее облако. Потом земля успокоилась, и стало тихо.

Оглушенный Дункан побрел куда-то, не видя дороги, пока не наткнулся на Колин, которая пыталась успокоить овец. Дункан пришел в себя. Волк был мертв. Дункану было явлено самое чудесное знамение, бог его пощадил. Дункан побежал к Колин, чувствуя под ногами надежную неподвижность земли, казавшуюся теперь вечной.

«Я видел и вижу по-прежнему блестящее будущее сыновей Старой Земли, победивших космических убийц. Ибо на каждом витке человеческой цивилизации рождаются личности, презревшие личное благо, посвятившие жизнь чему-то большему в их глазах, чем они сами.

Вы можете победить, но я не говорю, что победите наверняка. Ибо в каждом поколении людей рождаются и те, что избирают путь служения темным богам».

10

В ХРАМЕ МАРСА

Что-то случилось с его мозгом. Все смешалось, перепуталось, расплылось. Он не понимал, кто он, где находится, как давно все это происходит и что было до этого. И он не мог сопротивляться, даже не мог определить, нравится ему или нет все то, что происходило.

Пение тяжелым ритмом било в уши, ворчали голоса дикарей.

«Был на стене нарисованный лес. В нем обитал король чудес. Деревья старые, кривые...»

Он увидел лес. Лес окружал его со всех сторон. Были этот лес и тянувшие песню голоса реальностью, этого он определить не мог, что-то насыпало мутные волны на его мозг, сбивало с толку, не давало мыслить ясно.

«И ветви черные, нагие Ломал холодный серый вихрь. Как буря, шторм и ураган Внизу же склона, у холма Стоял храм Марса, бога битв...»

И он увидел храм из стали: его линии, закругленные и уходящие в черную почву, напоминали о жути космических пустынь — кораблях-берсеркерах. Стальные ворота входа вибрировали и гудели под напором холодного ветра, рвущегося из храма, безостановочно прочесывающего измученный этой искусственной бурей лес. Картина была выдержана в серых тонах и освещалась всполохами северного сияния.

«Полярный свет бросал лучи В врата, разверстые в

ночи. И окон не было в стенах Для глаз людских, познавших страх...»

Ему казалось, что он куда-то идет. Широким уверенным шагом победителя он миновал похожие на клыки столбы ворот и направился к входу в храм.

«А дверь была — прочней алмаза С железными цепями вдоль и сверху вниз, А крышу подпирали крепко, без отказа, Столбы стальные в бочку толщиной...»

Внутри храма крутился хаотический калейдоскоп насилия, какая-то фантасмагорическая бойня. Призрачные армии сокрушали друг друга, боевые роботы кромсали беззащитных женщин, дикие звери пожирали младенцев. И он, завоеватель, принимал этот фантом в себя, наслаждался им, хотя часть сознания понимала — все это лишь галлюцинация, которую он сам в себе создает под воздействием песни.

Трудно сказать, как долго это продолжалось. Конец пришел внезапно — исчезли давящие на сознание волны ритма, пение смолкло. Он облегченно растянулся на земле, закрыв глаза. Было совершенно тихо, если не считать его собственного тяжелого дыхания.

Тихий стук. Он открыл глаза. Рядом с ним упал короткий меч. Он находился в знакомой, мягко освещенной комнате с круглыми стенами. Стена была покрыта бесконечной фреской, изображавшей войну, жестокость и насилие в тысяче разнообразных сцен и сюжетов. В комнате был также низкий алтарь, а за алтарем — статуя воина на колеснице, с боевым топором, с искаженным в ярости бронзовым лицом.

Все это было ему знакомо, и сейчас его заинтересовал меч. Словно магнитом, его тянула к мячу некая сила, родившаяся в только что пережитых им картинах битв и разрушения. Он пополз к мечу, отметив при этом, что облачен в кольчугу, такую же, как и у статуи бога. Его рука сжала рукоять меча и влившаяся через руку энергия заставила его встать на ноги. Он посмотрел вокруг, ожидая продолжения.

В круговой фреске образовалось отверстие — дверь, и в храм кто-то вошел. На нем была простая форма, лицо — худое и суровое. Он выглядел, как человек, но не был им, потому что кровь не появилась, когда меч вошел в тело.

Испытывая бездумную радость, он раскромсал плаستيкового робота на дюжину кусков и остановился над останками, чувствуя опустошение и усталость. Рукоять меча стала очень горячей, ему пришлось отпустить меч.

Все это происходило не первый раз, повторялось опять и опять.

Дверь-фреска отворилась еще раз, но теперь вошел настоящий человек, весь в черном, с пронзительными глазами гипнотизера, полускрытыми кустистыми бровями.

— Назови свое имя, — сказал человек в черном голосом, заставлявшим подчиниться.

— Мое имя Джор.

— А как меня зовут?

— Ты — Катсулос, — устало сказал Джор. — Из секретной полиции Эстила.

— Правильно. И где мы находимся?

— На борту «Нирваны-2». Мы должны доставить новый корабль — замок его величества Ногары, — к хозяину. Потом я буду развлекать его величество — убью кого-нибудь мечом, или другой гладиатор зарубит меня.

— Реакция в пределах нормы, — отметил один из людей Катсулоса, показавшись в дверном проеме.

— Да, этот всегда ворчит, — согласился Катсулос. — Но в пределах нормы. Хороший экземпляр. Ты видел запись мозговолн? — Он протянул товарищу кусок ленты.

Они обсуждали поведение Джор, а он стоял и слушал. Они его приучили вести себя как следует. И думали, что это навсегда. Но очень скоро он их проучит. Главное, успеть, пока не слишком поздно. Джор поежился от прикосновения холодной кольчуги.

— Отведи его в камеру, — приказал Катсулос наконец. — Я буду через минуту.

Джор непонимающе смотрел по сторонам, пока его вели вниз по ступенькам. Память о только что имевшей место процедуре уже становилась смутной, и то, что он помнил хорошо, вызывало неприятные ощущения, поэтому он старался память не напрягать. Но упрямое намерение нанести ответный удар стало еще сильнее: он выберет момент и нанесет ответный удар. Он еще не знал, как, но знал, что скоро сделает это.

Катсулос, оставшись в храме, пнул ногой куски пластикового манекена, собирая их в кучу. Пластик пойдет в переработку. Он тщательно растоптал голову робота, чтобы никто не мог узнать это лицо.

Потом выпрямился, глядя в дышащее яростью бронзовое лицо Марса. Глаза Катсулоса, холодные, как лезвия ножей, вдруг ожили и потептели.

В каюте, предназначенной для его величества лорда

Ногары, еще не вступившего во владение «Нирваной-2», загудел сигнал коммуникатора.

Адмирал Хемпфил не сразу отыскивал нужную кнопку на незнакомом рабочем столе.

— В чем дело?

— Сэр, курьер из Солнечной системы завершил свою миссию. Мы готовы продолжить рейс, если у вас нет каких-либо сообщений для передачи.

— Сообщений нет. Новый пассажир перешел на борт?

— Да, сэр. Соларианин, по имени Митчел Спейн.

— Я знаю этого человека, капитан. Пожалуйста, попросите его как можно скорее пройти ко мне: я хочу срочно с ним поговорить.

— Слушаюсь, сэр.

— Полицейские ищейки еще на мостике?

— В данный момент нет, сэр.

Хемпфил выключил коммуникатор, откинулся на спинку роскошного кресла-трона, из которого Фелипе Ногаре вскоре предстояло обозревать владения империи Эстил. Суровое лицо Хемпфила помрачнело еще больше, он встал: роскошь каюты действовала на нервы.

На груди Хемпфила, облаченного в аккуратную скромную форму, выделялись семь ало-черных лент. Каждая означала битву, в которой был уничтожен хотя бы один берсеркер. Других наград он не носил. Он был произведен в адмиралы Лигой Объединенных Планет — союзом по борьбе с берсеркерами, куда входили все освоенные планеты.

Минуту спустя открылась дверь каюты. Вошел невысокий мускулистый человек в штатском платье. Лицо его не отличалось приятностью черт (правдивее было бы сказать, что он был безобразен). Он с улыбкой пошел навстречу Хемпфилу, протягивая руку.

— Итак, передо мной сам адмирал высшего ранга Хемпфил. Поздравляю. Давно мы не виделись.

— Спасибо, Митч. Да, в последний раз это было... У Каменного Края. — Хемпфил слабо улыбнулся уголками рта, обойдя стол и пожимая руку гостя. — Насколько я помню, ты был капитаном десантников.

Их руки сошлись в дружеском пожатии, и оба на миг предались воспоминаниям об историческом дне великой победы. Правда, радости сейчас никто не испытывал — война опять шла плохо.

— Девять лет назад, — сказал Митч Спейн. — Ну, а теперь я корреспондент агентства «Солар Ньюз». Меня послали взять интервью у Ногары.

— Я слышал, что ты уже создал себе хорошую репутацию, — сказал Хемпфил, жестом приглашая Митча в кресло. — Боюсь, на литературу и другие пустяки у меня времени не будет, как не было и до сих пор.

Митч сел в кресло и выудил из кармана трубку. Он достаточно знал Хемпфила и не обратил внимания на его реплику о литературе. Для Хемпфила не существовало важных вещей в жизни, кроме одной — уничтожение кораблей-берсеркеров. В настоящее время такой взгляд на жизнь был самым подходящим для человека в звании адмирала высшего ранга.

Спейну показалось, что Хемпфил хочет поговорить о чем-то весьма серьезном, но он не знал, как приступить к теме. Чтобы нарушить затянувшуюся паузу, Митч заметил:

— Интересно, как понравится новый корабль лорду Ногаре.

Митч обвел мундштуком трубки каюту.

Покой и надежность, словно они на непоколебимом граните планеты. Ничто не выдавало работы самых мощных двигателей, когда-либо построенных сыновьями Старой Земли, мчавших «Нирвану-2» к краю Галактики со скоростью, многократно превосходящей световую.

Хемпфил принял замечание как намек. Подавшись слегка вперед, он сказал:

— Это меня не заботит. Меня волнует другое: как этот корабль будет использован.

После сражения у Каменного Края левая рука Митча состояла в основном из биопротезов. Сейчас он пластиковым пальцем придавил мандариновый огонек в трубке.

— Ты имеешь в виду развлечения на борту? По дороге в эту каюту я заметил мельком арену для гладиаторов. Я Ногару никогда не встречал, но, говорят, после смерти Карлсена он стал совсем плохой.

— Я не имел в виду так называемые «развлечения» Ногары. Я веду вот к чему: вполне может быть, что Йохан Карлсен все еще жив.

Последние слова Хемпфила повисли в воздухе каюты, как фантастическое видение. На миг Митчу показалось, что он ощущает сверхсветовой полет корабля, пересекающего пространства, чья природа превосходила возможности человеческого понимания, где время ничего не значило и где мертвые герои всех веков могут еще жить.

Митч покачал головой.

— Мы говорим об одном и том же Йохане Карлсене?

— Конечно.

— Два года назад он исчез в окрестностях гипермассы, преследуемый кораблем-берсеркером. Эти факты не соответствуют действительности?

— Полностью соответствуют, но теперь мы считаем, что его капсула вышла на орбиту вокруг гипермассы, а не упала в нее. Ты видел девушку?

— Я прошел мимо какой-то девушки, возле твоей каюты. Я подумал...

— У меня нет времени на глупости. Ее зовут Люсинда, без фамилии, такова традиция ее планеты. Она свидетель исчезновения Карлсена.

— Ах, да, я помню эту историю. Но что ты имел в виду насчет выхода на орбиту вокруг гипермассы?

Хемпфил поднялся, — так, казалось, он чувствует себя удобнее.

— Обычно гипермасса и ближайший к ней район невидимы в результате крайнего красного смещения волновых длин, вызванных притяжением гипермассы. В прошлом году ученые совершили экспедицию. Их корабль сильно уступал этому... — Хемпфил сделал паузу, словно вслушиваясь в работу безмолвных могучих двигателей, — но они смогли пробраться к гипермассе довольно близко. У них имелись новейшие приборы, длинно-волновые телескопы, и они сделали снимки. Звезда осталась невидимой, но вот что они привезли...

Хемпфил вытряхнул из конверта несколько фотографий, и Митч разложил их на столе перед собой. На большинстве снимков были видны какие-то слегка изогнутые линии, темные на тускло-красном фоне.

Хемпфил стоял за его спиной.

— Вот так выглядит пространство вблизи гипермассы. Не забывай, при объеме, равном примерно солнечному, масса этой звезды в миллиард раз выше. Гравитация выкидывает штуки, которых мы пока не понимаем.

— Интересно. А из чего состоят темные линии?

— Это пыль, падавшая в гипермассу и скопившаяся вдоль силовых линий поля, как опилки вокруг магнита. Так мне объяснили.

— А где же тогда Карлсен?

Палец Хемпфила указал на крохотный кружочек, похожий на каплю воды в пыли.

— Предполагаем, это его капсула. Она летит по орбите с радиусом в сотню миллионов миль от центра гипермассы. Берсеркер, гнавшийся за ним, находится вот здесь, на той же силовой линии. Они надежно застряли. Обычные корабли туда спуститься не могут.

Митч смотрел на фотографии, но его мысли были поглощены воспоминаниями.

— И ты думаешь, он жив?

— У него был саркофаг-морозильник, он мог погрузить себя в глубокий анабиоз. Кроме того, время течет очень медленно. Период обращения у него три часа...

— Погоди! Три часа, радиус сто миллионов миль...

Хемпфил улыбнулся.

— Я же тебе говорил, мы многих вещей пока не понимаем.

— Ладно, — Митч медленно кивнул. — Значит, есть шанс? Карлсен не из тех, кто сдается. Он дерется до последнего, а потом изобретает способ продолжать бой.

— Да, я думаю, шанс есть. — Лицо Хемпфила снова стало суровой железной маской. — Ты видел, как берсеркеры старались его убрать. Они боялись его до дрожи в металлических кишках, как никого другого. Хотя я и не понимал, почему... В общем, если его возможно спасти, времени почти не остается. Ты согласен?

— Конечно. Но как?

— На этом корабле. Таких двигателей еще не строили — уж Ногара о своей безопасности позаботился, будь спокоен.

Митч тихо присвистнул.

— Достаточно мощные, чтобы выйти на орбиту капсулы и вытащить Карлсена?

— Да, теоретически.

— И ты намерен попробовать прежде, чем доставишь корабль Ногаре?

— Потом, я думаю, будет поздно. Ты же знаешь, он хотел убрать Карлсена с дороги. На борту — секретная эстильская полиция, и план я держал под замком.

Митч кивнул. Он чувствовал поднимающееся приятное волнение.

— Ногара придет в бешенство, если мы спасем Карлсена, но будет поздно. А команда — они согласны?

— Я уже прошупал настроения капитана — он за меня. И будучи адмиралом Лиги Планет, я могу отдавать приказы на любом корабле, под предлогом военных действий против берсеркеров. — Хемпфил принялся шагать по каюте. — Меня волнует одна проблема — отделение полиции Ногары на борту. Они постараются помешать.

— Сколько их здесь?

— Человек двадцать. Не знаю, почему так много, но численно они нас превосходят двое к одному. Не считая пленных, от них мало пользы.

— Два года назад он исчез в окрестностях гипермассы, преследуемый кораблем-берсеркером. Эти факты не соответствуют действительности?

— Полностью соответствуют, но теперь мы считаем, что его капсула вышла на орбиту вокруг гипермассы, а не упала в нее. Ты видел девушку?

— Я прошел мимо какой-то девушки, возле твоей каюты. Я подумал...

— У меня нет времени на глупости. Ее зовут Люсинда, без фамилии, такова традиция ее планеты. Она свидетель исчезновения Карлсена.

— Ах, да, я помню эту историю. Но что ты имел в виду насчет выхода на орбиту вокруг гипермассы?

Хемпфил поднялся, — так, казалось, он чувствует себя удобнее.

— Обычно гипермасса и ближайший к ней район невидимы в результате крайнего красного смещения волновых длин, вызванных притяжением гипермассы. В прошлом году ученые совершили экспедицию. Их корабль сильно уступал этому... — Хемпфил сделал паузу, словно вслушиваясь в работу безмолвных могучих двигателей, — но они смогли пробраться к гипермассе довольно близко. У них имелись новейшие приборы, длинно-волновые телескопы, и они сделали снимки. Звезда осталась невидимой, но вот что они привезли...

Хемпфил вытряхнул из конверта несколько фотографий, и Митч разложил их на столе перед собой. На большинстве снимков были видны какие-то слегка изогнутые линии, темные на тускло-красном фоне.

Хемпфил стоял за его спиной.

— Вот так выглядит пространство вблизи гипермассы. Не забывай, при объеме, равном примерно солнечному, масса этой звезды в миллиард раз выше. Гравитация выкидывает штуки, которых мы пока не понимаем.

— Интересно. А из чего состоят темные линии?

— Это пыль, падавшая в гипермассу и скопившаяся вдоль силовых линий поля, как опилки вокруг магнита. Так мне объяснили.

— А где же тогда Карлсен?

Палец Хемпфила указал на крохотный кружочек, похожий на каплю воды в пыли.

— Предполагаем, это его капсула. Она летит по орбите с радиусом в сотню миллионов миль от центра гипермассы. Берсеркер, гнавшийся за ним, находится вот здесь, на той же силовой линии. Они надежно застряли. Обычные корабли туда спуститься не могут.

Митч смотрел на фотографии, но его мысли были поглощены воспоминаниями.

— И ты думаешь, он жив?

— У него был саркофаг-морозильник, он мог погрузить себя в глубокий анабиоз. Кроме того, время течет очень медленно. Период обращения у него три часа...

— погоди! Три часа, радиус сто миллионов миль...

Хемпфил улыбнулся.

— Я же тебе говорил, мы многих вещей пока не понимаем.

— Ладно, — Митч медленно кивнул. — Значит, есть шанс? Карлсен не из тех, кто сдается. Он дерется до последнего, а потом изобретает способ продолжать бой.

— Да, я думаю, шанс есть. — Лицо Хемпфила снова стало суровой железной маской. — Ты видел, как берсеркеры старались его убить. Они боялись его до дрожи в металлических кишках, как никого другого. Хотя я и не понимал, почему... В общем, если его возможно спасти, времени почти не остается. Ты согласен?

— Конечно. Но как?

— На этом корабле. Таких двигателей еще не строили — уж Ногара о своей безопасности позаботился, будь спокоен.

Митч тихо присвистнул.

— Достаточно мощные, чтобы выйти на орбиту капсулы и вытащить Карлсена?

— Да, теоретически.

— И ты намерен попробовать прежде, чем доставишь корабль Ногаре?

— Потом, я думаю, будет поздно. Ты же знаешь, он хотел убить Карлсена с дороги. На борту — секретная эстильская полиция, и план я держал под замком.

Митч кивнул. Он чувствовал поднимающееся приятное волнение.

— Ногара придет в бешенство, если мы спасем Карлсена, но будет поздно. А команда — они согласны?

— Я уже прощупал настроения капитана — он за меня. И будучи адмиралом Лиги Планет, я могу отдавать приказы на любом корабле, под предлогом военных действий против берсеркеров. — Хемпфил принялся шагать по каюте. — Меня волнует одна проблема — отделение полиции Ногары на борту. Они постараются помешать.

— Сколько их здесь?

— Человек двадцать. Не знаю, почему так много, но численно они нас превосходят двое к одному. Не считая пленных, от них мало пользы.

— Пленные?

— Сорок молодых мужчин. Для развлечений на арене, гладиаторское мясо.

Люсинда проводила время, бродя по коридорам огромного корабля, одинокая, не в силах обрести покой, и оказалась в переходе к центральной части, возле мостика и штаб-кают, когда впереди по коридору открылась дверь и вышли трое. Два человека в черной форме вели третьего, пленника в кольчужной рубахе.

Увидев черную форму, Люсинда гордо подняла голову и остановилась у них на пути.

— Обходите меня, стервятники, — ледяным тоном сказала она. На пленного она не взглянула. Горький опыт научил ее одному принципу: симпатии к пленникам Ногары только усиливают страдания последних.

Люди в черном остановились.

— Я Катсулос, — сказал полицейский с густыми мохнатыми бровями. — Кто ты такая?

— Когда-то моей планетой был Фламланд, — сказала она и заметила, как пленный поднял глаза. — Когда-нибудь она снова станет моим домом, освобожденная от стервятников Ногары.

Второй агент собирался что-то сказать, но локоть пленника выбил из него воздух, клином войдя в живот. Потом пленный, секунду назад покорный, как ягненок, ударом сбил с ног Катсулоса, бросился бежать и исчез за поворотом прежде, чем секретные агенты пришли в себя.

Катсулос быстро вскочил. Выхватив пистолет, оттолкнул Люсинду и бросился к повороту коридора. Потом она увидела, как обмякли его плечи.

Казалось, ее радостный смех нисколько не задел Катсулоса.

— Деваться ему некуда, — сказал он. Его взгляд встретился со взглядом Люсинды, и она смеяться перестала.

Катсулос выставил вооруженные посты на мостике, в машинном отделении, у всех спасательных шлюпок.

— Этот человек — Джор готов на все. Он чрезвычайно опасен, — объяснил он Хемпфилу и Митчу. — Половина моих людей ищет его непрерывно, но корабль, сами знаете, очень большой. Прошу не уходить далеко от кают, пока мы его не поймаем.

Прошел день, но Джор не поймали. Митч решил

воспользоваться занятостью полиции и обследовать арену — «Солар Ньюз» будет очень заинтересована.

Взобравшись по ступенькам, он, шурясь от яркого, хотя и ненастоящего солнца, оказался под искусственным голубым земным небом. Он находился за самым верхним рядом кресел. Всего около двухсот кресел рядами опоясывали арену, отделенную наклонными кристаллическими стенами. Арена в центре стеклянистой чаши имела около тридцати ярдов в диаметре, была покрыта чем-то, похожим на песок, но было ясно, что если откажет искусственная гравитация, покрытие не взлетит пыльным облаком.

В этом цирке, современном, как и лазерный пистолет, предполагалось предаваться пороку древнего Рима. Каждая капля крови будет отлично видна с любого места. Правда, одна деталь вносила дисгармонию: на равных промежутках друг от друга за верхним рядом мест располагались домики непонятного назначения. Архитектурный стиль явно не соответствовал стилю арены.

Митч достал карманную камеру и сделал несколько снимков. Потом направился к ближайшему домику. Дверь была открыта, и он вошел.

Сначала он подумал, что наткнулся на личный гарем Ногары, но некоторое время спустя понял, что персонажи на фресках далеко не всегда изображались в сплетении любовных объятий. Здесь были мужчины, женщины, богоподобные существа, в одеждах Древней Земли или вообще без одежд. Митч, сделав пару снимков, пришел к выводу, что все изображенные на стенах сюжеты посвящались тем или иным аспектам любви, но менее всего он ожидал столкнуться с подобным здесь, как, впрочем и в любом другом месте, созданном лично для Фелипе Ногары.

Выходя из храма через вторую дверь, он миновал статую улыбающейся богини. Обнаженное бронзовое тело наполовину поднималось над зеленой сверкающей морской волной. Он сфотографировал статую и пошел дальше.

Во втором здании фрески изображали сцены охоты и рождения. Богиня в этом храме была одета довольно скромно, в ярко-зеленое, и вооружена луком и колчаном. У ног ее замерли, готовые помчаться в погоню, бронзовые гончие.

Направляясь к третьему храму, Митч обнаружил, что ноги несут его быстрее, что-то притягивало его, как магнит железную пылинку.

Но как только он ступил в храм, накатившая волна отвращения заставила забыть обо всем остальном. Если первый храм посвящался любви, этот, несомненно, служит прославлению ненависти.

На стене сразу напротив входа какое-то пилообразное чудовище, опустив безобразную морду в колыбель, пожирало плачущего младенца. Рядом рубили друг друга в капусту одетые в тоги люди. Мужчины и женщины, дети — все они терпели на этих фресках бессмысленные мучения и погибали ужасной смертью, без проблеска надежды. Дух разрушения казался физически ощутимым, пропитывая сам воздух храма. Это было похоже на...

Митч отступил на шаг, закрыл глаза. Да, ошибки не было, он чувствовал его совершенно ясно: воздействие здесь не ограничивалось фресками и освещением.

Много лет назад, в космическом бою, он испытал воздействие ментального луча берсеркера. Люди научились экранировать корабли, защищаться от ментальных атак... Неужели теперь вражеское оружие было намеренно установлено здесь?

Митч открыл глаза. Излучение было слабым, но оно не просто лишало способности ясно мыслить: оно стимулировало центры ненависти в мозгу человека.

Он покинул храм. Снаружи, за толстыми — толще, чем у остальных храмов, — стенами эффект почти не ощущался. Интересно, если он чувствует остаточное воздействие луча внутри храма, то каково в момент работы проектора на полную мощность?

Самое важное — почему излучатель установлен здесь? Стимулировать ярость гладиаторов? Возможно. Митч посмотрел на бога войны и его бронзовую массивную колесницу, пожегся. Тут что-то большее, чем простая жестокость древних римских игр.

Сделав несколько новых снимков, он вспомнил, что видел терминал интеркома возле первого храма. Он вернулся к храму богини любви, простучал код доступа к корабельному Протоколу.

Ответил голос компьютера. Митч приказал:

— Мне нужна информация о конструкции арены, а именно: о трех постройках по ее верхнему краю.

Голос поинтересовался, не нужны ли чертежи.

— Нет, пока. Расскажи мне о замысле автора.

Пауза в несколько секунд. Потом компьютер сказал:

— Базовый замысел принадлежит человеку по имени Оливер Микаль, ныне покойному. В программе проекта часто делались ссылки на фрагменты литературного про-

изведения некоего Джеффери Чосера с Древней Земли. Цитируемое произведение называется «Рассказ рыцаря».

Имя Чосера мало что говорило Митчу, но затем он вспомнил, что покойный Оливер Микаль был не только лучшим экспертом Ногары по мозгостиму, но и филологом-классицистом.

— Какие психоэлектронные устройства вмонтированы в эти три конструкции?

— В Протоколе корабля нет информации о названных устройствах.

Митч был уверен в существовании излучателя ментальных волн ненависти, он безошибочно распознал вторичный эффект излучения. Вероятно, если верны его подозрения, установки были смонтированы тайно.

Он приказал:

— Прочти фрагменты названного произведения, относящиеся к этим постройкам.

— Три храма соответственно посвящены Венере, Диане и Марсу, — сообщил интерком. — Отрывок, касающийся описания храма Марса, на языке оригинала выглядит следующим образом:

«Там на одной стене была дубрава,

Где все деревья стары и корявы,

Где остры пни, ужасные на вид...»

Митч достаточно разбирался в древнем языке Земли, чтобы улавливать содержание, но мысли его сейчас были не здесь. Его привлекла фраза «храм Марса». Он вспомнил о недавно возникших слухах — якобы, существует тайный культ, чьи последователи поклоняются Марсу и обожествляют берсеркеров.

«А под холмом, прижат к стене откосной.

Был храм, где чтился Марс Оруженосный.

Из вороненой стали весь отлит:

А длинный вход являл ужасный вид...»

Митч услышал тихий шорох за спиной, обернулся и обнаружил Катсулоса. Катсулос улыбался, но выражение его глаз заставило вспомнить взгляд статуи Бога Войны.

— Вы знаете древний язык, Спейн? Могу предложить перевод. — И он подхватил строку, напевно и грозно-ритмично:

«Там мне предстал Измены лик ужасный,

Все происки и Гнев багряно-красный,

Как угли, раскаленные в кострах,

Карманная Татба и бледный Страх,

С ножом под епанчою Лыстец проворный.

И хлев горящий, весь от дыма черный.

И подлое убийство на постели,
Открытый бой, раненья, кровь на теле...»

— Слушайте, кто вы такой? — сердито сказал Митч: пора назвать кошку кошкой. И еще он старался выиграть время, потому что за поясом у Катсулоса был пистолет. — Вам то что до этого? Какая-то новая религия?

— Не какая-то! — Катсулос покачал головой, не спуская с Митча пылающих глаз. — Не мифы о забытых богах, не бледная этическая система пыльных философских кабинетов, нет! — Он шагнул к Митчу. — Спейн, времени на красноречье не остается. Скажу одно — храм Марса открыт для вас. Новый бог творенья примет вашу жертву и вашу любовь.

— Вы молитесь этой бронзовой статуе? — сказал Митч, внутренне готовясь к рывку, слегка перенося вес на толчковую ногу.

— Нет! — воскликнул фанатик. — Это наш символ, не более. Наш бог реален и достоин поклонения. Он сражается не мечом, но смертоносными лучами энергий, ракетами, и слава его ослепительна, как вспышка сверхновой звезды. Его создала жизнь, и он теперь имеет право питаться жизнью. И мы, предаваясь его власти, обретаем в нем бессмертие, хотя плоть наша испаряется в соприкосновении с богом!

— Я слышал, что есть такие, кто молится берсеркерам, — сказал Митч. — Но как-то не ждал встретиться с одним из них.

Где-то снаружи послышались крики, топот чьих-то ног. К кому спешит подкрепление? К нему или к Катсулосу?

— Скоро наши люди будут везде, — воскликнул Катсулос. — Сейчас мы берем корабль под контроль. С его помощью мы спасем часть нашего бога, попавшую в плен на орбите гипермассы. А зложизнь Карлсена мы отдадим Марсу, потом отдадим себя. И в нашем боге мы будем жить вечно!

Катсулос увидел лицо Митча, и рука потянулась к пистолету. В это мгновение Митч прыгнул на фанатика.

Катсулос попытался увернуться, и оба рухнули на пол. Митч видел дуло пистолета, медленно, как во сне, поворачивающееся на него, и поспешил нырнуть за ряд кресел. Выстрел разнес спинку в щепки. Секунду спустя, пригибаясь, зигзагами Митч уже влетал в храм Венеры, чтобы тут же выскочить через вторую дверь. Прежде, чем Катсулос успел прицелиться для второго выстрела, Митч прыгнул, чуть не полетев кувирком вниз по лестнице.

Выскочив в коридор, он услышал выстрелы. Стреляли, кажется, где-то возле кают экипажа. Он поспешил в противоположную сторону, к каюте Хемпфила. За поворотом путь преградили агент в черном, направил ему в живот ствол пистолета, но Митч, не теряя и десятой доли секунды, атаковал, используя преимущество внезапности. Пистолет выстрелил, Митч успел ударить по руке стрелявшего и всей своей массой сбить противника с ног. Оседлав агента, Митч нанес несколько ударов в голову, кулаком и локтем, пока противник не потерял сознание. Потом, захватив пистолет в качестве трофея, Митч поспешил к двери Хемпфила, которая скользнула в сторону прежде, чем он успел постучать, и заняла свое место, едва он успел впрыгнуть в каюту.

Мертвец в черной форме сидел на полу. Вся грудь его была усеяна дырами от пуль.

— Добро пожаловать, — сухо сказал Хемпфил.

Он стоял, положив левую ладонь на консоль пульта, выдвинутого из потайного отверстия в рабочем столе. В правой руке он небрежно сжимал большой пистолет-автомат.

— Кажется, обстановка сложнее, чем мы предполагали.

Люсинда сидела в полумраке каюты, служившей Джорю тайником, смотрела, как он ест. Сразу после побега Джор она принялась обходить коридоры и переходы корабля, шепча его имя, пока Джор ей не ответил. После этого она тайком приносила ему еду и воду.

Он был старше, чем ей показалось вначале, — примерно одних с ней лет, с тонкими морщинками возле настороженных глаз. Самое парадоксальное: чем больше она ему помогала, тем подозрительнее он относился к ее помощи.

Проглотив очередной кусок, Джор спросил:

— Что ты намерена делать, когда мы прибудем к Ногаре и этот корабль вывернут наизнанку, чтобы меня найти? Они меня найдут рано или поздно.

Она хотела рассказать Джору о плане спасения Карлсена. Как только Карлсен окажется на борту «Нирваны-2», Ногара будет им не страшен. Но поскольку Джор проявлял явное недоверие, она не решалась выдать ему секрет.

— Но ты же знал, что все равно поймают, — сказала она. — Зачем же убегал?

— Ты не представляешь, что это такое: быть у них пленником.

— Я знаю, что это такое.

Он не обратил внимания на возражение.

— Они меня тренировали драться на арене, вместе с другими пленными. Потом выделили, стали готовить к чему-то еще худшему. Теперь им стоит только нажать на специальную кнопку, и я начинаю убивать, как берсеркер.

— Что ты хочешь сказать?

Он закрыл глаза, забыв о еде.

— Кажется, они готовят убийство одного человека моими руками. Каждый день они отводили меня в храм Марса, доводили до умопомрачения, потом выпускали робота-манекена этого человека. Всегда в одной и той же форме, с одним и тем же лицом. И я убивал его — мечом, из пистолета, голыми руками. Они нажимают на кнопку, и я теряю контроль над собой. Они опустошили мой мозг, заполнили его искусственной ненавистью. Они безумцы. Я уверен, они сами ходят в храм и перед бронзовым идиолом купаются в волнах ненависти.

Раньше он так много никогда не говорил. Она не знала, правда ли это, но чувствовалось, что сам он во все рассказанное верит. Она дотронулась до его руки.

— Джор, я знаю, что это за люди. Я потому и помогаю тебе. И я видела других, со стертым сознанием. Не бойся, на самом деле они не разрушили твой мозг, и ты сможешь выздороветь.

— Они хотят, чтобы я выглядел, как нормальный человек. — Джор открыл недоверчивые глаза. — А почему ты оказалась на корабле?

— Потому что... Два года назад я встретила Йохана Карлсена. Да, того самого. Всего десять минут, но... если он еще жив, он наверняка забыл меня, но я... влюбилась в него.

— Влюбилась! — фыркнул Джор и принялся ковырять в зубах.

Или я так думала, сказала сама себе Люсинда. Глядя на Джор, стараясь понять его мрачное недоверие, она обнаружила, что не может вызвать в памяти лица Карлсена.

Джор, чьи нервы находились в постоянном напряжении, вдруг вскочил и осторожно выплянул из каюты в коридор.

— Что за шум? Слышишь? Похоже, где-то дерутся.

— Итак, уцелевшие члены экипажа забаррикадировались в каютах, — сказал Хемпфил еще более мрачным, чем обычно, голосом. — Атака не прекращается. Эти чертовы поклонники берсеркеров держат мостик, машинное отделение. Корабль практически в их руках, не считая вот этого. — Он похлопал по пульта, выдвинутому из обширного рабочего стола лорда Ногары. — Я знаю Фелипе Ногару и, когда увидел агентов полиции на борту, решил поселиться в его каюте, где наверняка должно было найтись что-то подобное.

— А что это за пульт? — сказал Митч, вытирая руки. Он только что отволол убитого в кладовую. Катсулос совершил серьезную ошибку. Ему не следовало посылать всего лишь одного человека к адмиралу Хемпфилу.

— Полагаю, этот пульт может блокировать любые команды с мостика или машинного отделения. С его помощью я могу открывать почти все двери и люки на корабле. А этот небольшой экран соединен с сотней потайных камер. Берсеркеролюбы, если не выкурят нас отсюда, не смогут управлять кораблем.

— Боюсь, мы тоже мало что сможем сделать, — вздохнул Митч. — Ты не знаешь, что с Люсиндой?

— Нет. Возможно, она и Джор на свободе, но рассчитывать на них не стоит. Смотри, Спейн. — Хемпфил показал на экранчик.

— Это помещение под ареной. Если все эти камеры заняты, тогда здесь заключено до сорока пленников.

— Хорошая идея. Они тренированные бойцы и, думаю, нежных чувств к черным мундирам не должны испытывать.

— Я мог бы обратиться к ним прямо отсюда, — задумчиво сказал Хемпфил. — Но как нам их освободить и вооружить? Замки отдельных камер мне не подконтрольны, хотя я могу на время изолировать эту зону от противника. Как это все началось? Расскажи мне.

Митч рассказал Хемпфилу все, что ему было известно.

— Просто смешно. У заговорщиков был план, аналогичный нашему: захватить корабль, но спасти не Карлсена, а берсеркера. Карлсена они, естественно, хотят отдать берсеркеру. — Он покачал головой. — Полагаю, Катсулос лично отбирал сектантов для этой операции. Их, должно быть, больше, чем мы думали.

Хемпфил пожал плечами. Наверное, он хорошо понимал фанатиков в черных мундирах. Он сам был фанатик, только с другим, полирным знаком.

Люсинда теперь не отпускала Джора от себя. Как преследуемые животные, они пробирались по коридорам, которые Люсинда, пока искала Джора, успела изучить. Они обошли зону, откуда слышались выстрелы.

Джор заглянул за угол.

— Никого, — прошептал он. — Возле комнаты охранников пусто.

— Но как ты войдешь? И возможно, кто-то из стервятников затаился внутри. У тебя нет оружия.

Он беззвучно засмеялся.

— А что мне терять? Жизнь? — И исчез за поворотом.

Пальцы Митча крепко сжали ладонь Хемпфила.

— Смотри! Это Джор! У него та же идея, что и у тебя. Скорей открой ему дверь.

Стены храма Марса были уже освобождены от большей части панелей с картинами. Два техника в черных мундирах работали с показавшимися из тайника частями механизма, а Катулос сидел возле алтаря, наблюдая за маневрами Джора на собственном сканирующем экране. Когда Джор и Люсинда проникли в комнату охраны, Катулос хищно подался вперед.

— Быстро, сфокусируйте на нем луч! Вскипятите ему мозги! Он перебьет их всех, а мы успеем справиться с остальными.

Два помощника принялись спешно выполнять приказ, подключая кабели и разворачивая направленную антенну. Один спросил:

— Это тот, кого готовили для покушения на Хемпфила?

— Да. Его ритм-карта в машине. Фокусируйте луч, живее!

— Освободи их и вооружи! — приказал Хемпфил с экрана в комнате охранников. — Слушайте меня, бойцы! Сражайтесь на нашей стороне, и я обещаю освободить вас, как только корабль будет под нашим контролем. И я обещаю, что с нами будет Йохан Карлсен, если он не погиб!

Обещание свободы вызвало восторженный рев пленников, а имя Карлсена — еще один взрыв восторга, не менее мощный.

— С ним мы отправимся даже на Эстил! — крикнул один из заключенных.

Луч поймал Джора в тот момент, когда он искал

нужные ключи. Никто другой его не почувствовал — остальные пленники не проходили специальной обработки и были слишком возбуждены.

Джор понимал, что происходит, но был бессилен. В приступе слепой ярости он отшвырнул ключи, схватил автомат со стеллажа. Первая очередь разнесла экран с изображением Хемпфила.

Частью сознания, которая еще принадлежала ему, Джор испытывал агонию тонущего: он знал, что сопротивляться бесполезно.

Когда очередь из автомата превратила экран в осколки, Люсинда поняла, что происходит с Джором.

— Нет, Джор! Не надо! — Она упала на колени перед ним. На нее смотрело ожившее лицо Бога Войны, и ничего более страшного она в жизни еще не видела. Но она закричала в бешеное лицо Марса:

— Джор! Остановись! Я люблю тебя!

Марс засмеялся — или попробовал засмеяться, но автомат не поднялся. Джор, напрягая все силы, боролся за власть над своим сознанием и телом.

— И ты любишь меня, Джор, я знаю. Если даже они заставят тебя убить меня, знай об этом!

Джор, цепляясь за последнюю соломинку ясного сознания, почувствовал поток энергии, исцеляющий, дающий защиту от ужасного воздействия Марса. В его мозгу танцевали картины, виденные однажды в храме Венеры. Конечно же! Там должен находиться ментальный излучатель противоположного знака, и кому-то удалось его включить и сфокусировать луч.

Он сосредоточился, напрягся. Он сам не знал, что способен на такое усилие. А потом, глядя на лицо Люсинды у своих ног, напрягся еще раз.

Он воспарил над океаном темно-красной ярости, как пловец, уже задыхающийся, выныривает из волн. Он посмотрел на автомат в своих руках. Он заставил пальцы разжаться. Марс кричал, понукал, принуждал все громче, но и сила Венеры увеличивалась. Автомат упал на пол.

После того, как гладиаторы были выпущены из камер и вооружены, бой быстро кончился. Никто из сектантов не пытался сдаться.

Катсулос и двое помощников заперлись в храме Марса и сражались до последнего, включив на полную мощность излучатель ненависти, распевая свой гимн. Возможно, Катсулос еще надеялся привести атакующих в

состояние самоубийственной ярости или это была жертва их богу.

Какова бы ни была причина, но трое сектантов в храме испытали полный эффект на себе. Митч всякое видел в жизни, но когда они, наконец, ворвались в храм, ему пришлось на несколько секунд отвернуться.

Зато Хемпфил был удовлетворен концом культа берсеркера на борту «Нирваны-2».

— Сначала проверим мостик и машинное отделение. Потом нужно будет здесь прибраться.

Митч с радостью покинул храм, но по дороге был остановлен Джором.

— Это вы включили контр-проектор? Если так, то я ваш должник... Вы спасли не только мою жизнь.

Митч уставился на Джора, ничего не поняв.

— Контр-проектор? О чем речь?

— Но ведь должен же быть...

Митч поспешил за Хемпфилом, а Джор остался на арене, озадаченно глядя на тонкие стенки храма Венеры, где невозможно было спрятать тайный излучатель. Потом он услышал голос девушки и, покинув арену, поспешил на зов.

Над ареной повисла тишина.

— Режим тревоги отменяется, — произнес голос станции интеркома, обращаясь к пустым рядам кресел. — Протокол корабля вернулся в нормальный режим функционирования. Последний вопрос был о замысле конструкции храма. В произведении Чосера относительно храма Венеры сказано:

«Мне все равно, как мы закончим борьбу:

Они меня или я их поборю.

Лишь деву мне бы сжать в тисках объятий!

Ведь сколь ни властен Марс, водитель ратей,

Но в небе ты владеешь большей силой.

Коль ты захочешь — завладею милой.»

«Люди всегда проецировали свои убеждения, верования или чувства на окружающий мир. Машины могут видеть более широкий спектр электромагнитных волн, могут точно определять частоту колебаний, равнодушные к любви, ненависти, страху.

И все же глаза людей видят больше, чем линзы объективов.»

11

ЛИК БЕЗДНЫ

Прошло пять минут, и, кажется, ничего не произошло. Карлсен понял, что если он и погибнет, то не сейчас. Постепенно его сознание свыклось с этой мыслью, и он осмелился, открыв глаза, взглянуть на окружающее пространство.

Некоторое время после этого он был не в силах шевельнуться: ему казалось, что он сойдет с ума.

Он летел в хрустальном пузырьке шлюпки, имевшей примерно двенадцать футов в диаметре. Прихоть войны забросила его сюда, в глубочайший гравитационный колодец Вселенной.

На дне этого колодца спряталось невидимое солнце такой гигантской массы, что ни один квант света не мог вырваться из тяжелого плена его притяжения. Прозрачная капелька шлюпки, убегая от берсеркера, свалилась в бездну за какую-то минуту. Эту бесконечную минуту падения Карлсен провел в молитве, и ему даже удалось успокоиться — он считал себя фактически мертвым.

И вдруг падение прекратилось. Похоже, капсула вышла на орбиту — орбиту фантастического свойства.

Капсула мчалась над полем битвы: гроза вела войну с закатом. Половину неба занимали кипящие грозные тучи: источником появления этих «туч» была звезда-гипермасса, в миллиард раз превосходившая весом Солнце.

«Тучи» состояли из межзвездной пыли, притянутой гравитацией невидимой звезды. Падая на дно гравитационного колодца, облака пыли накапливали статический электростатический заряд, порождавший почти непрерывные вспышки молний. Ближайшие вспышки казались Карлсену

сине-белыми. Но большей частью молнии были далеко внизу, и свет доходил до Карлсена уже красно-мрачным, усталым от тяжелого подъема вверх по гравитационному обрыву.

Капсула-капля, в которой находился Карлсен, была снабжена автономным генератором гравитации, поддерживавшим ориентацию капсулы, создававшим иллюзию верха и низа, поэтому Карлсен наблюдая за световой битвой сквозь прозрачный пол палубы, на котором покоились его ступни в космических ботинках. Он сидел в массивном универсальном кресле в центре капли. В кресло были вмонтированы пульт и системы жизнеобеспечения. Сквозь палубу виднелись два непрозрачных темных объекта — собственные искривители пространства капсулы, ее двигатели. Все остальное, куда бы ни бросил Карлсен взгляд, состояло из прозрачайшего кристалла, предохранявшего от радиации, но не защищавшего глаза и душу человека от зрелища лика бездны снаружи.

Когда Карлсен более-менее пришел в себя, он попробовал включить двигатели. Как и следовало ожидать, даже их полная мощность ни на йоту не изменила позиции капсулы, с таким же успехом он мог крутить педали велосипеда.

Любое изменение в положении капсулы он заметил бы сразу, потому что каким-то образом шлюпка зависла рядом с узким поясом мелких метеоритов и пыли, лентой охватывавшим пространство оптического горизонта. Впрочем, лента сливалась с другой, образуя более широкую пылевую полосу уже на некотором расстоянии от шлюпки. Эта широкая полоса, в свою очередь, вплеталась в еще более обширный пояс и так далее, уровень за уровнем, и лишь на расстоянии несколько тысяч (или миллионов?) миль просматривалась заметно выпнутая секция титанической кольцевой структуры. Эта дуга, сверкая вспышками молний, словно радуга, исчезала за умопомрачительным горизонтом пылевого одеяния гипермассы. Фантастические очертания пылевых туч на горизонте вырастали прямо на глазах Карлсена — такова была скорость капсулы.

Радиус орбиты, по грубым оценкам Карлсена, не уступал радиусу земной. Но судя по скорости смещения облачных масс, ему предстояло завершить полный оборот минут за пятнадцать. Безумие! Невозможно превысить скорость света в обычном пространстве. А ленты, нити и пояса из пыли и мелких камней наводили на мысль, что

гравитационное поле образовало нечто наподобие силовых линий, как у магнита.

Ленты пыли над головой Карлсена имели меньшую скорость движения, чем его капсула. В проносящихся под ногами потоках он различал отдельные камешки, мелькавшие, словно зубья мотопилы. Масштаб, скорости, формы — все здесь было чересчур огромным для нормального восприятия.

Он сидел и смотрел на далекие звезды над головой. Может, время обратилось вспять и он молодеет? Карлсен не был ученым-физиком или математиком, но решил, что едва ли даже здесь возможна такая шутка Вселенной. Другое дело, что на этой орбите он будет стареть намного медленнее, чем остальные люди.

Он вдруг заметил, что, как напуганный ребенок, сидит съежившись, а пальцы в перчатках мертвой хваткой вцепившись в ручки кресла, затекли. Думая об обычных, рутинных вещах, Карлсен заставил себя расслабиться. Он выбирался из ситуаций и похуже.

Еды, воздуха, воды, энергии для цикла очистки было в избытке: генераторы двигателей для этой цели сгодятся.

Карлсен занялся изучением силовой линии, державшей в плену капсулу. Наиболее крупные обломки камня, достигавшие сравнимых с капсулой размеров, сохраняли относительно постоянную позицию. Фрагменты поменьше дрейфовали в разных направлениях с очень небольшими скоростями.

Он выбрался из кресла, повернулся; один шаг — и он уперся в выпуклую стеклянную стену. Карлсен пытался обнаружить врага. Корабль-берсеркер наверняка был где-то здесь, втянутый на орбиту той же силой, что поймала в ловушку и капсулу Карлсена. Сканеры берсеркера сейчас обращены на пузырек капсулы, фиксируя каждое движение человека внутри: берсеркер знает, что он жив. И если сможет, доберется до Карлсена. Компьютеры берсеркера равнодушны к благоговейному созерцанию грозной красоты вокруг.

Словно подтверждая верность догадки, с берсеркера ударила вспышка луча. Но луч казался странно-серебристым, и сквозь пыль и каменное крошево он пробился всего на несколько ярдов, а потом рассыпался безвредным фейерверком. Туча пыли перед берсеркером стала, казалось, еще гуще. Возможно, это был не первый выстрел берсеркера, но здешнее ненормальное пространство оказалось нетерпимым к энергетическому оружию. Что теперь — ракеты?

Да, ракеты. Он увидел, как берсеркер запускает снаряд.

Карандаш ракеты метнулся в сторону капсулы пламенной стрелой и вдруг исчез. Куда она пропала? Упала в гипермассу? Если да, то скорость падения сделала ее невидимой.

При вспышке второго залпа Карлсен машинально обратил взгляд на нижние уровни, заметил быстрый всплеск пыли на проносившейся под ногами пылевой ленте: у мотопилы вылетел один зубец. Карлсен проводил исчезающий снаряд взглядом, обнаружив, что воспринимает присутствие врага не как угрозу, а скорее, как облегчение, как повод отвлечься от... всего этого.

— О Боже! — вздохнул он, поднимая лицо вверх. Это была мольба, а не знак раздражения. Далеко за пределами медленно тлеющего бесконечного горизонта вздыбились чудовищные тучи-драконы. На фоне черноты пространства их головы мерцали перламутром, словно материализуясь из ничего: они тянулись к гипермассе. Вскоре шеи драконов нависли над миром, истекая радужными волокнами вещества, падавшими в гипермассу жемчужными нитями. А потом возникли туловища драконов, плотные тучи, пульсирующие сине-белым светом молний, зависли над зловеще-красной утробой ада.

Обширное кольцо пыли и осколков, захватившее Карлсена, несло его к пылевым протуберанцам. Должно быть, думал Карлсен, они размерами превосходят тысячу планет, таких, как Земля и Эстил. Пылевая лента, казалось, будет раздавлена, попав в промежуток между тучами, но, приблизившись, Карлсен понял, что расстояние до пылевых образований все еще велико.

Карлсен устало закрыл глаза. Если люди и осмеливались молиться, если у них и хватало духу воображать Создателя Вселенной, то лишь потому, что они не в состоянии представить миллионную долю... нет, не существовало слов, сравнений, чтобы выразить впечатление от окружающего Карлсена.

А что было бы с людьми, верящими только в себя, или вообще ни во что не верящими? Что произошло бы с ними здесь?

Карлсен открыл глаза. Он верил в большую значимость любого самого ничтожного человеческого существа по сравнению с самыми грандиозными солнцами и прочими чудесами Вселенной: он принял решение оседлать собственный суеверный страх.

Тем не менее ему пришлось нелегко, особенно когда

он обратил внимание на поведение звезд. Скорость капсулы позволяла видеть заметный глазам параллакс белоголубых игл — так выглядели все звезды снаружи гравитационного колодца.

Карлсен вернулся к креслу, сел и пристегнулся. Он хотел отвлечься от окружающего, заглянуть в себя. Ну ничего... По крайней мере, у него есть объект для борьбы. Это лучше, чем сидеть и ждать неизвестно чего. Сначала позаботимся о простых потребностях тела. Он напился — вода была хорошая; он заставил себя немного поесть. Если он отсюда выберется, то не очень скоро.

А теперь приступим к делу. Он развернулся в направлении полета капсулы. В полудюжине метров перед ним неподвижно висел обломок скалы солидных размеров; его цепко держала та же силовая линия-орбита. Карлсен тщательно осмотрел обломок, оценил его размеры и вес, потом перенес внимание на следующий. Размеры осколков не превышали размеров капсулы, и, словно прыгая по кочкам, Карлсен добрался взглядом до места, где цепочка терялась, сливаясь с другими силовыми орбитами вокруг гипермассы, — грандиозная и ужасающая демонстрация местных титанических масштабов.

Сознание Карлсена балансировало на грани срыва, как у человека, повисшего над обрывом на кончиках пальцев, как у ребенка, впервые вскарабкавшегося на огромное дерево и увидевшего, что лабиринт сучьев, веток, листьев и лиан — это целая сеть дорог, по которым он должен научиться путешествовать.

Теперь он занялся нижней полосой, — «зубьями мотопилы». Карлсен стал изучать ползущие по небосводу «неподвижные» звезды, его восприятие глубины достигло планетарных масштабов.

Но усталость от пережитого до и после падения в гипермассу взяла свое и Карлсен уснул. Он проснулся рывком, охваченный страхом. Берсеркер не собирался сдаваться. Два серворобота-андроида возились снаружи, у стеклянного люка капсулы. Карлсен нащупал пистолет. Пользы от маленького пистолета мало, но пальцы крепче сжали рукоятку. Карлсен ждал. Ничего другого не оставалось.

Смертоносные машины за стеной стекла выглядели странно — их корпуса покрывала серебристая мерцающая пленка, похожая на иней. Отличие заключалось в том, что «иней» образовался только на лицевой части корпуса и сопровождал движение машин тающими в

пространстве нитями и хвостами, как на фотографиях с большой выдержкой. Но роботы были достаточно вещественны. Их молот колотил в крышку люка... Стоп! У них ничего не получалось с люком. Серебристая паутина местного пространства сковывала их движения, гасила энергию их лазеров, глушила заряды взрывчатки.

Испытав все способы, но так и не проникнув в капсулу, роботы удалились, прыгая от камня к камню, в направлении металлической матери. Серебристые световые нити тянулись за ними, как знак позорного поражения.

Карлсен радостно сопровождал их отступление парой оскорбительных выражений. У него появилась идея открыть люк и выстрелить по ним из пистолета — на нем был скафандр, и если роботы смогли выйти из берсеркера, он сможет открыть люк капсулы тоже, — но потом он передумал. Не стоит зря тратить заряды.

Подсознание подсказывало Карлсену, что в сложившейся ситуации о времени лучше всего не думать. Он не нашел изъянов в этом решении, и вскоре потерял счет часам, дням... неделям?

Он делал упражнения, брился, ел и пил, и испражнялся. Замкнутый цикл системы обеспечения работал прекрасно. И с ним был саркофаг, он мог в любой момент вернуться в долгий ледяной сон — нет уж, спасибо! Его не покидала надежда на спасение. Он понимал, что в момент его падения в гравитационную пропасть не существовало еще кораблей, способных спуститься за ним и вернуться обратно. Но корабли постоянно совершенствовались. День или неделя его личного времени могли означать месяцы или годы для остальной Вселенной. Он знал, что там остались люди, и при малейшей возможности они попытаются его вытащить.

Его внутреннее состояние менялось. От паралича восприятия к восхищению, от восхищения — к скуке. Теперь сверкающие чудеса снаружи не слишком его занимали, и он много спал.

Во сне он увидел себя самого, одиноко стоящего в пространстве. Карлсен смотрел на себя как бы со стороны и с очень дальнего расстояния, на котором фигурки людей превращаются в палочки и точки. Он помахал себе рукой на прощание и ушел в направлении бело-голубых звезд. Он едва разбирал шагающие движения ног, а потом вообще ничего уже не было видно и его фигурка исчезла на фоне лика бездны.

Вскрикнув, Карлсен открыл глаза. В прозрачную стенку капсулы ткнулась спасательная шлюпка, толчок разбудил Карлсена. Сейчас шлюпка покачивалась в нескольких футах от капсулы. Он узнал модель: буквы и цифры на панцире металлического яйца были ему знакомы. Итак, он выдержал. Его нашли. Все позади.

В боку шлюпки открылся люк, и наружу выплыли две фигуры в скафандрах. Они тут же покрылись серебристым «инеем», как те роботы с берсеркера, хотя сквозь забрала шлемов можно было разобрать лица и глаза людей. Они смотрели прямо на Карлсена и ободряюще улыбались.

Они смотрели на него, ни на секунду не отводя глаз.

Они постучали в люк, улыбаясь, пока он застегивал скафандр. Но он не спешил их впускать — он вытащил пистолет.

Улыбки исчезли, теперь люди озабоченно хмурились. Шевельнулись губы, и Карлсен мог догадаться по движению губ о том, что они говорили. «Открой люк!» Он пощелкал регулятором радиокомплекса — ничего.

Погодите, — просигналил он, подняв руку. Он вытащил из гнезда в кресле стилус и блокнот, потом написал: «ПОСМОТРИТЕ ВОКРУГ!»

Наверное, они решили, что он спятил. И чтобы успокоить его, принялись вертеть головами, глядя по сторонам. Над бушующим краем мира поднималось новое войско драконьих голов. Хмурясь, люди посмотрели на драконов, на пролетающие внизу зубья «пилы», на радужные ленты и полосы, заглянули в смертоносный красный ад под ногами, подняли головы к медленно ползущим иглам бело-голубых звезд.

Потом оба, продолжая озадаченно хмуриться, посмотрели на Карлсена.

Он сидел и ждал, с пистолетом в руке. У берсеркера на борту были такие же шлюпки, как эта. Берсеркер умел лепить манекены, внешне очень похожие на людей. Эти двое едва не провели его.

Люди в скафандрах — если это были люди, — откуда-то достали пластиковую дощечку и стилус.

— «МЫ ПРИКОНЧИЛИ БЕРСЕРКЕРА, ЗАШЛИ С ТЫЛА, ВСЕ В НОРМЕ. ВЫХОДИ.»

Карлсен обернулся. Берсеркера не было видно за тучей пыли. Если бы он мог убедиться, что это в самом деле люди...

Они продолжали писать, сопровождая послание энергичными жестами.

— «КОРАБЛЬ ЖДЕТ ЗА ОБЛАКОМ. ОН СЛИШКОМ БОЛЬШОЙ, ДОЛГО НА ЭТОМ УРОВНЕ НЕ ПРОДЕРЖИТСЯ.»

Пауза.

— «КАРЛСЕН, ВЫХОДИ! ЭТО ТВОЙ ШАНС НА СПАСЕНИЕ!»

Карлсен закрыл глаза и стал молиться. Он не хотел смотреть и читать послания. Он боялся, что не выдержит и поверит, бросится в металлические объятия и будет разорван в куски. Когда он открыл глаза, шлюпка и две фигуры исчезли.

Немного спустя — как показалось Карлсену, — внутри пылевой тучи, скрывшей берсеркера, замигали световые вспышки. Бой!? Кто-то нашел оружие, действующее в местном пространстве? Или новая попытка обмануть его? Посмотрим.

Он настороженно следил за приближением второй шлюпки, очень похожей на первую. Шлюпка замерла рядом с капсулой. Наружу выплыли две фигуры в скафандрах, обернутые в серебристые нити и серебристую изморозь.

Записка была уже готова.

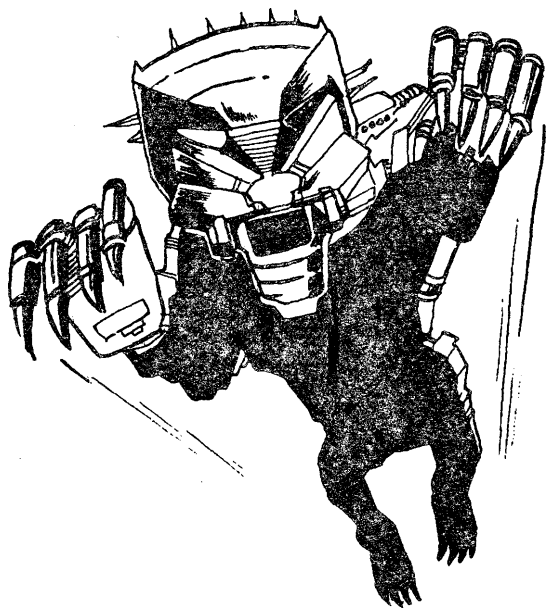
— «ПОСМОТРИТЕ ВОКРУГ!»

Словно стараясь не сердить его, они завертели головами. Наверное, они решили, что он спятил, но он был полностью в здравом рассудке. Прошла минута — но они продолжали смотреть. Один не мог оторвать глаз от ползущих бело-голубых звезд, второй застыл, глядя на проходившую мимо драконью голову. Постепенно страх и робкий восторг сковали их движения: они приникли к прозрачной стене.

Тридцать секунд спустя — нужно было проверить скафандр и шлем, — Карлсен открыл люк, воздух ринулся наружу.

— Добро пожаловать, парни, — сказал он в микрофон шлема. Ему пришлось поддержать одного из них за руку. Но они справились.

БРАТ БЕРСЕРКЕР

1

Лейтенант Деррон Одегард откинулся на спинку кресла и подул на немного вспотевшие ладони. Он был в свободно сидящей служебной форме, на голове — шлем с мягкой подбивкой, и не отрывал глаз от сложного узора зеленых линий на широком, слегка выгнутом экране. Потом Деррон наклонился к экрану и возобновил охоту на врага.

Прошло всего полчаса с начала вахты, а он уже был утомлен до предела. Казалось, вес каждого выжившего обитателя родной планеты невыносимо давит на затылок. Он не хотел лично отвечать за их жизни, но и переложить ответственность в настоящий момент было не на кого. Должность офицера караула давала материальные преимущества, в свободное время он был менее других скован ограничениями военного положения. Но стоит часовому сделать серьезную ошибку во время вахты, и уцелевшее население Сиргола низвергнется в ничто, будет выброшено из реального времени, убито, будет уничтожено так тщательно, как если бы вообще никогда не существовало, — превратится в нереализованную вероятность.

Палыцы Деррона чуть касались клавиш на консоли управления. Глядя на них, можно было отметить изрядную долю искусства оператора, но ничего похожего на любовь к делу. На экране переплетения зеленых следов катодного луча шевелились, подчиняясь воле Деррона, как трава, сквозь которую пробирался осторожный охотник. Эти символические стебли представляли переплетение жизненных линий всех животных и растений, процветавших на определенном участке поверхности планеты в течение нескольких десятилетий в прошлом, примерно двадцать тысяч лет назад. В доисторическом прошлом.

Вокруг располагались кресла и консоли других часовых. Тысячи рабочих пультов вытягивались слегка изо-

гнутыми рядами: их расположение было приятно глазу, успокаивало и незаметно побуждало взгляд дежурного вернуться к экрану. Тот же эффект давали и модуляции освещения — словно легкие облачка иногда проплывали по вогнутым потолкам бункера, и настойчивая психомызыка, шепчущая в наушниках, — легкие мелодии, время от времени поддерживаемые простым тяжелым ритмом. Воздух в бункере, укрытом под многими милями камня в глубине планеты, освежался ветерком, который очень естественно пах то морем, то зелеными полями, со всеми оттенками времен года, растительности и погоды, всего того, что было уничтожено месяцы назад бомбардировкой берсеркеров.

Повинуясь касанию пальцев Деррона, снова зашевелились зеленые линии на экране. Посланные в далекое прошлое инфразлектронные зонды передвигались по команде Деррона, посылая информацию на его экран. Они не трогали ветвей, не вспугивали животных, они парили ни грани реальности, но даже из-за ее границ нащупывали линии той организации материи, которая означала жизнь.

Деррон знал, что приписанный к нему сектор отвечал за удаленную на двадцать тысяч лет в прошлое местность где-то неподалеку от Первой Высадки людей на Сиргол. Но пока следов людей он не встретил. Впрочем, он их не искал. Главное — ни он, ни другие часовые операторы не засекали пока всплеска изменений, означавших атаку берсеркеров. Гигантские корабли-крепости, осадившие планету в настоящем, возможно, не обнаружили пока, что могут вторгаться в ее прошлое.

Как любой хороший часовой, Деррон старался не повторять маршрута, «обходя» пост. Из своего кресла, из комфорта и безопасности, он посылал приказы зондам, перемещая устройства сначала на десяток лет глубже в прошлое, потом на пяток миль к северу, потом на два года вверх по времени и на дюжину миль к юго-западу. Но по-прежнему в символической густой траве на экране не появлялось следов чужака-хищника. У врага, которого он выслеживал, собственных жизнелиний не было и засечь его можно было только по обрыву чужих.

— Пока ничего, — доложил Деррон не оборачиваясь, когда почувствовал, что за спиной остановился старший по караулу. Старший, в звании капитана, постоял секунду, глядя на экран, и, ничего не сказав, пошел дальше. Деррон нахмурился. Он вдруг заметил, что не может вспомнить имени капитана. Ничего, капитан работал у них всего второй день. Завтра его или Деррона могут

перевести в другое место. Мягко выражаясь, Сектор Хроноопераций Планетарной Обороны Сиргола обладал большой организационной гибкостью. Лишь несколько месяцев назад защитники планеты поняли, что осада может перейти в хроновую, а зал хронокараула был приведен в полную боевую готовность всего месяц назад и пока в настоящем бою не участвовал. К счастью, тонкости хроновой были неизвестны и их врагу: нигде во Вселенной, кроме Сиргола, не были возможны путешествия во времени.

Деррон Одегард так и не успел припомнить имени капитана. Первая настоящая битва Сектора Хроноопераций с берсеркерами для Деррона началась с тихого голоса девушки-информатора, который через наушники сообщил, что флот берсеркеров запустил к планете несколько устройств. Их поведение отличалось от поведения обычных ракет: упав на поверхность, они исчезли из поля наблюдения, и хотя экраны засекли их в вероятном пространстве, устройства уходили все глубже в прошлое.

Вот они погрузились на восемь тысяч лет, на десять, на двенадцать и все продолжали уходить в глубину. Часовые пораженных участков были наготове, но враг, казалось, понимал, что за ним бдительно следят. Только после отметки в двадцать одну тысячу лет, когда наблюдать за хроноснарядами берсеркеров стало невозможно, они вроде бы остановились. Но где и когда?

— Внимание, все часовые! — произнес немного нараспев знакомый Деррону голос. — Говорит командующий Сектора. Нам пока известно, что берсеркеры намерены создать десантный плацдарм где-то на уровне минус двадцать одна тысяча. Оттуда они могут подкинуть что-нибудь вверх по линии, а мы не сможем ничего сделать, пока это не прорвется в реальное время или даже пока это не начнет убивать.

Снова заиграла психо-музыка. Несколько минут спустя голос информатора передал лично Деррону приказ изменить систему поиска. Перемещения часовых делались по всей линии, что означало — ожидается прорыв врага в реальное время. Наблюдатели концентрировались вокруг зоны вторжения, не выпуская из-под наблюдения остальные участки: первая атака могла быть отвлекающим маневром.

В последнее время Деррон перестал спешить в убежище, когда ракета врага взрывалась поблизости от подземных жилищ. Страх притупился, и то же самое он испытывал сейчас: его руки автоматически производили нужные манипуляции, как будто во время рутинной учебной

тревоги. Деррона в самом деле мало волновало, когда наступит его смерть, сейчас или позже. И в этом были свои преимущества.

Но от груза ненавистной ответственности избавиться он не мог, и минуты вахты тянулись еще медленнее обычного. Дважды невозмутимый информатор менял Деррону секторы поиска. Потом заговорил командующий, официально подтвердив, что атака началась.

— Держите ухо остро, ребята, — закончил протяжный голос командующего. — И найдите мне эту замочную скважину.

Где-то во времени, глубже двадцати тысяч лет, появилась эта «замочная скважина», проход в реальность, пробитый шестеркой хроноракет берсеркеров.

Если бы люди могли непосредственно наблюдать их появление, они бы увидели шесть машин-убийц, шесть короткокрылых самолетов, возникших из пустоты высоко над поверхностью планеты, и тут же устремившихся в разные стороны на сверхзвуковой скорости.

Едва успев разделиться, машины начали засеивать мир внизу ядом. Радиоактивные вещества, химикаты — трудно сказать, что они применяли. Как и остальные часовые, Деррон видел эффект атаки: вероятность существования жизни в его секторе полетела вниз.

Шесть машин вытравливали жизнь планеты. Если Первые Люди уже там, они погибли. Если они высадятся позднее, то беспомощными детьми будут скитаться по стерильной планете, где не найдут пищи. И потомки Первых Людей, все нынешнее население Сиргола, перестанут существовать. Планета и вся звездная система окажутся во власти берсеркеров.

Шансы на смерть мира росли. В каждой живой клетке на планете поднимался темный прилив небытия. Зловещую перемену регистрировали экраны часовых.

Многочисленные векторы этой перемены тут же были обработаны в мозговом центре Хроноопераций компьютерами и людьми. Информации у них теперь было море, и через двадцать минут реального времени компьютеры доложили, что «замочная скважина» обнаружена.

На втором уровне катакомб бункера ждали своего часа тупоносые оборонные ракеты, в паутине сложных систем запуска и управления. Стальные манипуляторы выдвинули из стеллажа одну ракету, на темном каменном полу под ней возник серебристый круг, мерцавший, как вода в озере.

Металлические пальцы разжались, и ракета упала в ртутный круг, исчезла. Одна сумма сил переносила ее в

прошлое, другая посылала в виде вероятностной волны вверх, сквозь мили скал, в стратосферу, прямо к «замочной скважине», и Деррон увидел, как смертоносные изменения на экране вдруг пошли в обратную сторону, как пущенная назад киноплёнка.

— Точно в скважину! — воскликнул командующий. Слова он больше не растягивал. теперь шесть машин берсеркеров разделили пространство прорыва в реальность с атомным взрывом. Взрыв аккуратно возник точно в этом месте и точно в нужный момент.

Волны смерти на всех экранах начали отступать, ликование громким шепотом прокатилось вдоль консольных рядов, и хотя осторожность и дисциплина приглушали радость, часовые подмигивали друг другу, улыбались, и Деррон тоже. Так было легче — не выделяться, быть как все. Кроме того, он и в самом деле гордился хорошо выполненным делом.

Вахта завершилась спокойно, и стало ясно: первая попытка берсеркеров развязать хроновую пресечена.

Но проклятые машины не отступят, подумал Деррон. Они никогда на отступают. Вспотевший, усталый, не утруждая себя улыбкой, он уступил кресло часовому следующей вахты.

— Неплохо вы поработали сегодня, — с завистью сказал сменщик.

Деррон позволил себе вымученно улыбнуться.

— Теперь и у вас есть шанс прославиться.

Он прижал подушечку большого пальца к нужному месту на сканере, и сменщик сделал то же самое. Официально освободившись от вахты, Деррон устало направился к выходу вместе с потоком других часовых. Кое у кого лица были такие же утомленные и урюмые, как и у Деррона. Но выйдя из зала, за пределы зоны тишины, люди начали собираться в шумные веселые компании.

Деррон встал в очередь вернуть обойму с записью дежурства. Потом еще одна очередь — на короткий устный доклад послевахтенному офицеру. И после этого он был свободен. Как будто свобода имела в эти дни для сиргольцев значение, подумал он.

Огромный пассажирский лифт поднял его из глубин камеры уровня Хроноопераций на жилой уровень подземного города. Но и здесь мили скальных пород нависали над головой.

На жилом уровне не было таких же идеальных условий, как в караульном зале. Воздух был затхлый, зачастую просто воняло. Серые улицы-коридоры освещались по минимуму. Украшения сводились к плакатам и лозунгам:

от имени правительства они призывали напрямь все силы для победы, обещали скорое наступление перемен к лучшему. Улучшения в самом деле постепенно происходили. Месяц за месяцем воздух становился свежее, еда немного разнообразнее и вкуснее. Казалось, владея неисчерпаемой энергией водородного синтеза, потреблявшего минералы горных пород, гарнизон планеты мог бесконечно долго держаться в осаде, к тому же — при возрастающем комфорте.

Сейчас Деррон шагал по одному из главных коридоров-магистралей. Его офицерская холостяцкая комнатка была одной из ячеек, которые, чередуясь с магазинами и учреждениями, составляли стороны улицы. Коридор был высотой в два этажа и шириной не уступал любой главной улице в любом большом городе погибшего наружного мира. В центре бежали движущиеся дорожки, пары полицейских в белой форме проверяли у пассажиров документы: Планетарное Командование явно охотилось за отлынивающими от работы.

Широкие пешеходные плоскости по сторонам дорожек были полны людей, как и всегда. Мужчины и женщины в рабочей униформе, до зуда в зубах похожие друг на друга, спешили на работу или возвращались домой, не спеша, но и не слишком медленно. Лишь стайка детишек, выпущенная на свободу из школьного класса, выказывала избыток энергии. Те немногочисленные счастливицы, которые располагали свободным временем, просто гуляли или стояли в очередях перед магазинами и заведениями развлечений. Заведения, сохранившие хотя бы частично частный характер, были намного популярнее правительственных.

Одна небольшая очередь выстроилась перед местным отделением Землепродажи. По сути, это была часть коридора, отгороженная стеклом и проволокой. Деррон посмотрел на сонных клерков, на выставку покоробившихся плакатов и жалких моделей. На плакатах в ярких, как предполагалось, красках был представлен план послевоенного восстановления поверхности.

«СЕГОДНЯ МОЖЕШЬ ПОЛУЧИТЬ ЗЕМЛЮ, КОТОРАЯ ПОНАДОБИТСЯ ТЕБЕ ЗАВТРА!»

Земли хватало. Хуже было с пищей и водой. Но Землепродажа исходила из здравой мысли, что когда-нибудь — после победы, — наступит хорошая новая жизнь, с новой хорошей атмосферой и новыми океанами — их придется выжимать из недр планеты, или доставлять материалы с внешних планет-гигантов системы Сиргола.

Люди в очереди имели знаки различия всех званий и

классов. теперь их объединяло то, что в мирную эпоху называлось предвкушением. Деррон сбавил шаг, чтобы посмотреть на этих людей. Неужели они забыли, что планета мертва? Настоящий мир убит, кремирован, вместе с девятьюдесятыми населения.

Нельзя сказать, что это соотношение очень трогало Деррона. Или кого-то вообще. Отдельного человека в первую очередь волнует он сам.

В памяти всплыло любимое лицо. Деррон устало вздохнул, отвернулся от очереди легковых простаков, ждущих случая укрепить легковёрность.

Он пошел к своей ячейке, но вдруг на перекрестке повернул в боковой коридор, узкий, плохо освещенный, всего с несколькими дверями и окнами. Но в сотне шагов впереди он заканчивался аркой, окаймляющей живую зелень настоящих деревьев. Сейчас в парке должно быть малоллюдно.

Он едва вошел в коридор, как скалу под ногами пронизала дрожь взрыва. Две красные птички в парке заметались среди ветвей. Деррон сделал еще три шага, и до него докатился глухой тяжелый раскат грома. Близкое попадание небольшой ракеты. Осадивший планету флот бросал вниз вероятностные волны. Иногда они пробивали защиту и мили камня и, превращаясь в ракеты, взрывались поблизости от подземных укрытий.

Деррон не спеша прошел коридор и остановился, облокотившись на перила из настоящего дерева, глядя в парк с высоты двух этажей. Парк имел площадь в десяток акров. С шестизэтажной высоты «небесного» купола сияло искусственное солнце, неотличимое от настоящего, заливая веселым светом траву, кусты, разноцветных пичуг. Парк пересекал ручеек свежей воды. Сегодня уровень понизился, бетонные стенки наполовину обнажились.

Год назад — целую жизнь тому назад! — когда существовал настоящий мир, Деррон не был любителем природы. Прогулка на свежем воздухе время от времени, не больше. Он спешил окончить учебу, заняться работой историка профессионально. Жизнь он посвятил текстам, фильмам, записям на лентах и академическим занятиям и продвигался вперед по научной лестнице. Даже во время прогулок и каникул он предпочитал исторические места... Снова всплыло в памяти лицо любимой, и Деррон усилием воли заставил себя думать о другом.

Год назад карьера историка сулила необыкновенные возможности. Намеки физиков на возможность манипулирования уникальным пространством-временем Сиргола наэлектризовали научную общественность. Возможно,

впервые человечество сможет увидеть свое прошлое. Всего год назад война с берсеркерами казалась далекой. О, да, война — это ужасно, но затрагивала она другие миры, на расстоянии многих световых лет. Несколько десятилетий назад Земля передала предупреждения, и создание планетарной обороны Сиргола было рутинным фоном жизни для молодого честолюбивого студента.

Деррону вдруг пришло в голову, что за последние месяцы он узнал об истории больше, чем за все годы учебы. Тривиально, но факт. Пользы, конечно, никакой... Если бы он узнал, что наступают последние минуты истории Сиргола, он бы отправился в один из парков с припасенной бутылкой вина и завершил бы Историю любым количеством тостов, которое позволит оставшееся время, за все погибшее и погибающее.

Усталость и напряжение вахты только начали уходить, как бы просачиваясь сквозь ладони в отполированное прикосновениями дерево поручня, и он совсем забыл о недавнем взрыве. И вдруг в парке появился первый раненый.

Он вылез из люка на уровне травы. Форменной куртки на нем не было, одежда обгорела, висела ключьями. Одна рука была обожжена и распухла. Покачиваясь, словно плохо видя, человек пошел среди деревьев и, как актер в старинном фильме из жизни в лесах, припав к ручью, начал жадно пить.

Из того же люка появился второй, постарше, несколько полноватый. Наверное, какой-то клерк или администратор, с балкона не было видно знаков различия. Ран на нем не было видно, но вид у пострадавшего был растерянный, он явно не понимал, куда попал. Время от времени он поднимал к ушам ладони, будто оглох или просто удивлялся, что голова все еще на плечах.

Потом, придерживая оторванный кусок кожи на голове, появилась стонущая полная невысокая женщина. Потом еще одна женщина. Раненые и даже покалеченные люди начали чередой выбираться на траву, и фальшиво мирную тишину парка наполнил трагический хор стонов и жалобных голосов.

Снизу донесся шум тяжелых машин, команды. Контроль Повреждений не терял времени. Раненых явно отослали наверх в парк, чтобы не мешали аварийникам с ремонтом. В парке теперь было около двух десятков пострадавших.

Среди раненых была девушка лет восемнадцати-двадцати, и от обычной хлопчатобумажной униформы на ней

остались лохмотья. Она прислонилась к дереву, не могла дальше идти. Сквозь разорванную форму...

Деррон зажмурился, стора от стыда, отвернулся. Хорошо же он выглядит со стороны: древний тиран, забавляющийся страданиями людей, глазеющий на девушку в разорванной одежде и оценивающий ее привлекательность! Нет, так ему скоро придется решать, на чьей стороне он сражается!

С балкона вниз вела лесенка, и Деррон мигом слетел на траву. Человек с ожогами купал распухшую руку в прохладном ручье, остальные пили. Кажется, кровью никто не истекал, но девушка вот-вот должна была упасть.

Стащив куртку, Деррон набросил ее на плечи девушки, помог отойти от дерева.

— Где у вас болит?

Она покачала головой, что-то пробормотала. Лицо ее было ужасно бледным, возможно, сказывался шок, и Деррон попробовал усадить девушку на траву. Она садиться не хотела, и они протанцевали странный танец, сохраняя равновесие. Девушка была высокая, стройная, действительно очень привлекательная, но не стандартная красавица. Волосы ее были подстрижены, как у большинства женщин в последнее время — такая прическа пропагандировалась правительством.

Она пришла в себя довольно быстро, с удивлением посмотрела на куртку, на Деррона.

— Вы офицер, — тихо сказала она, глядя на воротник со знаками различия.

— В некотором роде. Вам лучше где-нибудь прилечь.

— Нет... я шла домой... или куда-то... Вы не скажете, где я? Что происходит? — она говорила все громче.

— Кажется, попадание ракеты. Слушайте, как офицер, я приказываю — садитесь.

Она вновь не захотела садиться и они опять протанцевали несколько па.

— Нет. Сначала я должна выяснить... Я не помню, кто я и где я, и почему!

— И я тоже. — Это была чистая правда, уже довольно давно Деррон не говорил так искренне. В парк вбегали люди, прохожие, врачи, старались помочь раненым. Девушка изумленно озиралась.

— Ну хорошо, милая, тогда я проведу вас в госпиталь. Здесь недалеко. Нужно спуститься лифтом. Пойдемте.

Девушка охотно пошла рядом, держа Деррона за руку.

— Как вас зовут? — спросил Деррон в лифте. Пассажиры косились на девушку и куртку.

— Я... не знаю! — Обнаружив, что имя пропало, она испугалась по-настоящему. Рука потянулась к шее, но удостоверения там не было. Правда, многие не любили их носить, невзирая на требование правительства.

— Куда вы меня везете?

— Я же сказал, в госпиталь. Вас нужно осмотреть, перевязать. — Деррон был не прочь пошутить, чтобы остальные перестали глазеть.

Они вышли на нижнем уровне. Еще несколько шагов — и они очутились у аварийного входа в госпитальный комплекс. Уже прибывали другие жертвы взрыва, многих доставляли на носилках, приемный покой был забит людьми. Пожилая сестра начала снимать куртку Деррона, и остатки униформы девушки окончательно расплзлись: она слабо взвизгнула, и сестра поспешила захлопнуть полы куртки.

— Придется вам вернуться за курткой завтра, молодой человек.

— Прекрасно.

После этого, в толчее санитаров с носилками, среди сновавших людей, Деррон только и смог, что помахать девушке на прощанье, а потом его вытеснили в коридор. Он пошел прочь, улыбаясь, вспоминая медсестру и куртку, словно отличную шутку. Давно ему уже не приходилось улыбаться.

Улыбка еще не покинула его, когда он нырнул в дверь комплекса Хроноопераций, чтобы взять в своем шкафчике запасную куртку. На табло информации ничего новенького не появилось. Деррон в очередной раз подумал, не попросить ли о переводе, чтобы не сидеть по шесть часов в день в смертельном напряжении. Но, кажется, те, кто рапортов не подавал, переводились так же часто, как и другие.

Деррон зашел в соседний спортзал для офицеров, сыграл в ручной мяч с однокашником, Чаном Амлингом, теперь капитаном Секции Исторических Исследований. Амлинг был из тех, кто на интерес не играет, и Деррон выиграл стакан эрзац-сока, но предпочел выигрыш не требовать. В спортзале все разговоры вертелись вокруг сегодняшней победы сектора. Когда кто-то упомянул взрыв ракеты, Деррон только сказал, что видел пострадавших.

После душа Деррон и Амлинг и еще пара офицеров пошли в бар на Жилом Уровне. Амлинг предпочитал это место остальным. Майор Лукас, главный психолог-историк Сектора, занял позицию в уютной кабинке и принялся рассуждать о психологических и прочих качествах

новых девушек с местного надуровня, называемого Розовой Подвязкой, с той области, где частное предпринимательство процветало при минимуме вмешательства властей.

Амлинт опять заключил пари на метание дротиков в мишень, на игре в кости и еще на чем-то, где в условиях пари фигурировали девушки из Розовой Подвязки. Деррон к разговору особо не прислушивался и, в отличие от обычных визитов в бар, сегодня улыбался и даже шутил. Он выпил один стакан, свой максимум, и отдыхал, приятно расслабившись среди шума разговоров.

В офицерской столовой он съел обед с аппетитом — это редко случалось с ним. Добравшись, наконец, до своей комнаты-ячейки, он сбросил туфли, растянулся на койке и тут же крепко уснул, даже не вспомнив про снотворное.

Ночью он проснулся, разделся, лег как следует, но тем не менее пробудился раньше обычного, чувствуя свежесть и прилив сил. Маленький циферблат на стене отсека показывал 06:30 Всепланетного Чрезвычайного Времени. Этим утром четвертое измерение на Деррона не давило, и по дороге на вахту он заглянул в госпиталь.

Со вчерашней курткой через руку, он проследовал в указанном сестрой направлении и нашел девушку в кресле в холле. В этот ранний час она могла побыть там наедине с собой.

Она сидела перед телевизором, наивно хмурия лоб и внимая передаче по каналу «Да Здравствует!» — так в обиходе именовали канал госвещания. На ней было новое простое платье и больничные тапочки.

Услышав шаги, она быстро повернула голову, улыбнулась и поднялась навстречу.

— Это вы! Приятно увидеть знакомое лицо!

Деррон взял протянутую ладонь в свою. — Приятно, когда тебя узнают. Сегодня вы намного лучше выглядите.

Она поблагодарила за помощь. Деррон запротестовал — пустяки! — Выключив звук телевизора, они сели поговорить. Деррон назвал себя. Улыбка пропала.

— Если бы я помнила свое имя!

— Да, я говорил с сестрой... У вас потеря памяти, но в остальном вы в порядке.

— Да, я себя хорошо чувствую, не считая памяти. Кажется, физически я не пострадала. И у меня появилось новое имя — Лиза Грей. Для истории болезни пришлось меня как-то обозначить, и они взяли очередное имя из списка, у них есть такой список на подобные случаи.

Наверное, многие теряют память во время взрывов и несчастных случаев. Кроме того, многие документы, карточки потерялись при эвакуации с поверхности.

— Лиза — красивое имя. Вам идет.

— Спасибо, сэр.

Деррон задумался.

— Знаете, я слышал о таких случаях. Люди, попав на путь ракеты, то есть вероятностной волны, теряли память. Это как погружение в прошлое, стираются записи, как на школьной доске.

Девушка кивнула.

— Врачи так и предполагают. Они сказали, что в момент удара я была в группе эвакуируемых с верхнего уровня. Наверное, со мной были родственники, они могли погибнуть вместе с документами. За мной никто не пришел.

Обычная история для Сиргола, но теперь Деррон видел за фактом боль живого человека. Он решил, что лучше переменить тему.

— Вы завтракали уже?

— Да. Здесь есть маленький автомат, если вы хотите перекусить. Я бы, пожалуй, выпила еще немного сока.

Через минуту Деррон вернулся с картонным стаканчиком оранжевой жидкости, называемой фруктовым соком, стаканчиком чая и парой стандарт-булочек и выгрузил еду на низенький столик, пододвинул кресло для себя. Мельком взглянув на озадаченное лицо Лизы, он спросил:

— Вы что-нибудь помните о войне?

— Почти ничего... Наверное, эту часть памяти стерло. Что такое берсеркеры? Кажется, что-то ужасное, но...

— В общем, это машины, — Деррон отхлебнул чая. — Некоторые размерами превосходят любой корабль землян. Но берсеркеры бывают любого размера и формы, главное — все они смертельно опасны. Первые берсеркеры были построены тысячелетия назад разумной расой, о которой мы никогда не слышали. Они предназначались для войны, сведения о которой до нас тоже не дошли.

Их запрограммировали на уничтожение любой жизни на их пути и только Святители знают, как далеко берсеркеры забрались, выполняя программу. — Деррон начал рассказ легким тоном, но теперь слова лились, как из неисчерпаемого источника горечи. — Иногда люди побеждали берсеркеров в сражении, но хотя бы несколько машин всегда выживало. Они прятались среди астероидов у темной неисследованной звезды, строили новые

берсеркеры и возвращались. Их невозможно уничтожить, как саму смерть...

— Не может быть! — невольно воскликнула Лиза.

— Простите, что-то я сегодня начал с утра предаваться фантазиям. — Деррон заставил себя улыбнуться. У него не было права перекладывать на девушку бремя, тяготившее душу. Ведь стоит только начать... — Мы жили на Сирголе, и берсеркеры должны были всех нас уничтожить. Поскольку они всего лишь запрограммированные машины, то это только несчастный случай, такая космическая шутка. Рука Святителя, как говорят. Мстить некому. — Голос перехватило, он быстро допил чай и поставил стаканчик на столик.

— Почему другие колонии не придут к нам на помощь?

— Деррон вздохнул.

— Некоторые сами ведут войну с берсеркерами в своих системах. Чтобы нам помочь, нужен большой флот, а межзвездная политика правил игры не меняет. Надеюсь, в конце концов нам помогут.

Телекомментатор настойчиво жужжал о победах людей на Луне, на экране демонстрировалась соответствующая видеозапись. Самый крупный спутник Сиргола напоминал земную Луну. Задолго до появления берсеркеров лик его был изрыт оспой метеоритных кратеров. За последний год лицо сиргольской луны стало неузнаваемым под ливнем новых ударов. Неужели там еще оставались защитники?

— Я думаю, помощь придет вовремя, — сказала Лиза.

«Вовремя для чего?» — подумал Деррон, но вслух сказал: — Я надеюсь. — Он понимал, что говорит неправду.

Теперь на экране показывали пейзаж дневной стороны Сиргола. Равнины в изломах трещин, плоский горизонт, яростно синее небо — часть атмосферы сохранилась. В центре изображения из засохшей грязи торчали блестящие металлические кости врага-берсеркера, сплющенного энергией оборонных устройств. Когда это было? На прошлой неделе или в прошлом месяце? Еще один удачный удар, который пытается раздуть пропаганда.

Лиза отвернулась от унылого пейзажа, где двигались только серо-желтые вихри пыли.

— Я помню... там, на поверхности, было красиво. Совсем не так, как сейчас.

— Да, там было на что посмотреть.

— Расскажите мне об этом.

— Что ж... — Он улыбнулся. — О чудесных творениях человека или о чудесах природы?

— Наверное, о творениях человека... Ой, не знаю. Ведь человек — часть природы, правильно? Значит, и его творения, в какой-то мере?

В памяти всплыл храм на вершине холма... солнечный взрыв цветных стекол... Нет, лучше не вспоминать, он не выдержит.

— Вряд ли людей можно считать частью природы на этой планете. Вы ведь помните о необычных свойствах местного пространства-времени.

— Вы о Первых Людях? По-моему, я никогда не понимала научных объяснений. Расскажите мне.

— Хорошо. — В голосе Деррона появились нотки профессионального историка, которым он так и не успел стать. — Наше солнце почти не отличается от других звезд класса Ж, у которых встречаются планеты земного типа. Но на этот раз внешний вид оказался обманчивым. То есть, время течет для отдельного человека так же, как и везде, и межзвездные сверхсветовые корабли могут входить и покидать нашу систему — если знают о мерах предосторожности.

— Первым сюда прибыл исследовательский звездолет с Земли. Экипаж, естественно, не мог знать о шутках пространства-времени вокруг нашей планеты. Приближаясь к необитаемому Сирголу корабль провалился в прошлое на двадцать тысяч лет... Такое возможно только на Сирголе и при особых условиях. Одно из них — потеря памяти. Всякий уходящий в прошлое глубже пятисот лет полностью теряет память. Так и случилось с экипажем первого корабля. Они стали нашими легендарными Первыми Людями. Они выползли из корабля, автоматически совершившего посадку, беспомощные, как младенцы.

— Но как они выжили?

— Точно не известно. Инстинкты, счастливая случайность. На Первых Людей мы взглянуть не можем, даже через зонды. К счастью, берсеркеры к ним тоже не могут добраться. Первые Люди — корень эволюции человека на Сирголе, и из будущего обнаружить их невозможно, как ни старайся.

— Я думала, эволюция зависит только от случайных мутаций, частью — полезных, частью — нет, — продолжая внимательно слушать, Лиза откусила от булочки.

— Этого недостаточно. Понимаете, материи присуща организирующая энергия. Материя движется во времени от простого к сложному, уровень за уровнем, все выше над хаосом. Человеческий мозг сегодня — один из пиков

организации, такого оптимистического взгляда придерживаются многие ученые... берсеркеры они сюда, очевидно, не включают. На чем я остановился?

— На высадке Первых Людей.

— Да. Словом, им удалось выжить и увеличиться в числе. Начиная с нуля, они построили цивилизацию. Когда через десять лет по земному времени пришел второй корабль, мы уже имели всепланетное правительство и начали первые полеты в космос. Именно сигналы одного нашего межзвездного зонда привлекли внимание второй экспедиции. Экипаж его был осторожнее, догадавшись, что имеет дело с коварным пространством-временем. Посадка была удачной. Вскоре земляне поняли, что случилось с первой экспедицией, и приветствовали нас, как своих братьев. Они же и предупредили о берсеркерах. Наши представители вместе с ними побывали в соседних системах, посмотрели на войну с машинами-убийцами собственными глазами. Земляне были рады найти четыреста миллионов новых союзников и забросали нас советами, как лучше построить оборону планеты. Восемьдесят лет мы готовились к обороне. А потом, примерно год назад, появился флот берсеркеров. Конец урока, конец истории.

Окончание рассказа Деррона не очень расстроило Лизу. Она отпила глоток эрзац-сока и с интересом спросила:

— Чем вы теперь занимаетесь, Деррон?

— Так, разные разности в Секторе Хроноопераций. Наступление берсеркеров в настоящее время зашло в тупик. Им не выкурить нас из подземных пещер, не высадиться на поверхности, не закрепиться на ней. Они нашли способ путешествовать во времени и теперь, естественно, стараются достать нас через прошлое. Во время первой атаки вниз по линии они старались уничтожить все живое — такова их программа. С этим мы легко справились. Теперь они попробуют что-нибудь посложнее. Например, убить выдающегося человека в прошлом, замедлить наше развитие. Помешают, например, изобрести колесо. Тогда все следующие ступени развития замедлятся, и ко времени прибытия второго разведчика с Земли мы окажемся в средних веках. Никаких радиосигналов, чтобы привлечь внимание. А если они нас обнаружат, у нас не будет современной промышленности, технологии, чтобы создавать планетарную оборону. Мы будем беззащитны. Берсеркеры не встретят сопротивления — и нам конец.

— О! Но как же удастся остановить хроноатаки? Вам ведь удастся?

Нет, рядом с Лизой ему оставалось только улыбаться, и Деррон заметил, что предназначенные для нее улыбки получаются хорошо. Потом он посмотрел на миниатюрную версию времени на запястье.

— Если удача хоть в чем-то зависит от меня, то я должен бежать. А то опоздаю к сегодняшней героической битве.

В это утро офицером-инструктором был полковник Борси. Как и всегда, инструктора он вел с мрачным ликом библейского пророка.

— Как вам известно, вчерашняя операция нейтрализации врага была удачной, — начал он. Указка запрыгала по светящимся символам громадной схемы. Информационная была погружена в полумрак. — Но со стратегической точки зрения ситуация ухудшилась.

Причиной мрачности полковника была необнаруженная точка ниже двадцать первой тысячи лет, где врагу удалось создать плацдарм высадки.

— После трех вылазок в реальность мы получим три вектора и накроем точку плацдарма. Этим мы покончим с хроновойной.

Полковник сделал паузу и выложил коронную фразу:

— Конечно, сначала нам придется отразить три новые атаки.

Младшие офицеры, как и положено, тихо засмеялись. Полковник Борс выключил светящуюся доску со схемой развития человека на Сирголе, похожей на дерево.

Он постучал указкой в самом низу ствола, в корневище из сплошных вопросительных знаков. — Атаку мы ждем именно здесь. Где-то рядом с Первыми Людьми.

Матт, которого звали еще Охотником на Львов, покидал родные места. Он прожил там все свои двадцать пять. Солнце в зените грело голые плечи.

Чтобы лучше видеть равнину впереди, он вскарабкался на обломок камня. Матт и его народ убегали из родных мест. Людей теперь было не больше, чем пальцев на руках и ногах. Они устало брели цепочкой мимо Матта. Молодые, старые, в одежде из шкур. Кроме одежды, им нечего было уносить с собой. В этом переходе никто не хотел отстать, никто не спорил, не предлагал повернуть обратно.

Сквозь струистое марево горячего воздуха Матт хорошо видел уходящие к горизонту болота и голые холмы.

Не очень гостеприимный пейзаж впереди таил опасности — известные и неизвестные, но, как решил совет, вряд ли они встретят там что-нибудь ужаснее тех новых чудовищ, львов со шкурой из блестящего камня, от которых убегало племя. Шкуру новых львов не пробивали стрелы, львы нападали и днем, и ночью, убивали одним взглядом огненных глаз.

За прошедшие два дня львы убили десятерых. Уцелевшим оставалось только спастись бегством, они едва осмеливались остановиться, чтобы попить из лужи или выкопать съедобный корень.

Единственный лук племени Людей висел у Матта на плече. Остальные луки сгорели или были сломаны в стычках с каменными львами. Завтра, подумал Матт, я пойду на охоту в новых землях. Сейчас еды у Людей не было. Самые маленькие иногда плакали от голода, матери зажимали им носы и рты, чтобы они молчали.

Цепочка Людей миновала Матта, он пробежал взглядом по спинам, обнаружил, что одного не хватает, и спрыгнул с камня, нахмурившись.

Он быстро догнал последних в цепочке и спросил:

— Где Дарт?

Нельзя сказать, что Матт следил за людьми Племени, хотя он более всех заслуживал сейчас звания вождя. Просто он хотел знать все, что происходило. Позади были каменные львы, впереди — неведомая земля.

Дарт был сиротой, но уже вырос достаточно, ребенком его не считали, и его исчезновение никого из взрослых не встревожило.

— Он все время хотел есть, — сказала одна из женщин.

— И он убежал к болотам. Искать еду, наверное.

Деррон покупал Лизе завтрак в автомате холла — ее пока не выписывали из госпиталя, — когда система всеобщего оповещения начала передавать список работников Сектора Хроноопераций, которым надлежало немедленно явиться на пост. Он услышал свою фамилию.

Захватив бутерброд, он торопливо попрощался с Лизой, но все равно на посту оказался в числе последних. Полковник Борс нетерпеливо ходил по комнате с неприступным видом.

Вскоре после Деррона явился последний из вызванных. Полковник мог начинать.

— Господа, первая атака с необнаруженного плацдарма началась, как и было предсказано. Скважина, как мы предполагаем, где-то в трехстах годах после наиболее вероятного появления Первых Людей. В реальное время

прорвалось шесть машин. Но на этот раз не самолеты, а наземные устройства, на колесах или ногах-манипуляторах. Их задача — уничтожение отдельных людей. Для людей на ступени неолита они должны быть неуязвимы.

Скважину найти будет трудно, численный урон, наносимый машинами, сильно уступает урону первой атаки.

На этот раз берсеркеры сосредоточатся, скорее всего, на одной, исторически важной группе Первых Людей, или отдельном человеке. На ком именно — мы пока не знаем, но скоро, надеюсь, будем знать. Есть вопросы? Тогда полковник Нилос ознакомит вас с вашей функцией в контратаке.

Нилос, серьезного вида молодой человек с хрипловатым голосом, сразу перешел к делу.

— Все вы, все двадцать четыре человека, получили высший балл по операциям на андроидах с обратной связью. Боевого опыта пока ни у кого нет, но скоро появится. Мне поручено сообщить, что с настоящего момента вы освобождены от остальных обязанностей.

Ну что же, вздохнул Деррон, откидываясь на спинку кресла, я ведь этого хотел. Вот меня и перевели. Тихие восклицания собравшихся свидетельствовали о широком спектре реакций — от радости до испуга. Собравшихся в комнате сержантов и младших офицеров, которые вместе с Дерроном работали в разных секциях Сектора, он почти не знал.

Пока все они переваривали новость, им предложили перейти в соседнюю комнату подготовки и оставили ждать. Потом все вместе спустились на Третий Уровень Сектора — самый глубокий и защищенный из тех, что пока успели выкопать.

Пространство Третьего уровня — зал размерами с самолетный ангар, — пересекал подвесной мостик, подвешенный на солидном расстоянии от пола. С мостика свешивались устройства, похожие одновременно на скаффандры космонавтов и на марионеток, две дюжины мастер-комплексов, в которых Деррону и другим операторам предстояло работать. Под мастер-комплексами аккуратной шеренгой выстроились сервы. Металлические тела их были выше и шире, чем у людей, и техники, сновавшие вокруг сервов, казались карликами.

В небольшой боковой комнате операторы проходили личный инструктаж. им показывали карты района заброшки, снабжали скудной информацией, которая имелаась относительно неолитических полукочевых племен. Эти племена предстояло охранять. После быстрого медосмот-

ра операторы переодевались в трико и выходили на мостик.

В этот момент от высшего командования пришел приказ задержать начало операции. Несколько минут царило замешательство, никто не знал причины задержки. Потом на стене зажегся огромный экран, и его заполнила массивная лысая голова Планетарного Главнокомандующего.

— Парни... — загудел знакомый голос. Командующий нахмурился, глядя в сторону. — Как это? — рявкнул он секунду спустя. — Они ждут меня? Скажите, пусть немедленно начинают. Боевым духом можно заняться потом! Что он себе думает... — и звук исчез вместе с изображением.

На Третьем Уровне снова разгорелась оживленная деятельность. Два техника подошли к Деррону, чтобы помочь забраться в мастер-комплекс. Процесс напоминал надевание глубоководного скафандра. Комплекс казался жутко неуклюжим устройством, пока не включались сервомоторы, но после включения тяжелый корпус и толстые конечности становились чуткими к малейшим движениям хозяина.

— Включаем, — сказал голос в шлеме. Секунду спустя всеми чувствами Деррон был уже в теле сервокомплекса. Серв начал крениться, и, сохраняя равновесие, Деррон передвинул его ногу, так же естественно, как свою собственную. Если бы он поднял голову серва, то увидел бы висящий на кабелях мастер-комплекс и себя внутри.

— Постройтесь в цепочку для запуска.

Металлические подошвы сервов гулко застучали по полу просторной пещеры, все комплексы выполнили поворот налево, выстроились в колонну по одному. Техники быстро разбежались, очищая путь. На полу Уровня перед колонной засветился яркий ртутный диск.

— ... 4... 3... 2... 1... пуск!

С легкостью, говорившей о невероятной мощности, сервы побежали к серебристому диску, исчезая в круге один за одним. Потом и сам Деррон — в лице сервокомплекса — прыгнул на серебристый диск.

Металлические ноги ушли в траву, он покачнулся — грунт был неровный. Он стоял в тени густых крон дикого леса.

Деррон взглянул на компас и сразу передвинулся на открытое место: посмотреть на солнце. Солнце висело низко над горизонтом. Время прибытия значительно — на несколько часов, — расходилось с запланированным. Хорошо, если ошибка не составляет дни, месяцы и даже

годы. Он сразу доложил об ошибке субвокалом, чтобы не выдать через динамик присутствие серва.

— Начинайте обход, Одегард, — сказал следящий контролер. — Мы попробуем вас зафиксировать.

— Вас понял.

Деррон пошел через лес, по спирали. Он внимательно смотрел по сторонам в поисках следов врага или тех людей, защищать которых он прибыл. Но цель «спирали» была в создании «волн» нарушений в линиях жизни растений и животных. Искусный часовой в будущем их заметит и зафиксирует положение Деррона.

Минут десять спустя, когда Деррон вспугнул не менее сотни мелких животных, раздавив не менее тысячи невидимых насекомых в траве и повредив бесчисленное количество листьев и стеблей, безликий голос наблюдателя сообщил:

— Нормально, Одегард, мы тебя засекли. Ты слегка ушел в сторону, но направление правильное, и ты догонишь своих людей. Но ты опоздал часов на пять. Солнце садится, правильно?

— Да.

— Отлично. Держи курс — двести градусов от магнитного севера. Через четверть часа окажешься рядом с подопечными.

— Понял.

Вместо проверки территории, пока на нее не ступят его люди, ему придется их догонять. Деррон решительно зашагал, сверяясь с компасом, чтобы серв не отклонялся от прямого курса. Лесистая местность впереди понижалась, переходила в заболоченную низину. За болотом, в нескольких сотнях метров от серва, поднимались низкие скалистые холмы.

— Одегард, еще один источник возмущений, прямо в твоём секторе. Пока нет точного пеленга. Наверняка один из берсеркеров.

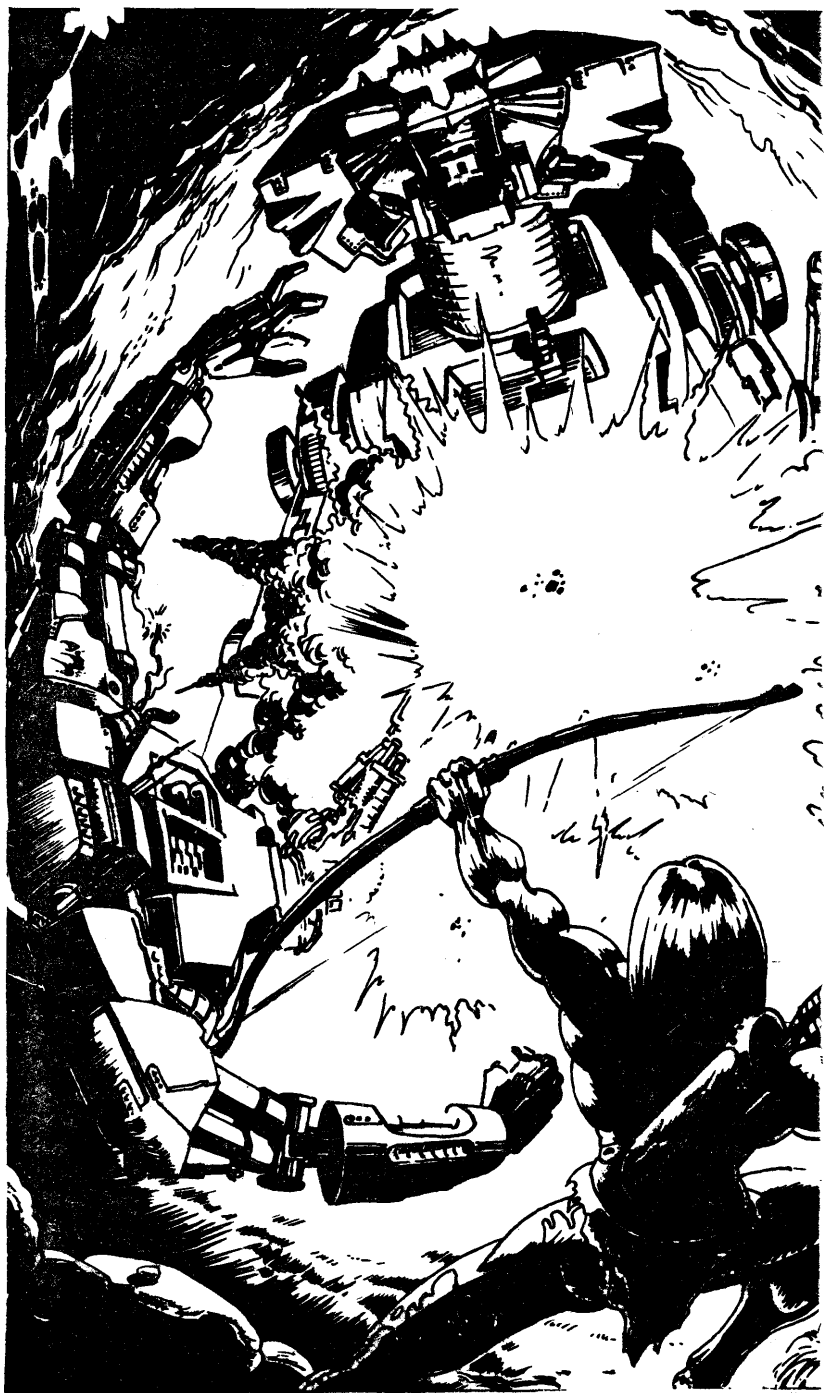
— Вас понял.

Такая работа скорее подходила Деррону, чем неподвижность в кресле часового, но вес ответственности давил так же смертельно тяжело, как и всегда.

Прошло несколько минут. Деррон выбирал место поудобнее, чтобы перейти болотистую местность. И вдруг он услышал сигнал тревоги — полный ужаса крик ребенка.

— Сектор, я что-то нашёл.

Еще крик и еще. Микрофоны-уши серва — точно определяли направление. Деррон бросился бежать, пере-

прыгивая ненадежного вида участки, стараясь одновременно не выдать себя шумом и не опоздать.

Через полминуты он остановил серва. Примерно на расстоянии полета брошенного камня стояло дерево, и на верхушке, крепко вцепившись в ствол, сидел мальчишка лет двенадцати. Как только он переставал кричать, ствол резко вздрагивал, мальчишка скользил вниз и снова кричал. Ствол был толстый, но что-то невидимое из-за кустов трясло его, как былинку. В лесу не было животных с такой силой: в кустах пряталась машина берсеркеров, и она старалась приманить на крики мальчика взрослых.

Деррон сделал шаг, но даже не успел понять, с какой стороны дерева стоял берсеркер. Враг обнаружил серва: из кустов ударил розовый лазерный луч, который выбил сноп искр из брони на его груди. Опустив луч, срезая кусты, враг атаковал Деррона. Деррон заметил что-то приземистое, блестящее, четырехлапое. Он открыл рот, толкнул подбородком встроенный в шлем спуск лазера. Из лба серва ударил луч, нацеленный в точку, куда смотрели глаза Деррона.

Луч угодил в переднюю часть атакующей машины, где выступы металла напоминали черты лица, отразился, превратил в пламя и дым соседнее деревце. Выстрел, очевидно, повредил берсеркера, машина резко вильнула в сторону, нырнула под прикрытие невысокого холмика — травяного возвышения футов пяти высотой.

Два офицера, следившие за операцией по мониторам, начали наперебой отдавать Деррону приказы и советы. Если в них и было разумное зерно, Деррону все равно оставалось одно — действовать по обстановке и собственной инициативе. Немного удивленный собственной агрессивностью, он погнал серва вокруг холма.

Ему хотелось поскорее закончить схватку, каков бы ни был исход. Он мчал серва на полной скорости, беззвучно разевая рот и не прекращая лазерного огня. Вдруг он увидел берсеркера — приземистого, готового прыгнуть, металлического льва. Будь у Деррона лишняя секунда, он бы свернул, но времени не оставалось, и серв врезался в приникшего к земле берсеркера. Деревья вокруг болота содрогнулись.

Через несколько секунд Деррон убедился — антропоморфные машины не годились для этой операции: рукопашный бой не мог привести к победе в схватке с машиной пусть даже равной мощности, но не ограниченной скоростью реакции протоплазменных нервов. Несмотря на всю мощь термоядерной установки, серв не смог разорвать врага от лапы до лапы, как предвкусали

в Секторе. Деррону оставалось только висеть на берсеркере в полунельсоне, пока тот, брыкаясь, как дикий скакун, старался сбросить серва.

Едва схватка началась, чуть ли не все начальство Сектора принялось жадно следить за ее ходом, и каждый считал своим долгом что-нибудь сказать или посоветовать, но у Деррона слушать времени не было: зелень леса все быстрее вертелась перед глазами, мозг уже не успевал разобраться в зеленом водовороте. На тошнотворно застывшую долю секунды он увидел ступни серва, беспомощные, срезающие тонкие деревья в полете. Он не мог повернуть голову и направить циклопический глаз на берсеркера — враг крепко держал шею передней лапой и серв головой пошевеливать не мог. Деррон попытался покрепче ухватиться стальными руками за туловище врага, но зажим был разорван и серв полетел прочь.

Не успел серв рухнуть на грунт, как берсеркер был уже рядом — стремительнее любого бешеного быка. Деррон палил из лазера куда попало. Мысль о том, что его безболезненно топчут и терзают, вызвала отвратительное желание истерически захохотать: еще секунда, он проиграет бой.

Корпус серва содрогался от ударов берсеркера. Но в следующую секунду враг, спасаясь от лазерного луча Деррона бросился наутек, и, прыгая с легкостью оленя, берсеркер скрылся среди деревьев.

У Деррона кружилась голова, он пытался сесть. Серв упал на странный песчаный склон. Деррон тут же понял, почему берсеркер убежал — серв был серьезно поврежден, ноги его волочились как у человека с перебитым позвоночником, но поскольку лазер серва работал, а руки могли нанести повреждения, компьютер берсеркера решил прервать схватку. Не было смысла связываться с покалеченным, но опасным противником в то время, как он мог заняться требованием базовой программы — убивать людей.

В наушники ворвались голоса наблюдателей:

— Одегард, почему вы...

— Ради Святого Имени, Одегард, что вы себе думаете...

— Одегард, почему... Ладно, делайте, что можете!

Щелчок — и наступила тишина. Помчались, наверное, стаей стервятников на другую жертву. По опыту работы в Секторе Деррон мог предположить, что изрядное множество умов сейчас искало пути снять с себя ответственность.

В любом случае, он оставался на боевом посту и серв

годился к работе, пусть и наполовину. Отвращение он чувствовал преимущественно к себе. Желание покончить со всем побыстрее исчезло. Даже страх ответственности пропал. Все, что ему хотелось, — еще раз схлестнуться с врагом.

Приподнявшись на руках, он осмотрелся. Яма со склонами из сырого песка имела наверху диаметр ярдов в пятнадцать. На дне ничего не росло, деревья наверху и вокруг обуглились и дымились, были измочалены во время борцовской схватки с берсеркером.

Где мальчик?

Загребая руками, как лопастями, Деррон втащил серва повыше, выглянул из ямы. Он узнал дерево, на котором спасался мальчик, но самого мальчика не было, ни живого, ни мертвого.

Вдруг песок пополз вниз, и серв съехал на дно, к луже грязной жижи на дне воронки. Наконец-то Деррон понял, куда занесло серва. Ловушка ядовитого копальщика, крупного хищника, истребленного полностью еще в ранней истории. Взгляд Деррона встретился с взглядом пары сероватых глаз на массивной голове. Голова торчала из воды.

Матт стоял за спиной Дарта. Оба с опаской выглядели из кустов, смотрели на воронку копальщика. Остальные Люди отдыхали под прикрытием подлеска в сотне ярдов в стороне, собирая еду — корешки и личинки.

Из-за края воронки Матт разглядел что-то непонятное. Вроде голова, но не копальщика. Очень гладкая, похожая на каплю.

— Это каменный лев, — тихо сказал Матт.

— Нет, — прошептал Дарт. — Это тот большой человек. Я тебе говорил. Каменный человек. Какое они устроили с каменным львом сражение! Но я до конца не видел, я спрыгнул и убежал!

Набравшись решимости, Матт рискнул подойти поближе. Кивком приказав Дарту следовать за ним, он пригнулся и начал пробираться к яме. Матт вовремя занял выгодную позицию и стал свидетелем изумительной сцены: копальщик, страшный хищник, расправлявшийся с любой жертвой ловушки, поднялся из грязи на дне, ударил, но каменный человек просто шлепнул хищника по носу, как непослушного ребенка! Хрюкнув, гадкая тварь плюхнулась обратно в болото.

Человек из сверкающего камня что-то пробормотал. В словах чувствовалась сила, но язык был непонятный.

Человек похлопал по скрученным, видно, раненым, ногам, и руками начал выкапываться из ямы. Песок полетел фонтаном и Матт решил, что человек выползет наверх, хотя это будет нелегко.

— Теперь веришь? — жарко прошептал Дарт. — Он дрался с каменным львом!

— Теперь верю. — Стараясь не выдать себя, Матт отвел мальчишку к остальным Людям. Наверное, сражением двух каменных существ можно было объяснить сгоревшие и сломанные деревья, так озадачившие Матта, и шум, который слышали все люди. Матт с надеждой искал взглядом блестящий труп каменного льва. Тогда Матту было бы легче забыть, что сделал каменный зверь с его двумя молодыми женами.

Спрятавшись среди кустов с остальными членами племени, Матт обсудил положение с наиболее разумными из взрослых.

— Я хочу подойти к каменному человеку и помочь ему, — сказал он.

— Зачем?

Не так-то легко было объяснить, найти нужные слова. Главное, Матт хотел заполучить каменного человека в союзники — лев был еще жив.

Остальные слушали Матта, но продолжали сомневаться. Наконец, самая старая женщина вытащила из кожного мешочка — в нем она хранила еще и семя огня, — косточки пальцев предшественницы. Трижды встряхивала она кости и бросала на грязную землю, потом рассматривала узор. Но каменного человека в узоре не увидела и поэтому ничего не посоветовала.

Решимость Матта росла с каждой минутой.

— Я помогу каменному человеку. Если он враг, он нас догнать не сможет — у него ноги мертвые.

Уши серв-комплекса уловили приближение Людей, хотя те и старались подкрадываться бесшумно.

— У меня гости, — просубвокалировал Деррон. Немедленного ответа от многочисленных начальников он не получил, и это его пока вполне устраивало.

Люди подобрались к яме, самые смелые выглядывали из-за деревьев и кустов, рассматривали серва. Серв поднял голову, Люди поняли, что их видят и вышли из-за укрытий, показывая пустые руки. Деррон, как мог, повторил жест — ему нужна была хотя бы одна рука чтобы держать серва в сидячей позиции.

Люди, кажется, чувствовали себя все увереннее — серв

вел себя мирно. Но самым сильным доводом было жалкое состояние его ног.

Вскоре все племя выбралось на открытое место. Люди перешептывались и с опаской заглядывали в яму.

— Слышите? — просубвокалировал Деррон. — Здесь целая толпа. Достаньте мне лингвиста.

С начала организации Сектора Хроноопераций предпринимались отчаянные попытки как можно больше узнать о языках и диалектах древних племен Сиргола. В прошлое были заброшены зонды со скрытыми микрофонами и телекамерами. Программа выполнялась, ученые прилагали все усилия, но слишком подавлял объем работы. В Современности пока только два человека кое-что понимали в диалектах полукочевых неолитических племен.

— Одегард! — голос в шлеме заставил Деррона вздрогнуть от неожиданности. Кажется, это был полковник Борс. — Не отпускай людей от себя! Даже поврежденный серв для них защита!

— Понял вас, — вздохнул Деррон. — Как там насчет лингвиста?

— Пытаемся найти. Вы в жизненно важном районе... охраняйте племя, пока мы не перебросим в вашу точку второй комплекс.

— Понял.

Да, неолитическому отделу сегодня туго. Но лучше уж быть здесь, в жестянке мастер-комплекса, а не в суматохе перевернутого вверх дном Сектора.

— Такой человек должен много есть, — пожаловался Матту один из мужчин.

— С мертвыми ногами он долго не протянет, — рассудительно заметил Матт. — И много не съест.

Матт пытался уговорить мужчин похрабрее помочь ему вытащить каменного человека. Последний, кажется, ждал их помощи.

Споривший с Маттом привел новые доводы:

— Если он долго не проживет, зачем его вытаскивать? Он не из нашего племени.

— Не из нашего. Но... — Матт искал новые слова, новые идеи. Если нужно, он сам будет вытаскивать каменного человека. Спор помогал ему понять себя самого. Это непонятное существо, спасшее Дарта, казалось Матту частью чего-то того, к чему относились и Люди. Если бы была сообщество всех племен, что-то противостоящее диким зверям и демонам, убивавшим и причинявшим страдания день и ночь!

— А может, здесь живет племя каменных людей, — сказал другой мужчина. Люди мрачно посмотрели на него. — Они будут опасными врагами, но и ценными друзьями.

Идея не произвела впечатления. В жизни племени вражда и дружба значения не имели.

— Этот хочет быть другом, — слышался тоненький голос Дарта.

Старейшая женщина насмешливо сказала:

— Как и любой с покалеченными ногами. Ему нужна помощь. Ты думаешь, он ради тебя дрался с каменным львом?

— Да!

К жужжанию голосов, из-за которых шлем Деррона напоминал внутренности улья, присоединился голос девушки-лингвиста. Она снабдила его далеко не полным переводом спора, разгоревшегося среди Людей, но через пару минут ее отозвали работать с другим оператором. По отдельным репликам Деррон понял, что две установки берсеркеров уже уничтожены, потеряно десять сервов. К тому же, сервы до смерти пугали дикарей, которых должны были защищать, и те разбежались в разные стороны при появлении металлических существ.

— Скажите им, пусть изображают калек, — предложил Деррон. — Ладно, обойдусь без переводчика. Это лучше, чем неправильно переведенные ключевые слова. Как там насчет оружия для Людей? Когда нападут берсеркеры, будет поздно.

Машина, с которой он дрался, судя по всему, отправилась преследовать другое племя. Но она могла и вернуться.

— Подбросьте гранаты, а не стрелы. У них только один лук на все племя.

— Оружие готово к переброске, — заверили Деррона. — Но пока раздавать его опасно. Вдруг они попробуют его на серве? Или друг друга повзрывают?

— Но долго ждать еще опаснее. Перебрасывайте сейчас. — В торсе серва была камера, куда из будущего можно было перебрасывать мелкие предметы.

— Переброска готовится...

Люди племени еще спорили о судьбе серва, а Деррон держал корпус в положении, которое, как он надеялся, подчеркивало его мирные намерения. По короткому переводу разговора Деррон понял, что высокий молодой человек с луком на плече требовал помочь «каменному человеку».

Наконец, этот человек — наверное, вождь племени, — уговорил одного мужчину помочь. Они перерубили ствол молодого дерева, уже надломанного в схватке, каменным топором, поднесли ствол к яме копальщика. Потом оба храбреца, держась за ветки, опустили ствол в яму, чтобы серв мог ухватиться. Деррон сжал ствол обеими руками.

Мужчины дернули и вздохнули, изумившись весу груза. Мальчишка, спасавшийся на дереве, подбежал на помощь.

— Одегард, здесь полковник Борс, — послышался встревоженный голос в шлемофоне. — Мы поняли цель берсеркеров — уничтожить первый письменный язык, его появление приходится как раз на твой период. Еще одно убийство — и снежный ком может полететь под гору, выйдет в реальное время. Эффект плодоножки не дает нам локализовать изобретателя. Но люди твоей банды явно среди его предков.

Деррон держался за ствол, серва тащили из ямы, на гребень воронки.

— Спасибо, полковник. Как насчет гранат?

— Перебрасываем в твой сектор еще два комплекса... появились технические неполадки... Мы разделились с тремя машинами врага... Гранаты, говоришь? — Короткая пауза. — Гранаты будут скоро готовы.

— Щелчок — и голос полковника пропал.

Покончив со спасением каменного человека, Люди отступили на несколько шагов, с опаской наблюдая за машиной. Деррон приподнялся на одной руке, второй повторил миролюбивый жест. Кажется, собравшихся он убедил, но Люди тут же нашли новый повод для беспокойства — быстро опускавшееся за горизонт солнце. Деррону не нужен был лингвист, чтобы их понять — они хотят найти безопасное место на ночь.

Несколько минут спустя Люди, собрав жалкие пожитки, выступили в путь. Человек с луком что-то сказал серву, был разочарован, когда Деррон его не понял, но времени не оставалось: каменный человек был представлен самому себе.

Деррон потащился в конце цепочки людей. Он вскоре обнаружил, что на ровной местности может перемещаться с приличной скоростью, опираясь на костяшки ладоней и волоса ноги. Люди время от времени бросали взгляды на жалкое существо. Но еще чаще они оглядывались в сторону, откуда пришли, явно опасаясь преследования.

Деррон был наготове. След от волочившихся ног серва

был четким, и берсеркер должен обязательно появиться, хотя присутствие серва и заставит его вести себя осторожнее.

С Дерроном опять связался полковник Борс.

— Одегард, точка возмущений, вызванных берсеркером, переместилась к югу от тебя и движется в обратном направлении. Видимо, ты был прав, он пошел по ложному следу. Твой берсеркер — единственный из тех, что мы пока не засекали. Он в самом уязвимом районе. Сделаем вот что: два серва подкрепления через пару минут реального времени должны догнать твоё племя. Мы пустим их параллельно, по флангам. Не нужно пугать племя толпой металлических людей, а то разбегутся — не соберешь, нам этих неприятностей сегодня хватит. Ты останешься с племенем на ночь, а двое других сервов устроят засаду.

— Понял.

Деррон бодро передвигал руки, корпус серва волочился по бугристому грунту, а мастер-комплекс только немного приподнимался и опускался. Обратная связь до определенной степени была необходима, чтобы давать оператору чувство присутствия в прошлом.

Обдумав план полковника, Деррон нашел его разумным. Но, как гласил закон усредненности в собственном истолковании Деррона, скоро что-то должно было произойти.

Надвигавшиеся сумерки придали дикой местности некоторую мрачную красоту. Люди шли вдоль тянувшейся справа болотистой долины. Слева шли каменистые холмы, и мужчина с луком, имя которого звучало прилизительно как Матт, с тревогой всматривался в их низкие вершины.

— Как там с гранатами? Эй, сектор? Есть там кто живой?

— Мы готовим засаду, Одегард. Лучше твоим людям не швырять гранаты наугад, да еще в темноте.

Вождь Матт вдруг свернул и затрусил вверх по склону, унылому и голому. Остальные проворно последовали за вождем. Карабкаясь по склону Деррон увидел, что они направляются ко входу в пещеру — черному отверстию в низком крутом обрыве. Деррон не успел еще догнать группу, когда Матт пустил в темноту пещеры стрелу. Другой мужчина швырнул камень. Раздался свирепый рык, и Люди рассыпались кто куда — они были отличными специалистами по выживанию.

Пещерный медведь вылез из пещеры посмотреть, кто «стучал в дверь», и увидел только серва как подкидыш-калеку.

Приветствовав серва шлепком, медведь перевернул его. Деррон шлепнул медведя в ответ и немного повредил медвежью морду. От обиды зверь разразился леденящим душу ревом. Скроен он был из материала попрочнее копальщика и решил испытать лицевую панель серва на крепость своими клыками. Деррон, лежа на спине, приподнял медведя и пустил катиться вниз по склону. Пошел отсюда! Во второй раз он закинул медведя подальше. Медведь упал, подскочил, кувырнулся, приземлился на лапы и умчался в сторону болота. Обиженный рев слышался еще с полминуты.

Из-за камней и скал показались Люди. Они медленно собрались вокруг серва. У Деррона создалось впечатление, что они вот-вот рухнут на колени и начнут молиться серву. Поэтому он поскорее потащил серва в пещеру проверить, не был ли медведь ее единственным жителем. Глаза серва быстро переключились на нужную длину волны. Пещера была высокая, узкая, со вторым выходом, похожим на окно, расположенным высоко в дальней стене. Места было в избытке для всего племени. Матт сделал счастливую находку.

Вернувшись из глубины пещеры, Деррон обнаружил, что Люди собрались развести большой костер у самого входа. Они натаскали хвороста с края болота. Вдалеке, по другую сторону долины, тлея в ночной тьме оранжевая искорка, обозначая лагерь другого племени.

— Сектор, засада готова?

— Сервы занимают позиции. Они держат тебя в поле зрения.

— Отлично.

Пусть теперь Люди разводят костер, пусть огонь при манит берсеркера. Племя будет под более чем надежной защитой.

Одна из старух вытащила из кожаного мешочка кусок коры, развернула, обнажив обугленную середину. Бормоча заклинания и ловко работая щепочками, она вскоре разожгла огонек. Пламя взметнулось в темное небо.

Люди щепочкой вошли в пещеру, за Маттом последним вполз серв. Сразу за Г-образным поворотом у входа Деррон прислонил механического заместителя к стене, облегченно расслабил руки. Он был рад передышке. С помощью сервокомплекса или нет, но он сегодня натрудился.

Но перевести дух он так и не успел. Без предупреждения ночь снаружи взорвалась огнем схватки. Захлопали, затрещали лазерные очереди, застонал металл столк-

нувшихся бронированных тел. Люди вскочили на ноги как один.

В мерцающем свете лазерных вспышек Деррон увидел Матта — тот стоял лицом ко входу, пока остальные взрослые собирали подходящие для метания камни. Мальчишка Дарт вскарабкался к окну в конце пещеры и выглядывал наружу. Вспышки выстрелов ярко освещали его испуганное лицо.

И тут наступила темнота. Выстрелы и шум прекратились так же внезапно, как начались. Тишина и тьма затопили все вокруг, как воды смерти.

— Сектор, сектор! Что снаружи? Что происходит?

— Боже, Одегард! — говоривший был так взволнован, что его нельзя было узнать по голосу. — Еще два комплекса... у этой бестии слишком быстрые рефлексии...

Сторожевой костер взорвался, разлетелся на тысячу огненных частиц под ударом стальной лапы. Угли и искры водопадом хлынули на пол пещеры, подпрыгивая, отскакивая, угасая, как зловещие глаза. Берсеркер хочет проверить, нет ли в пещере второго выхода. Он знает, что серв внутри, но компьютерный разум уже проникся презрением к возможностям сервокомплекса Сектора Хроноопераций. Убедившись, что пути к бегству у жертв нет, берсеркер попытался войти в пещеру. Громкий тяжелый скрежет — вход был узковат для широкой приземистой машины.

— Одегард, готова дюжина стрел, сейчас перебросим. В наконечниках кумулятивные заряды, воспламеняются от удара...

— Стрелы? Я же просил гранаты! У нас всего один лук и нет места...

— Деррон замолчал на полуслове. Он понял, что окно в дальней стене могло стать отличной бойницей. — Ладно, посылайте стрелы, скорее!

— Уже перебрасываем, Одегард. Рядом стоит оператор-дублер. Если ты устал, переключи серва на соседний мастер-комплекс.

— Чедуха, я уже привык к этому серву, а он — нет.

Берсеркер царапал камень, колотился о скалу, которая упрямо не давала ему добраться до такой близкой жертвы. Сигнал в шлеме сказал, что стрелы прибыли и, не тратя ни секунды зря, Деррон открыл дверцу на металлической груди серва: на глазах испуганных людей серв вытащил из своего металлического сердца пучок толстых стрел, протянул их Матту.

Конечно, это могли быть только необыкновенные стрелы, и ни у кого не возникло сомнения в их назначе-

нии. Матт колебался лишь мгновение, потом с подобием поклона принял стрелы и, помчавшись в конец пещеры, вскарабкался к окну.

Оно представляло отличное, безопасное место для стрельбы, если у врага не было пулевого оружия. Но у врага был лазер, и теперь серв должен отвлечь огонь на себя.

Искренне надеясь, что Матт — меткий стрелок, Деррон перетащил покалеченного серва к изгибу входа. Он чувствовал удары берсеркера по дрожи камня. Он подумал, что если протянет руку за угол, то сможет дотронуться до машины. Деррон ждал. Он увидел, как Матт положил на тетиву первую волшебную стрелу, и тогда, толкнув серва, Деррон выскочил из-за угла.

И едва не упал лицом вниз — берсеркер как раз отбежал, разгоняясь для нового удара. Машина, естественно, выстрелила быстрее Деррона. Броня серва раскалилась, засветилась, но выдержала. Деррон полз на берсеркера, отвечая огнем. Если машина и заметила Матта, то, не опасаясь стрел, не обратила на него внимания.

Первая стрела ударила в плечо передней лапы. Древко завертелось и отскочило, а наконечник превратился в шарик огня. Взрыв оставил дырку с кулак.

Берсеркер качнулся, потерял равновесие, луч, ударивший в Матта, только испепелил куст над обрывом. Деррон наступал, стараясь попасть лучом в дыру на лапе. Матт послал вторую стрелу и угодил в бок машине. Взрыв бросил трехногую машину в сторону. И лазер ее тут же погас, потому что Деррон, рывком добравшись до берсеркера, взмахнул броневым кулаком и навсегда заклепал глазок излучателя.

Состязание по борьбе возобновилось. На секунду Деррону показалось, что у него есть шанс, сила двух рук серва почти равнялась силе передней лапы берсеркера, но он забыл о рефлексах. Несколько секунд — и Деррон завертелся, цепляясь за корпус врага, а потом полетел в сторону.

Он старался ухватить топчущие серва лапы, чтобы сделать берсеркера неподвижной мишенью. Удар лапы разбил его собственный лазер. Почему Матт не стреляет?

Берсеркер был еще слишком сильным и быстрым, покалеченному серву с ним было не справиться. Деррон вцепился в переднюю лапу, но обе задние молотили, не переставая, разрывая металл. Ноги серва полетели прочь, начисто оторванные. Еще немного — и металлического человека разорвут на куски. Где же стрелы?

И стрелы появились. Прямо в гущу битвы метнулся

Матт, сжимая в каждой руке по пучку стрел. С криком, словно летя по воздуху, как молновой бог из легенд, он погрузил стрелы в спину машины.

Корпус берсеркера заслонил вспышку. Гром раздался внутри машины, сотрясая и берсеркера и серва одновременно. На этом бой кончился.

Деррон вытащил перегревшийся корпус серва из-под груды раскаленного, плюющего искрами металла, который только что был вражеской машиной. Он так устал, что положил серва на землю, опершись на локти. В свете от раскаленных обломков берсеркера он увидел Дарта. В руке у мальчика был лук Матта с порванной тетивой. За Дартом наружу высыпали остальные Люди, столпились вокруг...

Деррон заставил серва сесть. Матт лежал, как мертвый, там, куда его отбросил удар — последняя судорога берсеркера. Живот разорван, руки обуглились, лицо нельзя узнать. И вдруг Матт открыл глаза. Грудь качнулась, он судорожно набрал воздуха. Он дышал!

Женщины завывли, мужчины затагнули погребальную песню. Они расступились перед Дерроном, который протаскивал своего изрядно пострадавшего заместителя в мире прошлого и как мог нежно поднял Матта на руки. Матт был слишком плох, и прикосновения раскаленных рук серва не почувствовал.

— Славно поработали, Одегард. — В голос полковника Борса вернулась уверенность. — Отлично завершили операцию. Вам что-нибудь перебросить? Вы окажете первую помощь раненому?

Деррон прикусил язык, сдержавшись. Возможно, полковнику плохо видно?

— Он слишком плох, сэр. Вам придется поднимать его вместе со мной.

— Рад бы помочь, но опасаюсь, что по уставу... — Голос полковника нерешительно замер.

— Его жизнелиния все равно оборвется в этом месте. Он выиграл бой для всех нас, а теперь у него кишки наружу, сэр.

— Гм, хорошо, хорошо. Будьте готовы, мы сейчас изменим настройку, компенсируем увеличение массы.

Племя робко сгрудилось вокруг серва и умирающего вождя. Деррон подумал, что сцена станет мифом. И когда-нибудь историю об умирающем герое и каменном человеке найдут среди самых ранних письменных памятников Сиргола. Мифы — сосуды объемистые, в них помещается много разного.

У входа в пещеру старейшая женщина тщетно пыта-

лась извлечь огонь из трута. Помощница, молодая девушка, потеряла терпение, схватила веточку и подбежала к раскаленным обломкам берсеркера. Жар воспламенил ветку. Размахивая, чтобы ветка горела ярче, как бы пританцовывая, она пошла обратно к пещере.

А в следующую секунду Деррон сидел в меркнувшем ртутном круге света на полу Третьего Уровня Сектора Хроноопераций. К нему бежали двое с носилками. Он разжал стальные руки, отдал Матта медикам, потом повернул голову, нашел выключатель и зубами отключил питание.

Обычного рапорта в конце операции он делать не стал. Через несколько секунд он уже выбрался из кокона мастер-комплекса, протиснулся сквозь толпу сбежавшихся его поздравить. Не переодевшись, в мокром насквозь трико, протискиваясь между операторами, медиками, техниками и прочими, уже заполнившими Уровень, он добрался до носилок Матта как раз в тот момент, когда медики поднимали носилки с пола. На выпиравшие внутренности набросили влажную марлю, в вену уже ввели иглу капельницы.

Глаза Матта были открыты но ничего прочесть в них было нельзя — шок стер и мысли, и чувства. Деррон показался бы Матту одним из непонятных существ, окруживших его. Но именно Деррон пошел рядом, держа Матта за предплечье, выше ожога, пока Матт не провалился в забытие.

Пока носилки двигались к госпиталю, сзади образовалась целая процессия. Известие о первом госте из прошлого распространилось как по динамикам оповещения. Когда Матта внесли в приемный покой, там были уже почти все пациенты, включая Лизу.

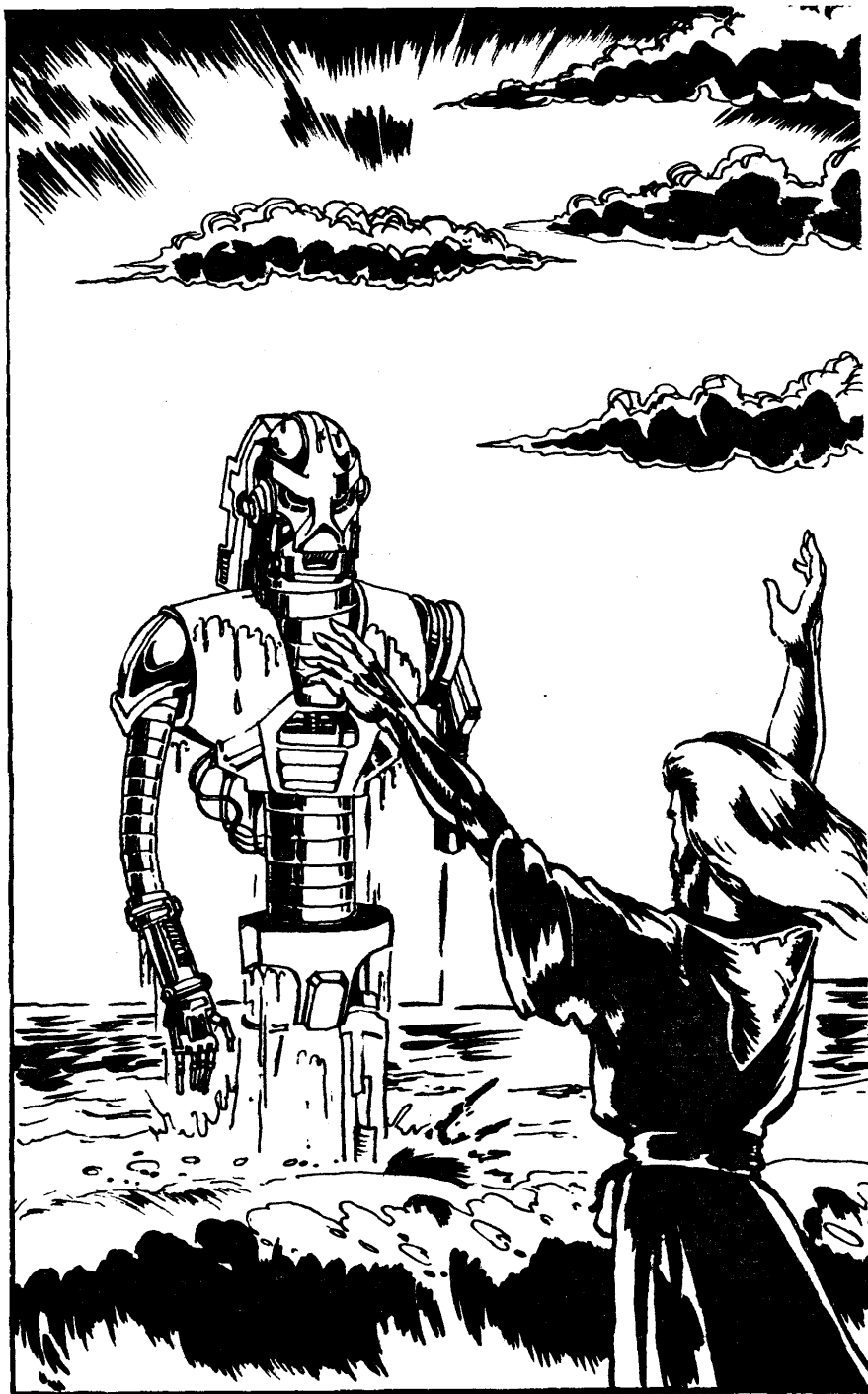
— Он потерялся, — прошептала она, глядя на распухшее лицо Матта, на его вздрагивающие веки. — Он потерялся, он так одинок. Я его понимаю. — Она с тревогой обратилась к врачу: — Он ведь будет жить, правда? Он поправится?

Доктор слабо улыбнулся.

— Если сюда пациентов приносят живыми, как правило их спасают.

Лиза с облегчением вздохнула, доверчиво глядя на врача. Ее тревога о пришельце из прошлого была такой трогательной и искренней.

— Привет, Деррон. — Она мельком улыбнулась ему и последовала за носилками. Казалось, она его едва заметила.

2

Воздев руки к небу, Номис стоял на гладкой, как стол, вершине черного утеса, в двадцати футах над бушующим прибоем. Ветер трепал седую бороду, складки одежды. Белые морские птицы кружили по ветру в сторону Номиса, потом с пронзительными криками, как слабые души, объятые мукой, круто меняли курс. С трех сторон утес, где стоял Номис, окружали другие утесы и похожие на зловещие пальцы пики, образуя все вместе прибрежную линию из черного базальта. А с четвертой стороны, впереди, разметалась безбрежность штормового моря.

Широко расставив ноги, Номис стоял в центре сложной диаграммы, начерченной мелом на черной скале. Вокруг он разложил предметы своей профессии, мертвые, высушенные, старые, резные, и такие, что, попадись они простому смертному, тот поспешил бы их сжечь и забыть. Тонким, пронзительным голосом Номис бросал в пространство слова магической песни, которую повторял снова и снова:

«Днем и ночью тучи клубятся,
Громом и молнией полнятся,
Вспеньтесь, волны изумрудные,
Помогите в минуту трудную,
Проглотите судно, где враг,
Где на мачте вражеский флаг...»

Его тонкие руки уже устали держать над головой щепки погибшего в кораблекрушении корабля, кричали птицы, ветер рвал седую бороду.

Сегодня он чувствовал себя утомленным и не мог избавиться от ощущения, что все усилия дня пошли прахом. Сегодня ему не явилось ни одного знака надежды на успех. Иногда знаки посещали его — в раскаленных вещих снах, или во время бодрствования — провалами в темноту транса, в лабиринт необыкновенных видений, изумляющих разум.

Номис далеко не всегда был уверен, что в силах вызвать беды на голову врага. Успех был понятием шатким, но окружающим он не позволял усомниться. Нет, он ни на секунду не сомневался в контроле магии над силами природы, но получалось, что успех в этом направлении требовал не только большого искусства, но и большой удачи.

За всю жизнь Номис только дважды пытался поднять бурю. Только раз это удалось, да и то он подозревал, что буря могла разразиться в тот день и сама.

И сейчас, как он ни сомневался в успехе, он не прекращал усилий, на которые истратил три дня, не смыкая глаз, здесь, на тайной скале. Он слишком ненавидел и боялся человека, который сейчас пересекал морские волны, плыл сюда, в Королевию, везя нового бога и новых советников, чтобы взять управление страной в свои руки.

Угрюмые глаза Номиса обратились в морскую даль, отмечая линию шквала, до смешного слабого. Не было и в помине угрозы утопить ненавистный корабль, ни намека на грандиозную бурю, которую Номис так старался поднять.

Утесы Королевию лежали прямо по курсу, но до берега был еще день хода на веслах. В той же стороне, но ближе к судну, кипела нехорошая вода. Харл хмуро следил за продвижением шторма, а руки его с ленивой уверенностью покоились на длинном рулевом весле.

Тридцать гребцов, все — воины и свободные люди, легко могли бы заметить приближение непогоды, поверни они головы. И все они были опытные мореходы, и пришли бы к одному выводу — стоит умерить силу гребков, скорость упадет и они не попадут в полосу шквала. И теперь, по молчаливому соглашению, они все менее энергично налегали на весла.

Со стороны берега потянул холодный бриз, закачались верхушки мачт с убранными парусами, ветер заиграл краями пурпурного навеса палатки короля в средней части палубы.

В шатре, предоставленный собственным думам, сидел молодой человек, которого Харл называл королем и повелителем. Морщины на лбу Харла разгладились — он подумал, что молодой Ай ушел в шатер набросать план предстоящего сражения. Пограничные племена, которым дела нет до нового мягкосердечного бога и приходящей в упадок старой Империи, захотят испытать волю и храбрость нового правителя Королевию.

Харл усмехнулся новой мысли — может, юный Ай готовит не план сражения, а кампанию за обладание принцессой Аликс. Именно этот брак должен обеспечить Аю власть над Королевией и поддержку армии. Все принцессы красивы, но об этой ходят слухи, что она к тому же обладает и твердым характером. Если она вроде некоторых благородных девушек, знакомых Харлу, завоевать ее будет не легче, чем взять в плен варварского вождя, а это уж слишком для простого здорового вкуса воина!

Лицо Харла, еще секунду назад такое веселое — насколько позволяли старые шрамы, — снова помрачнело. А вдруг король уединился, чтобы почитать? Ай давно уже страстный поклонник книг и взял две в путешествие. А может, он молится этому новому богу рабов, потому что, хоть Ай и отличается молодостью и здоровьем, он иногда слишком серьезно относится к религии.

Хотя половина мыслей Харла была занята юным повелителем, вторая была настороже, как всегда. Слабое непонятное бульканье в воде возле корабля заставило его посмотреть налево, и через секунду и мысли в голове Харла, и кровь в жилах превратились в лед.

Возносясь из волн почти у самого левого борта, перед Харлом возникла ужасная голова, достойная жутчайшего из ночных кошмаров, страшнейшего из драконов предавних легенд!

Тускло блестящая шея была толщиной в дерево, которое едва ли мог обхватить руками воин. И только сами демоны пучин знали, что за тело скрывается под волнами! Глаза, похожие на пригашенные облаками солнцем, размерами не уступали большому серебряному блюду, а чешуя была серой и тяжелой, как мокрое железо. Сквозь приподнятую крышку гроба-пасти виднелись клыки — частокол кинжалов.

Разматываясь, как канат, обдирая планшир, шея переметнулась через палубу, закричали гребцы — такие детские вопли могли обесчестить навеки любого воина, — но тут же храбро схватились за оружие. Здоровяк Трола, самый сильный и быстрый, уперся ступней в скамью, ухнул и опустил меч на гигантскую шею.

Лезвие бессильно звякнуло о тусклую чешую. Дракон даже не обратил внимания на удар. Покачиваясь, голова остановилась у входа в шатер. Сквозь щель пасти вырвался жуткий рев-призыв — такого Харл не слышал за всю свою жизнь, полную кровавых битв.

Но дополнительного вызова на бой Аю не требовалось — довольно было лязга металла и криков гребцов. Рык

дракона еще не утих, а полотнище отлетело в сторону, и молодой король ступил на палубу в полном вооружении: щит, шлем, готовый к бою меч.

Харл испытал необыкновенную гордость, видя, что юный король не дрогнул, узрев чудовище. Тут же правая рука Харла ожила, вытащив из-за пояса метательный топор с короткой ручкой. Он приготовился к сокрушительному броску.

Топор ударил в туманный серебристый глаз дракона, зазвенел и отскочил, не причинив вреда чудовищу. Возможно, дракон даже не заметил удара. Огромная голова метнулась к королю, широко раскрылась пасть...

Ай встретил нападение храбро. Но удар меча в темноту пасти оказался безвреднее укола женской булавки. Похожая на крышку челюсть закрылась, чудовищная голова закачалась, и все увидели торчавшие сквозь клыки переломанные конечности короля. Потом, плеснув водой, чудовище исчезло, как будто его и не было. Залитая солнцем морская гладь казалась такой же, как и прежде, глубоко спрятав под волнами секреты бездны.

За все время до заката едва ли кто-то сказал хоть одно слово. Корабль описывал круги, не уходя слишком далеко от места гибели командира. Его накрыл край шквального фронта. Гребцы машинально делали все, что нужно сделать в шторм. Потом шквал ушел, но едва ли кто заметил перемену погоды.

До конца дня море было спокойно. Харл, прищурившись, посмотрел на закатное солнце и прохрипел:

— Отдыхать!

Он давно уже подобрал затупившийся топор и сунул на место за поясом. Теперь следов трагедии оставалось немного: несколько щепок и выщербленный планшир, по которому прошла железная чешуя. И несколько пятен крови. И крылатый шлем Ая, упавший с головы короля.

Деррон Одегард, недавно представленный к награде и получивший повышение до звания майора, сидел в кресле младшего помощника на совещании аварийного персонала Сектора Хроноопераций. Совещание созвал командующий Сектором.

Деррон с профессиональным интересом слушал доклад своего однокашника Чана Амлинга. Чан, уже майор Сектора Исторических Исследований, продолжал брифинг.

— Как всем уже известно, берсеркеры решили сконцентрировать усилия на отдельной ключевой личности. Их объект — король Ай из Королевиин. Удаление такой

личности с исторической сцены будет иметь катастрофические последствия.

Амлинг, обладавший быстрым и мощным мышлением, добродушно улыбнулся, глядя поверх голов слушателей.

— До последнего времени многие историки сомневались в реальности его существования. Но начав прямые наблюдения, мы подтвердили его реальность и значение для истории.

Амлинг повернулся к светящейся карте, сопровождая пояснения энергичными жестами опытного оратора.

— Здесь вы видите срединный этап упадка Континентальной Империи, ее распада, ведущего к полному краху. Теперь обратите внимание на Королевию. Именно благодаря Аю, его деятельности и влиянию, эта страна сохранила относительную стабильность, донесла часть культуры Империи до более поздних культур планеты, дав основу для их развития.

Новый командующий Сектором — его предшественник, как сообщалось, отправился в рейд на спутник Сиргола или, по крайней мере, на поверхность, прихватив заодно полковника Борса и остальных, — поднял руку, словно ученик на уроке.

— Майор, мне не все ясно. Ведь Ай был варваром, не так ли?

— Да, в начале. Но... упрощая, можно сказать, что, получив собственную страну, которую нужно было оборонять, он образумился, остепенился и был прекрасным правителем. Покончил с морскими набегами. Он ведь отлично знал ремесло морских разбойников. Он так ловко играл в эту игру — но уже в команде противников, — что пираты предпочли нападать на кого-нибудь другого.

Больше Амлингу никто вопросов не задавал, и он сел на место.

Следующим поднялся майор из Сектора Вероятностного Анализа. Ни тон, ни содержание сообщения бодрости не внушали.

— Господа, — начал он нервно. — Мы не знаем, как был убит Ай, но знаем, где это случилось. — Майор продемонстрировал видеозапись с экрана часового монитора. — Его жизнелиния теперь обрывается вот здесь, во время первого визита в Королевию. Видите, остальные жизнелинии моряков его корабля остались целыми. Значит, противник хочет, чтобы команда была уверена в гибели Ая — это чтобы усилить исторический эффект. Наш сектор считает такое объяснение вероятным.

Амлинг, кажется, собирался перебить выступавшего и начать спор, или даже заключить пари. Не туда назначили Амлинга, подумал Деррон, не в тот сектор. Вероятность — вот его стихия.

Майор сделал паузу, отпил воды.

— Если честно, ситуация весьма серьезная. Через девятнадцать-двадцать дней волна исторических изменений должна докатиться до нас. Это все время, которым мы располагаем. Мне сказали, что шансы обнаружить «скважину» за девятнадцать дней...

Уныние оказалось легко передающейся болезнью, и лица сидевших за столом погрузнели. Только новый Командующий Хронооперациями сохранял относительное спокойствие.

— Боюсь, вы правы, майор. Обнаружить «скважину» очень трудно. Само собой, делается все возможное. Но враг ведет себя умнее, чем в прошлый раз, ловко замечает следы. Он использует только одну машину вместо шести. Кроме того, совершив покушение, машина спряталась. Она не покинула эпоху, она остается в игре, будет ставить нам палки в колеса. Но она очень осторожна, не вызывает изменений, и мы не можем ее выследить.

Командующий Хронооперациями подался вперед.

— Итак, у кого есть идеи?

Первое предложение касалось создания новой вероятности продолжения жизненной линии Ая, как если бы он пережил нападение. Разгорелся спор, быстро перешедший на чисто технический уровень. Ученые, присутствовавшие на совещании, доминировали в споре, но у них не было согласия между собой. Когда вместе с формулами они принялись обмениваться мнениями друг о друге, Командующий Хроносектором быстро объявил перерыв на полчаса.

Неожиданно получив такое количество свободного времени, Деррон отправился в жилой комплекс ближнего госпиталя. Там сейчас жила Лиза, проходившая курсы медсестер. Деррон обрадовался, обнаружив, что у Лизы тоже есть немного времени. Через несколько минут он и Лиза уже гуляли по парку.

Деррон приготовил целую речь, но у Лизы в эти дни был собственный любимый предмет разговоров.

— Знаешь, Мэтт быстро поправляется, все врачи в изумлении.

— Прекрасно. Нужно обязательно будет его навестить. Я давно собирался, но потом решил подождать, пока он научится немного нашему языку.

— Боже, он уже научился.

— Уже? Нашему языку?

— Он учится так же быстро, как и выздоравливает. Доктора говорят, что это может быть эффектом перемещения в будущее. Что-то там насчет организующих энергий мозга и тела, свертывании, кратном усилении. Я в этом ничего не понимаю. В этой сфере соприкасается материальное и нематериальное...

— Да?

— ... И Матт понимает не хуже меня, может, и лучше. Он уже много ходит, ему разрешают почти свободно передвигаться. Он очень дисциплинированный — никогда не входит в помещения, в которые нельзя входить, не трогает опасные предметы и так далее.

— Понятно.

— Да, я забыла. Они не восстановили лицо — пока он сам не решит, как хотел бы выглядеть.

— Я что-то об этом слышал. Лиза, ты долго думаешь жить в госпитале? Ты в самом деле жаждешь стать медсестрой... или просто тебе нужно себя чем-то занять? — он едва не спросил — «Или просто из-за Матта?»

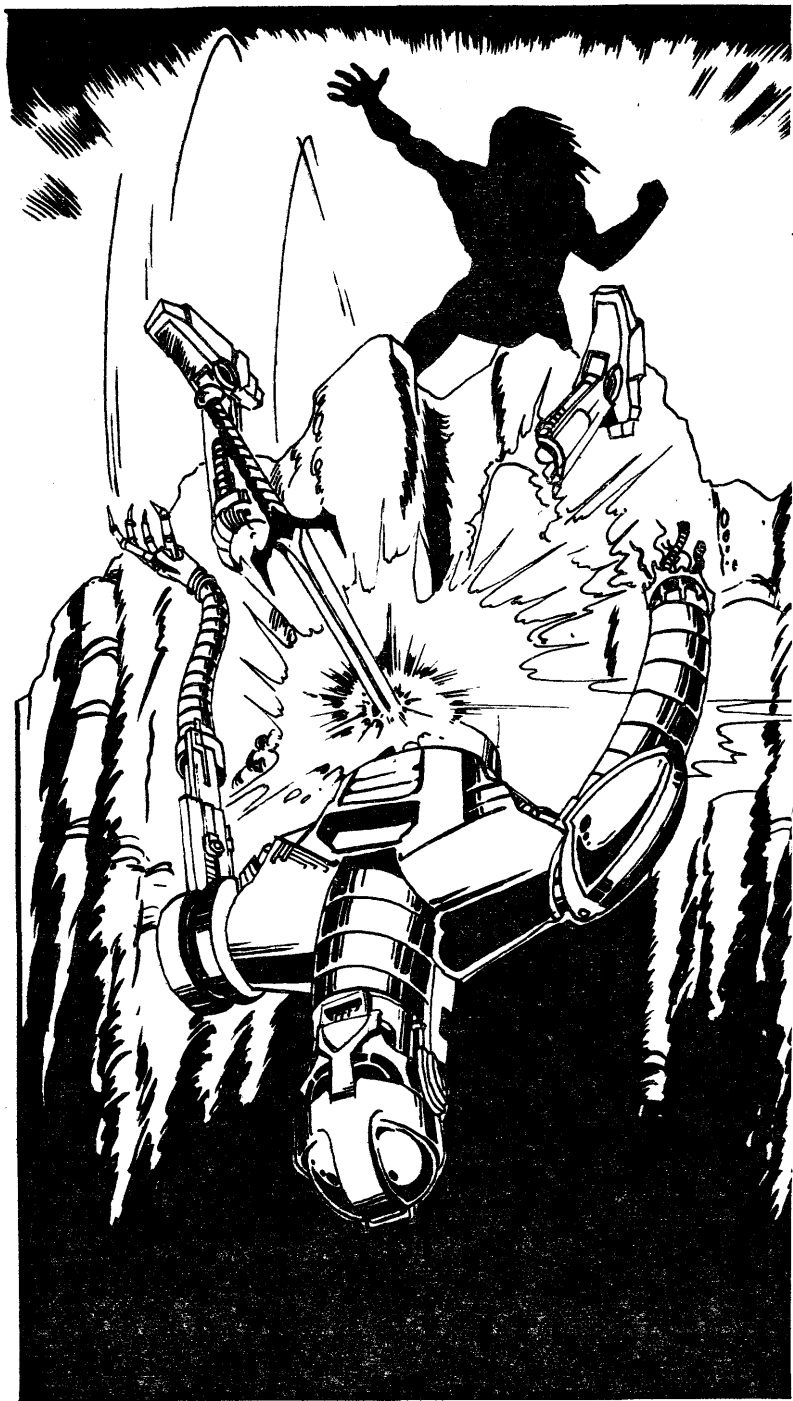
— О! — Она погрузилась. — Иногда мне кажется, что эта работа не для меня. Но пока переезжать не думаю. В госпитале жить удобно, я продолжаю курс лечения по восстановлению памяти, каждый день процедуры.

— И успешно?

Деррон знал заключение врачей — Лиза потеряла память, попав в след ракеты берсеркеров. Некоторые предполагали, что она агент или дезертир из будущего. Но на часовых экранах не обнаружили реверсированной жизнелинии. Из будущего на уровень Современности пока никаких сообщений или гостей не поступало. Наверное, жители будущего имели серьезные причины не вступать в контакт, а может, на Сирголе в будущем не было людей. Или период войны с берсеркерами блокирован петлями парадоксов. Хорошо еще, что берсеркеры не атаковали вверх по линии.

— Нет, практически не помогают, — вздохнула Лиза грустно. Память к ней так и не вернулась. Шевельнув рукой, она переменила тему и принялась опять рассказывать об успехах Матта.

Деррон не слушал. Он закрыл глаза и наслаждался ощущением жизни, которое испытывал вблизи Лизы. Ведь у него было так много всего: прикосновение ее руки, трава под ногами, тепло псевдосолнца на лице. В следующий миг все могло исчезнуть — новая волна-ракета пробьет мили скальных пород, или эффект оборвавшейся

жизни короля Ая скажется быстрее, чем предполагали ученые.

Он открыл глаза, увидел разрисованные стены вокруг парка, веселых птишек в листве, гуляющих людей — их было много, как и всегда. Кое-где заметно поредела трава, садовникам пришлось выставить проволоочные ограды. И все равно, это только жалкая имитация убитого мира поверхности. Но рядом с Лизой иллюзия становилась сильнее.

— Смотри, вот то дерево. Ты под ним стояла, помнишь? Когда я увидел тебя и пришел на помощь. Или, вернее, когда ты пришла на помощь мне.

— На помощь тебе? От какой же ужасной участи я тебя спасла?

— Я бы умер от одиночества среди сорока миллионов людей. Лиза, ты должна переехать из общежития.

Она опустила глаза.

— А где я буду жить?

— Со мной, конечно. Ты же не бедный потерявшийся ребенок, та сама за себя отвечаешь, учишься на медсестру. Есть несколько пустых квартир, и я получу разрешение, если у меня будет спутница. Особенно учитывая мое повышение.

Она сжала его руку, но ничего не сказала. Она молчала, не поднимая глаз.

— Лиза, что ты скажешь?

— Но что именно ты предлагаешь, Деррон?

— Послушай, вчера ты мне рассказывала о заботах твоей новой подруги. Как мне показалось, ты отлично разбираешься в отношениях между женщинами и мужчинами.

— Ты хочешь, чтобы я временно жила с тобой? — Она произнесла эти слова холодным, отчужденным тоном.

— Лиза, в мире все временно, ничего постоянного нет. На совещании, только что... ладно, я не имею права об этом... Но дела обстоят неважно. И все хорошее, что осталось, я хочу разделить на нас двоих.

В молчании она позволила ему вывести ее на каменные ступени у ручья.

— Лиза, тебе нужна церемония свадьбы? Да, наверное, так нужно было сразу тебе сказать, попросить выйти за меня замуж. Но кто нас осудит, если мы обойдемся без церемоний. Мы просто не потратим лишнее время на бюрократические формальности. Ты считаешь, мы должны сыграть свадьбу?

— Я... думаю, что нет. Мне не нравится, что ты обо

всем говоришь, как о временных вещах. Чувства сюда тоже входят?

— Когда нет ничего постоянного? Но это не значит, что мне это нравится. Но кто может сказать, что мы будем делать или думать через год? Через год мы, скорее всего...

— Он не договорил.

Она долго подбирала слова и, наконец, нашла нужные.

— Деррон, в госпитале я научилась другому. Там люди считают, что жизнь человека можно сделать более постоянной, сейчас и в любое другое время. Там люди стараются что-то делать, пусть у них и нет времени в запасе.

— Ты научилась этому в госпитале?

— Ну хорошо, может, я всегда так думала.

Он тоже когда-то так думал. Год, полтора, целую жизнь тому назад. Он был не один. Лицо, которое он не мог забыть, оно опять перед глазами...

И у Лизы, кажется, было такое воспоминание.

— Посмотри на Матта, вспомни, в каком он был состоянии. Какие усилия он прилагает, чтобы выжить и поправиться...

— Извини, — сказал Деррон, глянув на часы и обнаружив вескую причину прервать разговор. — Мне нужно бежать. Я почти опоздал на совещание.

После долгих дебатов и расчетов, ученые пришли, наконец, к общему выводу.

— Получается вот что, — начал свежееизбранный докладчик от их группы. — Сначала нужно зафиксировать поврежденную часть жизнелинии, как бы наложить шину на сломанную руку.

— И каким же образом? — поинтересовался Командующий Хронооперациями.

Ученый устало махнул рукой.

— Могу предложить единственный способ. Нужно послать кого-то взамен Ая, на время. Этот человек сыграет роль короля, продолжит плавание. Он будет королем несколько дней, минимум. У него будет коммуникатор, мы его сможем инструктировать, ежедневно и даже ежечасно, если необходимо. Если берсеркер не появится, заместитель сыграет остальную часть жизнелинии Ая, в необходимых деталях, чтобы Современность выжила.

— И как долго может он с успехом играть такую роль? — перебил кто-то.

— Не знаю, — уныло улыбнулся ученый. — Господа, я вообще не уверен, что операция получится. Ничего подобного мы еще не пробовали. Но, по крайней мере,

мы выиграем несколько дней или недель реального времени и успеем найти другой выход.

Командующий Хроносектором задумчиво потер колючий подбородок.

— Ладно, пока что подстановка — единственная хорошая идея. Нужно ее разработать. Но ведь Ай жил в двенадцати столетиях вниз по линии. Как мы перебросим человека?

— Верно, — сказал биофизик. — Ментальная деволуция и потеря памяти начинаются с рубежа в сорок лет.

Командующий начал рассуждать вслух.

— Может, удастся использовать сервокомплекс? Едва ли. Их даже не замаскируешь под человека. Что остается? Нужно использовать современника Ая. Найти человека, убедить, обучить.

— Внешность роли не играет, — добавил кто-то. — Ай в Королевиин никто не видел. Это его первый визит.

Полковник Лукас, офицер-психолог из состава сектора Хроноопераций, прокашлялся и взял слово.

— Мы должны заставить команду Ая принять подмену, при условии, что они хотят увидеть короля живым. Мы должны выгнать всю компанию в Современность на несколько дней.

— Это можно устроить, — сказал командующий сектором.

— Отлично. — Лукач что-то чертил в блокноте. — Сначала транквилизаторы, гипнотические наркотики... узнаем детали покушения, несколько дней глубокого гипноза. Уверен, что получится.

— Хорошая идея, Лук. — Командующий Хронооперациями посмотрел на собравшихся за столом. — А теперь, пока идея свежа, попытаемся решить главную проблему. Кто заменит короля Ая?

Нет, подумал Деррон, кто-то еще должен увидеть единственный возможный вариант. Почему я? Он не хотел говорить первым, потому что... Просто не хотел. Нет! Гром и молния, а почему бы и нет? Ему платят за то, чтобы он думал и он с чистой совестью может говорить все, что считает нужным. Он кашлянул, соседи удивленно посмотрели на него. Кажется, о его присутствии забыли.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, господа. Но разве у нас нет человека, которого можно послать в век Ая, не опасаясь потери памяти? Я говорю о человеке, который попал к нам из еще более позднего момента прошлого.

Обязанности Харла были ясны до боли. Он доведет корабль до Королевиин, а потом предстанет перед королем Горбодуком и принцессой, посмотрит им в глаза и поведаст о судьбе Ая. Постепенно до него начало доходить, что в рассказ могут и не поверить. Что тогда?

Остальная команда была избавлена, по крайней мере, от этого груза ответственности. Они продолжали исполнять приказы Харла, не задавая вопросов. Солнце садилось, но они опять взялись за весла. Харл решил занять их работой на всю ночь, пока корабль не достигнет Королевиин: в такой момент людей без дела оставлять нельзя.

Они гребли, как слепые, как сомнамбулы, с бессмысленными лицами, не думая, управляет ли кто-то кораблем. Весла часто сбивались с ритма, стучали друг о друга, шлепали, но на это никто не обращал внимания, а Торла затянул погребальную песню — он оплакивал единственного человека, способного вступить с ним в противоборство.

В пурпурном шатре, на личном сундуке Ая, в котором король держал свои сокровища (еще одна проблема для Харла) стоял крылатый шлем. Больше от короля ничего не осталось...

Десять лет назад Ай был настоящим принцем с настоящим королем-отцом. У него начала пробиваться борода, и Харл стал верной правой рукой принца. Примерно в это же время двойная болезнь зависти и коварства начала чумой распространяться среди дядей и братьев Ая: от нее пали отец Ая, другие родичи, и королевство погибло, раздробленное толпой чужаков.

Наследство Ая уменьшилось до палубы боевого корабля. Лично Харл против этого не возражал. Харл даже не жаловался на увлечение короля книгами. Или на молитвы, обращенные к человеку-богу, богу-рабу, который проповедовал любовь и милосердие и которому за это клиньями раздробили кости...

Вдруг что-то случилось. Неведомая сила прошла то ли над, то ли под кораблем, качнула и отпустила, исчезла. Дракон вернулся — была первая мысль Харла. Поднялся из бездны, почесался о дно корабля. Гребцы решили то же самое, бросили весла и схватились за оружие.

Но никакого дракона не было видно. Вообще ничего не было видно. Со сверхъестественной быстротой поднялся туман. Красный закат превратился в рассеянное белесое свечение. Харл заметил, что даже ритм волн стал другим. Воздух был теплее, изменился запах моря.

Люди переглядывались, то хватались за мечи, то бросали мечи в ножны, перешептывались.

— Волшебство!

— Гребите понемногу вперед! — приказал Харл, сунув бесполезный топор на место. Он постарался придать голосу уверенность, хотя чувство направления совершенно покинуло его.

Он отдал рулевое весло Торле, сам пошел на нос, на место смотрового. Гребцы и пятидесяти раз не успели налечь на весла, как Харл выбросил вверх руку и вода забурилась вокруг замерших весел. На расстоянии броска копья виднелся песчаный берег. Что лежало дальше, за туманом — это невозможно было даже вообразить.

Шепот среди гребцов стал громче. Они знали, что всего несколько минут назад земли не было даже на горизонте.

— Смотри, песок...

— Похоже... А вдруг он исчезнет, как дым?

— Волшебство!

Конечно, это могло быть только волшебство, и никто не сомневался: они во власти магической силы, злой или доброй. Другой вопрос — что им делать? Харл бросил притворяться, что все знает. После спора решил, что нужно грести в противоположную сторону, чтобы уйти от берега и, может, от воздействия магических сил.

Солнце давно уже село, но белесый свет сочился сквозь туман, не утасал. Он даже стал ярче, потому что туман редел.

Едва корабль вынырнул из полосы тумана — Харл уже воспрял духом, — как они едва не врезались в стену, черную, гладкую, поднимавшуюся прямо из моря. Стена, немного вогнутая, не имела видимого края или верха, образуя гигантскую чашу над крохотным кораблем, а высоко над головой сияли огни, ослепительные, как куски солнца.

Люди начали молиться всем богам и демонам, каких знали. Они попали на небо, они среди звезд на краю мира! Едва не переломав в панике весла, они развернули корабль и скрылись в туман.

Харл был потрясен не менее остальных, но он скорее бы умер, чем показал испуг. Один из гребцов рухнул на палубу, закрыв лицо руками. «Чародейство! Чародейство!» — шептал он. Харл всердцах пнул труса, заставил встать.

— Да, чародейство, только и всего! — рявкнул Харл. — Это все не настоящее, это нам все привиделось! Ну и что? Здесь живут чародеи? Из них можно пустить кровь,

как из простых людей! Если они вздумали над нами пошутить, нам тоже пара трюков известна!

Слова Харла придали остальным немного мужества. Под прикрытием тумана мир снова стал привычным, человек мог смотреть вокруг и не терять рассудка.

Харл твердо приказал грести к берегу, и гребцы с радостью подчинились. Тот, что упал на палубу от страха, греб с двойным усердием, поглядывая на товарищей справа и слева, как бы предупреждая не делать рискованных замечаний. Впрочем, шуток он мог не опасаться еще долго.

Им не понадобилось много времени, чтобы достичь плавно спускавшегося к воде берега. Берег оказался вполне реальным, осязаемым. Нос корабля ткнулся в песок, и Харл прыгнул в мелкую воду с мечом в руке. Вода была теплее, чем он ожидал, брызги, долетевшие до губ, показали, что она еще и пресная, но таким мелочам Харл уже не удивлялся.

Один из наставников Матта на шаг опередил Деррона, постучал в дверь палаты, потом отодвинул створку. Заглянув в палату, наставник произнес медленно и четко:

— Матт, с тобой хотят поговорить. Это Деррон Одегард. Тот человек, который вместе с тобой сражался в твоём времени.

Наставник жестом предложил Деррону войти. Навстречу Деррону, выпрямившись во весь рост, от телевизора поднялся человек.

Одетый в пижаму и больничные тапочки, он не был похож на умирающего дикаря, которого Деррон несколько дней тому назад помогал доставить в госпиталь. Волосы только начали отрастать, торчали щетиной неопределенного цвета. Ниже глаз лицо Матта покрывала мембрана, заменявшая кожу до полного восстановления пластики лица.

На тумбочке лежали учебники для средней ступени школы, наброски и фотомонтажи. Кажется, вариации одного и того же лица молодого мужчины. В кармане у Деррона была другая фотография, короля Ая, полученная с помощью зонда-птицы, который промчался над юным монархом в момент его отплытия в Королевию. Ближе подобраться на удалось — петли временных парадоксов мешали повторному воздействию на историю в одном и том же месте.

— Рад тебя видеть, Деррон, — сказал Матт, придавая искреннее звучание вежливой фразе-клише. Голос был низкий, глубокий. Минимальная коррекция — и его не

отличить от голоса короля Ая! Голос короля был записан зондом в момент съемки. Матт произносил слова медленно, отчетливо.

— И я рад, что ты выздоравливаешь, — сказал Деррон.
— И так быстро привыкаешь к новому миру.

— И я рад видеть тебя в добром здравии, Деррон. Хорошо, что твой дух смог покинуть металлического человека. Тот был сильно ранен.

Деррон улыбнулся, посмотрел на наставника у двери — не то слуга, не то тюремщик.

— Матт, ты меньше их слушай. Я был в полной безопасности, в отличие от тебя. Не давай им тебя провести.

— Провести меня? — озадаченно переспросил Матт.

— Деррон имеет в виду, не позволяй нам неправильно тебя учить. Шутка, — объяснил наставник.

Матт кивнул, он уже знал, что такое шутка. Но был затронут важный вопрос.

— Деррон, но ведь внутри металлического бойца был твой дух?

— Ну... мое электрическое воплощение, скажем.

Матт посмотрел на телевизор. Когда пришли гости, он выключил звук. Показывали исторический документальный фильм.

— Об электронике я немного знаю. Она перемещает дух с места на место.

— Глаза и мысли, ты хочешь сказать?

Подумав, Матт решил, что понял правильно.

— Глаза, мысли и дух, — уверенно повторил он.

— Майор, эта тяга к «духу» — его собственное изобретение. Мы ничего такого ему не рассказывали, — объяснил наставник.

— Я понимаю, — мягко сказал Деррон. С точки зрения Сектора куда важнее было тяготение Матта к твердому собственному мнению в неизвестном новом мире. Твердость — полезная для агента черта. Конечно, если мнение — правильное.

Деррон улыбнулся.

— Хорошо, Матт. Это мой дух сражался внутри металлического бойца. Я сам не рисковал жизнью. Рисковал ты. Я благодарен тебе и рад, что могу сейчас сказать об этом.

— Присаживайся, — сказал Матт, показывая на стул, и сел сам. Наставник остался стоять.

— Частично я хотел спасти тебя, частично — мое племя, — сказал Матт. — И еще хотел увидеть каменного

льва мертвым. И уже у вас я узнал, что все люди здесь могли погибнуть, если бы мы не выиграли тот бой.

— Это правда. Но опасность не исчезла. В других местах и в другие времена идут такие же сражения, не менее важные.

Это было подходящее начало для разговора с целью завербовать Матта в агенты Сектора. Но он не спешил брать быка за рога. В который раз он пожалел, что послали именно его. Эксперты решили, что Матт с большей вероятностью прореагирует положительно, если предложение сделает Деррон. В каком-то смысле они сражались бок-о-бок. И использовать Матта — это идея Деррона. Деррон потерял покой — он избегал встреч с Лизой и жалел, что не промолчал на совещании.

Во всяком случае, он или кто-то другой — отступать поздно. Деррон вздохнул и приступил к делу.

— Ты многое для нас сделал, Матт. Но мои вожди хотят узнать, не сможешь ли ты нам еще раз?

Вкратце он объяснил Матту ситуацию. Берсеркеры, смертельные враги Племени-всех-Людей, серьезно ранили великого вождя народа в другой части мира. Кому-то нужно на время занять место вождя.

Матт сидел тихо, внимательно смотрел поверх пластиковой мембраны. Первым вопросом его было:

— А что будет потом, когда великий вождь поправится?

— Он займет твое место, а ты вернешься сюда. Ты должен знать, что это опасно. Насколько — мы еще сказать не можем, но это серьезное дело. Опасность будет рядом с тобой постоянно.

ПРЕДУПРЕДИТЕ ЕГО, МАЙОР, НО ТОЛЬКО НЕ СГУЩАЙТЕ КРАСКИ.

Кажется, ему предоставили найти верный оттенок. Разговор могут записывать, но будь он проклят, если станет обманывать Матта. Ведь сам Деррон добровольцем не вызвался бы. Что ему до человечества? Кроме того, шансы на успех операции казались Деррону ничтожными. Смерть его не пугала, но некоторых вещей он боялся — боли, например. Или встречи с собственной ужасной судьбой, которую не предусмотреть, хотя Современность уже научилась перемещаться в полувероятностном пространстве судеб.

— А если вождь умрет?

— Тогда останешься вождем вместо него навсегда. Если нужен будет совет, мы подскажем, что делать. Жизнь короля будет лучше, чем у подавляющего большинства людей в истории. Когда срок жизни короля

исчерпается, мы тебя вернем в наш мир, где ты будешь жить долго и в почете.

Матт, кажется, понял, что имелось в виду, и задал следующий вопрос:

— Я смогу взять волшебные стрелы для берсеркеров?

Деррон подумал над вопросом.

— Тебе дадут специальное оружие. Но главное — не сражаться с берсеркером, а быть королем. Поступать, как он поступал бы.

Матт кивнул.

— Все для меня ново. Я должен подумать.

— Конечно.

Деррон уже собирался добавить, что за ответом он придет завтра, как вдруг у Матта появились еще два вопроса.

— Что будет, если я скажу «нет»? Найдут другого человека для замены вождя?

— Принуждать никого не будут. Но наши мудрецы считают, что если никто не займет его место, война будет проиграна и мы все погибнем меньше чем через месяц.

— И только я могу отправиться туда?

— Возможно. Ты первый, на кого пал выбор.

Любой другой отставал бы от Матта на многие дни подготовки. На счету была каждая минута.

Матт развел руками — следов ожогов уже не осталось.

— Я верю тебе, ведь ты спас мне жизнь. Я не хочу умирать через месяц и видеть, как умирают другие. Я должен сделать то, что требуют ваши мудрецы. Я сделаю все, что смогу.

Деррон вздохнул. Радости он не чувствовал. Он сунул руку в карман за фотографией короля Ая.

Командующий Сектором Хроноопераций удовлетворенно кивнул. Он наблюдал за происходящим из пещеры с круглыми голыми стенами через систему скрытых камер. Да, этот Одегард — парень не промах, хоть и молодой. Энтузиазма не демонстрирует, но любое задание выполняет прекрасно, без сучка, без задоринки. Доброволец получил нужную психологическую настройку.

Теперь операция начнется по-настоящему. Командующий развернул кресло и увидел полковника Лукаса. Лукас натягивал белую хламиду, чтобы скрыть пластиковую кольчугу от шеи до колен.

— Лук, остается лицо и руки, — хмуро заметил командующий. Жалко было потерять такого специалиста, как Лукас. — У этих парней настоящие ножи, не забывай.

Лукас все прекрасно помнил.

— Полную защиту мы не успели продумать. Но если я появлюсь в маске, как демон, на контакт нечего и надеяться.

Командующий вздохнул, встал с кресла. Он постоял за спиной радарного оператора, отметив положение корабля на берегу и скопление зеленых точек — сошедшую на песок команду. Потом подошел к окну, грубо вырезанному в каменной стене, глядя вниз в промежуток между двумя стационарными парализаторами и замершими в промежутке пушкарями. Генераторы тумана стояли сразу за окном, поэтому ничего не было видно, кроме клубов непрозрачной белизны. Командующий надел массивные очки, такие же, как у пушкарей-парализаторов. Туман незамедлительно исчез, теперь он видел отдельных людей, корабль — в сотне ярдов от окна. За кораблем простиралось безмятежное пространство Резервуара.

— Ладно, — без особой охоты сказал он. — Думаю, мы заметим, если ты махнешь рукой... Если они тебя не окружают. Если что, махи обеими руками над головой.

— Пусть ваши люди не спешат жать на спуск, командир, — сказал Лукас, поглядывая на пушкарей. — С парнями на берегу нам много работать, и большая доза все испортит. Я лучше успокою их, задам пару вопросов, составлю впечатление.

Командующий пожал плечами.

— Тебе виднее. Ты не забыл маску?

— Взял. Помните, ограничиваемся транквилизаторами в напитках. Они устали и могут сразу заснуть, если нет — пускайте газ.

Лукас в последний раз оглянулся.

— Несколько человек пошли вдоль берега, — доложил радарный оператор.

Лукас вскочил.

— Я пошел. Где мои слуги? Готовы? Пусть пока сидят внутри. Я пошел.

Его сандалии быстро застучали вниз по лестнице.

Склон песчаного берега переходил в ровную местность с каменистой почвой и редкой травой, той, что растет в тенистых местах. Харл оставил большую часть команды у корабля на случай тревоги, а сам с шестеркой отобранных бойцов пошел на разведку.

Далеко отойти они не успели. Едва преодолев первый холмик, они увидели, как сквозь туман навстречу идет высокий человек. У него была впечатляющая наружность

и длинная белая рубаха вроде тех, что носили добрые чародеи древних легенд.

Не выказывая ни удивления, ни страха при виде семерых морских скитальцев, притом вооруженных, человек в белом подошел и остановился перед ними, подняв руки в знак миролюбивых намерений.

— Меня зовут Лукас, — сказал он просто. Он говорил на родном языке Харла, с сильным акцентом, но Харлу в странствиях приходилось слышать акценты и похуже.

— Давайте зададим ему острый вопрос, — предложил немедленно Торла, опуская руку на кинжал.

Человек в белом чуть приподнял брови, правая рука дрогнула — может, успокаивающий жест, а может, и знак кому-то.

— Подождем! — приказал Харл. В таком тумане можно спрятать целую армию на расстоянии броска копья. Харл вежливо кивнул Лукасу, назвал себя и товарищей.

Человек в белом поклонился в ответ, медленно и торжественно.

— Мой дом недалеко, — сказал он. — Позвольте предложить вам кров и пищу.

— Благодарим за приглашение. — Харлу не понравилась неуверенность в собственном голосе. Этот Лукас держался так свободно, что излучаемая им уверенность выбивала из колеи. Харл хотел спросить, в какой они стране, но не решился показать невежество.

— Прошу вас пройти в мой дом, поесть и попить. Если у корабля останется охрана, слуги принесут еду туда.

Харл не знал, как поступить. Как бы действовал Ай, повстречай он такого вежливого и уверенного волшебника? Любой на месте Лукаса догадался бы, что семеро приплыли на корабле. Но может, он хочет выведать, сколько людей и кораблей прибыли?

— Подождите здесь немного, — решил Харл. — Потом мы все семеро пойдем с вами.

Двое остались с Лукасом, а Харл и остальные отправились к кораблю, объяснить ситуацию команде. Некоторые гребцы тут же запротестовали, предлагая немедленно хватать чародея и задать пару вопросов «поострее».

Харл покачал головой.

— Это мы успеем. Все волшебники упрямы и горделивы. Пролитую кровь обратно в жилы не нальешь. А вдруг мы ошиблись? Будем за ним следить, не спуская глаз, пока не узнаем побольше. Если принесут еду и питье, ведите себя со слугами вежливо.

Об осторожности излишне было говорить — бойцы были готовы напасть на собственную тень.

Таким образом, Харл и избранная шестерка воинов, сомкнувшись кольцом вокруг волшебника, пошли в глубь берега. Поняв замысел Харла, все делали вид, что в кольцо волшебник попал случайно, что гостеприимный хозяин не был пленником. Лукас если и был встревожен, виду не подавал.

Туман становился гуще с каждым шагом. Не пройдя и сотни шагов, они обнаружили преграду — скалистые горы, до сих пор невидимые из-за тумана. С верхушек склонов скатывался волнами туман. У подножия скалы стоял дом волшебника — простое каменное строение, всего в этаж высотой. Казалось, построили его совсем недавно. Но дом был просторен, сработан прочно, мог служить небольшой крепостью. Впрочем, в дальнейшем стало ясно, что крепость из него плохая — окна широки и низко над землей, широкая дверь ничем не защищена — ни стеной, ни рвом.

Показалось несколько слуг, поклонились гостям. Харл вздохнул с облегчением — слуги имели вполне человеческий вид. Были здесь даже симпатичные, жизнерадостные девушки. Они украдкой бросали на воинов любопытные взгляды, хихикали и убегали в дом.

— Ведьмами что-то не пахнет, — проворчал Торла. — Но все равно я уверен — волшебством они владеют.

Первым в дверь вошел Торла, потом Лукас, за ним, не отставая, остальные моряки. Последним вошел Харл. Положив руку на топор, он осмотрелся: спокойно войти в дом человека, пригласившего семерых вооруженных незнакомцев, он не мог.

Внутри ничего подозрительного не оказалось. Дверь вела прямо в большой зал, где столов и скамей хватило бы на команду корабля и побольше. У огромного очага довольный слуга, улыбаясь, поворачивал вертел с тушей. Мясо уже подрумянилось, роняю капли жира. Видно, жаркое начали готовить заранее.

Окна давали довольно света, но и на стенах имелось порядочно факелов. Сквозь незамысловатые занавеси в дальнем конце Харл видел сновавших по своим делам слуг. Видно, комнаты были вырублены в толще скалы. Поди угадай, сколько там комнат и сколько может прятаться людей. Пока что Харл не заметил оружия, кроме столовых ножей. Несколько слуг, державшихся свободно, но сдержанно, накрывали стол на восемь персон, ставили солидные, но без украшений серебряные блюда и высокие кружки.

Лукас направился прямо к главному месту — пара

моряков как бы случайно последовала за ним, — повернулся и гостеприимно предложил:

— Не желаете ли присесть? Есть вино, эль — что будет угодно?

— Эль! — рявкнул Харл, послав каждому моряку многозначительный взгляд. Он слышал рассказы о ядах и дурманах, вкус которых не отличишь от вкуса доброго вина. Кроме того, не время терять трезвость мысли. Все повторили требование Харла, правда, у Торлы вид был разочарованный.

Компания села за стол, из-за занавеси появились девушки с кувшинами.

Харл следил, чтобы в кружку волшебника эль наливали из того же кувшина, что и в его собственный, и лишь когда волшебник вытер с губ пену, Харл коснулся напитка. И сделал только один глоток.

Эль был в меру крепок, но... да, вкус был немного необычный. Однако, в таком странном месте, и пиво может быть необычным. Харл позволил себе еще глоток.

— В твоей стране варят крепкий и вкусный эль. — Харл погрешил против истины, чтобы сделать хозяину приятное. — И у вас много сильных мужчин, которые служат сильному королю?

Лукас в знак согласия наклонил голову.

— Все это верно.

— А как зовут вашего короля?

— Сейчас нами правит Командующий Планетарной Обороной. — Волшебник отпил пива, причмокнул. — А кому служите вы?

Дружный возглас пронесся над столом — кружки звякнули друг о друга в унисон, потом вместе застучали о стол, уже значительно облегченные, не считая кружки Харла. Ничего подозрительного он не заметил, но все равно решил больше не пить. Пока.

— Кому мы служим? — переспросил он. — Наш добрый господин погиб.

— Молодой Ай погиб! — воскликнул Торла, как раненый. Служанка поспешила подлить пива в его кружку, Торла усадил ее на колени, но когда она отстранила его лапищу, которой он намеревался ее пощупать, Торла растерянно подчинился, а на его лице появилось комичное выражение.

Что-то здесь было не так, и Харл насторожился. Мысли полностью ясны, но... нужно признать: он что-то потерял бдительность. В подобной обстановке ему следовало бы быть собранным.

— Смерть молодого Ая — плохая новость, — спокойно

сказал Лукас. Волшебник свободно развалился на скамье, позабыв о достоинстве.

— Если это правда, конечно.

Странно, никто не обиделся на двусмысленное замечание волшебника. Люди отхлебнули из кружек, печальный шепот пробежал вдоль стола.

— Мы видели его смерть!

— Да!

Харл крепко сжал огромные кулаки, вспомнив их беспомощность перед драконом.

— Он погиб на наших глазах такой смертью, что сейчас я сам едва верю, клянусь всеми богами!

— Как это произошло? — с внезапным интересом спросил Лукас.

Запинаясь, Харл рассказал о гибели Ая. Он несколько раз останавливал рассказ, чтобы глотнуть эля. Истинная правда о драконе сейчас в собственных ушах звучала выдумкой. Да, едва ли король Горбодук поверит!

Когда Харл кончил рассказ, Торла вдруг встал, как будто хотел что-то сказать. Девушка, сидевшая у него на коленях, шлепнулась на пол. Торла с необычной для него заботливостью наклонился, хотел ей помочь, но девушка быстро убежала. Торла же все нагибался и нагибался, снова сел на скамью, опустил голову на стол и захрапел.

Товарищи Торлы, те, что еще сами не храпели, только посмеялись. Люди устали... Нет! Что-то здесь неправильно, никто не пьянеет от пары кружек эля на брата. И если они пьяны, они бы затеяли ссору. Харл глубоко задумался, сделал глоток и решил, что надо встать.

— Ваш король не умер, — монотонно уверял его волшебник. — Не умер, не умер. Вы не должны верить в это.

— Почему? Мы видели, его утащил дракон!

Но Харл уже сам не был уверен, что он видел, а чего не видел. Все смешалось. Что происходит? Он качнулся, наполовину обнажил меч, хрипло воскликнул:

— Ловушка! Вставай, ребята!

Но глаза его людей стекленели, закрывались, лица тупели. Никто не поднялся на его крик. Забытое оружие падало на пол.

— Чародей, — попросил один моряк, с мольбой взирая на Лукаса, — скажи еще раз, что наш король не умер.

— Он жив и будет жить.

— Он... он по... — Харл не мог выговорить слово «погиб». В ужасе, какого раньше еще не испытывал, он отшатнулся, вытащил меч. Он был так напуган, что был способен на все.

— Не подходи! — предупредил он волшебника.

Но волшебник совсем не испугался. Он встал, из-под белой рубахи достал маску какого-то зверя, надел на лицо. Их разделяла длина стола. Послышался глухой голос Лукаса:

— Вам не грозит опасность. Я разделю с вами напиток, делающий человека спокойным и миролюбивым. Садись, поговори со мной.

Харл бросился к двери. Туман уколол легкие. Он бежал к кораблю. С холма Харл увидел, что люди у корабля умерли. Полдюжины чудищ, полулюди-полужвери с серыми рылами, раскладывали умерших рядами на песке. Те из команды, что еще не умерли, подчинялись сами, как убойный скот.

Тяжелое положение. Харл потянулся к мечу и вдруг вспомнил, что бросил его где-то по дороге, пока бежал.

— Все в порядке, — послышался уверенный голос Лукаса из-за спины. Харл обернулся.

— Твои люди спят. Им нужно отдохнуть. Не буди их.

— А, вот оно что! — с облегчением вздохнул Харл. Он мог бы и сам догадаться. Это добрый остров, где искрятся эль и воздух, где живут друзья, которые говорят только правду. Теперь он видел, что монстры с серыми рылами были слуги Лукаса в таких же масках, как их хозяин. Они позаботятся о людях Харла. Харл доверчиво смотрел на Лукаса в ожидании какой-нибудь хорошей новости.

Лукас вздохнул, несколько расслабился.

— Пойдем, — сказал он.

Он подвел Харла к самой воде, к гладкому песку и маленьким нежным волнам.

Волшебник пальцем набросал голову дракона на песке.

— Вот дракон, которого, как тебе кажется, ты видел. Что потом случилось?

Харл устало опустил у рисунка, тупо глядя на дракона. Ему хотелось спать. Чего от него хочет волшебник?

— Он сожрал Ая.

— Вот так? — Пока Лукас чертил, волны начали уже смывать рисунок.

— Вот так, — согласился Харл. Он уже сидел на песке.

— Теперь все смывает волна, — монотонно вещал волшебник. — Смывает волна. Зло исчезнет, останется правда, которая нам нужна. Она будет написана на чистом месте, заняв его по праву.

Волны набегали, смывали дракона. Харл заснул счастливый.

Во время одного из сеансов обучения Матт спросил:

— На самом деле король Ай погиб, а не ранен?

— Тебе сказали, что он ранен, потому что его можно возродить, — объяснил инструктор. — Если операция пройдет удачно, то получится, как если бы Ай вообще не умирал.

— А если не выйдет у меня, кто-то другой попробует еще раз? И если меня убьют, меня можно будет спасти?

Ответ он прочел на суровых лицах инструкторов.

— Если мы возродим Ая, все пострадавшие жизни вернутся к первоначальному состоянию, словно не было вмешательства берсеркеров. Но не твоя жизнь — тебя ведь там в начале не было. И если ты погибнешь во времени Ая, это будет окончательная смерть. И гибель всех нас — если ты не выполнишь задания. Второй попытки не будет.

Одной из мелких привилегий Деррона был теперь личный рабочий кабинет, пусть и небольшой. Теперь он проклинал повышение — Лиза загнала его в угол.

— А кто виноват, если не ты? — сердито наступала она. Такой он ее никогда еще не видел. — Ведь ты предложил использовать Матта? Почему ты не предложил вытащить другого человека из прошлого?

Пока Деррону удавалось сдерживаться.

— Мы не можем выдергивать людей из истории по своему усмотрению. Команда корабля — особый случай, они вернутся точно в то место и момент, откуда были взяты. Матт — особый случай, — он все равно бы умер. Сектор выдернул еще пару человек в момент их гибели, но пока они сообразят, где оказались, пока мы их подготовим — будет поздно. И ведь они могут отказаться.

— Отказаться? А Матт? У него была возможность отказаться? А он-то думает, что ты большой герой! Он все еще наивен, как ребенок!

— Он совсем не ребенок. И мы не собираемся бросать его на произвол судьбы. Его обучают всему, что нужно знать, — от политики до владения оружием. Мы будем за ним следить...

— Оружие? — Лиза пришла в ярость.

— Естественно. Хотя мы и надеемся, что в Королевии он проведет всего несколько дней и оружие ему не понадобится. Мы восстановим жизнелинию Ая и вернем Матта в Современность. До свадьбы!

— Свадьбы?

— Матт вполне за себя отвечает, — быстро заговорил Деррон. — И знает, на что идет. И он способен справиться-

ся с заданием. Он прирожденный лидер. Если человек мог управлять племенем первобытных...

— Ерунда! — Лиза едва сдерживала слезы, понимая, что гнев бесполезен. — Он может справиться, да. Но почему именно ты предложил Матта? Сразу после нашего разговора! Почему? Ты хотел показать, что он тоже — временное существо, непостоянное, как все вокруг?

— Да нет же, Лиза!

Слезы засверкали у нее на глазах.

— Что ты за человек! Знать тебя больше не хочу!

И Лиза выбежала из кабинета.

Несколько дней назад, исполнив свою миссию, отпаила пластиковая мембрана. Кожа на лице оказалась уже загорелой и огрубевшей — волшебство ученых Современности. С фантастической скоростью начала расти борода, но через два дня скорость стала нормальной.

Сегодня день Отправления. Матт в последний раз стоял перед зеркалом в своей комнате — он все еще жил в госпитале. Он рассматривал новое лицо. То справа, то слева, он с разных точек рассматривал щеки, нос и подбородок Ая.

Совсем другое лицо, чем то, что он видел в отражениях неолитических прудов. Но переменился ли дух внутри лица? Матту казалось, что он все еще не проникся королевским духом.

— Сир, всего несколько вопросов! — сказал вездесущий наставник. Последние дни они говорили только на языке Ая и обращались с Маттом, как с настоящим королем-воином. Но для Матта это был спектакль.

Нахмурившись, наставник заглянул в записи.

— Как вы думаете провести вечер дня прибытия в Королевию?

Матт терпеливо ответил:

— В этот момент жизнелиния Ая расплывчата. Постараюсь не выходить из роли, постараюсь не принимать важных решений. Если нужна помощь, использую коммуникатор.

— А если встретите машину-дракона?

— Заставлю ее двигаться как можно больше. Вы найдете «скважину» и сотрете дракона вместе со всеми повреждениями жизнелиний.

Другой наставник, стоявший у двери, сказал:

— Сектор будет следить за вами. Мы вытащим вас прежде, чем дракон успеет вас догнать.

— Да. И с помощью меча я смогу обороняться.

Наставники задавали вопросы, время Отправления

приближалось, вскоре вошли техники, чтобы одеть Матта. С ним были копии одежды Ая на момент отплытия в Королевию.

Костюмеры обращались с ним как с манекеном, а не королем. В конце один недовольно проворчал:

— А куда шлем подевался?

— Оба шлема сейчас в Резервуаре, — ответил второй.

— Связники с ними работают.

Матт терпеливо отвечал на вопросы наставников, костюмеры надели поверх костюма Ая пластиковый комбинезон. Другой офицер повел Матта к поезду, чтобы доставить к Резервуару «Н».

Матт уже ездил в таком поезде — ему показывали корабль и людей Ая. Ему не понравился качающийся вагон, и он подумал, что в шторм ему будет не по себе. Словно уловив его мысль, один наставник посмотрел на хронометр, потом протянул Матту пиллоли от морской болезни.

На полпути к Резервуару поезд остановился, и в вагон вошли два человека. Один из них был вождь, Командующий Сектором Хроноопераций. Второго Матт узнал по фотографиям — Командующий Планетарной Обороной. Командующий сел напротив Матта, принялся внимательно на Матта смотреть, а вагон понесся дальше, плавно покачиваясь.

Матт вспотел в комбинезоне. Так вот как выглядит настоящий король. Не такой твердокаменный, как на экранах. Но это был король Современности, что ни говори.

Правитель Современности спросил Матта:

— Как я понял, вам важно было увидеть меня перед запуском? — Немедленного ответа не последовало, и он прибавил: — Вы понимаете, что я говорю?

— Да. Я не забыл ваш язык, пока учил язык Ая. Я хотел увидеть вас, чтобы понять — что делает человека королем.

Кое-кто в вагоне заулыбался, но засмеяться никто не решился.

— Тебе сказали, что делать, если нападет дракон?

Краем глаза Матт заметил кивок Командующего Хроносектором.

— Да. Я заставлю машину преследовать меня. Вы попытаетесь вытащить меня до того, как...

Планетарный Командующий с удовлетворением кивал. Вагон остановился, он предложил всем пройти вперед, и они остались одни с Маттом. Тогда он сказал:

— Открою тебе настоящий секрет духа короля. Будь

готов отдать жизнь за свой народ — в любой момент, при любых обстоятельствах.

Он торжественно кивнул Матту: быть может, Командующий считал свое откровение поразительно мудрым, но на секунду в его глазах мелькнули одиночество и неуверенность. Потом, гулко похлопав Матта по плечу, Командующий покинул вагон.

Деррон приветствовал Матта крепким рукопожатием — обычай эпохи Ая. Низко нависал потолок пещеры, шершавый, рубленый. Матт искал взглядом Лизу, но, кроме Деррона, знакомых не увидел. Все были заняты приготовлениями к запуску. В сознании Матта Деррон соединялся с Лизой, и Матт иногда удивлялся, почему эти двое не составят семейную пару. Наверное, он сам станет жить с Лизой, когда вернется и если она будет согласна. Иногда Матту казалось, что она бы согласилась.

Наставники быстро ввели Матта в комнату и оставили ждать. Комбинезон разрешили снять, что он с облегчением и сделал. Потом он услышал, как открывается дверь, в комнату проник запах озера, обширной открытой воды, хранимой для нужд планеты.

На столе лежал меч — его придумали для Матта волшебники Современности. Матт надел на пояс ножны, вытащил клинок, с любопытством его рассмотрел. Невооруженный глаз ничего необычного бы не заметил, но Матту показали один раз лезвие под микроскопом — у него была тонкая дополнительная кромка, которая выдвигалась из лезвия только от прикосновения руки Матта — и только его руки к рукояти меча. В руке Матта меч резал металл, как сыр, а бронированные плиты — как дерево, и лезвие не тупилось. Секрет, как объяснили волшебники Современности, в толщине — лезвие выковано из слоя толщиной в молекулу. Этого Матт не понимал.

Хотя многое уже сумел понять. Матт сунул меч в ножны. Последние дни информация вливалась в мозг рекой, даже когда он спал. Его ум обрел новую силу — говорили, что причиной тому его переход в Современность из глубокого прошлого.

Изучая Современность с помощью новой силы ума, Матт понял, что ее культура выпадает из общего ряда, как уродливый феномен. И по способу мышления Матт и Ай были гораздо ближе друг другу.

Да, люди Современности могли уничтожать берсеркеров. Но в том, что касалось духа, люди Современности превращались в беспомощных детей. Или их власть над материей породила беспокойство и слабость духа, или

наоборот — трудно было сказать. В любом случае, обрести Матту королевский дух они помочь не могли.

И еще одно понял Матт — дух жизни во вселенной очень силен, иначе он давно был бы уничтожен берсеркерами, болезнями и несчастными случаями.

Желая зачерпнуть сил из источника жизни, получить в нем поддержку, Матт сделал то, что сделал бы Ай, отправляясь в опасный путь, — он поднял руки в клинообразном жесте религии Ая и пробормотал скорую молитву.

Покончив с этим, он решил, что ждать нечего, и покинул комнату.

Все были заняты своими делами. У машин и аппаратов работали люди, в одиночку и группами. Другие сновали туда-сюда, передавая приказы и сообщения. Большинство на Матта внимания не обратило. На лицах читалось раздражение — слишком рано покинул он свой контейнер. Вдруг он им помешает, нарушит график?

Матт игнорировал раздражение. Шлем Ая ждал на рабочем стенде. Матт подошел и взял шлем в руки, потом опустил среброкрылый шлем на голову.

Он сделал это инстинктивно, и глаза смотревших на него подсказали, что инстинкт его не подвел. Люди замолчали — шлем завершил трансформацию. Теперь игнорировать присутствие человека в шлеме они уже не могли.

К нему с новыми вопросами подскочили наставники. Матт догадался — они хотели убедиться, что продолжают быть его учителями, а не подданными. Но Матт обрел нужный дух. Время власти над ним прошло.

Он нетерпеливо искал взглядом Планетарного Командующего. Люди послушно расступались, пропускали его. Матт раздвинул плечами толпу, окружавшую правителя Современности, и взглянул Командующему в глаза.

— Долго мне еще ждать? — сказал Матт. — Готов мой корабль и люди?

Планетарный Командующий посмотрел на Матта с удивлением, которое постепенно сменилось завистью.

Во время первого визита в Резервуар Матт уже видел корабль и команду Ая. Люди лежали в специальных кроватях, машины массировали, сгибали и упражняли руки, сохраняя силу мышц, ультрафиолетовые лампы поддерживали загар, электронные наушники шепотом внушали, что их король жив.

Теперь люди были на ногах, хотя двигались, как лунатики, с закрытыми глазами. На них была прежняя

одежда, кожаные пояса, перевязи и оружие. Их вывели из дома Лукаса, провели на корабль. Планшир с царапинами был заменен, все следы дракона уничтожены.

Генераторы тумана не работали. Люди и предметы отбрасывали тени-лепестки, рожденные маленькими холодными солнцами в центре купола.

Матт пожал руку Деррону, прошлепал по пресному мелководью и взобрался на борт корабля одним броском. Подъехал тягач, ему предстояло столкнуть корабль в воду.

Вместе с Маттом на борт взобрался Командующий Хроносектором — то ли гость, то ли хозяин. Быстрый осмотр завершили в палатке Ая.

— ...делай, как учили. Старайся заставить дракона побольше двигаться. Любые жертвы, повреждения — это неважно. Главное — найти «скважину». Тогда все вернется в первоначальный вид...

Матт повернулся к нему, в руках он держал двойник крылатого шлема. Этот шлем он только что снял с сундука Ая — его там забыли растяпы-техники.

— С меня довольно лекций, — сказал Матт. — Держи шлем, напиши лекцию для тех, кто плохо выполняет работу под твоим управлением.

Командующий схватил шлем. От гнева он на миг онемел.

— А теперь, — продолжил Матт, — покинь мой корабль, если не желаешь сесть за весло.

Что-то бормоча под нос, Командующий Сектором поспешно ретировался.

Больше Матт внимания на мир Современности не обращал. Он встал рядом с Харлом, который, как статуя, замер у рулевого весла. Остальные гребцы, еще погруженные в сон, сидели на своих местах. Руки слепо трогали дерево весел, как бы радуясь, что они снова заняли привычные места.

Глядя на пространство черной воды и лучи далеких светильников, Матт слышал позади корабля гул мощного двигателя. Корабль дрогнул, тронулся с места. В следующий миг под днищем засветился мерцающий ртутный круг, и... безмолвно исчезла пещера, темнота взорвалась, превратилась в голубой огонь. В утреннем небе плавно кружили белые морские птицы, пронзительно и удивленно приветствуя внезапное возникновение судна. В лицо дул свежий соленый ветер, палуба покачивалась — прошла донная волна. Впереди вдоль горизонта шла темно-синяя линия — берег Королевия.

Матт времени зря терять не стал.

— Харл! — рявкнул он и хлопнул рулевого по плечу. Харл едва не упал, глаза его открылись.

— Мне что, весь день стоять на вахте?

Матту объяснили, что такая фраза должна разбудить всех гребцов. Так и получилось. Протирая глаза, ворча, воины пробуждались от долгого сна. Каждый был уверен, что задремал на минутку. Многие принялись грести, даже не проснувшись. Всего через какие-то секунды гребцы нашли дружный общий ритм, посылая корабль вперед мощными толчками.

Матт прохаживался между скамьями, проверяя, все ли проснулись как следует, рассыпая добродушные проклятия и тумаки, на что в подобной компании мог решиться только сам король Ай. Гребцы не успели даже вспомнить, что они делали пять минут назад, как уже были втянуты в обычную дневную работу. И если у кого-то в памяти и всплыло видение морского дракона, пожирающего их господина, этот человек, без сомнений, был рад развеять дым ночного кошмара при свете утра.

— Навались, ребята! Впереди земля! Там, говорят, все женщины — королевы!

Они обнаружили удобную гавань. В Бланиуме, столице Королеви, проживало около десяти тысяч человек: для данной эпохи это был большой город. На самом высоком холме неподалеку от гавани поднимались серые башни замка. Принцесса Аликс, несомненно, была сейчас на одной из башен, всматриваясь в картину гавани, наблюдая за кораблем, стараясь разглядеть суженого.

В гавани стояли другие корабли, торговые, но было их всего восемь-десять. Довольно мало, принимая во внимание время года и длину причала. Торговля в империи с каждым годом увядала, и моряки, и сухопутные жители в равной мере переживали тяжелые времена. Но если выживет король Ай, эта цивилизация выдержит бурю.

Тонкими ручейками жители Бланиума сбегались к гавани, скапливались толпой на причале. Корабль Ая как раз входил в гавань.

К моменту швартовки Матт узрел около тысячи людей всех званий и положений. Все они желали увидеть короля Ая, ступающего на землю Королеви. Из замка, где корабль заметили издали, прислали две повозки из позолоченного дерева. В повозки были запряжены горбатые рабочие животные. Их остановили у края причала, и важного вида люди стояли рядом, ожидая корабль.

Зазвучали песни, на корабль полетели цветы — знак

радушного гостеприимства. Команда швартовиков подтащила корабль за переброшенные канаты, его борт мягко ткнулся в пояс больших соломенных подушек. Матт прыгнул на причал, скрывая облегчение, с которым бежал от морской качки. Наверное, скорый конец плавания был удачей для репутации Ая.

Делегация знатных горожан приветствовала Ая с торжественной серьезностью, их словам вторили крики собравшихся горожан. Король Горбодук прислал извинения — он нездоров, сам спуститься к гавани не может, он желает как можно скорее увидеть Ая в замке. Горбодук был стар и в самом деле тяжело болен, насколько было известно Матту. Исторически жить ему оставалось месяц, считая с настоящего дня.

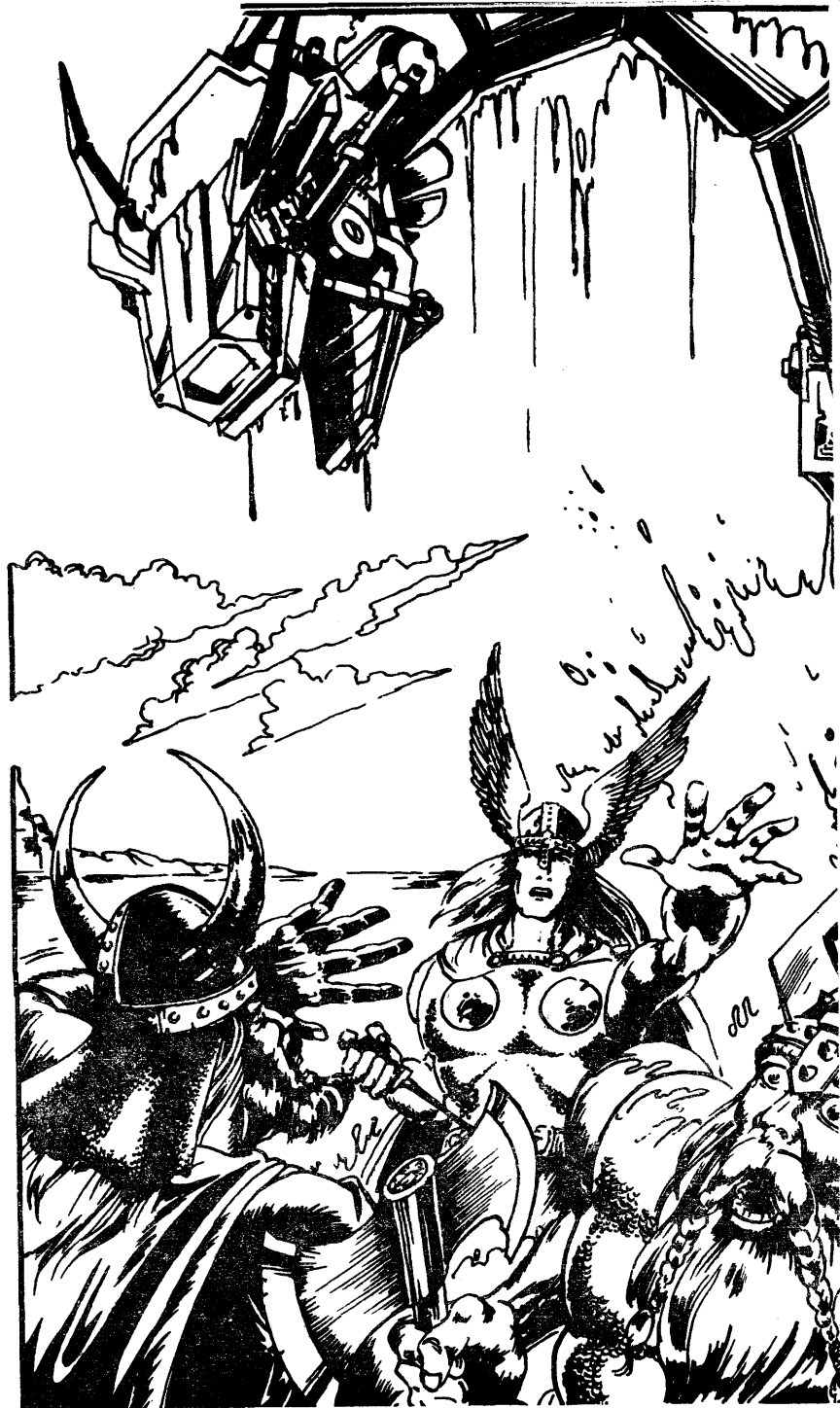
У короля все еще не было наследника, а знать Королеви не станет долго терпеть правителя-женщину. А если бы Аликс вышла за одного из них, остальные были бы недовольны, могла бы вспыхнуть гражданская война, чего она и отец старались не допустить любой ценой. Вполне логично, что выбор короля пал на Ая. В жилах принца текла королевская кровь, он был молод, полон сил, его если и не любили, то уважали, и у него не было собственного государства: он мог стать преданным повелителем Королеви.

Матт приказал Харлу присмотреть за разгрузкой корабля, вытащил из сундука драгоценные подарки принцессе и королю. Потом занял место в колеснице, и повозка тронулась в путь вверх по холму.

Матт узнал в мире Современности, что на некоторых планетах есть домашние животные, на которых можно ездить верхом. К счастью, это не касалось Сиргола. Даже управлять колесницей было непросто, и сегодня он был рад, что поводья в чужих руках. Матт одной рукой придерживал скамью, другой приветствовал встречающих. Колесницы, стуча по булыжнику, преодолевали крутые улочки города, а сотни новых жителей потоком выливались из переулков, криками приветствуя прибытие Ая: народ надеялся, что скиталец морей поможет сохранить единство страны.

Наконец, серые стены замка нависли над колесницей. Повозки простучали по подъемному мосту и остановились в маленьком дворе за стенами замка. Охрана приветствовала Ая, отсалютовав обнаженными мечами и высоко поднятыми пиками, Матту пришлось так же принимать поздравления сотен мелких придворных.

В просторном зале замка людей собралось немного, но, само собой, это была высшая знать Королеви.

Оглушительно вступили трубы, грянули барабаны, но очень немногие проявили энтузиазм. Лица большинства остались спокойны. Многих Матт узнал — по старинным портретам и тайным снимкам, полученным историками Современности. Он знал, что большинство этих влиятельных людей выжидают, не спешат определить свое отношение к Аю. Улыбки были фальшивыми. Предводителем фракции противников молодого короля должен быть придворный чародей Номис. Вот он стоит, длинный и прямой, как палка, в белом балахоне, как у полковника Лукаса. Улыбка Номиса больше походила на оскал хищника.

Если и присутствовала на встрече чистая искренняя радость, то сияла она на покрытом морщинами лице старого короля Горбодука. Он даже поднялся с трона навстречу Аю, хотя ноги уже с трудом держали старика. Обняв Матта и поприветствовав его по всем правилам этикета, король, тяжело дыша, снова опустился в кресло. Он не сводил внимательного взгляда с Матта, и Матту вдруг показалось, что король разгадал подмену.

— Юноша, — заговорил дрожащим голосом король, — ты очень похож на отца, моего старого товарища по битвам и пирам. Пусть веселится он в Замке Воинов, сегодня и всегда!

Такое пожелание вызвало бы у Ая смешанные чувства, а он был человеком, который всегда говорил то, что думал.

— Спасибо, Горбодук, за пожелание добра моему отцу. Пусть дух его вечно покоится в Саду Благославенных на небесах.

На Горбодука вдруг напал приступ кашля. Наверное, он и не старался сдерживать кашель, чтобы ловко заглазить оплошность, допущенную в его собственном замке.

Однако Номис удобного случая не собирался упустить. Он шагнул вперед, взметая полы балахона, пока король был беспомощен в руках заботливых слуг.

Номис обратился не к Матту, а ко всем присутствующим.

— Повелители этой страны! Неужели вы молча стерпите, когда так оскорбляют богов ваших отцов?

Большинство ничего против не имело и, наверное, даже не понимало, где здесь оскорбление. Наверное, они сами не слишком хорошо знали богов своих отцов. Кое-кто проворчал что-то, но так тихо, что можно было не обращать на них внимания.

Матт поступил иначе.

— Я не думал оскорбить кого-либо, — четко сказал

он. Это была ошибка, и он сразу понял, почему это была ошибка. Слишком мягко было сказано. Такого от настоящего Ая не ждали. Номис улыбнулся презрительно и с удовольствием. Кое-кто смотрел на Матта уже с иным, оценивающим выражением. Настроение в зале заметно изменилось.

Кашель прошел, теперь дело было за дочерью короля, которую служанки ввели в зал. Глаза Аликс кротко улыбались Аю сквозь газ вуали. Потом она скромно потупилась. Матт подумал, что в Современности не ошиблись — жизнелиния Ая еще не самая плохая.

Пока готовился обмен подарками, дружелюбный придворный шепнул Матту на ухо о желании короля сейчас же провести свадебную церемонию. Необыкновенная поспешность, конечно, но здоровье короля...

— Понимаю, — сказал Матт, посмотрев на принцессу. — Если Аликс согласна, я не возражаю.

Мягкие глаза Аликс снова встретились с его взглядом. И всего несколько минут спустя они стояли, соединив руки.

Номис, откровенно демонстрируя нежелание, вышел вперед по приказу Горбодука, чтобы совершить церемонию. В середине обряда он поднял глаза на собравшихся в зале и задал обычный вопрос — не возражает ли кто-нибудь против совершения обряда? И волшебник не удивился, когда послышался громкий возглас в ответ:

— Я возражаю! Я сам давно добивался руки принцессы. Морскому бродяге лучше познакомиться с моим мечом!

Голос был слишком громким и свидетельствовал о неуверенности говорившего в своих силах. Зато вид у него был внушительный — высокий, с широченными плечами молодой атлет, с ручищами, которые обычному человеку могли послужить вместо ног.

Горбодук, вне сомнений, был бы рад запретить поединок, но не мог этого сделать во время официальной свадебной церемонии: церемония допускала вызов. В летописях не было упоминания о поединке во время обручения Ая, а такого события летописцы не могли пропустить. Но Номис сделал ход пешкой. И виноват, подумал Матт, я сам, не смог точно следовать стилю поведения Ая, взбодрил противника, спровоцировал поединок.

Но он знал, что должен сейчас сделать. Матт сунул руки за широкий кожаный пояс, повернулся к противнику и глубоко вздохнул.

— Не назовешь ли свое имя?

Юный гигант ответил, и в голосе не было прежней решимости:

— Мне нет нужды представляться любому достойному человеку в этом зале, но, чтобы ты обращался ко мне с почтением, знай, что я Юнгф из дома Юнгффов. Я требую принцессу Аликс в жены.

Матт холодно кивнул. Он держался спокойно, совсем как Ай.

— Ты кажешься достойным противником, Юнгф, и мы можем сразиться прямо сейчас. Есть ли у тебя причины отложить поединок? Юноша покраснел. Самообладание на миг оставило его, и Матт понял, что в душе великан сильно напуган. Почему такой воин, как Юнгф, боится поединка? Что-то здесь не так.

Рука принцессы тронула руку Матта. Принцесса отодвинула вуаль, отвела Матта немного в сторону и тихо сказала:

— Я всем сердцем надеюсь, что тебе будет сопутствовать удача, мой господин. Мои симпатии этому юноше никогда не принадлежали.

— Он просил вашей руки, принцесса?

— Да, год назад. — Аликс скромно опустила взгляд, как и подобает девушке. — Как и остальные. Но я отказала, и он больше не настаивал.

— Так. — Матт посмотрел в противоположный конец зала, где Номис по обряду Старой Веры благословлял Юнгфу на поединок. Похоже, Юнгфу требовалось все мужество, чтобы не отдернуть руки под прикосновением волшебника. Нет, пугала Юнгфу не опасность погибнуть или получить рану в поединке.

Сам Матт к опасности относился спокойно. Большую часть жизни он имел дело с жестокостью природы и животных, хотя не так часто опасность грозила со стороны другого человека. Ученые Современности дали ему ловкость и силу Ая, сделали его искусным фехтовальщиком, ускорили его реакцию. И у него был необычный меч — одного меча хватило бы, чтобы выиграть схватку. Матта волновала не удаля Юнгфу, а сам факт дуэли и те перемены, которые могут возникнуть в истории.

Не считая короля, принцессы и двух участников поединка, все остальные были очень даже рады поглазеть на небольшое кровопускание. Все с нетерпением ждали, пока с корабля принесут щит Ая. Пауза дала ему возможность отлучиться на минуту и связаться с Сектором. Посоветовать ему все равно ничего толком не могли, поэтому Матт использовал остаток времени на непри-

нужденный разговор с дамами. Юнгф стоял насупившись, сверкая очами, в окружении родственников.

Вскоре Харл принес щит. Он вбежал во двор замка с видом «Пусть скорее начнется бой!» Наверное, старался вывести из равновесия противника господина.

Благородное собрание в полном составе покинуло зал и вышло во двор замка, где ожидала начала поединка возбужденная толпа горожан. Короля с креслом вместе поместили в самом удобном для обозрения схватки месте. Его окружила высшая знать. Судя по изрубленным деревянным колодам, во дворе замка часто упражнялись в военном искусстве.

Придворный, перед этим сообщивший Матту о церемонии обручения, попросил принять его секундантом. Матт кивнул в знак согласия.

— Тогда, мой господин, займите место на арене.

Матт вышел на мощеную площадку, достаточно просторную, чтобы свободно маневрировать, и обнажил меч. Юнгф двинулся на него, мощный и неотвратимый, как осадная башня. С церемониями было кончено. Здесь убивали не так церемонно, как играли свадьбы.

Солнце перевалило зенит, ветра не было, и даже небольшое движение покрывало тело потом. Юнгф наступал, делая обманные выпады, почти до смешного осторожный, но зрители удивления не выразили. Наверное, таков был стиль молодого Юнгфа. Матт сделал шаг назад, отразив три удара подряд — мечом, щитом и снова мечом. Матт надеялся перерубить меч противника, но мечи ударились плоскими сторонами. Кроме того, понял Матт, если сломается меч, бойцу дадут второй и третий, а потом обвинят противника в чародействе. Нет, дело решат только раны.

Матт, не подпуская Юнгфа близко, вернулся в центр площадки. Ему не давала покоя мысль об убийстве — любое убийство станет нарушением жизнелинии, это на руку берсеркерам. Но если победит Юнгф, ущерб для истории будет еще больше. Зрители и так уже шушукуются — они заметили сдержанность Матта. Нужно выиграть поединок и чем скорее, тем лучше... но без того, чтобы убить или покалечить противника.

Матт поднял щит и меч, Юнгф осторожно приближался. Когда противник бросился в атаку, Матт ударил, целя в боевую руку Юнгфа. Но Юнгф сделал собственный выпад в этот момент, лезвие его огромного меча скользнуло по щиту Матта и меч последнего вошел меж верхних ребер Юнгфа.

Рана была средней тяжести, Юнгф не собирался

сдаваться, но следующий его удар был уже слабым. Матт спокойно уклонился от удара, сделал выпад, блокировал меч своим мечом, зацепил колено раненого ступней и толкнул противника щитом.

Юнгуф рухнул, как дерево, и тут же острие меча Матта коснулось его горла, а ногой он прижал к камню ту кисть Юнгуфа, которой тот сжимал меч.

— Уступаешь ли ты победу... и ее приз? — Матт только теперь заметил, как он сам тяжело дышит. Воздух со свистящим клекотом вырывался из горла Юнгуфа.

— Уступаю, — придушенно сказал побежденный противник.

Матт устало отступил. Чем обычно Ая вытирал лезвие? Но лезвие тут же вытер подоспевший Харл, упрекнув господина в нерешительности в начале поединка. Родственники Юнгуфа помогали подняться побежденному: по крайней мере, подумал Матт, удалось избежать убийства.

Он повернулся к принцессе и ее отцу и обнаружил, что они испуганно смотрят на предмет, лежащий неподалеку. Это был балахон Номиса, снежно-белый в ярких солнечных лучах. Волшебника видно не было, а сброшенный белый балахон недвусмысленно давал понять, что теперь чародей облачится в черное.

За спиной Матт слышал влажный кашель. Он обернулся и увидел красную, яркую кровь на губах Юнгуфа.

Огромный металлический дракон затаился, зарывшись в морской донный ил. Вокруг шла скудная жизнь глубин. Присутствие машины ее не тревожило — берсеркер старался ничем себя не выдать и больше не убивал. Прервав жизнелинию какой-нибудь водоросли, он бы дал ценную информацию мощным компьютерам Современности. Эти компьютеры искали входную «скважину» с неутомимостью, достойной берсеркеров.

Драконом все еще непосредственно управлял флот, осадивший Сиргол в Современности. Объединенный компьютерный мозг флота наблюдал на своих часовых экранах, как был поднят в Современность корабль Ая, как был потом возвращен в исходную точку, но с дополнительной жизнелинией на борту.

Намерения Современности были очевидны, берсеркеры сами были неплохими ловцами на приманку. Но эту приманку игнорировать они не могли, и готовились нанести новый удар, используя одно из оружий дракона.

Но действовать нужно было тоньше. Матт не должен был погибнуть — по причинной цепочке гибели Современность добралась бы до дракона. Объединенный мозг

флота берсеркеров некоторое время размышлял над задачей, а потом нашел идеальное решение: захватить Матта в плен живым и держать в плену, пока не рухнут стены истории Современности.

Лежа в укрытии, дракон следил за поверхностью через сеть инфразлектронных датчиков-сенсоров. Сейчас он наблюдал за человеком в черной одежде. Человек стоял на скале-столбе у берега моря, примерно в двух милях от укрытия берсеркера, без отдыха ритмично повторял какие-то слова, обращаясь к воздушной пустоте. Банк памяти дал нужные факты, и берсеркер определил, что человек на скале хочет вызвать на помощь сверхъестественные силы.

Среди его слов машина уловила имя Ая.

В ярком свете полдня Номис стоял на вершине скалы. Чары глубокой злобы лучше всего работали в темноте, но ненависть и страх были так сильны, что сами источали вокруг тьму: Номис не мог ждать, пока сядет солнце.

Вокруг парили морские птицы, их пронзительные крики уносил ветер, и Номис пел тонким голосом:

Демон тьмы, встань и иди,
Кости мертвых приведи,
Проведи сквозь сор и слизь,
Ползи и явись,
Явись ко мне
В подземном огне
И мне расскажи,
Как врага изжить...

Длинная, длинная песня, Заклинание, выманивающее на свет из глубин мрачные, придонные создания, только и ждущие свеженького утопленника: тогда демоны налегают труп на себя, как платье, и устраивают праздник на морском дне. Живущие во тьме морского дна знали о смерти все, в том числе и способ убить Ая — чего не удалось Юнгфу, несмотря на обильный поток чародейских угроз, низвергнутых Номисом на тупицу.

Тонкие руки Номиса дрожали: он устал держать их высоко над головой. Наконец, он наклонился, зажмурился от солнца. Сегодня заклинание должно сработать, он чувствует великую ненависть, а она, подобно куску магнитной руды, притягивает к Номису злую нечисть.

Он сделал паузу в песне, размежил веки. Не послышался ли ему какой-то посторонний звук? Грудь старика тяжело поднималась от усталости и возбуждения.

Закричала птица. И снизу, оттуда, где изрытый трещинами склон вел к плоской вершине, донесся звон

металла о камень. Звук был слабый, едва слышный сквозь ветер и волны.

Номис отчаялся услышать его во второй раз и начал песню снова, как вдруг уже почти из-под ног, почти у самой вершины, послышался стук катящихся камешков: как будто кто-то карабкался наверх. Звук был обыденным, и все мысли о магии покинули чародея. Он рассердился. Неужели кто-то узнал о его тайном месте?

Прямо перед ним, со стороны моря, к плоской вершине подходила расщелина. Из этой расщелины и донесся скребущий шорох, потом хруст растертого в порошок камня.

И в следующий миг сомнениям Номиса, не оставлявшим его всю жизнь, был положен конец. На первый взгляд гость Номиса был типичным утопленником. С голого блестящего черепа свисала нитка водорослей.

Создание ловко взобралось на скалу. Теперь Номис видел его полностью. Оно было толще скелета, но тоньше любого живого человека. Наверное, когда демон завладевает утопленником, тело последнего изменяется. Эти кости больше напоминали металл.

Морской демон остановился. Он был намного выше Номиса и поэтому чуть наклонил голову, державшуюся на подобной блестящему канату шее. Номис заставил себя стоять неподвижно, преодолел страх и заглянул в туманные алмазы демонических глаз. Демон шагнул вперед, и Номис поспешил усилить защитный меловой круг жестом и заклятием.

И вспомнил, что ритуал надлежит заканчивать призывающей формулой. Демона нужно подчинить.

— Теперь обязан ты служить и помогать мне, пока я не отпущу тебя! И сразу скажи, как умертвить моего врага?

Сверкающая челюсть не дрогнула, но из черного квадрата в том месте, где должен быть рот, донеслись слова:

— Твой враг — Ай. Сегодня он приплыл.

— Да, да, говори скорей секрет его смерти!

Убийство Ая — обрыв жизнелинии, след на часовых экранах. И след приведет к берсеркеру, если убийство будет сделано по его приказу.

— Ты должен привести врага сюда и отдать мне. Ты его больше не увидишь. И после этого ты получишь все, что пожелаешь. Я помогу.

Мысли Номиса бешено заметались. Он всю жизнь ждал такого случая, и нельзя допустить, чтобы его сейчас водили за нос. Демон желает сохранить жизнь Ая? Зна-

чит, между демоном и морским бродягой есть магическая связь. Не удивительно, учитывая, сколько людей послал он в страну водорослей и рыб, к тому же на нем явно защитное заклятие.

Номис заговорил опять, хрипло и смело:

— Кто для тебя Ай, демон?

— Враг!

Как бы не так! Номис едва не засмеялся. Теперь он понял — демону нужны его собственные, Номиса, душа и тело. Но он надежно защищен заговорами и меловым кругом. Демон пришел охранять Ая. Номис не подаст виду, что раскусил хитрость. Можно рискнуть, чтобы добиться большего. Ситуация, кажется, позволяет.

— Да будет так, рожденный в иле! Я сделаю, как ты просишь. Сегодня в полночь принесу сюда врага, связанного и беспомощного. Теперь ступай обратно в ночь. Будь готов вознаградить меня за все!

Вечером Матт и Аликс пошли на прогулку вдоль стены замка. Они любовались первыми вечерними звездами. Дамы-служанки, сами не показываясь, не выпускали пару из виду.

Матт не скрывал, что поглощен собственными мыслями. Девушка вскоре оставила попытки завязать легкую беседу и спросила прямо:

— Господин, нравлюсь ли я тебе? Матт остановился.

— Принцесса. — Он повернулся к Аликс. — Вы чрезвычайно мне нравитесь. — Так и было на самом деле. — И если сейчас мысли мои не заняты вами одной, то только определенные обстоятельства вынуждают меня к этому.

Она улыбнулась ему. Люди Современности не сочли бы Аликс красавицей. Но Матт всю жизнь воспринимал женщин под маской глупого загара, грязи, усталости от изматывающей борьбы за жизнь и теперь ясно видел красоту этой девушки, принцессы его третьего мира.

— Могу ли я узнать, господин, что мучает тебя?

— Во-первых, тот, кого я ранил. Плохое начало.

— Такие мысли делают тебе честь, господин. Ты добрее, чем я думала. — Аликс снова улыбнулась. Она понимала, что забота о Юнгufe имеет политические причины. Она начала рассказывать Матту, что могла бы сделать, с кем поговорить, чтобы затянуть трещину между домами Юнгufa и Ая.

Матт подумал, что легко быть королем, если рядом такая королева. Ая он полностью заменить не сможет. Нельзя прожить в точности такую же жизнь, какую

прожил кто-то другой. Но под именем Ая он постарается хорошо исполнять роль короля и послужить истории мира.

Он прервал монолог Аликс.

— А ты находишь меня достаточно хорошим, моя госпожа?

На этот раз долгим взглядом, льющим тепло и обещание, посмотрела она в глаза Матта. Словно ведомые инстинктом, появились дуэньи, объявили, что настало время прервать прогулку, чтобы не выходить из рамок приличия.

— До завтра, — сказал Матт, отпуская руку принцессы.

— До завтра, мой господин.

И она послала ему еще один взгляд-обещание, прежде чем скрылась из виду вместе с эскортом строгих дуэний.

Матт смотрел вслед принцессе. Он понял, что готов увидеть ее не только завтра, но и десять тысяч раз потом. После чего он снял на минуту шлем и потер голову. Коммуникатор молчал. Нужно вызвать Сектор, доложить обо всем.

Вместо этого он снова надел шлем и пошел отыскивать в башне комнату, где по указанию придворного лекаря уложили в кровать Юнгуга. Комнату охраняли двое родственников раненого, которые вежливо, но спокойно разговаривая с ним, предложили заходить: кажется, дом Юнгуга зла не таил.

Юнгуг был бледен, как-то осунулся, дышал с трудом, воздух клокотал в горле. Он повернулся сплюнуть кровь, повязка ослабла и воздух засвистел сквозь рану. Страха он больше не выказывал, но в ответ на вопрос Матта сказал, что умирает. Он хотел сказать что-то еще, но слова с трудом срывались с губ.

— Господин Ай, — с неохотой сказал один из родственников. — Наш кузен хотел сказать, что вызов его был неправдой и поэтому выиграть он не мог.

Юнгуг кивнул.

— Кроме того... — Второй родственник сделал предостерегающий жест, но первый продолжил после паузы: — Я думаю, что вам придется сражаться с чем-то более опасным, чем меч врага...

— Я видел белый балахон Номиса. Он сбросил его.

— Тогда вы знаете... Да защитит вас ваш новый бог, если вдруг не сможет помочь меч.

Снаружи, во тьме ночи, закричала морская птица. Глаза Юнгуга, полные страха, повернулись в сторону маленького окна.

Матт пожелал удачи дому Юнгуга и поднялся на крышу замка. Здесь его никто не видел. Матт вздохнул, и нажав крыло коммуникатора, вызвал Сектор.

— Сектор слушает.

Сухой голос из Современности был тише шепота, но замок, ночь, поднимающаяся луна потеряли для Матта долю реальности: ею стала мрачная пещера-крепость, паутина машин и энергий. Матт доложил о дуэли, об угрозе Номиса.

— Да, на экранах видна поврежденная линия Юнгуга. Он скоро... — Петля парадокса стерла несколько слов Командующего Хроносектором. — Но особого значения это не имеет.

Командующий имел в виду интересы истории и Современности. — Обнаружил ли дракон свое присутствие?

— Пока нет. — Луна бросала дорожку до горизонта. — Почему вы так много говорите о драконе?

— Потому что это важнее всего! — протрещал тоненький голос.

— Я знаю. Но я ведь должен играть роль короля. С вашей помощью я справлюсь, но кажется, до конца Аем я стать не смогу.

Пауза.

— Все идет нормально. Мы лучше и не ждали. Когда нужна будет коррекция поступков, мы тебе подскажем. Да, судя по экранам, с работой ты справляешься здорово. Юнгуг особого значения не имеет, ищи дракона. Будь осторожен.

— Буду искать.

Он совершил положенные манипуляции, отключил связь и решил, что пора навестить команду Ая. Их временно разместили в караульном помещении — обширном здании, встроенном во внешнюю стену замка. С этой мыслью он начал спускаться с башни по внешней лестнице.

Он глубоко погрузился в мысли и не обратил внимания, что темнота во дворе у подножия лестницы гуще положенного. И не удивился, что калитка рядом с лестницей стоит полуоткрытая, без охраны. Он услышал шорох за спиной, но было поздно. Он не успел вытащить меч, несколько человек волной набросились на него, сбили с ног. И прежде, чем он успел отбросить гордость Ая и позвать на помощь, что-то плотное было туго накручено на голову, задушив крик.

— Сэр, не найдется у вас минуты? Важное дело.

Командующий Хроносектором нетерпеливо поднял

голову, но, увидев выражение лица Деррона и предмет в его руках, сказал:

— Входите, майор. Что случилось?

Деррон, секунду помедлив, вошел в кабинет. Под мышкой он держал крылатый шлем.

— Сэр... Дело вот в чем... Это лишний шлем, который Матт нашел перед запуском. Сегодня я говорил с людьми из Отдела Связи: шлем генерирует постоянный шумовой сигнал.

Командующий молчал, ожидая, пока Деррон дойдет до сути.

— Сигнал перебивает аналогичный сигнал, подаваемый шлемом Матта. То есть какой бы шлем он ни надел, он превратился бы в источник шумового сигнала. Берсеркер его легко использовал бы как наводящий. Значит, берсеркер решил, что это ловушка, если до сих пор не вышел на Матта по сигналу и не убил его.

Деррон держал себя в руках, но чувствовал, как гнев стягивает горло.

— Итак, вы потрясены нашим коварством, Одегард? Не так ли? — Командующий рассердился, но виноватым себя не чувствовал и не собирался оправдываться. Его сердила тупость Деррона. Он включил экран селектора.

— Смотрите, это состояние жизнелинии Ая на данный момент.

Деррон прекрасно научился разбираться в показаниях экрана за время службы на часовых пультах. То, что он увидел, лишь укрепило его вчерашние опасения.

— Плохо. Он уходит в сторону.

— Матт дает нам передышку — и все. Теперь ясно, почему мы пытаемся вывести на него дракона? В этой войне уже погибли многие миллионы, майор.

— Я понимаю.

Теперь гнев душил его еще сильнее, но разрядиться не представлялось возможным. Некоторое время Деррон рассматривал шлем, словно находку, извлеченную из недр земли.

— Я понимаю. Вам не выиграть, если не обнаружится «скважина». И с самого начала Матт был экзотической наживкой, так?

— Я этого не говорил, майор.

Голос командующего стал мягче.

— Когда вы предложили его использовать, мы не были уверены, что он вернется живым. Первая имитация на компьютере показала, что его шансы высоки. Вы правы, шумогенератор в шлеме оказался слишком откровенной ловушкой. — Командующий устало пожал плечами. —

По положению вещей на сегодня, Матт в большей безопасности от берсеркера, чем мы с вами.

Матт пришел в себя, попытался выплюнуть кляп, — кусок грязной тряпки. В голове пульсировала жуткая боль. Его толкали, швыряли, мысли немного прояснились, и он понял, что его перекинули через спину горбатого выючного животного. Голова свисала по одну сторону, ноги по другую. Голова кружилась, подташнивало. Шлем где-то потерялся, и на поясе тяжести меча он не чувствовал.

Охраняло его человек восемь, шагавших рядом по узкой извилистой тропинке, черневшей в лунной ртуті: охранники оглядывались, тихо перебрасывались фразами.

— За нами, кажется, пошли двое. Они...

Больше Матт не разобрал. Он попробовал на крепость пути на ногах и руках. Вербки были крепкие, связали его со знанием дела. Повернув голову, он обнаружил, как тропинка петляет среди высоких зубчатых скал с осыпями, и решил, что они где-то у самого берега.

Когда человек впереди остановился, давая остальным его догнать, Матт без удивления увидел на главаре черный балахон, а на поясе — ножны, очень похожие на ножны Матта: Номис присвоил символ власти короля.

Чем дальше, тем дорога становилась неровнее. Вскоре процессия достигла каменного гребня. По обе стороны шли крутые склоны-расщелины. Животное пришлось оставить внизу. несколько человек по приказу Номиса подняли Матта, который попробовал прикинуться бесчувственным, но Номис приподнял его веки и сказал с довольной ухмылкой:

— Пришел в себя. Развяжите ноги, но руки проверьте, чтобы были надежно связаны.

Разбойники повиновались, но чем выше они поднимались, тем чаще переглядывались с тревогой, вздрагивая от каждого шороха. Казалось, Номиса и предстоящего они боялись больше погони.

Цепочкой, — руки Матта связаны за спиной, впереди и позади шли разбойники, — они перевалили через гребень. Потом Матта заставили карабкаться по узкой тропе, почти туннелю между высокими скалами. Было темно, скалы закрыли луну. только Номис знал дорогу и вел разбойников сквозь тьму. Шум прибоя стал громче и теперь шел откуда-то снизу.

Когда небольшой отряд вскарабкался на плоский, как стол, верх скалы, луну как раз закрывало облако. И лишь Номис заметил недвижимую, как камень, фигуру ждав-

шего демона. Он выхватил меч, а когда Матта подтолкнули вверх по тропе, схватил короля за волосы и приставил лезвие к горлу.

В этот момент луна вышла из-за облака, и все увидели обитателя пучины. Разбойники, как птенцы черной птицы, в панике устремились за спину Номиса, старательно застывая за меловую черту диаграммы. На несколько секунд повисла зловещая тишина, только дул слабый ночной бриз и шумел прибой. Один из разбойников что-то бормотал в ужасе.

Не отнимая меча от горла Матта, Номис вытащил клип и показал Матта берсеркеру.

— Что теперь скажешь, обитатель ила? Это твой враг? Заколоть его?

Металлическая марионетка могла бы метнуться к Номису быстрее любого человека и вырвать меч, но лезвие упиралось прямо в яремную вену. Берсеркер не хотел рисковать жизнью Матта ни на йоту.

— Чародей, ты получишь власть, — сказал демон, — И богатство, и наслаждения тела, а потом и вечную жизнь. Сперва отдай мне этого человека живым.

Предвкушая победу, Номис тихо запел. Разбойники, дрожа, жались за его спиной. В памяти Номиса вспыхнуло воспоминание-рана, когда Аликс, еще ребенок, обожгла его самолюбие смешком.

— Хочу Аликс, — прошептал он: даже больше, чем владеть молодым телом, ему хотелось растоптать ее гордость.

— Получишь и ее, — торжественно солгал демон. — Когда отдашь мне этого человека живым.

Рука Номиса дрогнула — чародей переживал подлинное состояние экстаза, но Матт был наготове: он рванулся в сторону, локтем поддел старика под ребра. Номис отлетел в сторону, растянулся во весь рост, а меч закувыркался, сверкая в лунном свете.

Оцепенение ужаса, сковавшее разбойников, лопнуло, взорвалось паникой: они сначала бросились кто куда, но не найдя другого спуска, сошлись в единственной точке спасения, на узкой тропе, по которой они сюда недавно карабкались. Матт побежал в ту же сторону, пнув по пути меч, но все равно поспев первым — благодаря всему тому, что сделали с его нервами и мышцами ученые Современности.

Берсеркер замешкался — он старался не покалечить путавшихся под ногами разбойников. Едва Матт достиг начала тропы, пальцы тверже всякой плоти процарапали спину, схватили в горсть одежду. Ткань лопнула: Матт был свободен и прыгнул в туннель тропы. Позади истош-

ными голосами орали разбойники, налетая друг на друга и на берсеркера.

Спружинив, Матт упал, не чувствуя ни царапин, ни синяков. Тропа была такая узкая, что он сразу нащупал меч, потом споткнулся, упал вновь, перевернулся кувырком и вылетел из тунеля. За его спиной были от безумного страха разбойники, надежно закупорившие проход, — у пары человек были сломаны ноги, они упали, преградили путь остальным и еще больше калечили друг друга, чувствуя холодные касания берсеркера, который искал в гряде тел нужного человека, отбрасывая с пути остальных.

Матт упер в скалу рукоять, держа меч за спиной, рассек лезвием путы — спасибо ловкости новых нервов! — и услышал, как хрустят шаги машины. Невидимый враг спускался к нему.

— Вот он, вот он! Сейчас мы его, дьявола, припилим!

По залу Хроносектора пронесся победный клич охотников, такой же древний, как само человечество. На часовых экранах гигантские компьютеры уже сплетали зеленую паутину, в центре которой скоро окажется пойманный дракон. Информацию потоком слали жизнелинии, нарушенные и сломанные берсеркером. Кажется, он дрался с людьми в каком-то замкнутом пространстве.

Но он опять не стал убивать. И фокус хроноскважины все еще не обозначился.

— Еще чуть-чуть! — молил Командующий Сектором, впившись взглядом в часовой экран. — Есть?

Но больше ни одной капли крови пролито не было.

Прихрамывая, Матт пятился, стараясь выйти на освещенное бледной луной место и увидеть врага, но берсеркер, уверенный, что добыча не уйдет, не спешил. Матт вышел на гребень, по обе стороны зияли черные расщелины, куда не просачивался серебряный свет спутника Сиргола. Окровавленные пальцы крепко держали рукоять, а похожая на скелет машина ловко, но осторожно наступала и, выбрав момент, должна была метнуться на Матта, подхватить его, как атлет подхватывает ковыляющего малыша.

Матт направил острие прямо на берсеркера. Он едва успел напрячь руку. Берсеркер, только что бывший в двадцати футах, вдруг оказался совсем рядом, взмахнул стальной рукой, чтобы выбить обычный на вид меч и... четыре стальных пальца сверкнули в лунном свете, отлетели вверх и в пропасть. Мономолекулярное лезвие даже не дрогнуло.

Инерция броска машины была слишком велика. Она не успела остановиться, и вторым ударом лезвие пробило корпус насквозь, превратив тончайший механизм в кусок мертвого металла. Матт упал на колени, успел прикинуть к скале, когда машина пронеслась над ним и в бесконечном кувырке, унося в себе светящийся тускло-красным светом меч, как раскаленную иглу, исчезла в расщелине.

Демона больше не было: из пропасти донесся удар, еще один, слабое эхо. Матт пополз на животе по гребню, заставил себя встать и добрался до места, где тропа становилась широкой и безопасной.

Он весь был в крови, ныл каждый сустав. Стараясь держаться в тени, он миновал выючного зверя, уныло ждущего хозяев, но не сделал и дюжины шагов, как на него набросились двое оставленных Номисом часовых. Они схватили его, раненая нога подвернулась, и Матт упал.

— Лучше спасайтесь бегством, — посоветовал он разбойникам, точнее, их коленям, — за вашим хозяином пришел сам дьявол.

Они отвлеклись на несколько секунд, глядя в ту сторону, откуда приковылял Матт: теперь оттуда были слышны слабые стоны. И тут настал и их черед, только прикончил их не дьявол, а двое, замеченные Маттом, бежавшие вверх по тропе — один с мечом, другой с топором. Лязгнул металл, сдавленно охнул один разбойник, и все было кончено.

— Господин, ранена нога? — с тревогой спросил Харл, сунув топор за пояс и наклонившись над Маттом.

— Да. Все остальное уцелело.

— Мы сейчас покончим с остальными, — мрачно предложил Торла.

Матт пытался сосредоточиться.

— Нет, не сейчас. Номис вызвал из моря демона...

Торла содрогнулся, услышав дальний стон.

— Тогда скорей отсюда!

— Господин, ты можешь встать? — спросил Харл. — Хорошо, тогда обопрись на меня. — Он помог Матту подняться, вытащил из-под плаща что-то большое, круглое.

— Твой шлем, господин. Мы нашли его у калитки, и он направил нас по верному пути.

Матт потянулся за шлемом, как во сне. Наверное, Харл и Торла удивились, но подумали, что их господин еще не пришел в себя. Харл держал шлем как пустую металлическую скорлупу. Но эта корона могла раздавить своей тяжестью любого человека.

Дракон, дремавший в густом иле морской пучины, вдруг шевельнулся. Его дразнил сигнал-приманка, вставленный техниками Современности в шлем короля. Приманка была очень близко от берега. Если бы удалось взять в плен жизнеединицу, заменившую Ая, победа берсеркеров была бы обеспечена. Преследовать Ая вглубь суши нельзя — слишком много нарушений. Человекоподобный механизм непонятным образом потерян. Но шанс завладеть жизнеединицей на берегу был слишком соблазнителен, и, подняв облако ила, дракон медленно поплыл к поверхности.

С помощью Харла и Торлы он довольно быстро преодолел неровную тропу в Бланиум. Но торопиться было некуда. Номис и разбойники не осмелятся броситься в погоню. Если Номис и остался в живых, его влияние сильно подпорчено.

А дракон? Он сделал все, чтобы захватить Матта живым, не вызывая нарушений в жизнелиниях. Матт поежился. Похоже, если Матт не выйдет к прибою и не помажет дракону рукой, тот не бросится его преследовать. Но машина, чтобы убить Матта, могла бы выйти на сушу в любой момент. Стены Бланиума и армия не остановили бы дракона. Нет, если бы берсеркер хотел его убить, он бы это давно сделал, не помог бы и волшебный меч.

— Как тебе удалось бежать, господин?

— Расскажу потом. Дай мне пока подумать.

Командующий сказал: «Заставь дракона преследовать. Мы тебя вытащим в последний момент». Король должен уметь пожертвовать собой, так сказал Планетарный Командующий, и ему самому мысль казалась мудрой — ведь он сидел в безопасности подземного убежища, надежно защищенного от хроноракет.

Современность сражалась за спасение Племени Всех Людей, и Матт, как любой отдельный человек, был орудием в схватке. Его спасают, потом толкают вперед — пусть вызовет молнию из глаз морского дракона...

Неожиданно многое сделалось понятным, многое встало на свои места. То, что он узнал в Современности о войне с помощью хроноракет, хроноскважин и часовых экранов, вдруг совместилось со всем, что произошло в мире Ая. Как же он раньше не догадался? Им нужно, чтобы берсеркер убил Матта! Берсеркер это вычислил и старался захватить его в плен живым.

Вдруг запищал коммуникатор в шлеме, зачирикал тонким голоском, который слышал только Матт. Матт в

гневе едва не сорвал шлем, едва не забросил его в волны вместе с лживыми голосами Современности. Он его выбросит, решил Матт, подойдет ближе к воде... нет, теперь нужно избегать моря. Тогда он его бросит в расщелину поглубже.

Но он не бросил шлема, он схватил за плечи спутников, заставил остановиться.

— Добрые друзья, оставьте меня ненадолго одного. Мне нужно подумать ... и помолиться.

Харл и Торла обменялись взглядами. Просьба показалась странной. Но в конце концов после такого дня любой может повести себя немного странно.

Харл нахмурился.

— У тебя нет оружия.

— Врагов поблизости не видно. Оставь мне кинжал. Я недолго побуду наедине с собой.

И они оставили его сидящим на скале в свете луны, ушли, бросая назад пристальные взгляды. Он улыбнулся им вслед, он знал: они еще многие годы будут вместе. Да, будут! Современность его не достанет и не накажет за невыполнение приказа. Он не станет искать дракона. Между Современностью и хаосом небытия будет стоять только он, Матт, они не рискнут вернуть его в будущее. Временами он будет ошибаться и путаться, но на лучшее Современности рассчитывать не приходится.

Он снял жужжащий шлем, лениво почесал затылок. Потом повернул правое крыло и голос Командующего Хроносектором стал слышен даже сквозь шорох прибоа.

— Матт, отвечай, это срочно!

— Я здесь. Что нужно?

— Где ты? Что происходит?

— Я ухожу. К невесте и своему королевству.

Пауза.

— Матт, этого недостаточно. Продолжать роль Ая — этого может не хватить.

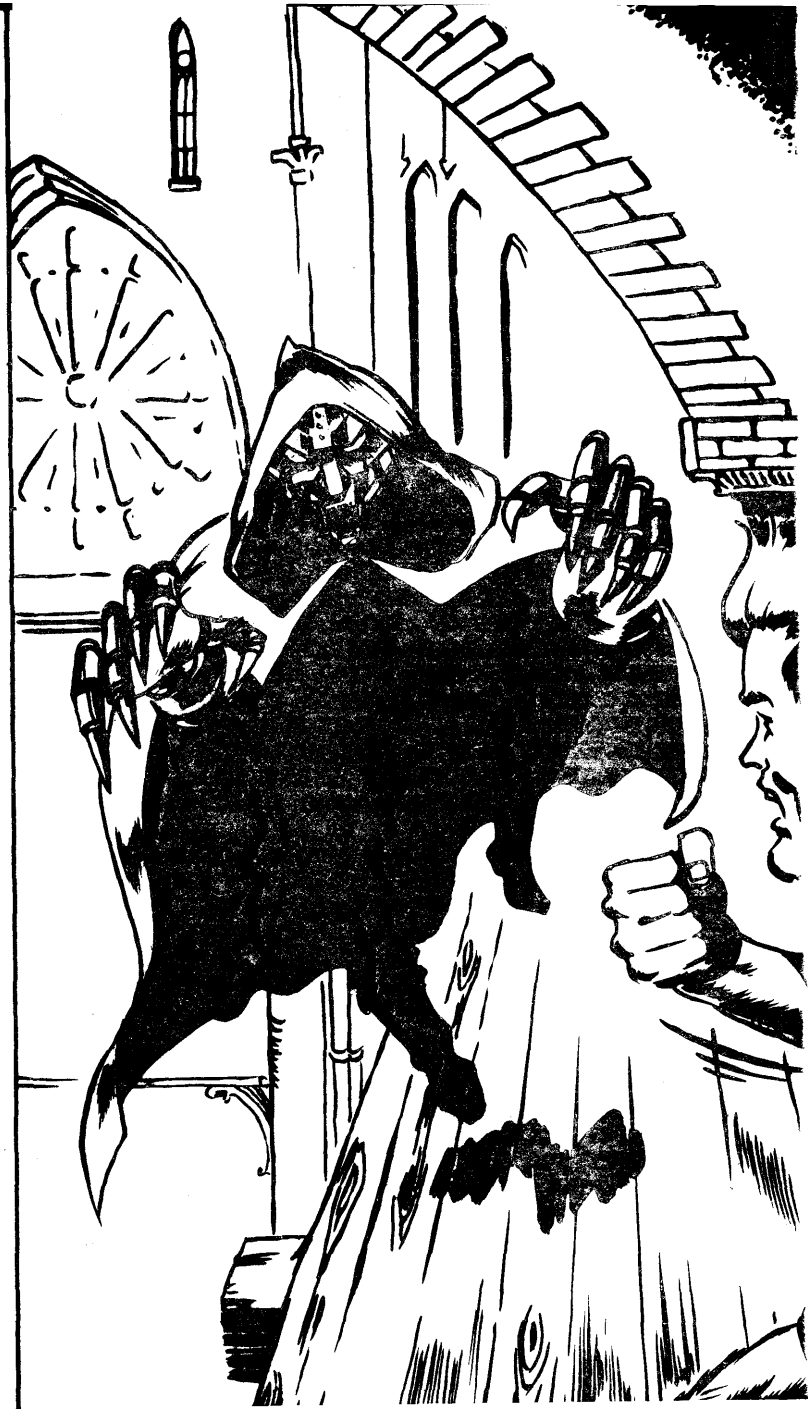
— Разве? Мне хватит. Я поохотился на демонов, использовал меч, больше оружия нет. Лучше оставить дракона в покое. Он ведь не думает меня убивать, как я понял.

— Что? Охота на демонов?

Матт объяснил. Удивленные восклицания в зале Сектора — они не предполагали, что враг попытается завладеть живым Маттом.

Потом снова заговорил Командующий Сектором. Он говорил просительно, но с отчаянной настойчивостью, чего Матт от Командующего не ожидал.

— Матт, машина не должна тебя поймать, что бы ни случилось.

— Не должна? Кажется, мне только и твердили — заставь ее двигаться...

— Забудь об этом. Нет, погоди, тебя она не поймает. Но только избегать дракона и играть Ая — этого уже не хватит, ты справляешься хорошо, но замещение линии Ая нас не спасет.

— Тогда зачем я нужен врагу?

— Потому что ты даешь нам фору во времени. А они хотят лишить нас шанса на отсрочку — вдруг мы найдем выход, новый способ защиты, или произойдет чудо. Они хотят играть наверняка. Я могу только просить тебя — пойди к морю, к берегу, вымани проклятую машину. Пусть она гонится за тобой.

— А если она меня поймает?

Пауза, голоса, потом так хорошо знакомый Матту голос.

— Матт, это Деррон. Все, кто здесь собрался, хотят одного — подсказать тебе лучший способ умереть. Ты должен заставить берсеркера убить себя. Он поймает тебя живым — тогда покончи с собой. Ты понимаешь? Ты должен умереть, любым способом, но только чтобы смерть вызвал дракон. С самого начала Сектор хотел только этого. Извини, но до запуска я не знал.

Заговорил Командующий Сектором:

— Матт, можешь нас выключить и уйти. К невесте, управлять королевством, как ты и собирался. Но только это будет медленная смерть. Твой мир будет все менее и менее вероятным. Современность исчезнет, а в твоей эпохе хаос начнется при жизни твоих детей. Вот такое ты им оставишь наследство.

— Ложь! — Но голос Матта сорвался. Он понимал, что Командующий говорит правду. Все, что делал Сектор Хроноопераций, — все это было для победы.

— Матт? Это опять Деррон. Это все правда. Не знаю, что тебе еще сказать.

— Друг, в этом нет нужды! — вырвалось у Матта с горечью. И чуть не сломав крыло шлема, он погасил голоса будущего.

Слишком поздно заставил он их молчать. Зерно было посеяно. Он медленно надел шлем и поднялся. Вскоре он увидел Харла и Торлу. Наверное, они за ним незаметно следили, охраняли.

Матт сказал им, уже спокойно:

— Нога болит. Легче будет пойти вдоль берега моря.

В окружении друзей, он пошел в сторону прибоя. Он шел медленно, нога в самом деле болела, пока он сидел, она затекла. Неважно. В голове проносились какие-то

обрывки мыслей, лица, картины. Время размышлений прошло.

Двадцать тысяч лет назад он вытащил каменного человека из воронки ядовитого копальщика. Матту казалось, что он в самом деле прожил двадцать тысяч лет. Он видел, как выросло Племя Всех Людей, покорило пространство и время. Он познал дух жизни, часть его. Он был королем, и женщина с душой королевы любила его.

Они шли вдоль кромки прибоя, и он совсем не удивился, когда одна из скал превратилась в кошмарную голову в пене лунных брызг и закачалась на плетеном бревне шеи. Дракон выбросился на берег, метнулся к стоявшим быстрее самого быстрого бегуна.

— У меня кинжал, — спокойно сказал Матт. — Мечом и топором вы работаете лучше меня.

Дракону нужен был только Матт, но предложить друзьям бежать? Бессмысленное оскорбление.

Он сжал кинжал острием вверх. Голова дракона на шее-бревне толщиной в человека надвинулась на Матта, ударили меч и топор, но безрезультатно. Матт очень устал, он ждал, когда же сомкнутся огромные, как стены разверстой могилы, челюсти. И в миг, когда челюсти мягко и мощно сошлись, он твердой рукой прижал кинжал к сердцу...

— Она убила! Убила его!

Командующий прошептал эти слова, не веря собственным глазам. Потом воскликнул во весь голос:

— Она его убила!

Остальные охотники, уныло застывшие у часовых экранов, ожили. Предвкушение удачи пронзило их навывлет. Паутины зеленых линий стянулись, как лассо, высветили ярко-зеленую верную цель.

В глубокой пещере Второго Уровня металлические руки извлекли из стеллажа ракету, на полу замерцал серебряный круг. Руки щелкнули, вздрогнули и отпустили ношу. Ракета исчезла в круге...

Деррон смотрел, как уничтожается хроноскважина врага, он знал, какую победу они одержали. Наслоения искажений вокруг линии Ая вскипели, начали распрямляться. Течение истории надежно вернулось в привычное русло. И только одна линия, катализатор перемен, осталась сломанной. Но чтобы заметить столь мелкую деталь, нужно было пристально всматриваться в экран.

Торчащий обломок линии сомнений не оставлял, и все же рука Деррона сама нажала вызов Третьего Уровня.

— Альф? Слушай, в каком он состоянии... хорошо, спасибо.

Он ждал, не выключая связи, устало глядя на экран. Он ничего не видел, он думал о другом, а вокруг пенились бурные волны триумфа победы, выплескивали поверх кромок военной дисциплины.

— Деррон? — Альф обстоятельно рассказал о кинжале в сердце Матта и о том, что мозг Матта слишком долго был без крови и кислорода, и врачи ничего сделать уже не могут.

Деррон щелкнул выключателем связи, остался сидеть перед часовым экраном. Он очень устал. Кое-кто закурил сигары. Кто-то весело требовал выдать всем порцию грога. Потом в зал пришел сам Командующий Сектором. В руке его был стакан, он молчал и не улыбался. Он остановился рядом с Дерроном.

— Это был отличный человек. Самый лучший, спору нет. Немногим удастся даже тысячная доля всего, что он совершил. Ценой жизни или смерти.

Он поднял стакан и торжественно выпил тост за разорванную зеленую линию.

— Дело в том, — сказал Деррон, — что судьбы мира меня не волнуют. Только судьбы некоторых людей, иногда.

Командующий мог и не услышать, шум в зале стал громче.

— Майор, вы хорошо провели операцию. Мы будем расширять Сектор, для ключевых постов нужны толковые люди... Думаю порекомендовать вас на новое повышение...

Подняв руки, Номис стоял на плоской скале, седую бороду и черный балахон рвал ветер. Старик вершил свое злое дело третий день подряд. Номис не сдавался, но его не покидало ощущение, что все труды напрасны — Ая ему не погубить...

Принцесса Аликс стояла на башне, прикрывая ладонью глаза от яркого утреннего солнца, искала на горизонте парус или мачту. Охваченная радостным волнением, она ждала приближения будущего мужа и господина...

Харл знал, что скалы Королевины прямо по курсу, хотя еще оставался день хода на веслах. Он хмуро всматривался в серую гладь моря, но ничего, кроме дальней полосы шквала, не было видно. Потом лицо воина прояснилось. Юный Ай готовил план битвы, которая ждала их впереди.

3

Босой человек в одежде монаха достиг конца подъема и остановился, глядя на равнину впереди. Мощеная дорога, по которой он шел, бежала от него почти по прямой, рассекая поля и жалкие рощицы, жавшиеся под свинцово-серым небом. Плиты дороги уложили еще во времена расцвета Континентальной Империи, и мало что сохранилось так же хорошо за прошедшие века.

С холма, где стоял монах, дорога казалась нацеленной на высокую стройную башню, четкую и одинокую на фоне тусклого неба. Основания башни не было видно, до нее оставались еще долгие мили пути, монах шел к башне уже полдня, а цель все еще далека.

Монах был невысоким человеком, но крепкого, жилистого сложения. По внешности было трудно судить о возрасте монаха: ему могло быть и двадцать лет, и сорок. Лицо с редкой бородой было усталым, серую одежду пятнала еще более серая грязь, которой были покрыты поля по сторонам дороги, и, похоже, ни этой, ни прошлой весной их не засевали.

— О Святейший, спасибо! Теперь я могу идти по мощеной дороге, — пробормотал монах и продолжил путь. Босые ноги больше походили на старые крепкие ботинки — такие же твердые и поцарапанные.

Не считая далекого шпиля, о былом присутствии человека говорили развалины стен неподалеку от обочины, которые когда-то могли служить караван-сараям или военным постом времен расцвета Империи. Но в прошлом месяце по дороге прошла новая война и превратила еще одно здание в груды камня. Казалось, остатки строения вот-вот утонут в грязевом море и даже весенняя трава не успеет прорасти меж камней.

Дойдя до руин, монах присел на обломок стены отдохнуть, с печалью рассматривая это еще не самое ужасное свидетельство разрушения и упадка. Потом наклонился, поднял выпавший камень. В худощавых цеп-

ких ладонях чувствовалась сила. Посмотрев на камень, он ловко пристроил его в выбоину. Очевидно, человек этот был опытным каменщиком. Он выпрямился, оценивая работу.

Далекий голос заставил его поднять голову и посмотреть в ту сторону, откуда он пришел. Еще одна фигура, в таком же монашеском плаще, спешила вдоль дороги, размахивая руками, чтобы привлечь внимание.

Монах немного повеселел, узрев перспективу получить спутника. Он помахал в ответ, забыв об игре в каменщика. Потом поднялся навстречу.

Тот оказался человеком среднего роста, плотного, если не грузного сложения, с мягкими, недавно тщательно выбритыми щеками.

— Слава Святейшему, почтенный брат! — пропыхтел новоприбывший, подойдя вплотную.

— Слава имени Его. — ответил бородатый монах необыкновенно мягким голосом.

Толстый монах, которому на вид было лет тридцать, присел на обломок стены, отер лицо, шумно вздохнул и поинтересовался:

— Не ошибаюсь ли я? Ведь ты брат Иованн Эрнардский?

— Да, это мое имя.

— О, будь славен Святейший! — Толстяк клином сложил пальцы, закатил глаза к небу. — Меня зовут Саил, брат. И будь славен Святейший, говорю я...

— Да будет так.

— ... потому что послал он мне встречу с тобой, Брат Иованн, скоро люди устремятся к тебе с четырех сторон света, ибо слава о твоих добродетелях разошлась далеко, до самого Моснара, и даже в земли Неверного. И в нашей собственной земле... в самых глухих деревушках самые забитые крестьяне знают твое имя.

— Боюсь, и многие мои недостатки хорошо известны здесь. Я родился в этих краях.

— Брат Иованн, ты чересчур скромн. Встретиться с тобой стоило мне долгих трудов, во время которых я был наслышан о твоих святых деяниях.

Брат Иованн с некоторой тревогой снова присел на стену.

— Зачем ты так говоришь? Ты стремился найти меня?

— О-о! — Саил покачал головой, словно повторил: «Сколько это стоило трудов!»

— Пламя моего стремления загорелось несколько месяцев назад, когда из достоверных источников я узнал о том, что ты покинул ряды армии Вернейшего, смело

пересек ничейную землю и направился прямо в логово неверных. И вошел в палатку Архиневерного и проповедовал ему истину Святого Храма!

— Но обратить его мне не удалось, — с печалью сказал Иованн. — Ты правильно поступил, напомнив об этой неудаче. Я склонен к греху гордыни.

На мгновение Саил потерял нить рассказа, но только на мгновение, потому что тут же продолжил:

— И вот, как я уже сказал, когда я услышал об этом, брат Иованн, моим смиренным желанием и святым стремлением стало найти тебя и первым примкнуть к рядам будущих твоих последователей. — Саил вопросительно приподнял брови. — Верно ли, что ты в самом деле идешь в Имперский Город, чтобы, обратившись с петицией к нашему святому Викарию, просить разрешения основать новый орден?

Взгляд Брата Иованна был устремлен на далекий шпиль башни.

— Брат, когда-то Бог призвал меня возрождать рухнувшие храмы с помощью камня и кирпича... Теперь камни и кирпич заменят люди.

Он улыбнулся брату Саилу. — Что же до твоего желания — пока ничего сказать не могу. Орден еще не создан. Но если согласишься идти в Имперский Город, я буду счастлив разделить с тобой компанию.

Саил вскочил, отвечивая поклоны, — голова прыгала, как на пружине.

— Счастлив и горд этой честью, брат Иованн!

Саил все еще рассыпался в благодарностях, когда оба двинулись дальше. Саил оказался разговорчивым спутником — он комментировал неприятную перспективу нового дождя, рассуждал о добыче пропитания в этой пустыне, но вдруг спокойное течение их путешествия было нарушено.

Их нагнал быстрый экипаж. Без украшений, но добротного вида, он мог принадлежать знатному человеку или прелату среднего ранга. Стук колес вовремя предупредил монахов, и они отступили на обочину. Четыре резвых тягуна промчали экипаж на приличной скорости.

Пока экипаж грохотал мимо, внимание брата Иованна привлек один из пассажиров, тот, что сидел лицом вперед, слегка выставив локоть в окно. Насколько можно было судить, он был плотного сложения, коренастый, богато одетый. Он был немолод, с седой бородой, хотя коротко подстриженные волосы на голове еще сохраняли рыжий цвет. Толстые губы кривились презрительно, как будто бородач собирался сплюнуть.

— Могли бы нас подбросить, — грустно пробормотал брат Саил вслед экипажу, исчезавшему вдаль. — Места полно. Там ведь было всего два путника, верно?

Брат Иованн покачал головой. Его поразили глаза рыжеволосого человека: серого цвета, ясные, недвусмысленно говорившие о сильной воле. Но одновременно в них читался страх. Взгляд рыжеволосого был устремлен в ту невидимую точку, где за сотни миль находился Святой Город.

Покинув вечеринку в Секторе Хроноопераций, Деррон еще не знал, куда пойдет. И только увидев перед собой госпитальный комплекс, он понял, что ноги сами привели его к Лизе. Да, лучше все сразу ей сказать и покончить с их отношениями раз и навсегда.

В общежитии медсестер ему сообщили, что Лиза, бросив курсы, выехала еще позавчера. Сейчас она осваивала другую специальность и делила жилой отсек в верхнем уровне для служащих низших рангов с другой девушкой.

На стук Деррона дверь открыла соседка Лизы. Судя по всему, она была занята своей прической, и тут же удалилась во внутрь отсека, сделав вид, что ничего не слышит.

Лиза все поняла по лицу Деррона. Она встала на пороге, заставив Деррона остаться в коридоре, где его то и дело толкали прохожие.

— Матт, — сказал Деррон. Лицо Лизы было спокойным, как маска. — Мы выиграли бой, берсеркеры отброшены. Он пожертвовал собой и погиб. — И с каким-то облегчением увидел, как дрогнуло лицо Лизы.

— Я ... знала, вы его убьете.

— Бог мой, Лиза! Я этого не хотел! — Он было протянул к ней руку, но вовремя удержался: она медленно, скорбно убрала руки за спину, облокотилась о косяк двери.

— Теперь... ничего сделать нельзя?

— Врачи пытались, но... было поздно. А в прошлом для Матта ничего сделать нельзя — это значит конец нашего мира.

— Мир этого не стоит!

Он пробормотал что-то совсем тусклое и банальное, но дверь уже захлопнулась перед его лицом.

Конечно, если бы Лиза была в самом деле ему нужна, он бы остался. Так думал Деррон несколько дней спустя в одиночестве маленького офицерского кабинета в Секторе Хроноопераций. Он заставил бы ее снова открыть

дверь, он выбил бы дверь одним ударом. Всего лишь пластиковая дверь, а за ней стояла живая Лиза!

Но та женщина, к которой он действительно стремился, уже больше года назад скрылась за дверью смерти. А перед этой дверью человек только скорбит, пока не почувствует, — пора возвращаться к жизни. Задумавшись, Деррон не сразу заметил адресованный ему официального вида конверт, толстый и гладкий. Должно быть, курьер оставил конверт на столике Деррона в отсутствие хозяина. Деррон несколько секунд разглядывал конверт, потом вскрыл.

Внутри он обнаружил официальное извещение о повышении в чине до лейтенанта-полковника. «... Принимая во внимание ваши выдающиеся достижения... в ожидании дальнейшего...» К удостоверению были приложены нужные знаки различия.

Деррон тут же забыл о повышении в чине и еще несколько минут сидел, глядя на древний боевой шлем с крыльями, поставленный, как трофей, на книжный шкафчик. Резкий металлический звон сигнала тревоги заставил его рефлекторно вскочить на ноги и броситься к двери. Секунду спустя он уже мчался к брифинг-залу.

Опоздавшие еще занимали места, а один из генералов, начальник отдела персонала, поднялся на кафедру у доски-экрана и начал брифинг.

— Господа, третья атака началась. Это последняя атака, вне зависимости от ее исхода по эту сторону реальности больше берсеркеры нападать не смогут. Она даст нам последний вектор, и мы накроем вражеский плацдарм за границей двадцать первой тысячи лет вниз по линии.

Кое-кто из оптимистов негромко выразил предвкушение победы.

— Радоваться пока рано. Третья атака будет совершена с применением новой тактики берсеркеров. Что-то очень хитрое и опасное — на это указывают все обстоятельства.

Генерал поднял штору над свежееизготовленными картосхемами.

— Как и предыдущая, эта атака направлена на отдельного индивида. Сомнений относительно личности мишени нет. Это Винченцо Винченцо.

Аудитория встревоженно зашумела. Ведь даже самые малообразованные люди слышали о Винченцо Винченцо, хотя тот умер триста лет назад, никогда не был правителем, не основал новой религии и не выигрывал сражений.

Деррон постарался сосредоточиться, сел прямее, чув-

ство тяжести в мыслях пропало. Ведь период жизни Винченцо он изучал в довоенные годы...

Генерал на кафедре деловым тоном продолжал:

— Жизнелиния Винченцо — одна из немногочисленных сверхважных линий, мы за ними следим постоянно вдоль всей эффективной длины. Конечно, берсеркер может к нему подобраться незаметно. Но если враг попытается нанести вред Винченцо или любому лицу в радиусе двух миль от Винченцо, мы зафиксируем хроноскважину через две-три секунды. То же самое касается попытки взять Винченцо в плен.

— Мы ведем наблюдение с момента жизни прародителей Винченцо, заканчиваем датой его последней важной работы, то есть до возраста в семьдесят восемь лет. Враг может знать о нашем охранном мониторинге. Поэтому, как я сказал, на этот раз берсеркеры могут применить что-то необычное.

Познакомив аудиторию с деталями экранной охраны жизнелиний от непосредственного покушения, генерал перешел ко второму пункту.

— Хронологически враг проникает в реальное время всего за десять дней до известного суда Защитников Веры над Винченцо. Едва ли это совпадение. Представьте, что берсеркеру удастся изменить приговор суда и Винченцо казнен. Если Защитники сожгут Винченцо, влияние берсеркера будет косвенным и не поможет нам выйти на его «скважину».

Не забывайте, что даже смертного приговора врагу добиваться не нужно. К началу процесса Винченцо уже семьдесят лет. Если его будут пытать или бросят в темницу, вероятность преждевременной смерти очень велика.

Генерал в первом ряду поднял руку.

— Но разве в реальности с ним не поступили аналогичным образом?

— Нет, это распространенное заблуждение. На самом деле Винченцо ни одного дня не провел в темнице. Во время процесса он жил у друга-посланника. После отречения провел годы в комфортабельных условиях под домашним арестом. В это время он ослеп, но успел заложить основы современной динамики. Нет нужды говорить, что от этих работ очень сильно зависит существование современной науки и нас самих. Прошу понять — именно годы жизни Винченцо после процесса важны для нас.

Генерал, задававший вопрос, заерзал.

— Но как может машина повлиять на решение духовного трибунала?

Проводивший брифинг генерал только развел руками и грустно покачал головой.

— Честно говоря, у нас пока мало идей. Сомнительно, чтобы враг использовал прием сверхъестественного вмешательства — после провала последней попытки. Но вот какая деталь важна — в операции участвует только одна машина, небольших, приблизительно человеческих размеров. Сразу возникает идея андроида. — Генерал замолчал, оглядел аудиторию. — Да, мы знаем, берсеркерам пока не удавалось создать андроида, внешне неотличимого от человека. И все же нельзя исключать возможность, что на этот раз у них может получиться.

Разгорелся спор о возможных контрмерах. На Втором Уровне к запуску готов целый арсенал, но кто может сказать, что именно понадобится?

Генерал, проводивший брифинг, на минуту отодвинул в сторону диаграммы.

— Единственный плюс — атака идет на уровне, куда мы можем забрасывать агентов-людей. Естественно, именно на них мы делаем главную ставку. Их задача — следить за Винченто, выявлять отклонения от хронореальности. Поэтому агенты должны хорошо знать этот период истории, не считая опыта в работе Хроносектора...

Деррон разжал кулак, посмотрел на значки и начал пристегивать их к воротнику.

Пройдя еще две мили, брат Иованн и брат Саил преодолели новый холм и снова встретились с обогнавшим их недавним экипажем. Пустой экипаж стоял у разбитых ворот. Распряженные тягуны весело щипали траву. За воротами виднелись домики с крышами из сланца. Домики жались к склону холма, на который взбегала дорога.

На вершине холма высился знаменитый храм-собор Оибогский. Кое-где камень не успел даже покрыться мохом — такой недавней была постройка. Взметнув к серым тучам стройный шпиль, здание парило над человеческими заботами и тревогами.

Древняя дорога, минуя разрушенный монастырь у подножия храма, выбиралась на мост или, вернее, на то, что от моста осталось: пролеты вместе с четырьмя из шести опор исчезли, сорвавшая мост река гневно бушевала, стволы деревьев ломались об уцелевшие опоры, как спички.

По другую сторону бурного потока весенней реки, на безопасном холме, расположился город Ойбог. За открытыми городскими воротами, в которые входила имперская дорога, множество экипажей ждали возможности покинуть Святой Город и продолжить путь.

Брат Иованн посмотрел на зловещие свинцово-серые тучи, обложившие небосвод. Как распухшая великанская змея, река бежала в испуге от этих туч, подстегиваемая далекими вспышками молний.

— Брат, сегодня нам не переправиться.

Прежде, чем Саил ответил, хлынул ливень. Подобрал полы плащей, монахи бросились бежать. Иованн — босиком, Саил — в хлопающих сандалиях. Вместе с пассажирами экипажа они укрылись в сомнительном убежище заброшенного монастыря.

В сотне миль от их убежища, в бывшей столице исчезнувшей империи, которая сейчас называлась Святым Городом, где зубчатые стены обороняли Святой Храм, день выдался душным. Только гнев Набура Восьмого, восемьдесят первого по счету в ряду Викариев Святейшего, подобно грозовому дуновению тревожил атмосферу роскошных личных апартаментов.

Гнев Викария копился давно. Так считал Защитник Белам, который в одеждах королевского пурпура молча стоял и ждал, пока минует гроза: гнев копился как раз для того, чтобы его можно было разрядить, излить безопасно в уши самого доверенного из аудиторов и друзей.

Очередная тирада Викария была направлена против военных и теологических противников, но ее прервали в середине. Снаружи что-то заскрежетало, потом глухо ударило. Закричали рабочие. Викарий подошел к окну-балкону, выглянул во двор. Белам знал, что во дворе сгружали большие мраморные блоки: сегодня же прославленный скульптор выберет подходящий блок и начнет работу над статуей Набура.

Впрочем, какая разница? Каждый из восьмидесяти предшественников Викария жаждал осчастливить потомков этим знаком мирской славы.

Викарий отвернулся от окна, взметнув полы белой рясы. Он заметил неодобрительное выражение на лице Белама.

Сердитым тенором, уже сорок лет похожим на голос старика, Викарий произнес:

— Статую мы поместим на Большой площади, дабы величие Храма и нас самих было укреплено в глазах мирян!

— Да, мой Викарий, — спокойно ответил Белам. Вот уже несколько десятилетий, как он носит звание Защитника Веры и Принца Храма. На его глазах приходили и уходили многие, и дурное настроение Викария не было для него чем-то необычным.

Набур решил, что проблему нужно рассмотреть подробнее.

— Белам, повышенное уважение нам необходимо. Неверные и еретики дробят врученный в наши руки мир. — Последнее вырвалось, как крик из глубины сердца Викария.

— Твердо верю я, мой Викарий, что и вера наша, и армия — все выйдут победителями.

— Победят? — Викарий величаво прошествовал к Беламу, искривив губы в горькой насмешливой улыбке. — Само собой! Когда-нибудь. Еще до конца мира! Но сейчас, Белам, сейчас Святой Храм изранен и кровото-чит, и мы... — Голос Викария упал до чуть слышного шепота. — И мы переживаем тяготы немалые. Немалые и многочисленные, Белам. Тебе не понять, не подняв-шись на наш трон.

Белам поклонился с молчаливым и искренним почте-нием.

Викарий принялся мерить зал шагами, полы белого одеяния развевались. Но сейчас у него была цель. С заваленного бумагами рабочего стола он взял брошюру, потрепанную от многократного чтения, помятую, как если бы ее неоднократно швыряли через всю комнату.

Беламу брошюра была хорошо знакома. Еще одна причина сегодняшней грозы, подумал он с привычным холодом изощренного в софистике теолога. Сравнительно небольшая заноза. Но именно эта колючка ужалили Набура в нежнейшую часть его тщеславия.

Набур потряс книжицей перед Беламом.

— Ты отсутствовал, Белам, мы не могли обсудить вот это... предательскую мерзость мессира Винчен-то! Так называемый «Диалог о движении приливов!» Ты читал?

— Я...

— Гнусного писаку интересуют вовсе не приливы. Цель брошюры — еще раз возвестить миру о еретических бреднях автора. Он мечтает превратить надежную твердь под ногами в пылинку, отправить нас в полет вокруг солнца! Но этого мало! Ему и этого мало!

Белам нахмурился, он был откровенно озадачен.

— В чем же дело, Викарий?

Набур, пылая гневом, наступал на него, словно Защитник был в чем-то виноват.

— В чем дело? Я тебе расскажу! Брошюра написана в форме спора трех лиц. И под лицом, которое защищает традиционные идеи и именуется, следовательно, как «простодушный» и «стоящий ниже уровня развития достойного человека», под этим персонажем Винченцо подразумевает нас!

— О, мой Викарий!

Набур решительно кивнул.

— Именно нас. Некоторые наши слова вложены прямо в уста простака!

Белам с сомнением покачал головой.

— Винченцо всегда легко увлекался спором, вдавался в крайности. Я склонен все же думать, что ни в этой, ни в других брошюрах он не стремился унижить достоинство моего Викария лично или Святого Храма вообще.

— Я знаю, к чему он стремился! — едва не заорал Викарий Набур, а потом он, самый высокочтимый и самый, — возможно, — ненавидимый в мире, несущий самый тяжкий — как он считал, — богом данный груз обязанностей, застал и, как испорченный, балованный ребенок, шлепнулся в кресло.

Разрядив гнев, Викарий вскоре пришел в спокойное, рассудительное состояние ума.

— Белам!

— Да, мой Викарий.

— Ты успел изучить брошюру? У тебя ведь было немного времени в дороге? Я знаю, брошюра разошлась широко.

Белам подчеркнуто серьезно склонил голову в знак согласия.

— Тогда познакомь нас с твоим мнением.

— Мой Викарий, я теолог, а не натурфилософ. Я проконсультировался с астрономами и другими учеными и выяснил, что большинство поддерживает мое мнение в этом вопросе. То есть рассуждения Винченцо о приливах еще ничего не доказывают, если речь идет о движении небесных тел, и при этом они не слишком достоверны в отношении самих приливов.

— Он думает, мы дураки. И блеском умных слов хочет заставить нас принять ту низкопробную логику, которую нам подсовывает. И надеется, что мы даже не заметим его издевательства! — Викарий привстал, но тут же занял прежнее место.

Белам предпочел не говорить об этой версии, в которую сам он, кстати, ни на йоту не верил, — о том, что целью брошюры было, якобы, святотатственное издевательство. Ход светил — сама по себе важная проблема.

— Как, может быть, помнит Викарий, несколько лет назад я имел случай отправить Винченцо письмо касательно его рассуждений о гелиоцентрической теории Вселенной. И это вызвало опасения относительно моих качеств Защитника Веры.

— Мы хорошо помним этот случай, гм-мм. Собственно, мессир Винченцо уже вызван сюда и предстанет перед трибуналом — он нарушил ваше предписание того времени... Что вы ему тогда писали, Белам? В каких дословно выражениях?

Белам немного подумал, потом начал отвечать, медленно и четко выговаривая слова:

— Я писал, что, во-первых, математики могут производить любые вычисления и публиковать все, что желают, касательно наблюдений за небом и других природных феноменов, но при условии, что они остаются в рамках гипотезы. Во-вторых, совсем другое дело, если кто-то начнет доказывать, будто бы солнце в самом деле находится в центре Вселенной, а наш планетный шар в самом деле вращается вокруг оси с запада на восток, один оборот в день и один оборот вокруг солнца за год. Такие утверждения чрезвычайно опасны. Формально они не еретические, но могут нанести вред вере, противоречат Святому Писанию.

— Твоя память, Белам, как всегда, выше всяких похвал. И когда ты отправил предостережение?

— Пятнадцать лет назад, мой Викарий. — Белам натянуто улыбнулся. — Но должен признаться, сегодня утром перечитал копию из нашего архива.

Он снова стал серьезен.

— В-третьих, я написал Винченцо, что, имея доказательство новой картины Вселенной, мы были бы вынуждены пересмотреть истолкование глав Священного Писания, утверждающих обратное. Нам уже приходилось менять прочтение Писания, например, в отношении формы мира. Но пока таких доказательств нет, нельзя игнорировать традиционное мнение и мнение власть предержащих.

— Нам представляется, что ты писал верно, как и всегда.

— Благодарю, мой Викарий.

На лице Викария отразились удовлетворение и злоба одновременно.

— Сомнений нет, брошюрой Винченцо нарушил запрет! Тот спорящий, в чьи уста он вкладывает собственное мнение, не представляет убедительных доказательств, приемлемых для простых смертных. Но он спо-

рит и доказывает, что мир крутится волчком! И стремится убедить читателя. И, наконец... — Тут Викарий с трагическим видом встал, — он использует наш довод о том, что Господь способен на любое чудо вне рамок научной достоверности. Этот наш довод звучит из уст простака-олуха, который потерпел поражение в споре. Он цитирует наше мнение как происходящее из уст «человека глубоких познаний, точка зрения которого сомнению не подлежит». На этом остальные спорящие ханжески заявляют, что прекращают спор, и решают пойти подкрепиться. Разве не ясно, что они — и автор с ними! — потихоньку над нами хихикают?

Пока Викарий приходил в себя, в покоях царила тишина. Ее нарушал шум и смех рабочих во дворе. Что они там делают? Ах да, сгружают мрамор. Белам быстро пробормотал молитву: да не придется ему вновь сооружать костер для еретика! Набур заговорил, но уже спокойным тоном: — Итак, Белам, не считая приливов, думаешь ли ты, что имеется доказательство для идеи Винченцо о вращающемся мире? Которое он мог бы дерзко представить перед трибуналом и... нарушить его ход?

Белам подобрался.

— Мой Викарий, суд над Винченцо нужно вести с величайшим старанием выяснить истину. Винченцо может спорить, защищая себя...

— Конечно, конечно! — Набур замахал рукой, как будто отгонял насекомое, — этот жест заменял ему извинение. И замолчал — он ждал ответа.

Белам хмуро глядел в пол, потом начал, как бы сказали в Современности, брифинг по сути проблемы.

— Мой Викарий, все эти годы я старался не отставать от движения астрономической мысли. Многие астрономы — враги мессира Винченцо, потому что он дерзкий спорщик, такого трудно переносить, а когда он прав — втройне трудно. — Белам быстро взглянул на Набура, но Викарий был спокоен. — Не правда ли, что брошюру, мой Викарий, принес вам один священник-астроном, которого Винченцо разгромил в диспуте?

Хотя Белам знал нескольких подобных лиц, сейчас он бросал шар наугад.

— Гм, возможно, вполне возможно. Но Винченцо оскорбил Храм, и если даже факт оскорбления стал нам известен таким путем...

Теперь оба пожилых человека мирно двигались по комнате, как две планеты, попавшие в сферу взаимного возмущения.

Защитник Веры сказал:

— Я хочу показать, как трудно получить беспристрастное свидетельство по делу от других ученых. И все же, хотя астрономы не собираются защищать Винченцо, я знаю, что многие используют в вычислениях математическое предположение, что планеты, пусть некоторые, вращаются вокруг солнца. Эти расчеты точнее, красивее, больше удовлетворяют астрономов, не требуется столько эпициклов для придания орбитам формы окружности... Естественно, идея рождена не Винченцо, как и идея о шарообразности нашего мира.

— Да-да, формулы Винченцо помогают сделать расчеты точнее. Но не отвлекайся! Есть ли у него доказательство? Математическое или иное? Ясное, очевидное, доказательство любого рода?

— Я бы сказал, что скорее наоборот.

— Ха! — Набур посмотрел в лицо Беламу.

— Если у Винченцо было доказательство, он бы напечатал его в брошюре, — спокойно сказал Защитник. — Наоборот, имеются свидетельства того, что он заблуждается. — Белам повел слабыми пальцами кабинетного ученого, словно собирался поймать пушинку. — Если бы наш шар ежегодно путешествовал вокруг солнца, видимое положение неподвижных звезд менялось бы с каждым месяцем по мере того, как мы приближались к одному созвездию и удалялись от другого. Но такого смещения не наблюдается.

Викарий Набур кивал с довольным видом.

Белам пожал плечами.

— Конечно, можно сказать, что звезды так удалены, что наши инструменты смещения не обнаруживают. Винченцо найдет аргументы в свою пользу, если ему понадобится... Боюсь, ни один астроном не сможет доказать ошибку Винченцо, как бы многие из них того ни желали. И я думаю, мы должны признать, что вид небес не изменился бы существенно, если бы мы на самом деле двигались вокруг солнца.

— Этого достаточно любому здравомыслящему человеку.

— Совершенно верно, мой Викарий. Как я писал Винченцо, там, где отсутствуют доказательства, мы не имеем права поворачиваться спиной к традициям и заменять Святое Писание притянутыми за уши толкованиями. — Голос Беламы повысился, приобретая силу, потрясавшую суды. — Мы, слуги Храма, имеем торжественное обязательство перед Богом — охранять истину, открываемую Святым Писанием. Все, что я писал пят-

надцать лет назад, верно и сегодня. Мне не предъявлено доказательств движения мира, и, следовательно, я не могу верить, что движение есть!

Викарий опустил в кресло. Лицо его стало почти нежным, когда он поднял руки и решительно хлопнул по резным подлокотникам.

— Тогда наше решение таково — ты и другие Защитники Веры продолжите работу над обвинением. — Сначала Набур говорил как бы с сожалением, но постепенно злость вернулась к нему, хотя уже и не столь ярая. — Мы не сомневаемся — Винченцо можно обвинить и признать виновным в нарушении твоего запрета. Но пойми, мы не желаем, чтобы на нашего заблудшего сына наложили слишком суровое наказание.

Белам ответил благодарным поклоном.

Набур продолжал:

— Мы милостиво устанавливаем, что на Веру он не покушался и не стремился оскорбить нас лично. Он всего лишь чересчур упрям и горяч в споре. И ему не хватает благодарности и смирения. Он должен усвоить одно: ни в какой сфере — ни в духовной, ни в естественной — он не смеет представлять себя единственным авторитетом... Разве не пытался он однажды учить тебя теологии?

Белам еще раз согласно склонил голову, напомнив себе, что не должен искать личного удовлетворения в приближающемся унижении Винченцо.

Но Набур не мог оставить этой темы!

— О да, я мог бы его проклясть! Ведь в прошлом мы первыми удостоили его похвалы за успехи. Мы одарили его личной аудиенцией. Мы выказали такую степень дружелюбия, какой не всегда удостоивали принцев! Прежде, чем сесть в это кресло, мы сами написали брошюры, где хвалили Винченцо. И вот чем он отплатил нам!

— Я понимаю, мой Викарий.

— Как я заметил, вы просите направить вас в определенный момент, полковник Одегард.

Полковник Лукас, хотя обращение Деррона было формальным, говорил, не вынимая изо рта сигары: они иногда проводили время в одной компании, и сейчас ему трудно было выбрать верный тон. Если бы он был другом Деррона, то отказался бы проводить тест. Но были ли у Деррона друзья среди живых? Чан Амлинг... старый однокашник, конечно... Но едва ли близкий, как говорится, закадычный друг. Таких у него вообще не было.

Лукас смотрел на Деррона.

— Да, я просил, — сказал Деррон, чувствуя, что пауза затянулась.

Лукас передвинул сигару из одного угла рта в другой.

— Винченцо проведет два дня под Ойбогом. Задержка в пути на трибунал. Он ждет, пока спадет вода в реке. У вас особые причины выбрать именно это место?

Причины у Деррона были. Но сейчас он не хотел о них говорить. Он даже от себя самого держал их в секрете.

— Просто я хорошо знаю это место. Однажды я там провел целые каникулы. Это одно из мест, которые мало изменились за последние триста-четырееста лет.

Конечно, и город, и ойбогский собор вместе с другими достопримечательностями поверхности сейчас относились как к физическому, так и к грамматическому прошлому. Но те каникулы Деррон провел с ней. Он поймал себя на том, что сидит, как истукан, и несколько расслабился.

Шурясь сквозь сигарный дым, полковник Лукас перебирал бумаги на столе, потом задал хитрый вопрос — один из целого набора хитрых вопросов.

— Есть ли у вас вообще причины проситься в агенты?

Вопрос тут же вызвал в памяти Деррона лицо Матта, потом Ая: они слились в одну фигуру короля. И чем дальше от современности, тем грандиознее становилась фигура — как гора, удаляясь от которой, видишь, что она начинает расти на фоне неба.

Но о такой причине Деррон не хотел говорить: он не хотел показаться чересчур благородным.

— Как я уже упоминал, я хорошо знаю этот период. И думаю, что справлюсь с заданием. Как и все мы, я хочу выиграть войну. — Нет, он бормочет какие-то пропагандистские штампы. Лучше свести дело к шутке. — Вообще-то я гоняюсь за престижем. Самоутверждение. Повышение. Выбирайте, что именно. Попал я хоть раз в яблочко?

— А где оно? — хмуро пожал плечами Лукас. — Не знаю, почему я должен спрашивать об этом... почему все бегут в агенты? — Он аккуратно сложил листики стопкой, положил прямо перед собой. — Итак, полковник, еще один вопрос, и я поставлю на вас штамп «Годен в агенты». Ваши религиозные взгляды?

— У меня их нет.

— Но как вы относитесь к религии?

Спокойно, спокойно.

— Честно говоря, я считаю, что храмы и боги — это для тех, кому нужны в жизни костыли. Ну и прекрасно. Я потребности в подпорках пока не испытываю.

— Понятно. Это существенный вопрос — мы бы не хотели послать в прошлое человека, склонного к идейной лихорадке. — Лукас повел плечом, как бы извиняясь. — Вы историк и лучше меня понимаете, как тогда были важны догмы и доктрины. Религиозные и философские споры собирали в себя всю энергию эпохи.

— Да, я понимаю, — кивнул Деррон. — Вам не нужны фанатики любого рода. Что ж, я не из воинствующих атеистов. Совесть позволяет мне играть любую роль, если необходимо.

Кажется, он слишком много говорит, но нужно убедить Лукаса, ему нужен зеленый свет. — Если необходимо, я буду неистовым монахом, буду плевать на Винчен-то.

— Сектор от вас такого не потребует. Ладно, Деррон, вы приняты.

И Деррон постарался, чтобы радость не слишком откровенно отразилась на лице.

Сектор решил, что больше всего Деррону подходит роль странствующего ученого. Ему дали имя Валзая и начали лепить скелет личности, в истории не существовавшей. Предполагалось, что родом он будет из Моснара, далекой от родины Винчен-то страны, большей частью верной Святому Храму. Валзай должен был стать странствующим интеллектуалом эпохи Винчен-то. Слово священные коровы, бродили они от одного университета или богатого покровителя к другому, легко пересекая маловажные политические и языковые границы.

Для Деррона и десятка остальных агентов, преимущественно мужчин, началась напряженная и насыщенная подготовка. Им предстояло, в одиночку или парами, постоянно держать Винчен-то под наблюдением во время вдвойне критического отрезка жизни — несколько дней до трибунала и в период его. Каждый агент или их пара будут вести наблюдение день-два, потом предполагалась смена. Напарником Деррона назначили Чан Амлинга, тоже половника. Амлинг должен был играть странствующего монаха, которых во времена Винчен-то было более чем достаточно и которые отличались — в большинстве — не очень строгой дисциплиной.

Программа подготовки была напряженной, включая имплантацию коммуникаторов в кости черепа и челюсти. Агент мог связываться с Сектором, не размыкая губ, и не были нужны громоздкие устройства вроде шлемов.

Нужно было выучить язык, правила поведения, запомнить сведения о текущих событиях. Память же о некоторых последующих событиях — подавить. Нужно

было научиться приемам связи и владения оружием — и все это за считанные дни.

Погруженный в подготовку, усталый, Деррон не без удивления заметил, что Лиза теперь работает в Секторе вместе с девушками, чьи спокойные голоса передавали информацию и приказы на отдельные мониторы часовых экранов или операторам сервокомплексов, или даже живым агентам в прошлом.

Свободного времени у него теперь были буквально минуты, и он не пытался поговорить с Лизой. Мысль о возвращении в Ойбог вытеснила все остальные. Он чувствовал себя на пути к единственной своей любви. Люди из плоти и крови, в том числе и Лиза, приобрели свойство теней, и ощущение это становилось все сильнее по мере того, как все ярче делалось прошлое.

Однажды он и Амлинг сидели в креслах на Третьем Уровне Сектора в перерыве между тренировками. Лиза проходила мимо. Она остановилась.

— Деррон, желаю удачи.

— Спасибо. Бери стул, садись.

Она села. Амлинг вдруг решил, что нужно размяться, и удалился вперевалку.

— Деррон, я не должна была обвинять тебя в гибели Матта, — сказала Лиза. — Я знаю, ты не хотел его смерти. Ты чувствовал то же самое, что и я. Это была не твоя вина. Она говорила как о потерянном в войне друге. Совсем не так, как говорят люди, чья жизнь рушится со смертью любимого...

— Мне нужно было справиться с собой... Ты знаешь, у меня были проблемы... Но это меня не извиняет за все, что я тогда сказала. Я должна была понимать тебя лучше. Я прошу прощения.

— Чепуха, все нормально, — неловко проговорил Деррон: ему было неудобно, что Лиза так расстроена. — В самом деле, Лиза... ты и я... у нас может что-то получиться. Что-то хорошее.

Она посмотрела в сторону, нахмурилась.

— Я так думала о Матте. Но такого чувства мне всегда будет мало. Слишком мало...

Деррон поспешно добавил:

— Если ты о чем-то большом, постоянном, как жизнь, то я уже пробовал один раз, всего один. И до сих пор не выбрался из-под обвала. Ты сама видишь. Извини, нужно бежать.

Он выпрыгнул из кресла и поспешил к Амлингу и остальным. Его уже ждали.

В день запуска костюмеры нарядили Деррона в немного поношенную, но вполне приличную одежду. В дорожный мешок положили умеренный запас еды, флягу коньяка. В кошелек — небольшое количество серебряных и золотых монет и поддельное письмо о кредите подателя в банке Имперского Города. Большая сумма Деррону не понадобится — так надеялись в Секторе, а посещение Святого Города в планы не входило. Но лучше застраховаться от случайностей.

Чану Амлингу досталась засаленная серая ряса и больше почти ничего — в соответствии с ролью нищего монаха-пилигрима. Почти всерьез он попросил дать игральные кости, доказывая, что он не первый монах в истории, экипированный таким образом, но Сектор в просьбе отказал.

Оба — и Деррон, и Чан, — повесили на шеи топорно вырезанные из дерева символы-клинья. Каждый скрывал миниатюрный коммуникатор, а вид у клиньев был дешевый: на них бы никто не позарился.

Из арсенала Третьего Уровня агентам выдали крепкие дорожные посохи. Посохи немного отличались друг от друга мелкими деталями, но были гораздо более мощным оружием, чем казались на первый взгляд: все агенты имели в качестве оружия такие посохи или другие абсолютно невинного вида предметы. Запуск делался с интервалами в полминуты, а прибыть они должны были в разные моменты прошлого и в разные места.

Во время подготовки они даже не успели хорошо познакомиться друг с другом. И только в последние минуты люди из похожей на маскарад группы начали шутить, желая друг другу удачи и хорошей охоты на берсеркеров.

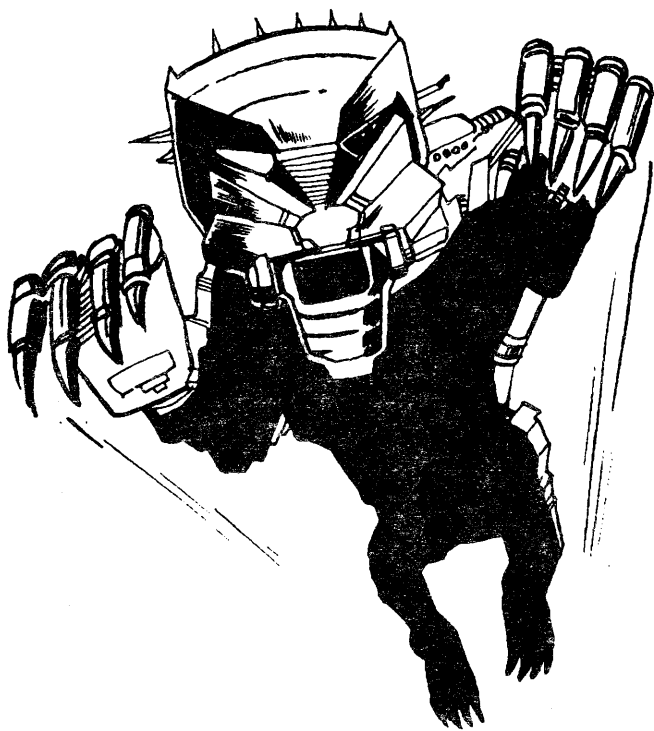
Деррон почувствовал эту перемену в атмосфере. Промелькнула мысль, что теперь у него тоже есть друзья среди живых. Агенты стали цепочкой, приготовились к запуску. Деррон стоял позади Амлинга, глядя поверх серого капюшона монашеского плаща.

Амлинг чуть повернул голову.

— Пять против десяти, — шепотом предложил он. — Я приземлюсь в грязюке вот по это место, и в миле от дороги!

— Не пойдет, — автоматически отказался Деррон, и тут начался отсчет. Очередь быстро пошла вперед, агенты один за другим исчезали. Амлинг что-то сказал. Деррон не расслышал. И в следующий миг Амлинга не стало.

Теперь была очередь Деррона. Он занес ногу в сапоге над ртутно блестящим пусковым кругом, опустил ее...

Он стоял в темноте. Он остро чувствовал запах открытого пространства, свежего воздуха. Его ни с чем нельзя спутать. Шепот ветерка, звук дождика — и полная тишина, великое одиночество, в котором возникновение Деррона должно было пройти незамеченным. Отлично!

— Досточтимый брат, — сказал он в темноту тихо, на языке эпохи Винченцо, конечно. Ответа на было. Амлинг вполне мог тонуть сейчас в грязевой яме вдали от обочины. Он всегда получал то, на что спорил, такое у него было свойство.

Глаза Деррона привыкли к темноте, и он увидел под ногами плиты старого имперского тракта, проходившего через Ойбог. Что же, по крайней мере, половина пары высажена Сектором на кончик иглы, прямо в десятку. Но точность запуска во времени предстояло выяснить.

Перейдя на субвокал, Деррон попробовал связаться с Сектором, провести стандартную сверку готовности, но коммуникатор молчал, как мертвый. Наверное, связь блокировала какая-то парадокс-петля. Время от времени такое случалось. Оставалось надеяться, что помеха не продлится долго.

Он выждал несколько условленных минут, — не появился ли Амлинг — открыл посох, сверился с компасом внутри. Еще раз безуспешно позвал достопочтенного брата и зашагал вперед. Подошвы сапог крепко били в плиты древней дороги. Вдалеке полыхали зарницы. Деррон глубоко вдыхал омытый грозой воздух.

Он не успел далеко уйти, когда сигнал передатчика уколол за ухом.

— Одегард, слышите меня? — Голос был мужской, усталый.

— Говорит полковник Одегард. Слышу вас.

— Полковник! — Деррон почувствовал прилив энергии. — Есть контакт, сэр! — Снова в микрофон. — Полковник, у нас прошло двое суток и три часа с момента запуска. Смещение временной шкалы.

— Понял. — Деррон продолжал говорить в субвокале. — У меня — плюс пять минут с момента прибытия. Я на дороге, ночь, идет небольшой дождь. С Амлингом связи нет.

— Одегард, вы уже мигаете на экранах. — Это был Командующий Сектором. — Но вы дальше от собора, чем мы планировали, примерно на границе двухмильной зоны. Быстрее подтягивайтесь к Винченцо, в защищенную зону. Только что вернулась первая группа. С Винченцо все в порядке. Амлинга не видно?

— Нет. — Деррон прибавил шаг, постукивая посохом перед собой, чтобы, потеряв дорогу, не влезть в грязь.

— Мы его тоже пока не нашли. Идет мерцание, не видно его линий. Наверное, блокировка парадокса-петлей и скольжение временной шкалы.

Прямо впереди вспыхнула молния, и Деррон успел отметить, что дорога идет прямо, без поворотов, в направлении шпиля собора, но до собора было еще далеко: мили три, прикинул Деррон.

Он доложил Сектору, и тут вспышка новой молнии привлекла его внимание к предмету посреди дороги, который тускло блеснул в свете вспышки.

— Я уже рядом... Кажется, это...

Посох наткнулся на что-то мягкое. Деррон подождал новой молнии, и та на заставила себя ждать.

— С Амлингом вам уже не связаться.

Амлинг был мертв и без одежды. Сколько он здесь лежал — день, час? Деррон постарался описать ситуацию как можно подробнее. Грабители могли унести посох, даже дешевый нагрудный клин, но зачем срывать с монаха плащ и рясу?

Он нагнулся, провел пальцем по глубокой борозде, процарапанной дорогой. Нет, ни один средневековый инструмент не провел бы в камне такую ровную, как по линейке, черту. Она была сделана с той же кибернетической точностью, с какой сплющила ударом затылок Амлинга.

— Сектор, по-моему берсеркер отметил границу зоны безопасности. Чтобы мы поняли — он знает.

— Да, да, наверное, вы правы. Об этом потом. Одегард, скорее подтягивайтесь к Винченцо и будьте осторожны.

Деррон уже и сам пятился, держа посох как винтовку, напрягая слух и зрение, вслушиваясь и всматриваясь сквозь темноту дождливой ночи в ту сторону, откуда сам только что пришел.

Тянулись секунды — и он все еще был жив. Через сотню шагов он успокоился и дальше зашагал нормально. Берсеркер совершил убийство, нагло оставил знак и умчался заниматься прямым заданием.

К тому времени, когда Деррон добрался до крутого поворота влево, к смытому мосту, вспышки молний ушли за горизонт. Он скорее почувствовал, чем увидел, собор. Ближе к дороге заметил высокие стены монастыря, упавшие камни арки ворот и остатки створок. Во дворе посреди лужи он разглядел экипаж Винченцо. Деррон

остановился на секунду, вслушался во вздохи тягунов под укрытием аркады, потом зашлепал по мокрой траве дворика к входу в здание — приземистому, одноэтажному дому.

Он не старался подойти незаметно и вскоре из темного прямоугольника двери его окликнули:

— Кто идет? Назови свое имя!

Диалект был как раз тот, который Деррон ожидал встретить. Он остановился, мерцающий луч фонаря упал на него и тогда только он сказал:

— Я Валзай Моснарский, математикус и философ. Судя по экипажу, вы достойные люди. Мне необходим ночлег.

— Ступай вперед, — с подозрением сказал мужчина. Дверь скрипнула, фонарь пропал внутри.

Деррон подошел без спешки, показывая, что руки его пусты, не считая невинного посоха. Когда он вошел под крышу, дверь за ним закрыли и прибавили огня в фонаре. Деррон увидел помещение, ранее, должно быть, общую залу монастыря. Двое стоявших перед ним солдат были вооружены, один — узкопоясным пистолетом, второй — коротким клинком. Судя по пестрым мундирам они служили в торговой компании, которые росли в этой опустошенной войной стране, как грибы после дождя.

Рассмотрев получше пристойный костюм Деррона, солдаты подобрели и начали вести себя повежливее.

— Итак, сэр, как же вы оказались ночью на дороге?

Деррон хмуро выругался, выжимая воду из плаща. Он рассказал солдатам легенду о норовистых тягунах, испуганных вспышкой молнии, которые понесли и исчезли вместе с его легкой двуколкой. Чума заберит тупых тварей! Если утром он их поймает, то спустит с них шкуры, готов биться об заклад! Он яростно стряхнул воду с широкополой шляпы.

У Деррона был дар актера: роль играл он непринужденно, а рассказ был крепко вызубрен и отрепетирован. Солдаты засмеялись и сообщили, что в монастыре полно места: монахи давно отсюда сбежали. Жаль, конечно, это не таверна с девками и пивом, но крыша не протекает. Да, они служат в одной торговой компании, она подписала договор со Святым Храмом. Капитан и остальные солдаты сейчас за рекой, в Ойбоге.

— Наш кап только и может, что ручкой нам помахать. Так чего нам волноваться, верно? Что скажешь?

Несмотря на болтливость, они сохраняли профессиональную подозрительность — путник ведь мог оказаться лазутчиком банды разбойников. Поэтому Деррону не

сказали, сколько солдат отрезаны за рекой наводнением и когда рухнул мост, который они охраняли. Деррон, конечно, прямо спрашивать не стал, но по косвенным признакам понял, что солдат немного.

В ответ на другой вопрос солдат сообщил:

— Нет, никого, только один старый господин — это его экипаж, — и слуги. Слуга правит. И еще пара монахов. Полно пустых келий, сэр, выбирайте по вкусу. Первая такая же промозглая, как все остальные!

Деррон невнятно поблагодарил, а потом, с помощью солдата, несущего фонарь, пробрался по коридору со сводчатым потолком. Вдоль стены шел ряд келий. Он вошел в ту, что показалась ему свободной. У дальней стены стояла рама деревянной койки — ее еще не разрубили на дрова. На нее и присел Деррон, стащил хлопающие сапоги, а солдат с фонарем ушел обратно по коридору, и свет пропал.

Деррон перевернул сапоги, чтобы высохали, и растянулся на койке, подложив вместо подушки мешок и укрывшись сухой одеждой. Посох поставил поближе к кровати. Он все-таки не достиг цели и не вернулся в тот, собственный, Ойбог. Смерть Амлинга казалась нереальной. И так же трудно было представить, что сам Винчен-то, во плоти, находился всего в десятке метров от Деррона, что, может быть, там храпел сейчас — из коридора слабо слышался чей-то храп, — сам основоположник науки Современности.

Устроившись поудобнее на жесткой койке, Деррон послал рапорт Сектору, доложил о последних событиях. Потом, в самом деле утомленный, почувствовал, как волнами наплывает сон. Шум дождя баюкал, до утра увидеть Винчен-то нечего и пытаться. И уже на грани сна он был поражен, осознав, что мысли его заняты отнюдь не заданием Сектора, и не умопомрачительным прыжком во времени, и не потерей Амлинга или опасностью берсеркера. Думал он о затихающем шуме дождя, о бесконечной чистой атмосфере... Это было словно возрождение...

Он едва заснул, как пульсация вызова Сектора вырвала его обратно в реальность. Он проснулся сразу и полностью, подтянул клин к подбородку.

— Одегард, мы кое-что разобрали сквозь помехи. Внутри и в районе монастыря четырнадцать жизнелиний. Одна — твоя. Другая — Винчен-то. Еще одна пунктирная, наверное, неродившийся младенец, ты знаешь, как они выходят на экране.

Деррон шевельнулся, рама закрипела. Ему было по-

чему-то уютно и хорошо, за окном с крыши падали редко капли. Он просубвокалировал, размышляя:

— Посмотрим. Я, Винченцо, двое слуг, двое солдат, которых я видел. Шесть. Еще, сказали солдаты, двое монахов. Восемь. Остается шесть жизнелиний. Вероятно, еще четыре солдата и их полевая спутница, она-то и является вашей пунктирной линией. Погодите, солдат говорил, что в округе нет девок. Как я понимаю, идея в том, что один из присутствующих может быть без жизнелинии, что означает — он или она и есть гипотетический берсеркер-андроид.

— Мы так предполагаем.

— Завтра посчитаю всех и... Погодите.

В проеме входа в келью шевельнулась фигура, темнее, чем сама ночь. Монах с капюшоном на голове, безликий во мраке. Монах сделал полшага в келью и замер.

Деррон окаменел, вспомнив плащ с капюшоном, которого лишился убитый Амлинг. Рука судорожно сжала посох. Но он не знал, кто стоит в дверях. И если бы это был берсеркер, на таком расстоянии он всегда успел бы вырвать посох и сломать его до того, как Деррон успел бы прицелиться...

Прошла секунда, потом монах — если это был монах! — что-то пробормотал, может, извинение за вторжение в занятую келью, и канул в темноту так же бесшумно, как и появился.

Деррон полулежал, опираясь на локоть, сжимая бесполезное оружие. Он доложил Сектору о том, что произошло.

— Помни, он не осмелился убить тебя. Стреляй только наверняка.

— Понял. — Деррон снова лег и вытянулся во весь рост. Но чувство уюта ушло с последними каплями дождя и надежда на возрождение оказалась неправдой...

Чья-то рука разбудила Винченцо. Он увидел голые стены, влажную солому, на которой спал, и почувствовал тошнотворный приступ ужаса. Он в темнице Защитников Веры — случилось худшее! Стало еще страшнее, когда он увидел монаха в капюшоне. В окошко сочился свет луны... видно, дождь кончился...

Дождь? Ну да, он еще в пути, едет в Святой Город, суд еще не начался! От облегчения Винченцо даже не рассердился за то, что его разбудили.

— Что вам нужно? — пробормотал он и сел на узкой, как полка, кровати, поплотнее закутался в дорожное одеяло. Слуга Вилл храпел, свернувшись на полу.

Из-за капюшона лица ночного гостя не было видно. Голос его был как погребальный шепот.

— Мессир Винченто, завтра вы должны один прийти в собор утром. На пересечении нефа и трансепта вы получите добрую весть от высокопоставленных друзей.

Винченто не понимал, что это может значить. Неужели Набур или, возможно, Белам, посылают ему знак снисхождения? Это не исключено. Но вероятнее, очередная хитрость Защитников Веры. Человек, вызванный на трибунал, не имел права обсуждать трибунал с посторонним.

— Хорошая новость, мессир. Приходите и будьте терпеливы, если придется обождать. Пересечение нефа и трансепта. И не пытайтесь узнать, кто я — по имени или в лицо.

Винченто хранил молчание, решив себя не выдавать. А посетитель передав послание, растворился в ночи.

Во второй раз Винченто проснулся, прервав приятный сон. Ему снилось, что он вернулся в поместье, которым его некогда одарил сенатор родного города, что он лежит в безопасной теплой кровати и его согревает тело любовницы, уютно устроившийся рядом. На самом деле этой женщины давно нет с ним, женщины вообще не имели уже особого значения для Винченто, но поместье оставалось на старом месте. Если бы ему только разрешили с миром вернуться домой!

На этот раз его разбудило прикосновение солнечных лучей, пучком пробившихся в келью сквозь высокое узкое оконце в стене коридора напротив кельи. Он лежал, вспоминая ночного гостя, — не сон ли это был? — а солнечный сноп постепенно переместился в другое место и стал вдруг золотым кинжалом утонченной пытки, и тогда все другие мысли покинули Винченто.

Он оказался перед маятником выбора. Его ум мог качнуться — «тик» — в одну сторону и прозреть позор проглоченной правды, унижение отречения. Но качнув мысль в другую сторону, — «так» — он наталкивался на агонию мучений в «сапоге» или на «полке», или медленного гниения в подземном мешке.

Не прошло и десяти лет с тех пор, как Защитники Веры живьем сожгли Онадроига на Большой площади Святого Города. Конечно, Онадроиг был больше поэтом и философом, чем ученым. Многие ученые считали его еще и сумасшедшим, фанатиком, взошедшим на костер, но не отрекшимся от своих теорий! И какие теории владели им!

Он верил, что Святейший был всего-навсего волшеб-

ником, что когда-нибудь глава дьяволов будет спасен, что в космосе бесконечное число миров, что на самих звездах живут люди.

Ни в писаниях, ни в природе не было ни малейшего подтверждения этих абсурдных идей. Белам и остальные спорили с еретиком семь лет, пытались переубедить Онадроига, но напрасно.

Для Винченцо грубая телесная пытка была пока лишь далекой угрозой. Ему нужно выказывать слишком продолжительную и наглую непокорность, чтобы спровоцировать Защитников Веры на пытку. Но угроза витает в воздухе, и на трибунале его припугнут, покажут инструменты. Все это ритуал, не более, но может перейти и в нечто большее, чем ритуал: они с искренней грустью скажут, что обвиняемый отказался уступить мягким средствам убеждения и вынудил их прибегнуть к более суровым мерам, во благо его бессмертной души и защиты Веры.

Итак... маятника выбора на самом деле не существовало. Не оставалось ничего другого, как отречься. Пусть солнце движется, как угодно, — даже вокруг шара планеты по безумной годовой спирали, к удовольствию самодовольных недоумков, уверенных, что на нескольких пыльных страницах Писания они уже открыли все секреты Вселенной.

Лежа на спине, Винченцо поднял навстречу золотому солнечному лезвию старую, с жилами толстых вен, руку. Но руке не остановить движения солнца. Светило снова посмеялось над ним, превратило старые пальцы в прозрачный розовый воск.

На полу зашевелился Вилл. Винченцо рывкнул на слугу, погнал наружу будить кучера Рудда — тот спал рядом с тягунами — и посмотреть, как там вода в реке. Виллу надлежало приготовить завтрак и чай: Винченцо благоразумно запаса большим количеством провизии на дорогу.

Оставшись в одиночестве, Винченцо начал болезненную и унижительную процедуру — приводить старые суставы в готовность к новому дню, каким бы он ни оказался, трудным или легким. В последние годы здоровье пошатнулось, и теперь каждый день начинался с такой процедуры: он не был болен, просто стар. И, конечно же, сильно напуган.

Вернулся Вилл, сообщил, что огонь разожжен в общей комнате, Винченцо ждет горячий чай. С некоторым удивлением в общей комнате Винченцо обнаружил еще одно-

го путника, молодого человека по имени Валзай из далекой страны Моснор.

Валзай, по его собственному выражению, скромно подвизался на ниве ученой деятельности. Винченцо внимательно посмотрел на молодчика. Удивительно, но тот держался с подобающим почтением, проявляя даже некоторую робость, искреннюю, хотя и скрываемую. Даже в его далекой родной стране, бормотал он, хорошо знают и высоко ценят открытия Винченцо.

Винченцо принял комплименты любезными кивками, прихлебывая утренний чай и прикидывая, не мог ли юнец быть ночным гостем или тем добрым вестником, которого Винченцо должен сегодня услышать в соборе. Неужели Набур послал ему надежду? Винченцо нахмурился. Нет, он не станет, как вассал, ждать милостей от сюзерена, даже от самого Викария Святейшего. Винченцо выпрямился. К собору он немедленно бежать не станет.

Пришел Рудд. Река успокаивается, сообщил он, вода больше не прибывает, но все равно стоит высоко, переправляться пока рискованно. Но завтра она спадет достаточно, и переправа будет безопасной.

Винченцо приказал Рудду отнести остатки еды странствующим монахам, а сам лениво вышел на солнце погреть старые кости. Если он опоздает на трибунал, здесь довольно свидетелей, чтобы доказать его невиновность. Пусть Защитники Веры поносят вышедшую из берегов реку, если им так хочется. Сомнений нет, поток уступит их познаниям в Святом Писании и усохнет. Даже разрушенный мост восстановит сам себя под угрозой пыток.

Нет, нет, прочь от подобных мыслей! Нужно упражняться в смирении. Он послал Вилла за письменными принадлежностями, вышел за арку ворот и присел у обочины на один из больших камней. Один камень — вместо скамьи, другой — вместо стола. Почему бы не использовать время с пользой и не подготовить текст своего отречения, чтобы потом представить его перед трибуналом?

Конечно, обвиняемый не должен знать, почему его вызывают. Это будет первым вопросом Защитников. Такое начало часто срывало с губ обвиняемого признание в неизвестных судьям грехах, но сейчас сомнений в поводе нет. Когда пришел вызов, Винченцо понял, что противопоставил себя очень могущественным людям, которые никогда ничего не забывают.

Он вытащил из походного секретера старое письмо Защитника Беламы. «...поскольку доказательств движе-

ния мирового шара не существует, как я думаю, ибо такового предъявлено не было...»

Доказательств не существует. Винченцо дрожащей рукой вытер лоб. Теперь, когда страх усилил ясность мысли, он видел, что его аргументы, основанные на поведении приливов и солнечных пятен, ничего не доказывают. Истина вошла в Винченцо мимо доказательств. Он наблюдал в телескоп небо, долго размышлял, глазами и разумом взвесил солнце, звезды и планеты, а истина вошла в него как откровение.

Если бы теперь у него было простое, наглядное доказательство! Он бы не побоялся, он бы рискнул, он бы сунул врагов прямо носом в правду!

Но поддержать настроение гордой непокорности было нечем, и оно скоро прошло. Истина в том, что он стар, испуган и ему придется отречься от своих идей.

Он достал перо, чернила, чистую бумагу, начал составлять черновики. Иногда переставал писать и просто сидел в лучах теплого солнца, закрыв глаза.

Вокруг костра Деррон насчитал семерых солдат. Солдаты завтракали, и каждый с радостью принял глоток коньяка из его фляги, и теперь был готов поговорить. Нет, ни в монастыре, ни в соборе не было других людей. Солдаты об этом знали бы.

Несколько минут спустя Деррон беззвучно вызвал Сектор.

— Хроносектор слушает.

Опять Командующий, — наверное, ему сон не требуется. Но Деррон был слишком возбужден и отбросил уставные формулы.

— Посчитайте жизнелинии еще раз. Нас здесь тринадцать. Если получится двенадцать, то один из этих милых людей сделан из микросхем вместо плоти. Но если выйдет четырнадцать, то где-то прячется бандит или дезертир, или вы неправильно читаете экраны. Пунктирная линия была ошибкой — здесь все мужчины, едва ли кто-то ждет ребенка.

— Сейчас проверим. Ты же знаешь, данные иногда сложно обработать. — Тон был мягкий, это насторожило Деррона — лучше бы его отругали. Значит, положение Деррона было таким важным для операции, что Сектор делал все возможное, чтобы облегчить Деррону действия.

Солдаты, позавтракав и осушив флягу Деррону, занялись важным делом — убиванием времени. Рудд, кучер мессира Винченцо, выводил тягунов со двора: поискать траву. Вслед за животными Деррон покинул двор и

увидел самого Винченцо, мирно и одиноко сидевшего на камне с пером и бумагой перед собой. Лучше и не надо.

Вспомнив о мифическом тягуне и двуколке, Деррон изобразил на лице отчаяние и пошел по дороге к остаткам моста, якобы искать исчезнувшую собственность.

У разрушенного моста стояли два монаха, откинув серые капюшоны. Лица их были непримечательными. Они обсуждали, каким способом можно будет отстроить мост. Деррон знал, что через год-два между опорами лягут новые каменные арки и они прочно простоят три столетия, и три столетия спустя молодой историк, аспирант, весело зашагает по этому мосту, и его любимая девушка будет так же беззаботно идти рядом. Оба будут с нетерпением ждать первой встречи с древним городом и прославленным собором Ойбога. Река будет другая, более спокойная, и вдоль берегов вырастут деревья. А плиты древней дороги будут такие же...

— Да пошлет вам Святейший хороший день, сэр! — Это был голос монаха, того, что казался потолще.

— Доброго дня и вам, почтенные братья. Поднимается ли вода в реке?

Лицо худощавого монаха было необыкновенно доброе. В жилистых ладонях он вертел кусок кирпича, словно собирался немедленно начать восстанавливать мост.

— Вода спадает, сэр. А как течение вашей жизни, идет оно вниз или вверх?

История с тягуном и повозкой показалась нудной и ненужной.

— На такой вопрос непросто ответить.

Но от других вопросов Деррон был избавлен, внимание монахов отвлекли несколько крестьян, возникших откуда-то из грязевых далей. Теперь они босиком шлепали вдоль высыхающего берега. Крестьянин впереди гордо покачивал веревку с большой серебристой рыбой, недавно пойманной и еще бившей хвостом.

Крестьяне остановились у обочины. Они небрежно поклонились Деррону — он был недостаточно богато одет, чтобы вызвать робость.

Крестьянин с рыбой обратился к монахам, но остальные приняли его перебивать. Разгорелся спор — кому говорить, кому принадлежит рыба? Крестьяне пришли заключить с монахами сделку: не примут ли святые братья самую большую и свежую рыбу из недавнего улова («Мую рыбу, братья, это моя леска!») в обмен на какую-нибудь действенную молитву для увеличения урожая на полях?

Деррон отвернулся — спор обещал перерасти в ссору, — и увидел, что Винченцо по-прежнему сидит один. И в этот момент дух Деррона был потрясен видом собора Ойбога.

Шпиль возносил позолоченный знак клина на высоту двухсот шестидесяти футов. Камни башни, стен, летящие силуэты контрфорсов были густого ясного серого цвета, едва не светились на солнце. Цветные стекла витражей внутри восточной стены сейчас пылают живым огнем. Хрупкий шпиль и стекло восстали из праха, и значит. ...она тоже живая, где-то рядом, он ее найдет. Возрожденная иллюзия была сейчас сильнее всякой логики. Сейчас он услышит ее голос, она позовет его, он протянет руку и...

Всплеск. Толстый монах смотрит на воду, на лице у него удивление, разочарование, а сухощавый стоит над водой, протянув руку. Большая рыба плещется в реке, наверное, умудрилась выскользнуть.

...коснется ее теплой, живой кожи. Ветер теребит ее волосы — все мельчайшие детали всплыли в памяти Деррона...

Ноги понесли его прочь, обратно на дорогу. Мимоходом он отметил, что Винченцо сидит на старом месте, один. Но в монастырь Деррон не вернулся. Могучий собор на холме манил, и Деррон не спеша начал взбираться наверх.

Брат Иованн с печалью смотрел на крестьян, а слова его были обращены к плескавшейся рыбине.

— Брат-рыба, я вернул тебе свободу. Не потому, что нам не нужна пища, а чтобы ты мог восхвалять Господа, посылающего всякую благодать — рыбу удильщику, свободу рыбе.

Иованн грустно покачал головой.

— Как часто забываем мы воздать благодарность, тратим усилия, чтобы обогнать ближнего!

Рыба выпрыгнула, плеснула. Словно воздействие духа, пока она висела на крючке, лишило ее разума.

Иованн грустно смотрел на карликовый рыбий шторм.

— Утихомирься, брат-рыбка! Довольно! Живи в воде, а не на жгучем воздухе! Благодарю своим рыбьим способом!

Плеск утих. Остатки пены унесло течением.

Тишина нависла над берегом. Крестьяне подняли руки в знак клина, обменивались быстрыми взглядами. Кажется, они не прочь были взять ноги в руки и смыться,

но не осмеливались. Брат Саил, сам похожий на вытащенную на берег рыбу, смотрел то на реку, то на брата Иованна.

Иованн поманил Саила в сторону.

— Я хочу уединиться на час, помолиться и попросить у Святейшего очищения от гнева и гордыни. И чтобы у этих бедных людей был добрый урожай. Поступи и ты так же.

Саил остался стоять с открытым ртом, а Иованн пошел к монастырю.

Пока Деррон поднимался по ступеням к собору на холме, ощущение присутствия любви померкло. Ее гены сейчас разбросаны в двух тысячах ее предков, в их хромосомах, и ближе к ней не подобраться. Он знал, непроницаемая стена парадокс-петель отсекала возвращение в дни его собственной молодости.

Но он не мог простить ее гибели, ее смерти вместе с миллионами остальных, простить, что она покинула мир и бросила его одного.

Крыша монастыря уже была ниже его ног. Он увидел опустошенную паводком долину. У поворота лестницы миновал деревце и с болью осознал, что через три сотни лет оно станет мощным корявым стволом, с тяжелой густой кроной, дающей много прохладной тени. Он и она будут стоять рядом, будут смотреть на долину, выбирая холм — вот тот самый, где сейчас не росло деревьев, чтобы построить там дом и вырастить детей.

Но он поднимался и чувствовал — остановись он на миг, и уже не найти сил продолжать подъем. Вот и главный вход собора. Память сразу узнала узор плиток на площадке. Через триста лет здесь будут ступать их ноги. Зачарованный серым камнем фасада, он вспомнил живую изгородь, статуи — неужели все, что он видит и слышит, не подтвердит ожидания? Юность и любовь здесь, еще живы, а война и скорбь — только проходящий страшный сон.

Дождь и солнце пробудили ветви живой изгороди, они снова зеленели. Но ее голос больше не зазвучит здесь, даже если он простоят перед входом до скончания веков. Ему захотелось упасть на колени и заплакать навзрыд, или молиться: сознание утраты было невыносимо. Но прошли долгие секунды, и он с этим смирился.

Или начал смиряться. Он понимал: для этого нужно время. Но знал, что если это началось, то уже не остановится и теперь он не упадет. Плакать он уже не будет: он будет жить.

Он вошел в собор, двинулся вдоль нефа, между рядами колонн. Колонны отделяли неф от боковых пределов, он был не очень широк — всего футов тридцать, но огромен в остальных измерениях — триста футов длиной, а несущие балки вогнутого свода поднимались над полом на сотню футов. Да, здесь довольно места, чтобы укрыться и богу, и берсеркеру, или дезертиру, который давал путающую жизнелинию на экранах Сектора.

Из-за суеверия сражающихся или по счастливой случайности, но война сюда не ворвалась. Даже стекла прекрасных витражей полностью уцелели, пылали сейчас многоцветным взрывом красок, воспламеняли полумрак собора. Боковые ступени еще не успели стереться — им было не больше сотни лет.

Когда Деррон подошел к центральной части, где пересекались неф и трансеп, боковым зрением он уловил движение. По боковому проходу приближался монах, надвинув серый капюшон.

Деррон всхлипно кивнул.

— Добрый день, почтенный брат.

Только тут его поразило — как успел один из монахов обогнать его, первым добраться до храма? Он всмотрелся пристальней и увидел, что лицо под капюшоном было совсем не человеческим лицом. И руки, метнувшиеся к нему, когда монах одним прыжком покрыл расстояние между собой и Дерроном, были из фальшивой плоти, и эта плоть уже раскрывалась на кончиках пальцев, выпуская стальные когти.

Худошавый монах брел по древней дороге к монастырским воротам. Он миновал арку, и Винченцо уже вздохнул с облегчением — человек пройдет мимо, как вдруг монах остановился, изменил курс и направился к ученому.

Он остановился в нескольких шагах, он улыбался, весь испачканный грязью, но с просветленным добрым лицом.

— Бог наградит тебя, Винченцо, ты уделил еду мне и моему товарищу.

— Бог знает, его благосклонность мне необходима, брат, — коротко ответил Винченцо. Странно, его не задела простая форма обращения. Стоявший перед ним грязный попрошайка как бы находился вне рамок социальных статусов и условностей.

Но осторожность всегда необходима. Может, это шпион Защитников Веры.

Монах смотрел на листки перед Винченцо как на зияющую рану на теле друга.

— Винченцо, зачем тратить ум и душу на диспуты? Результат значения не имеет. Главное — любовь Бога.

Безумная искренность слов уничтожила подозрения Винченцо. Но он только улыбнулся.

— Ты, кажется, знаешь о моих неприятностях. Но, достопочтенный брат, понимаешь ли на самом деле, о чем идут споры и почему я их веду?

Монах немного подался назад.

— Не понимаю и не хочу понимать. Это не мой путь.

— Тогда извини, брат, не стоит меня учить — вести диспуты или не вести.

Монах так смиренно принял упрек, что Винченцо почувствовал укол совести. На этом спор — если это можно назвать спором, — кончился. Винченцо выиграл с легкостью бронированного рыцаря, сметающего с пути ребенка.

Монах возвел к небу руки, благословляя, и пробормотал несколько слов, предназначенных совсем не Винченцо. Потом сразу же удалился. Винченцо чувствовал сожаление. Он выиграл спор, но что-то при этом потерял. Он едва не окликнул монаха, чувствуя желание перебросить мостик через пропасть непонимания, но не окликнул. В самом деле, им нечего друг другу сказать.

Однако его отвлекли от унижительного занятия, и он не собирался снова браться за него. Винченцо позвал Вилла, вручил слуге секретер, а сам направил стопы вверх по солнечному склону.

Обдумав ситуацию, он решил, что встреча в соборе будет, скорее всего, насмешкой. Или провокацией врагов, мирских и религиозных. Они постараются втянуть его в авантюру накануне трибунала. Очень хорошо, пусть пытаются, он направит их оружие против них самих. Он знал, что никто не превзойдет его силой мышления.

Винченцо был уже в соборе и шел вдоль нефа. Справа и слева параллельными рядами возвышались поддерживающие свод колонны. Достигнув назначенного места, Винченцо поднял голову, взглянул в тень внутреннего объема могучего шпиля. Виднелись рабочие помосты и приставные лестницы к ним, они начинались с уровня хоров. До хоров предстояло добираться по винтовой лестнице.

В храме не было светильников и не было сквозняков, которые могли бы эти светильники раскачивать. Да, если бы в дни юности Винченцо этот храм был приходским домом молитв, Винченцо пришлось бы поискать другое

место для разработки законов маятника, — ему нечем было бы развлечься во время нагоняющих тоску воскресных проповедей.

Из темноты внутренностей шпиля спускался одинокий канат. Проследив взглядом его длину, Винченцо обнаружил, что здесь тоже есть маятник. На конце каната висел металлический шар, весом не уступающий весу человека. Груз был оттянут в сторону, одним витком веревки привязан к колонне в углу пересечения нефа и трансепта.

Голова у старика закружилась, он потер шею. Зачем строителям маятник? Или это только отвес? Но зачем, такой груз? Несколько унций свинца справились бы с этой задачей.

В любом случае, это был маятник. Винченцо провел пальцем по веревке, как по струне, длинный канат маятника нежно завибрировал, груз закачался, как корабль на якоре. Развязать узел и...

Колебания скоро затихли, канат, груз, веревка замерли в неподвижном сером воздухе. Корабль-маятник вошел в сухой док.

Так поднимем же паруса! Какой-то внезапный импульс заставил Винченцо потянуть за узел веревки. Узел разошелся с неожиданной легкостью.

Груз, казалось, не желал трогаться с места. Глаза Винченцо обратились к высоте собора — как возможно, чтобы лишь длина каната так замедляла движение?

Не спеша досчитал до четырех — столько нужно маятнику, чтобы достичь центра пересечения нижней точки пути. Еще четыре счета, пока груз взойдет по плавной кривой и застынет на миг, едва не касаясь противоположной колонны.

Величественно ходил маятник туда и обратно, металлический шар натягивал канат, описывал абсолютно правильную дугу. Такой груз и так свободно подвешенный, мог колебаться многие часы, не изменяя амплитуды.

Однако, погодите, что-то не так. Винченцо прищурился, следя за маятником. Потом прислонился к колонне, держа голову неподвижно, проследил еще полдюжины колебаний.

Стой, зачем он сюда пришел? Да, кто-то должен с ним встретиться...

Но вот маятник... Винченцо нахмурился, тряхнул головой. Потом посмотрел вокруг. Нужно удостовериться в одной вещи — происходит это на самом деле или только мерещится.

Неподалеку стояли столярные козлы. Он подтащил

козлы к нужному месту, уложил на них планку перпендикулярно плоскости колебаний маятника. На шаре-грузе внизу был выступ. Отлично, этот шип сейчас хорошо послужит Винченцо. Поверх первой планки положил вторую, начал потихоньку сдвигать все сооружение, придавая нужное положение планкам. Теперь в каждом качании шип груза проходил в дюйме от верхней планки.

Можно сделать отметки на доске... Нет, есть кое-что получше. Где-то здесь он видел песок... Вот, целая куча в корыте для раствора, у входа в первую боковую капеллу. Песок влажный — уже долго стоит дождливая погода. Набрав пригоршню, Винченцо высыпал песок на верхнюю доску. Уплотнил песок, выстроил стеночку в пару дюймов высотой. Между двумя качаниями маятника пододвинул доску вперед. Теперь песчаная стенка была на пути груза.

Прекрасный эксперимент, подумал Винченцо удовлетворенно. Шип шара чуть коснулся песчаного гребешка, оставил черту, сбросил несколько песчинок и унесся вверх, откусив от вечности крохотный кусок.

Винченцо не отрывал взгляда от груза. Только сейчас он услышал, как с шипением режет воздух канат маятника.

Шип, вернувшись к песчаной стенке, сделал новую отметку. Она не совпадала с первой! Только соприкасалась с ней. Груз снова умчался, влекомый могучим моментом движения. Могучим и ритмичным, как пульс сердца самого собора.

Шестнадцать секунд спустя третья отметина появилась рядом со второй, на таком же расстоянии, как вторая от первой. За три колебания плоскость маятника сместилась на полпальца. Да, глаза Винченцо не обманули, плоскость колебаний медленно отклонялась по часовой стрелке.

Может, раскручивается канат? Тогда отклонение должно идти в разные стороны, должна меняться амплитуда. Винченцо, забыв о ноющей шее, уставился в темноту шипия.

Если бы он когда-нибудь смог повторить опыт, изучить такой маятник на досуге. Но даже если не подведет здоровье и он избежит заключения... такие вот башни встречаются не часто. Может, в другом соборе или университете, но он не желал снисходить до сотрудничества с университетскими недоумками.

... Предположим, что боковая прогрессия на связана с раскручиванием каната. У Винченцо возникло знакомое чувство, он был на пороге озарения... как тогда... В

смещении маятника было нечто элементарное, основополагающее...

Ширина выптербленной полоски на гребне из песка достигла двух дюймов.

Как закреплен канат наверху, озадаченно подумал Винченто. Нужны молодые ноги! За ними Винченто и отправился. По пути вдоль нефа он несколько раз оглядывался на маятник, словно на неожиданно вспыхнувшую звезду.

Деррону был виден только верхний сегмент качавшегося каната. И видел он только одним глазом — нечеловеческая сила прижимала голову к шершавым доскам верхней платформы помостьев, куда его затащил берсеркер, как беспомощного младенца. Нечеловечески неподвижный, он сейчас нависал над Дерроном, холодной рукой держал за шею, сунув кусок воротника вместо кляпа в рот, а другой выворачивая локоть до болевого предела, заставляя Деррона лежать и не дергаться.

Машина пока не собиралась убивать или калечить. Взяв в плен Деррона, берсеркер сорвал с его груди клин и сразу понял, что это такое. Пальцы машины раздавили коммуникатор, как гнилой орех.

Наконец, дверь собора затворилась со стуком — во второй раз. И вечность пришла к концу — берсеркер отпустил Деррона.

Деррон медленно приподнялся — все тело затекло. Потирая щеку и руку, ту, что выкручивали, он повернулся к врагу лицом. Под капюшоном он увидел металл с узором швов. Наверное, это лицо умело менять структуру, выворачиваться, раскрываться, трансформироваться. Он стоял перед самой сложной и компактной машиной берсеркеров. Значит, внутри металлического черепа спрятана пластиковая кожа? И чье это лицо?

— Полковник Одегард, — бесцветным голосом машины сказал берсеркер.

Деррон ждал продолжения. Машина присела на корточки, свесив руки. Руки и кисти тоже были металлическими, но кто мог сказать, во что они способны обратиться. Остальное скрывала ряса, может, та самая, Амлинга.

— Полковник Одегард, вы боитесь перехода от жизни к нежизни?

Деррон едва ли предполагал услышать такое!

— Если да, то что меняется?

— Верно, — тускло сказала машина. — Программа продолжается, независимо от ситуации.

Деррон не успел сообразить, что значат эти слова, как машина с нечеловеческой быстротой прыгнула на него, заткнула кляпом рот и связала по рукам и ногам. Крепко, но не слишком, оставляя Деррону шанс, изрядно попотев, освободиться.

Связав его, машина выпрямилась, поворачивая голову в капюшоне, как бы прислушиваясь, хотя чувства берсеркера далеко превосходили человеческие по остроте и диапазону. В следующий миг берсеркер бесшумно побежал вниз по приставной лестнице, как обезьяна или громадный кот.

Деррону оставалось только мычать проклятия сквозь кляп и отчаянно пытаться освободиться от пут.

К собору шла новая группа крестьян из дальних деревень в верхних холмах. Первым их встретил брат Саил.

— Расскажите, зачем вам понадобился брат Иованн? — спросил Саил, внушительно сцепив руки вокруг живота для придания большего достоинства.

Крестьяне, на чьих лицах погас огонек надежды, когда они узнали, что перед ними не тот волшебник и чудотворец, о котором говорила вся округа, жалко загалдели. Наконец, Саил узнал, что вот уже несколько дней огромный волк наводил ужас на их деревушку. Чудовище убивало скот, вырывало с корнем деревья! Клянемся, мы сами видели! Крестьяне загалдели, и Саил так и не понял, был ли пожран мальчик-пастух или только сломал руку, когда упал, убегая от волка-великана. Короче, жители были в полном отчаянии. Мужчины не осмеливались выходить в поле. У деревушки не было покровителя, не считая Святейшего на небесах! И вот явился святоподобный Иованн, он обязательно что-нибудь сделает!

Брат Саил кивнул. На лице его сочувствие смешалось с нерешимостью.

— Говорите, деревня в нескольких милях отсюда, в холмах? Что ж... посмотрим. Я сделаю все, что смогу. Пойдемте со мной, расскажу о вашем деле брату Иованну.

Винченцо в компании озадаченного Вилла вернулся в собор. Успело миновать больше часа с момента, когда он привел шар в движение.

За это время песчаная стеночка была почти полностью снесена шипом, плоскость маятника повернулась градусом на десять-двенадцать.

— Вилл, ты мне помогал в мастерской. Сейчас будешь точно исполнять мои приказания.

Да, хозяин.

— Во-первых, ты не должен касаться каната или как-то еще мешать ходу маятника. Понял?

— Да.

— Хорошо. Лезь наверх, на самый верх. Я хочу знать, каким образом подвешен канат, что его там держит. Рассмотрю его хорошенько, так, чтобы потом сделать набросок. Ты хорошо рисуешь.

— Я понял, сэр. — Вилл печально вытянул шею. — Высоковато лезть, однако.

— Получишь монету, когда спустишься. И вторую, когда сделаешь точный набросок. Теперь не спеши, смотри во все глаза. И главное — не касайся каната.

Деррон только ослабил путы на руках, когда услышал шаги — кто-то лез по лестнице. Между поручнями показалось добродушное лицо Вилла.

— ...бандит, — выдохнул Деррон, когда были перерезаны путы и он освободился от кляпа. — Прятался здесь... заставил подняться сюда и связал меня.

— Ограбил вас, видать? — Вилл был напуган. — Всего один, да?

— Всего один. Ух... при мне ничего ценного не было, к счастью. Утащил только мой клин.

— Страшное дело, сэр. Бродяга, значит? — Вилл сочувственно покачал головой. — Может, хотел перерезать вам горло, да побоялся проливать кровь в храме божьем. Думаете, он еще поблизости?

— Нет, нет, я уверен, он убежал.

Вилл покачал головой.

— Что ж, сэр, лучше разотрите ноги и руки, а потом только спускайтесь. Я полезу дальше, у меня работа.

— Работа?

— Ага.

Вилл уже карабкался дальше, наверное, до самого шпиля.

Деррон, стоя на четвереньках, заглянул вниз, увидел рыжую голову Винченцо. Деррон вдруг понял, что здесь делает Винченцо и что он делал, пока Деррон был связан. На старой Земле изобретатель такого маятника дал ему собственное имя. Маятник Фуко.

— Уважаемый Винченцо!

Винченцо раздраженно обернулся, увидел, как спешит к нему молодой человек, как там его, Валзай, Алзай?

Валзай так спешил, словно нес новость огромной

важности. На самом деле это оказалась идиотская история о напавшем на него грабителе. Тем временем Валзай внимательно рассматривал козлы, доски и песок.

— Молодой человек, — перебил его Винченцо, — вам лучше пересказать эту историю солдатам.

И повернулся спиной. Итак, если это не раскручивание каната и не дефект подвески, то... что же это? Сам собор поворачиваться не мог. И все же... Мысль напряглась, устремилась вперед, прошупывая еще не познанные глубины...

— Я вижу, мессир, вы обнаружили мой маленький сюрприз!

Деррон видел, что ему открыта последняя возможность, и он ухватился за нее, как утопающий за соломинку.

— Ваш... сюрприз? — Брови Винченцо сошлись. — Так это вы послали ко мне паршивца-монаха?

Еще одна деталь, подтверждавшая — Деррон верно разгадал план берсеркера.

— Нет, но я устроил.. вот это! — Деррон гордо показал на маятник. — Должен признаться, я здесь уже несколько дней. Первоначально со мной было несколько друзей, которые помогли мне соорудить маятник.

Деррон сочинял на ходу, но если Винченцо не станет проверять...

— ...и вы видите перед собой, мессир Винченцо, наглядное доказательство вращения планеты!

Но в глазах старика не было удивления. так, посмотрим, можно ли выиграть эту партию. Винченцо мрачно молчал и Деррон продолжил:

— Конечно, мессир, я решил защитить свое право на это изобретение. Я послал нескольким выдающимся лицам в разных странах письма-анаграммы, где зашифровал описание эксперимента. Таков был мой план. Но я услышал о ваших... трудностях и понял, что не могу сидеть, сложа руки.

Винченцо стоял, как статуя.

— Вы говорите, это подтверждение вращения планеты? — Тон его был сух.

— О, простите, я не думал, что придется объяснять! Гм... понимаете, плоскость колебаний не вращается, вращается наш шарообразный мир под ней. — Деррон сделал паузу, изобразил снисходительную улыбку — старый Винченцо, наверное, с возрастом потерял быстроту мысли, и продолжил объяснение громко и четко:

— На полюсах такой маятник вообще будет описывать круг в триста шестьдесят градусов за сутки. На экваторе

плоскость будет неподвижна. — Безжалостно повысив темп, он обрушил на старика лавину накопленных за три с половиной столетия знаний. — Между экватором и полюсом угол отклонения пропорционален широте. На нашей широте он составляет десять градусов в час. А поскольку мы в северном полушарии, вращение происходит по часовой стрелке.

С высоты послышался крик Вилла:

— Канат укреплен так, что свободно вертится во все стороны. Но его ничто не вертит.

— Спускайся! — крикнул Винченцо.

— ...если нужно чертеж, так я еще немного погляжу...

— Спускайся! — рявкнул толстогубый старик.

Деррон старался не терять момента:

— Единственным желанием было помочь вам, мессир. Я оставил мысли о личной выгоде и поспешил на помощь вам. Мой клинок к вашим услугам, сэр. Если нужно, я с радостью повторю опыт для авторитетных лиц в Святом Городе, весь мир сможет убедиться собственными глазами...

— Довольно! Я не нуждаюсь ни в какой помощи! Зарубите на носу — вы не смеете... вмешиваться... в мои дела. Не смеете!

Гнев и презрение преобразили старика в полного сил человека. Деррон невольно попятился, но понял, что выиграл. Однако гордость Винченцо не уступала его гению!

Взрыв гнева прошел, Винченцо опять ссутулился, послал Деррону последний ненавидящий взгляд и отвернулся. Теперь Винченцо никогда не использует маятник Фуко, не поверит в него, не станет ставить опыты. Он постарается выбросить все это из головы. Мелочность и зависть были сильны не только в его врагах, но и в нем самом.

Деррон знал, что Винченцо отречется теперь от своих идей, даже напишет брошюру, в которой будет доказывать, что солнце в действительности летает по кругу вокруг мира людей.

— ЕДИНСТВЕННЫМ ЖЕЛАНИЕМ БЫЛО ПОМОЧЬ ВАМ, МЕССИР!

Винченцо прошаркал вдоль нефа, хлопнула дверь. Деррон устало прислонился к колонне, слушая, как со свистом сечет воздух маятник. Скатился по лестнице Вилл, хмуро поспешил за хозяином.

Реальная победа и надежда оказались мощными стимуляторами. Они придали Деррону достаточно сил, чтобы покинуть собор через боковую дверь, и прыгая через

ступеньки, побежать вниз, к монастырю. Если берсеркер не уничтожил второй коммуникатор в посохе, он сможет поделиться радостью с миром Современности.

Враг не стал тратить время на обыск в келье. Еще в коридоре Деррон почувствовал в кости за ухом пульсацию вызовов Сектора.

Брат Саил громко пыхтел, но явно не спешил. Коровья тропка петляла, шла то вверх, то вниз, между колючими кустами, сквозь жидкие рощицы. Саил каждым вздохом старался умерить продвижение брата Иованна.

— Может... вознесем пару молитв... этого достаточно. Крестьяне ведь, знаешь... зачастую тупой народ... могут все преувеличить... у страха глаза велики...

— Тогда моя собственная крестьянская глупость не принесет вреда, — сказал Иованн, неукротимо следуя вперед. Они уже глубоко вторглись во владения легендарного волка, терроризировавшего округу. Крестьяне повернули назад четвертью мили раньше, не совладав со страхом.

С посохом в руках Деррон вел кросс по пересеченной местности, показывая лучшее в своей жизни время. Пятьдесят шагов бегом, пятьдесят шагов ходьбы и опять...

— Одегард! — Возглас Командующего Сектором. — Рядом с тобой еще одна линия, важная, как у Винченцо. Сейчас он отодвинулся на пару миль, вот-вот покинет зону безопасности. Ты должен его защитить. Если берсеркер уже ждет в засаде...

Пятьдесят шагов бегом, пятьдесят шагом... Деррон стремился вперед по пеленгу Сектора.

— Но кого искать?

Когда ему сказали, он подумал, что и сам мог бы догадаться, еще тогда, впервые взглянув в безмятежное, полное любви ко всему живому лицо...

Среди густых деревьев были проплешины. Ветки, сломанные, еще не успели засохнуть. И хотя насекомые еще роились над грудой костей и меха, пищи для них осталось немного.

— Это был очень большой волк, — задумчиво сказал брат Иованн, поднимая осколок челюсти. Кость была раздроблена одним жестоким ударом.

— В самом деле, очень большой, — согласился брат Саил, глядя на впечатляющего размера клыки, еще державшиеся на куске челюсти. Саил то и дело нервно

оглядывался. Солнце клонилось к закату, лес казался зловеще безмолвным.

— Что же это за существо, которое так обошлось с большим волком, волком-самцом? Я сам в жадности своей глодал кости домашней птицы... но эти кости не тронул зуб. Они переломаны, как будто еще более свирепое, чем волк, создание топтало жертву!

Для историков Современности брат Иованн символизировал любовь и милосердие. Подобно Винченцо, святой Иованн превратился в наполовину легендарную личность народных легенд.

— Мы только час назад уловили истинную важность Иованна, — объяснял командующий Сектором Деррону. — В реальности жизнелиния Иованна идет еще на пятнадцать лет и по всей длине оказывает поддержку другим линиям. Сейчас мы сильно подозреваем, что договор о разоружении, подписанный триста лет спустя после смерти Иованна, может не осуществиться и ядерная война сотрет с лица планеты нашу цивилизацию — стоит только прервать линию Иованна в твоей темпоральной точке.

Голос командующего в голове Деррона сделал паузу, послышался торопливый голос девушки-информатора:

— Новое сообщение полковнику Одегарду.

— Лиза? — спросил Деррон, переходя на шаг.

Секундная пауза, потом служебный долг взял верх:

— Полковник, линия-эмбрион покидает зону безопасности следом за двумя другими. Ее скорость превышает возможную для человека или животного. У нас пока нет объяснения. Возьмите на пять градусов левее.

— Понял, — Деррон взял на пять градусов левее. Он выбирался из низины, грязь замедляла движение.

— Лиза?

— Деррон, мне разрешили выйти на связь, потому что я обещала не выходить за рамки дела.

— Я понял, ничего не говори.

Кажется, пятьдесят шагов он сделал. Деррон побежал, дыхание с хриплым свистом вырывалось из легких. — Я хотел сказать... если бы... у тебя был мой ребенок...

Тихий всхлип, а может, сдвленный вскрик. Лиза заговорила снова, но голос ее был уже спокоен. Она передала Деррону новую поправку курса.

Краем глаза брат Саил уловил какое-то движение между деревьями. Нечто приближалось. Саил повернулся, прикрыв глаза от заходящего солнца, удивился соб-

ственному спокойствию. Поиск кончился. Волк? Нет, это создание следовало называть монстром или демоном. Сомнений нет, наводившее на крестьян ужас создание настигло монахов.

Создание, размерами с человека и похожее на серебряную осу, двигалось бесшумными кошачьими прыжками через подлесок. Брат Саил понял, что должен пожертвовать жизнью ради друга, броситься вперед, отвлечь монстра от брата Иованна. Но ноги обратились в свинец, он сам — в каменную статую. Он хотел хотя бы криком предупредить Иованна, но ужас парализовал горло и язык. Наконец, ему удалось схватить Иованна за руку, дернуть, показать в сторону приближающейся опасности.

— О!

Монстр остановился в нескольких шагах, присел на четвереньки, переводя взгляд с монаха на монаха, решая, кто ему нужен. Его в самом деле можно было принять за волка — ключья шкуры свисали с серебристого туловища. Безволосое, бесполое, жуткое и красивое одновременно, создание, словно капля ртути, двумя плавными прыжками покрыло расстояние между ним и людьми. Потом бестия снова присела, превратилась в безмолвную статую.

— Именем Бога, поди про-очь! — прошептал брат Саил дрожащими губами. — Это демон. Уйдем, брат Иованн.

Но Иованн только приветствовал серебряный ужас знаком клина. Казалось, он благословляет его, а не проклинает.

— Брат-волк, — сказал он тихо. — Ты не похож на остальных зверей. Мне неведомо, в каком краю ты мог родиться. Но в тебе теплится дух жизни и потому не забывай ни на миг, что наш Отец Небесный создал тебя, как и всех остальных существ, и все мы дети Отца нашего.

Волк сделал шаг вперед, замер, снова шагнул и опять стал недвижимым. Саилу показалось, что блестящие клыки в пасти вдруг задвигались, слились в полосу, как зубья пилы. Тут же раздался и соответствующий звук. Саил вспомнил звон клинков, крики агонии.

Иованн опустился на колено, оказался лицом к лицу с приникшим к земле зверем. Он развел руки, словно хотел его обнять. Существо, растворившись в невидимом глазу броске, метнулось к нему и снова остановилось, как на невидимом поводке. Их разделяло шагов шесть. Снова жуткий звук пилы — Саил чуть не рухнул в обморок.

Но в голосе Иованна не было страха, только твердость и любовь.

— Брат-волк, ты убивал и разорял, как ненасытный разбойник, и заслуживаешь наказания. Но прими вместо него прощение всех, кому причинил ты зло! Идем же, вот моя рука! Во имя Святейшего, идем со мной и поклянись, что с этого дня ты будешь жить в мире с людьми. Идем!

Деррон выбивался из сил, но был уже близко. Он услышал голоса, потом увидел брата Саила. Монах смотрел, как замороженный, в сторону, на что-то, скрытое от Деррона кустами. Деррон затормозил, вскинул посох. Но он знал уже, что Саил — не берсеркер. Сообщение о пунктирной линии эмбриона совпало со следами берсеркера в соборе и привело к невероятному, поразительному выводу. Три шага в сторону... Теперь Деррон видел его... Теперь он понял, почему Саил застыл с открытым ртом...

Он увидел, как волк-берсеркер делает последний шаг. Увидел, как машина подняла металлическую лапу и стальные когти... осторожно тронули руку склонившегося на колено монаха.

— Итак, я угадал правильно, он превратился в живое существо, — сказал Деррон. Голова его лежала на коленях Лизы, и если бы он хотел, то мог бы увидеть верхушки деревьев подземного парка и его искусственное солнце.

— И попал под влияние личности святого Иованна. Его гуманизма, любви, — не знаю, как это сказать иначе. Лиза гладила его по голове.

Деррон нахмурился.

— Есть и рациональные объяснения. Самая сложная и компактная машина берсеркеров, перенесена через двадцать тысяч лет эволюционного градиента из опорного плацдарма во время Винченцо. Что-то вроде зарождения жизни должно было произойти. Или так нам кажется. А у Иованна была поразительная сила воздействовать на живых существ, это зафиксировано документально, пусть даже мы, рационалисты, не знаем, почему.

— Я прочитала рассказ о святом Иованне и волке, — сказала Лиза, не снимая руки со лба Деррона. — Там говорится, что, приручив волка, он оставил его жить в деревне, как простую собаку.

— Это касается настоящего волка... Думаю, небольшое изменение в истории не изменило легенды. Видимо, с самого начала берсеркер хотел убить волка и занять его место в эпизоде с приручением. Убив Иованна, он сделал бы его обманщиком в глазах людей. Но разорвав волка, он совершил иррациональный для машины поступок. Если бы мы знали, то раньше бы поняли, что произошло

с врагом. Были и другие улики. Я мог бы догадаться обо всем еще в соборе, когда он заговорил о переходе от жизни к смерти. Но Сектор доверием Иованна не отличается — и машину мы посадили в клетку, перебросили в Современность и... пусть ученые решают, что...

Деррон замолчал, потому что Лиза явно решила его поцеловать.

— Я тебе говорил, как чудесно там, наверху? — продолжил он немного спустя. — Большой холм, конечно, отдан под восстановление собора. Но наверное, можно на днях зайти в контору Землепродажи... пока не началась послевоенная толкотня, и зарезервировать один из холмов у реки...

И тут Деррону опять пришлось сделать перерыв.

Фред Саберхаген родился 18 мая 1930 года. Первая публикация автора была в журнале «Гэлакси» за 1961 год. Несмотря на устойчивую популярность, Саберхаген никаких высоких премий, как Хьюго или Небьюла, не получил. До недавнего времени писатель не был широко известен российским читателям — напечатано всего несколько рассказов, да и то в периодике. В этом авторском сборнике представлено лучшее произведение Саберхагена — сага о космических войнах. Одной из ключевых составляющих саги является роман «Брат-берсеркер». Любитель НФ найдет здесь пересечение сразу нескольких направлений современной фантастики: элементы космической оперы, путешествия во времени, немного социальной философии — взаимодействие человека с роботом, причем именно человек зависит от робота, а не наоборот. Благодаря такому стилю Саберхаген остается интересным писателем для всех поколений, несмотря на отсутствие внимания критики. Остается только порекомендовать читателю открыть для себя нового занимательного и вдумчивого автора.

В. Пономарев

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
БЕРСЕРКЕР	5
1. Не задумываясь	7
2. Доброжизнь	20
3. Покровитель искусств	41
4. Миротворец	50
5. Каменный Край	59
6. Что натворили ты и я	102
7. Господин Шут	112
8. Маскарад в красном смещении	128
9. Знак волка	148
10. В храме Марса	157
11. Лик бездны	175
 БРАТ-БЕРСЕРКЕР	 183
Часть 1	185
Часть 2	220
Часть 3	273

Фред Саберхаген
С12 Берсеркер. Пер. с англ. —
М.: РИПОЛ, Джокер, 1992. —
320 с. с ил. — (Фантастические романы)

ISBN 5-87012-002-6

Подписано в печать 15.05.1992. Формат 84X108/32. Бумага тип. № 2.
Гарнитура «Таймс». Печать высокая с фотополимерных форм. Физ. п.л. 10.
усл. п.л. 16,8 Переплет 7Е. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 563.

Издательства РИПОЛ, Джокер
123000 г. Москва, а/я 21
ТПО «Аспект» г. Одесса, ул. Пушкинская, 11

Огпечатано в типографии независимого издательства «Донеччина»
340118, г. Донецк, Киевский проспект 48.

Грандиозные, жестокие космические войны, борьба за власть в галактических империях, схватки человечества с машинами-убийцами, романтические, полные опасности приключения и путешествия во времени — все это найдет читатель в увлекательных романах знаменитого американского фантаста Фреда Саберхагена.

ФРЕД САБЕРХАГЕН

1